

№ 1(43).2021

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство

Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Февраль 2021 № 1 (43)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов – председатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Елена Груцкая – поэт
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Валентин Курбатов – член Союза писателей России, член Совета по культуре при Президенте РФ
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк
Алексей Полубота – секретарь Союза писателей России
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Андрей Растворцев – член Союза писателей России
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Наталья Советная – член Союза писателей России
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014 г.

Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.
Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректурa – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 26 февраля 2021 года. Тираж: 80 экз. Заказ № 3079

Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты «Страж Балтики» Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчеркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала. Подписка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

Проза

Вячеслав Куприянов. Сырая рукопись. Сочинение времён застоя. <i>Часть 2. Начало в № 6-2020</i>	4
Сергей Грачёв. Осколок неба. <i>Рассказ</i>	26
Валерий Шелегов. Подрукавный хлеб. <i>Повесть</i>	35
Наталья Мелёхина. Полтининские беседы	45
Олег Рябов. Престольный праздник. Чудо с письмами Плиния. <i>Рассказы</i>	51
Лидия Довыденко. Колокола над Друтью и Днепром. <i>Отрывок из книги</i>	59

Поэзия

Владимир Фёдоров. Африканская тетрадь. <i>Стихи</i>	62
Олеся Николаева. <i>Стихи</i>	67
Елена Крюкова. <i>Стихи</i>	70
Андрей Шацков. <i>Стихи</i>	75
Дмитрий Мизгулин. <i>Стихи</i>	79
Валерий Сухов. Я корнями за землю родную держусь. <i>Стихи</i>	83
Анна Токарева. Белый свет. <i>Стихи</i>	85
Вадим Новожилов. Дай руку. <i>Стихи</i>	87
Игорь Ерофеев. <i>Стихи</i>	91
Людмила Банцерева. <i>Стихи</i>	95

Берега культуры и искусства

Николай Бурляев. «Всё впереди». Как снимали фильм по роману Василия Белова	98
---	----

Берега памяти

Александр Васин-Макаров. Попытка антинекролога. <i>Памяти В. В. Кожина</i>	111
Сэда Вермишева. Я высот синих птица... <i>Стихи</i>	117
Григорий Блехман. «Я из прошлого величья»... ..	120
Людмила Поликарпова. Отзывчивость сердца. <i>Отрывок из книги Людмилы Поликарповой «Юрий Куранов – добрый гений». К 90-летию писателя</i>	125
Валентин Курбатов. Летние вечера в Глубоком. <i>Из книги «Дневник»</i>	127

Берега прочтения

Виктор Бакин и Владимир Крупин. «Услышим ли друг друга?»	129
Нина Попова. Гумилёвские традиции в творчестве Владимира Фёдорова	139
Василий Киялков. Прожить свою судьбу. <i>О романе Александра Кердана «Царь горы»</i>	147
Тамара Краснова-Гусаченко. Сын Марины Цветаевой погиб, освобождая Беларусь	154

Берега Крыма

Алла Ермилова. Великая Река. <i>Рассказ</i>	162
--	-----

Берега Новороссии

Нина Ищенко. Море смерти, море любви и море слов в поэме Елены Заславской «Немо»	165
---	-----

Русский мир без границ

Берега Франции

Николай Вырубов. Григорий Николаевич Вырубов – глава первой в мире кафедры истории науки. <i>Перевод и вступление Е. С. Фёдоровой</i>	171
--	-----

Берега Латвии

Ираида Кельмелене. <i>Стихи</i>	176
--	-----

Берега Канады

Ваагн Карапетян. Господин д`Артаньян, кто вы? <i>Отрывки из увлекательного псевдонаучного исследования</i>	179
---	-----

Наши друзья

О приобретении и подписке на журнал	188
---	-----

Проза

Вячеслав Куприянов

Вячеслав Куприянов – родился в 1939 году в Новосибирске. Учился в Высшем военно-морском училище в Ленинграде. Окончил Московский институт иностранных языков. Член Союза писателей России и Сербии. Поэт, прозаик, переводчик. Литературные премии: фестиваль поэзии в Гонезе (Италия, 1986), Европейская литературная премия (Югославия, 1987), Македонский жезл поэзии (Скопье, 1999), премия им. Бранко Радичевича (Сербия, 2006), премия министерства образования Австрии (2007), «Моравский свиток» (Сербия, 2008), Бунинская премия (2010), им. Маяковского (2011), Почётная грамота президента Республики Саха (Якутия, 2016), премия Союза писателей Сербской Республики (2017), «Европейский атлас поэзии» (Сербия, 2017), Felix Romulana (Сербия, 2017), «Сердце связующая нить» (СП России, 2018), «Югра» (Ханты-Мансийск, 2018), Naji Naatan's Literary Prize (Япония, 2018).

СЫРАЯ РУКОПИСЬ

Сочинение времён застоя

Часть 2. Начало в № 6(42)-2020

* * *

Во весь голос говорило радио. Сообщали, что дожди с грозами проходят надо всем материком. Сообщения перебивались ликующей музыкой, затем торжественный голос диктора констатировал повышение уровня воды.

За окном был слышен шум ливня. Вторая скрепка была написана очень убористым почерком, многие места разбирались мною с трудом, некоторые пришлось просто пропустить. Видимо, где-то посередине рукописи я задремал, и видение с посещением Икса и портретами мне приснилось, так как во второй раз я его не обнаружил.

Я попробовал включить свет, и свет внезапно загорелся, стало ещё светлее, хотя и так было уже утро. Значит, снова работают все гидроэлектростанции, то есть потекли реки. Капнуло мне за ворот, я взглянул на потолок, он протекал во многих местах.

Я не стал гасить свет, взял старую пустую линзу для старинного телевизора, наполнил её новой водой и стал просматривать сквозь неё неясные места в рукописи.

В главе об Осландии я разобрал, что, благодаря контрастно-профильному наведению, прежде всего были устранены специалисты широкого профиля.

В козландской версии стало возможным прочесть абзац о телеграфе. Карлики требовали от Великанов создания беспроводного телеграфа, так как проводную связь на высоте их роста Великаны могли подслушивать. Карлики свято верили в то, что способны говорить такие вещи, которые интересно кому-то подслушивать.

Ещё Карлики изобрели гномон, но не как солнечные часы, – они были счастливы и часов не наблюдали, – а как научное доказательство бытия солнца, которое долгое время было для них сомнительным, так как они отбрасывали карликовые тени и жили в тени Великанов.

В главе о Кирилле я прочёл о его раздумье перед тем, как двинуть вперёд своих соратников. Его тоже занимало солнце. Рано утром он принял его за зловещее знамение – за красный светофор, говорящий о том, что пути не будет. К полудню светофор пожелтел, и Кирилл, не ожидая, когда тот даст зелёную улицу его движению, ринулся вперёд, увлекая за собой революционные массы.

Некоторые другие места я и при этом увеличении не понял. Затем меня отвлек звонок в дверь.

Я радушно распахнул дверь и увидел соседей снизу, мокрых, но почему-то недовольных. «Спуститесь, пожалуйста, к нам», – довольно сухо пригласили они. Я спустился.

Соседи, не то муж и жена, не то двоюродные братья, молча показали на свой потолок. На нём образовались причудливые разводы.

Я давно не видел такой картины. Пятна, голубоватые, наплывали на тёмно-синие, оживляя монотонную сухую желтизну. На границах наплыва выступала прозелень. Из центров каждого такого пятна капали крупные капли, медленно, казалось, что они со временем образуют великолепные сталактиты.

Братья протянули мне лист бумаги и предложили подписать. Возможность подписать какой-то документ, дать автограф и т. п. – вряд ли следует упускать. Ещё могут подумать, что ты неграмотен. Я машинально подмахнул, а потом из прирождённого интереса к чтению прочитал:

А К Т № 1

Мы, нижеподписавшиеся, сообщаем, что наш верхний обитатель, ведущий весьма неопределённый образ жизни, стал видимой причиной появления на нашем потолке радужных пятен, явно сырого происхождения. Исходя из этого, обитатели нижнего жилого помещения могут заявить, что сверхживущий обитатель хранит секретно запасы дефицитной сегодня воды.

Порча потолка дополнительно ко всему оценивается в 1 руб. 07 коп., исходя из квадратного метра помещения.

Постановили: взять с потолка требуемую сумму, так как она является полом вышеупомянутого жилья.

Нижеподписавшиеся:

Комендант: Квартетов

Свидетели: Козлов,

Косолапов,

Мидасов.

Один из братьев, оказавшись женой, женским голосом стал перечислять доводы.

Во-первых, мы деловые люди. Во-вторых, деньги небольшие, гроши. В-третьих, как только я внесу из рук в руки, делу ход прекратят, а то известно, как у нас за укрывательство воды. И в-четвёртых, они понимают, что согласны, если я даже в рассрочку.

Здесь до меня дошло, что они ещё не были на дворе и не включили радио. Я пообещал в рассрочку и вернулся к себе. На моём полу блестели лужи.

Позвонил Кроватьев и сообщил печальную новость. Вчера вечером было очень тревожно, а отряды милиции на верблюдах имели в своём снаряжении багры и крючья, некоторые верблюды были навьючены мешками с песком. В условиях зноя пожарно-спасательные работы сводились к разборке очага пожара и составлению акта о происшедшем. Затем место происшествия засыпалось песком.

Позже мне приходилось слышать, что редакцию «Скважины» поджёт поэт Померещенский, которому там твердили, будто его стихи никого не зажигают и не греют. Другие поговаривали, что редакцию подожгла сама редакция, чтобы очиститься от затопивших её графоманских сочинений.

Я же расстроился из-за Первой скрепки. Недаром на последней странице «Скважины» извещалось: «Рукописи, не дошедшие до читателей, к авторам не возвращаются».

Между тем прибывала вода.

Прошёл почтальон на ходулях, я хотел было спуститься за газетой, но ящик был уже под водой. За окном проплыл бильярдный стол с группой товарищей, которые киями отталкивались от зданий, на которые их выносило.

Очень чётко работали Силы самообороны. Радио передавало, что они успешно выполнили операцию под кодовым названием «Дед Мазай». За окном промчались несколько амфибий, подводная лодка прошла под РДП, ворочая перископом. Следом в антикварной гондоле проплыл поэт Померещенский. Он грёб гитарой, подаренной ему, согласно легенде, самим Окуджавой, и пел серенаду собственного сочинения: «Идут белые дОжди». Завтра серенада появится во всех газетах.

Я сидел уже по колени в воде, составляя акт № 2. Я упомянул, что, в связи со злостным укрывательством воды, мои соседи снизу затопили мой пол посредством потолка, так как пол паркетный, исходить следует из расчёта 2 руб. 50 коп. за кв. метр. Акт подписали комендант, привязавший себе к поясу два пустых самовара, и свидетели с моего этажа. Свидетели после подписания удалились стилем баттерфляй, они были почтенные люди.

Я достал из фамильного сундука старинный акваланг, сдул с него пыль и, облачившись, нырнул к нижним соседям с актом в целлофановом пакете.

Совершил я этот акт как раз вовремя. Словно рыбы у стенки аквариума, сидели соседи, прижавшись лицами к телевизору. Шёл футбольный матч где-то в горном районе материка, футболисты ещё только переходили на водное поло. Соседи сидели под пустыми аквариумными пузырями, внутри которых ещё оставался воздух, пригодный для дыхания. Соберись я с актом чуть позже, и они бы уже задохнулись, так как до конца матча оставалось ещё минут десять, а воздуху хватило бы едва на три минуты. Когда я вынес их на поверхность, они ещё долго возмущались, так как наши ещё могут забить, но, в конце концов, подписали акт и поблагодарили.

Позвонили из пятидневки и успокоили, сказав, что все потомки в полной безопасности: детсад находился в деревянном доме, и теперь этот дом всплывает вместе с водой, сохраняя водонепроницаемость. Надёжность его велика, так как он разделён на водонепроницаемые переборки, поставленные в целях борьбы с эпидемиями гриппа ещё в пору существования обычного гриппа.

По радио передавали песню «Вода, вода, кругом вода...».

На крыше соседнего дома забегали любопытные: на горизонте появился неприятельский флот, авианосцы и подводные ракетноносцы, но скоро дали отбой, оказалось, что команды неприятеля ещё не успели занять свои корабли.

В воздухе пахло грозovým озоном, странно было только то, что вода прибывала, хотя дождь давно прекратился. Где-то вдали, правда, погромыхивало, то ли гроза, то ли топили ещё чей-нибудь неожиданно всплывший неопознанный флот.

По телевидению передавали уроки плавания, показывали, как смастерить катамаран или лёгкий плот из малогабаритной мебели и сделать весло из торшера. Выступил старенький врач-пенсионер с воспоминаниями о водолечении по доктору Кнайпу. Надо срочно обтираться сырой соломой всем, у кого жар, потеет лоб и холодеют конечности. Куплетисты в купальных костюмах исполнили остроумный дуэт, зерном которого был забытый обычай, согласно которому воду можно пить не закусывая.

Было ясно, что русская культура не погибла.

Внезапно позвонил Федя из новой редакции «Скважины», переведённой в бывшую пожарную каланчу:

– Старичок, ты жив?

– Жив, – неуверенно ответил я.

– Не очень промок?

– Промок, но терпимо.

– Ну, я тебя поздравляю!

– Спасибо, я тебя тоже, – вежливо вернул я не совсем понятное поздравление.

– Меня не с чем поздравлять, у меня всё, что надо, сгорело! А твоя рукопись осталась единственной уцелевшей после пожара в редакции. Она же как была сырая, так и осталась!

– Вот как! – я искренне обрадовался.

– А сейчас я сам пробежал её глазами, раз уж это у нас пока единственная рукопись, так вот, у меня на этот счёт соображения есть. У тебя это всё, что ты нам дал?

– Есть дальше.

– Ты бы, вот, подгребай в любое время! Я сейчас безвыходно здесь, мы все как на посту. Такое положение, пока домой доберёшься, опять на службу пора. Так что в любое время! Договорились, добро?

– Добро, – ответил я.

«Утро вечера мудренее», – решил я, закупорил поплотнее все входы и выходы и прилёг на надувном матрасе. Шум воды убаюкал меня.

Мне снились страшные личинки стрекоз, которые выходили на сушу, и из них, словно из скафандров, застёгнутых на молнии, вылупливались изящные стрекозы с прозрачными крыльями, они

взлетали над водами, кружились, делали фигуры высшего пилотажа, а из воды следили за ними молчаливые рыбы, они поворачивались, как радары, за чертежом полёта, их бесцветные глаза были похожи на мутные икринки, из которых должно было выйти всё небо, со звёздами, стрекозами, вертолётными и облаками.

Потом стрекозы, так же как до этого их скорпионообразные личинки, исторгали из себя новых скафандроподобных существ, которые падали прямо на рыб, и рыбы уже разевали свои мелочные пасти, но летящие всё летели и не долетали, росли в полёте, их шлемовидные головы начинали раздуваться, менять очертания и, наконец, вспыхивать огромными парашютными куполами, и купола несли их уже не вниз, а вверх, уже рыбы чешуйки слились с рябью воды, вода переливалась под лучами близкой звезды, пока не ослепла, подёрнувшись плёнкой тумана, сквозь которую различалась только слабая граница между морем и сушей, а скоро и она растворилась, и в сфере видимости осталась тусклая икринка планеты в воздушной оболочке, затем острый блик звезды в чёрном просторе, и вот уже равнояркие звёзды, зовущие покаявания пустоты, заполнили всё и сковали мне тело.

Я понял, что это я лечу, не похожий на себя, чужой, но чужой потому, что был чужд миру, в который так неожиданно проник и только ещё начал думать о том, каким образом буду в нём приживаться. Лёгкий фронтальный удар в нос прекратил все мои попытки как-то выровнять полёт, ясно, что и высота имеет предел.

Я проснулся и почувствовал, что моё одеяло затвердело, и попытался его откинуть. Оно не откидывалось, а я стал тонуть и вспомнил, что спал на надувном матрасе. Нащупав настоящее одеяло (пододеяльником ему служил целлофановый мешок), я догадался, что твердь, на которую я наткнулся носом, была потолком: за ночь вода прибыла, несмотря на все мои попытки создать герметичность в комнате.

Проплыл на кухню к холодильнику, но открывать его не решился. Некоторые продукты, оставленные на столе, зацвели. Я решил, что настало подходящее время для лечебного голодания, – тем более при появлении необходимой для этого воды. Это сэкономит мне массу времени, необходимого для раздумий, а также выведет из организма вместе со шлаками все залежавшиеся и не способствующие здоровью и долголетию глупости и заблуждения, накопившиеся за годы беспорядочного общения и постоянного обмена мнениями с кем попало.

Я решил незамедлительно последовать приглашению – «подгрести» в редакцию «Скважины». Рукопись надо у них забрать, место ненадёжное.

И я вынырнул через форточку.

К приёму воды всё было хорошо подготовлено. Не то, что было, когда началась засуха. Засуха наступала постепенно, и никто не хотел верить, что она затянется. Чутко реагировала только мода – сразу стали носить мини-юбки и туфли на платформе, чтобы не жгло ноги.

Труднее было со средствами передвижения. Автомобили вышли из употребления – нельзя было осуществлять водяное охлаждение. Но их продолжали покупать благодаря покупательной способности. Многие прятались под ними от жары, делая вид, что ремонтируют мотор.

Уже потом, хватившись, занялись верблюдоводством, выведением гигантских черепах и прочими насущными хозяйственными проблемами.

Сейчас всё шло веселее. Из окон высовывались удочки, некоторые объединились в артели, орудующие сетями из занавесок. Был клёв. Любопытно. Ведь если эта вода атмосферного происхождения, то откуда в ней рыба?

На административных зданиях своевременно вывешивались лозунги: «Берегите дельфинов – они наши братья по разуму!» Это доходило не до всех и не сразу – какие там братья по разуму, ведь они нас не ловят, не догадываются! Появились и плакаты по технике безопасности: «Не подходите к электрическим скатам без галош и резиновых перчаток!» Ниже был изображён не то скат, не то луна-рыба с надписью: «Не влезай, убьёт!» Но самым важным было следующее предупреждение: «Нырять в городе и за его пределами воспрещается».

Началось строительство свайных городков для научно-исследовательских учреждений, срочно эвакуированных из подвалов.

Новая редакция «Скважины» была видна издалека, это была старинная колокольня, расположенная на возвышенном месте, потому её и превратили в своё время в пожарную каланчу. Теперь было ясно, что опасность пожаров миновала, и погорельцы по праву переселились на высоту.

Не снимая ласт, я пятился по коридору, разыскивая Федин кабинет. Федя, как и прочие сотрудники, сидел, положив голые ноги на стол.

– Официально разрешено, – довольно доложил он, – чтобы не заболеть ревматизмом.

Вошёл ещё человек в тельняшке и болотных сапогах.

– Мы пока ещё поработаем, а ты посиди немного, – сказал мне Федя. – Да ты разувайся, будь как дома!

Я снял ласты и присел. Воды здесь было немного, едва до колен. Начальство этажом выше уже совсем не чувствовало тех забот, которыми жило большинство.

Федя работал с человеком в тельняшке:

– Так хорошо... Тут стиль... Всё верблюды, верблюды... Знаешь, сколько синонимов для верблюда у арабов? Больше сотни! Так и ты – ты язык обогащать обязан. Напиши здесь хотя бы – не верблюд, а дромадер... Что? Дромадер одногорбый? Так ты это и подчеркни, что не только с двумя горбами, но и с одним хорошо работать можно. Да ты не спорь. А мираж, давай, совсем выкинем. Как красоты не остаётся? В мираже, что ли, красота? Красота в сердце пустыни, вот, товарищ говорил... А это тоже к чёрту – верблюд может работать и не пить, это устарело, сейчас можно уже и пить и работать.

В дверь просунулась секретарша и заявила:

– Поступило указание, пустынные материалы завернуть.

– Как завернуть?! – в один голос воскликнули Федя и человек в сапогах и в тельняшке.

– Так завернуть, – холодно отозвалась секретарша. – Есть указание развернуть соответствующую кампанию по прививанию населению любви к морю.

И она уплыла на своих платформах.

Наступило натянутое молчание. Потом Федя произнёс:

– Ты сам понимаешь, сейчас это неактуально, и наверху это поняли. Не глупее нас с тобой. За командировку ты отчитался, считай, всё в порядке. Видишь, как нас жизнь обгоняет! Давай-ка подумаем: чем всё это заменить можно. Ты же, кажется, был очевидцем появления воды?

– Ещё бы, – буркнул в сапогах и в тельняшке.

– Событие какое-нибудь описать можешь?

– Могу, как же, я с морским ежом...

– Погоди ты с ежом! Ты скажи, как народ встречал?

– А народу никого не было. Я один был. А тут – ёж...

– Какой ёж, противотанковый?

– Сам ты противотанковый. Я же сказал – морской ёж.

– Ну и что?

– Как что? Он на меня. Он же меня в первый раз видит.

– А ты?

– И я его в первый раз вижу.

– Ну и что?

– Ну, он на меня, конечно...

– Что из тебя тянуть всё надо! Давай выкладывай! Ты, быть может, так сказать, пионер мирового океана, а двух слов связать не можешь! Давай выкладывай!

– Ну, он на меня, я от него сначала. Потом вижу, вода всё подступает, далеко не убежишь. А он иглы, как рапиры, выставил и шипит. Тут я и запустил в него пробковым шлемом. Он съёжился и уплыл.

– И всё?

– Тебе бы такое всё, кабинетный писатель, – рассердился в тельняшке.

– А кто видел? – невозмутимо допрашивал Федя.

– Дромадер видел!

– Дромадер наблюдает борьбу Дормидонта с гигантским ежом! Неплохо. Только трудно придать этому гражданское звучание. Да и не видел никто, кроме дромадера.

Тем временем у меня уже затекли ноги, но спускать их я не стал, а покашливанием напомнил о своём существовании. Федя прервал размышления, показал на своего собеседника пустой трубкой (табак всюду промок, и курить временно бросили) и представил его мне:

– Наш внештатный корреспондент Дормидонт Хокусайло.

Мы кивнули друг другу головами. Теперь Федя протянул ко мне свободную руку ладонью вверх:

– Принёс?

– Принёс, вот только зачем, не знаю.

– А я объясню. Во-первых, старичок, ты нам очень поможешь. Сейчас нет рукописей и ещё долго не будет в связи с создавшимся положением. А у тебя, говоришь, готово. Вот мы и отдадим твою рукопись ребятам, сам понимаешь, им работать надо. Во-вторых, что-то мне в ней показалось. Там всё какие-то художества смывали. Вот мы в новом помещении. Там, где начальство, там ещё какие-то художества остались. «Страшный суд» называется. Это и антинаучно, и по отношению к начальству – антихудожественно. Было ещё кое-что внизу, но уже само собой отмокает. А это надо бы смыть, а на месте их повесить хорошие портреты известных величин, светил в области нашей культуры. И подумал, нет ли у тебя в продолжении каких-то руководств по смыванию. Смывали, а как? Просто водой? Вода не все краски растворяет.

– А зачем же смывать страшный суд? Можно просто на это место величин повесить. Тем более что они меняться могут.

– Так не пойдёт, – запротестовал Федя, – из-за них будут грешники выглядывать, и что того хуже – черти. Чертей же нет в природе.

– В природе, – говорю, – нет, а у вас на стене ещё остались, жалко истреблять, может быть, они существа реликтовые и их сохранять надо!

– Пока таких указаний не было, старичок, наоборот, там же пекло изображено, а с пеклом у нас покончено, жизнь ключом бьёт! Так что давай рукопись, а мы разберёмся, и с тобой заодно тоже, консультацию дадим, тебе же интересно. Договорились?

Мне ничего не оставалось, как согласиться. Я забрал Первую скрепку и отдал Вторую и Третью, а также приложение ко Второй. Третью я прочитать ещё не успел, а приложение пробежал глазами уже здесь, сидя в редакции. Оно шло сразу за Второй скрепкой, а во время моего первого чтения это была просто пустая бумага. Но чернила, которыми на ней писали, были, видимо, симпатическими, знаки исчезли, когда рукопись просохла, а здесь, в редакции, отсырела снова, на что я обратил внимание, перелистывая пожелтевшие листы. На сырой бумаге я прочёл название: Описание эксперимента, произведённого в Осландии с целью изучения пустоты, наполняющей голову.

В 17.00 по рабочему времени старшему информанту Упину была запущена в рот муха. Упин захлопнул рот и открыл глаза. Перед его глазами собрание шло своим чередом, и Упин просидел его до конца с закрытым ртом и вытаращенными глазами, в то же время он каждый раз голосовал «за».

Когда Упин шёл домой, его шатало. Муха слепо летала внутри, и, когда она ударялась в левый бок, Упина шатало влево, а когда она ударялась в правый бок, Упина шатало вправо. Упин искал в себе ритм, способный сдвигом по фазе погасить неистовство мухи. Он боялся внезапного появления дружинников, ибо те могли его принять за пьяного гражданина и принять меры.

Муха несколько угомонилась и стала медленно расхаживать по сердцу старшего информанта.

Вот она остановилась где-то на экваторе сердца, и Упин ощутил давно угасшую страсть к Музе. Муха двинулась к верхнему полюсу – переход к безоблачным отношениям с Варей. Муха потопталась, потопталась, свернула с меридиана на тридцать градусов, и у Упина зашепотало самолюбие, ущемлённое три года назад продавщицей овощного магазина, имени которой он не помнил. Муха резко сдвинулась вниз, и ожили весна високосного года и тёплые южные дни, проведённые с Каблукковой. Но муха не засиделась на весне и начала разворачиваться по спирали Архимеда. Вера, Надя, Люба. Упин верил, надеялся, любил. Вдруг он осёкся – муха взгромоздилась на самый полюс сердца и застыла, подобно памятнику полководцу на лошади. А Упина пронзил безотчётный страх перед Главным информантом Полоупиным, мелькнула его любимая зловещая фраза: «Хапай, Жора, воздух, Крым проезжаем!» Пот выступил на челе и на шее старшего информанта.

Но, к счастью, муха вспорхнула. Она пробилась сквозь застывшие облака «Казбека» и «Памира» в трахею Упина и, одурев, ринулась ввысь, в менее плотные слои внутреннего мира Упина – в его голову.

Снаружи это была обыкновенная голова, поросшая жёсткими волосами, только посередине кто-то уже вытоптал маленькую полянку. С боков к голове крепились жёстко уши, нос выдавался именно там, где было положено, всё прочее также никого не смущало. Это было известно Упину из зеркала.

Внутри же голова представляла собой чёрный ящик. Или произошло взаимодействие прибора с объектом, порождающее неопределённость, или внутри царил определённый дух, из-за чего с ней случилось нечто парализующее, но во всяком случае с этого момента Упин не ощущал её присутствия.

Выводы таковы: запуск в голову мух с целью использования средств самонаведения по мухам не представляется целесообразным в связи с ассимиляцией мухи внутренностями головы.

Руководитель опыта, старший сотрудник головного розыска Урюпин.

Вошёл шеф Прохоров, пожал мне руку, кивнул Дормидонту и сказал Феде:

– Всплыли новые факты...

Я не стал мешать работе и, стараясь не поднимать большой волны, удалился.

Дома было всё без изменений, зазор воздуха между потолком и уровнем воды не уменьшился. Позвонили из детского сада и успокоили, что потомков в конце этой недели брать не надо, в связи с создавшимся положением все переходят на временную автономию.

Потом позвонил Федя, сообщил, что всё идёт хорошо, рукопись уже рецензируется, и заодно поделился новостью: жена известного сатирика, который только что отплыл на канонерской лодке за материалом, сбежала от него с... осьминогом. Сам сатирик в горе вернулся с полдороги на попутном немагнитном судне, по дороге размагнитился совсем, дома слёг на понтоне из кислородных подушек. Временами звонит знакомым и жалуется, что у него всего две руки, всего он достать не может, а у этого, говорит, этих штук – восемь. Тут Федя опять чему-то обрадовался и добавил:

– А осьминог этот с ней как в воду канул.

Ответы на сей раз пришли очень скоро, видимо, рецензенты работали не просыхая. Первая рецензия была такова:

«Рукопись начинается ни с того ни с сего. Вдруг появляются страны, которых нет ни в одном атласе. Населены эти страны животными, действия которых простейшие арифметические, но автор этими действиями пользуется неверно. У него Иксы складываются так, что получается единица, тогда как должно получиться 2X. Ещё автор унижает Карликов, не задумываясь о том, что так он бросает тень не только на многих наших равноправных обитателей, но и на известных Карлов (Карл Каутский, тем более, Карл Великий!).

Изображённые превратно люди у автора почти ничего не говорят друг другу, ничего они не говорят и читателю. Зато медведь говорит, хотя известно, что понять медведя можно только через переводчика-поводыря. Но переводчик в рецензируемом сочинении появляется только для общения с... водолазами! И это говорится тогда, когда мы все как один стали образцовыми водолазами, и никаких переводчиков нам не требуется. Сам же автор не скрывает того, что в самые решающие моменты он как бы прячется в собственную скорлупу, спасая свою шкуру.

Живя в выдуманном мире, автор саморазоблачается, когда пытается писать реалистично. Здесь сразу бросается в глаза, что он своих современников не читает. Вот у него некто, названный Фаттоном (тип автомобиля), спасает обитателей. Но на эту тему уже есть известные строки поэта Померещенского:

Растёт такая смена,
Какой не знали встарь.
Спасая джентльмена,
Погиб один хиппарь.

Что особенно возмущает, это три абсолютно пустых страницы, вложенных в рукопись, на одной из которых едва разборчиво (а читал я при свете подводного электрокамина) можно было прочесть: “описание эксперимента с целью изучения пустоты, наполняющей голову”. Благодаря этому “эксперименту” мы впервые находим в конце пустой третьей страницы фамилию начинающего автора: Урюпин. Урюпин пишет, что какие-то непромокаемые исчезли в воде, а потом исчезла и вода. Все исчезли, и только автор вышел сухим из воды!

Одно только прямо-таки бесит – где автор взял бумагу, когда мы, настоящие труженики пера, вынуждены сегодня исписывать собственные потолки, мужественно ожидая, когда наладится снабжение писчебумажными материалами.

Хочу ещё выразить удивление, откуда у автора многочисленные домыслы о каких-то ослах, козлах и косолапых мишках, когда он не нашёл ни одного доброго слова в адрес верблюда, ещё недавно бывшего единственной опорой в нашей жизни. Отсюда вывод: если автору не дорого наше прошлое, то и о сегодняшнем дне ему нечего сказать.

По поручению редакции “Каланчи” Член ИСС Д. Хокусайло».

Ну вот, порадовался я, Хокусайло дали подработать. Ему не так-то просто переквалифицироваться из пустыноведа в гидромелиораторы.

Я раскрыл вторую рецензию:

«С самого начала меня не оставляло чувство, что нечто подобное я уже читал. Немудрено, что наш автор даже не ставит свою фамилию под произведением, настолько он сам сознаёт свою безликость.

Единственный, кто как-то по-своему отразил быт водолазов в литературе, это Зоценко. Правда, у него водолаз действует на суше, и это не позволяет ему окончательно раскрыться. У нашего автора водолазы хотя и в своей стихии, но они вместо того, чтобы раскрыться, разлагают свою воду. Из того, как они это делают, можно заключить, что автор весьма слабо знаком с химией.

Неважно у него обстоит дело и с зоологией, ветеринарным делом и прочими весьма естественными науками. Эти пробелы автор пытается скрыть, выставляя напоказ свои элементарные познания в области элементарной алгебры. Все эти штучки с иксами и игреками неуместны при описании серьёзной проблемы водоснабжения, к которой сам автор относится пренебрежительно и поверхностно, – он то и дело всплывает, вот почему в этом очерке нет должной глубины.

Чувствуется явный фрейдистский душок. Сплошная сублимация уретральной эротики. Вода здесь не просто необходимая для жизни существ субстанция, а нечто отработанное, ненужное, то, от чего избавляются. Даже скважину специальную бурят! Так, прозрачный колпак символизирует мочевого пузырь, скважина – уретру. Отсюда ясная интерпретация повторяющегося мотива смыывания посредством струи. Сам автор помещает себя внутрь другого прозрачного пузыря, меньших размеров. Чудовищное совмещение Эдипова комплекса с какой-то жуткой внематочной беременностью! Автор как бы внедряется в материнское начало и мстит внедрившему его внутрь мужскому началу (непромокаемым, водолазам).

Вот как могут быть превратно отображены наши последние достижения в области обводнения!

Образ медведя сослужил автору явно медвежьёму услугу, так как он не удался полностью. Психология животных не такова, чтобы вести себя подобным образом в обществе, да и социология общества не такова, чтобы иметь предпосылки для ассимиляции медведей. Наверное, данная пьеса чисто автобиографическая, и творческую историю её появления можно проиллюстрировать басней:

Медведь всеми четырьмя лапами
Стоит на почве реальной жизни,
Ловит рыбу в самой гуще событий,
Идёт напролом к своей единственной цели,
Разоблачает публично липовость мёда,
Отражает по-рыцарски мелочные уколы,
Деловито с лета готовит себе прижизненную берлогу
И всю зиму высасывает из пальца
Правдивые повести о страшных охотниках
До его единственной собственной шкуры.

Вызывает негодование метущийся образ, условно названный Фаэтоном. Он не может найти применения своим сверхъестественным способностям ни в одной стране. А наш материк? О нём этот “гений” не знает, зато и читателю нашего материка этот “гений” неинтересен.

То же, что могло бы представлять интерес для читателя, никак не прояснено. Автор пытается создать свою версию возникновения летающих тарелочек, виденных рядом наших ведущих писателей в районе Тарусы. Но он даже не пытается называть вещи своими именами, они у него так и остаются под названием “колпаков”. Поневоле почувствуешь себя околпаченным!

Из этой же версии следует объяснение появления снежных людей в горных районах нашего материка. Кстати, встречи со снежными людьми должны сейчас участиться в связи с уходом части населения в горные районы. И мы должны думать о возможных контактах, думать о том, каков он, современный снежный человек, это важнее, чем проблема его возникновения.

Во всяком случае эти версии могли бы быть любопытными, их можно переработать и попытаться опубликовать во “Многкой мудрости”. В этом журнале мне уже приходилось недавно публиковать свою версию происхождения фресок Тассили.

О публикации же всего произведения речь и не шла, да сам автор понимал это, рассчитывая только на доброжелательный разбор, для чего он весьма любезно предоставил нам три чистых листа бумаги, чем мы с благодарностью и воспользовались.

С коллегиальным почтением,
член ПСС, дипломант конкурса по своевременному отражению воды
Жукопов-сын».

Я тут же обнаружил, что отзыв Жукопова-сына был выполнен на обороте (хорошо ещё, что на обороте!) опустевшего приложения о пустоте.

Тут же была приписка:

«Старичок! Не обижайся, если что вышло слишком резко. Но ребята дело пишут, тебе же на пользу. Кстати, осьминога с женой сатирика поймали. Осьминогом оказался бывший мастер по песочным часам, которыми пользовались шахматисты во время блицев. Звони, заходи.

С приветом, Фёдор.

Р. С. В связи с закрытием “Скважины” нас переименовали в “Каланчу”, чтоб ты знал. И ещё, чепуха какая получилась – дали для практики ещё студенту Кириллу Эрудитятко прочитать (он стажуется на критика), и он вернул твой манускрипт с возмущением, утверждая, что ему дали пустые листы бумаги, к тому же не совсем чистые. Видимо, просто у него была другая работёнка в это время. Ещё раз привет.

Ф. Б.»

Вокруг всё текло, но надо мной не капало. Тихо тикали клепсидры, водяные часы. За окном над водами витал довольно-таки бодрый дух, в воздухе было свежо.

Я отделил рукопись от рецензий и закрепил стол посреди воды, несколько старинных книг, упакованных в герметические пакеты, служили якорями. К воде под столом я уже привык, а от воды, возможной над столом, я на всякий случай укрепил зонт и увидел, что это хорошо.

Удивительно плодовитое дерево, этот стол. Помню себя за ним ещё зелёным, совсем карликом, книги лежали на стуле, чтобы можно было сидеть за столом, и лежали на полу, чтобы можно было подняться на стул. А на столе были плоды, ещё с других деревьев, стоявших на зелёной земле. И каждый плод скрывал в себе своё время.

И ещё светильник был над столом, он мог продлевать день среди ночи, и того, кто находился при его свете, он отделял ото тьмы.

Ещё было светло, но я сразу зажёл светильник, чтобы не отрывать при чтении, когда действительно стемнеет, и склонился над вернувшейся ко мне Третьей скрепкой.

ТРЕТЬЯ СКРЕПКА

Мне нравилось море и нравилось солнце, и, хотя я постоянно виделся с ними, я не мог привыкнуть ни к морю, ни к солнцу.

Солнце выходило из моря рано утром, определяя время и погоду, и я не уставал встречать его каждый день, чувствуя ежедневно его новизну.

Я уплывал в море, было особенно приятно чувствовать себя в море на одном уровне с восходом, видеть лицом к лицу первый луч, затем глубину, дальнюю, из которой этот луч вышел, потом весь объём светила отслаивался от горизонта.

Я чувствовал себя обновлённым, выходя из моря, и отправлялся по своим делам, которые были не хуже, чем у других. По дороге, как и все, я знакомился с миром по газетам:

- ФИОЛЕТОВЫЕ ОБЪЯВИЛИ ВОИНУ ГОЛУБЫМ!
- НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОХИТИЛИ ПИРАМИДУ ХЕОПСА!
- ОЖИВЛЕНИЕ МУМИИ ФАРАОНА ХРОНОПАТА! ФАРАОН ГОТОВ ПРИСТУПИТЬ К СВОИМ ОБЯЗАННОСТЯМ.

Потом солнце сливалось с небом и проникало во многие земные предметы, и в людей тоже, в одних зноем, тяжестью, в других светом и лёгкостью, а во многих всё это перемешивалось, заставляло совершать поступки, говорить речи или замыкаться, накапливая мысли о дальнем пути. Вечером наступал закат, солнце, налившись собственным излучением, сжималось и уходило остывать в горы.

В один из рассветов я и встретился с этим человеком.

Было особенно рано и ещё не очень светло, потому он словно возник из моря, как те, кто, по преданию, выходили из моря, учили народ ремеслу и песням и вновь, почти навсегда, исчезали в море. Когда они приходили и уходили, тем, кто их видел, они казались великанами, ноги которых касались океанского грунта с затонувшими кораблями, а головой они упирались в небо, ещё не просветлённое, не отделённое чётким знанием от земли.

Вот и он шёл издали, стало даже страшно, но когда он приблизился, то оказался ростом лишь настолько выше меня, насколько взрослые обычно выше детей, и он принял меня, видимо, за ребёнка ещё, потому что сказал ещё издали:

– Пришло моё время лететь...

Он опустился на камень рядом со мной.

А я думал, что он должен быть лётчиком, раз говорит так, но по тону в этом было нечто странное, хотя и не та задорная странность, которую я слышал в голосе неудавшегося музыканта, известного под прозвищем Баритон. Он тоже пережил полёт, если верить его рассказу о проделке своего друга, которого звали просто Тенор. Они оба как-то поссорились, решив обучить меня пению. Баритон настаивал на постановке рёберного дыхания, а Тенор – диафрагмального. Но мне так и пришлось остаться при ключичном дыхании, а они поссорились, и Баритон рассказывал, что виноват во всём Тенор, учинивший в городе необычайной силы взрыв. Недалеко от центра был когда-то Храм Христа Спасителя на месте огромного аквариума, где, видимо, и поныне показывают туристам ископаемых рыб и даже настоящие подводные лодки. По словам Баритона, именно Тенор взорвал этот храм, так как ему стадо известно, что под храмом зарыто сокровище, а именно горшок с золотыми цехинами, и взорвал он его именно в тот момент, когда Баритон пел на клиросе, и остался он в живых лишь благодаря колоколу, который рухнул прямо на него, прикрыв от обрушивающихся стен и купола, затем второй взрыв поднял его в воздух вместе с колоколом, так что сверху можно было разглядеть и здания самой разной высоты, и радиобашню Шухова, и чёртово колесо в парке Народного Ликования, и можно было бы увидеть и ещё больше, но Баритон пронёсся над каменным мостом через медленную Москву-реку и опустился прямо в её гостеприимные воды, причём он клянётся, всё время полёта он продолжал тянуть ноту «ля». А Тенору он с тех пор руки не подаёт.

Вот как летают в нашем городе, а этот, вышедший из моря, казалось, говорил о чём-то ином.

– Да, пришло моё время лететь, но никто не должен видеть моего взлёта, ибо взгляд человека мне вослед способен только вернуть меня. Тогда всё рухнет, задуманное, но не совершённое. Но моё слово, оставленное хотя бы в одном человеке, должно дать мне силы, чтобы совершить задуманное и необходимое.

И он спросил меня, умею ли я держать в себе чужое слово. Я сказал, что могу, что я верю своей памяти, а она вся состоит из чужих слов и моей веры в них. Он спросил, могу ли я передать чужое слово другим, когда придёт время и я почувствую необходимость передавать чужие слова так, чтобы им поверили, будто они мои. Я сказал, что к этому я бы хотел стремиться, чтобы чужие слова становились во мне моими, чтобы стать ближе к тем, кому я их буду передавать. И действительно, надо так чувствовать время, когда чужое уже настолько стало твоим, что пора его передавать другим. Он согласился и с этим ответом и, так как времени у него, судя по состоянию, было немного, перешёл к своему рассказу:

– Мой отец был искусным мастером. Он изучал ритмы и мелодии времени, голос пространства, проходящий сквозь нашу галактику, словно через гортань, и на языке солнца называющий звонким словом нашу планету, к которой прислушивается чуткое ухо луны. А между луной и солнцем люди на земле боролись за собственные имена.

Борьба разных сил изменяла асимметрию мира, а это влияло на асимметрию человеческого тела, на её средоточие – сердце, а сердце через ум человека сообщалось со всемирным умом, название которому разные умы давали разное: Гераклит говорил о Логосе, Анаксагор о Нусе, индийцы либо о Дхарме, либо о Дхамме, Лао-Цзы говорил о Дао, и все они пытались определить земное в зависимости от небесного.

Между умом и сердцем возникала взаимная любовь, по которой они искали друг друга, в одном теле, в разных телах и в разных душах.

Всем этим движениям, даже самому тонкому из них, – любви полагались свои точные законы, выражавшиеся в мерах, словах и числах.

Отец долго искал эти законы, и он нашёл их, но сам не успел уже ими воспользоваться, он уже был не в силах это сделать, так как силы ушли на поиск. Он не соизмерил свои личные ритмы с ходом вселенной, вместив в свою душу непомерный мир, он умер от избытка внезапного чужого – в своём, единственном несовершенном теле.

Но добытое за долгие годы, прошедшие для него как один прекрасный миг, всё это он передал мне ещё в годы моей юности.

Мне казалось, что я овладел его наукой, что я на пути к совершенству, что мне доступно счастье, блаженство и, наверное, бессмертие. Я вместил в себя то, что созвучно далёкому, и я уже мог слушать то, что слышит Луна, возбуждая своим вниманием приливы и отливы...

Я могу, совмещая ритм шага и внутреннего тока крови и дыхания с дыханием моря и пульсом его дна, идти по воде, словно посуху.

Находя резонанс с полем тяготения, я могу сдвигать любые тяжести, проходить сквозь любые преграды, – стоит мне только определить кристаллическую решётку материи, которую надо миновать...

Тут он поднялся, подошёл к воде, но не пошёл по ней, а просто поднял ладонь над волной, из волны тут же вырвался маленький смерч навстречу ладони, потом он свернулся в водяной шар, упал, и на месте его падения море вдруг откатилось, обнажая песчаное дно.

– Так я могу по дну океана провести народ с материка на материк, держась руками за стены двух океанских застывших лавин.

Сложнее летать. Просто взлететь над землёй, подобно частице прилива, притянутой солнцем или луной, оторваться от случайного дна и парить, чувствуя себя частью невидимого потока, – это просто приятно и безопасно, если тебя не видят. Труднее лететь в даль, где возмущают планеты, звёзды, пылевые облака, колебания вакуума, наплывы пустот и волнения космических полей, здесь всегда остаётся опасность – попасть в мёртвую зыбь света. Это страшнее, чем тьма.

Но я верил, что овладею и этим искусством. И я был счастлив, считая себя готовым выполнить первый завет отца – сделать эту науку доступной всем земным людям, но только всем до одного, иначе возникшее таким образом массовое поле погубит непосвящённых, они будут поглощены землёй, которая почувствует их единственными принадлежащими ещё ей, а посвящённых увлечёт Луна, внимание которой раздвоится между уходящими в землю и между способными её покинуть. Я уже не говорю о возможности избранным унижить многих, присвоив себе эту полную власть над жизнью.

Это надо было передать всем, или никому. И тут пришла пора грусти, скитаний и гнева. Однажды ко мне явились тайные агенты, заявив, что им всё известно, то есть им известно то, что мне всё известно, и потому я обязан поставить их об этом в полную известность, их и только их, поскольку это их прямая обязанность, иметь непосредственное отношение ко всем тайнам. Иначе, угрожали они, всем будет известно обо мне всё то, что мне ещё пока самому неизвестно.

Угрозы мне показались смешными, но я не учитывал того, что страшнее заключения в камере чувство, что твоя жизнь находится под постоянным наблюдением скрытой камеры.

После тайных агентов меня посетили с официальным визитом представители Односторонних явных вооружённых сил. Они требовали, чтобы я передал свои секреты для блага Односторонних сил, что им поможет в деле подавления Посторонних и Потусторонних вооружённых сил.

Навещали меня и деятели Академии поучающих наук, они предлагали поставить преподавание моего предмета в Специальных закрытых училищах для особых детей, с тем чтобы те, кого этому обучат, могли в необходимых случаях проучивать тех, кого этому не обучали. От этого, полагали деятели, только улучшится существующий идеальный порядок.

Потом пытались со мной найти общий язык люди Оттуда, утверждавшие, что Здесь мне всё равно не найти понимания, тогда как там, даже если меня и не поймут, но создадут мне все условия для полной популяризации непонятого. Но для этого я сам должен сменить Здешние условия на Тамошние. При этом мне гарантировали, что оградят меня от Здешних лазутчиков, тогда как Здешние не в силах оградить меня здесь от Тамошних.

Были и более мелкие, но и более анекдотические требования и предложения. Меня умоляли поднять краеугольный камень руководящей теории, чтобы посмотреть, а что же под ним. Вычислители интересовались, могу ли одержать победу над электронной машиной нашего поколения, сыграв с ней ряд партий в козла.

Приходили ещё очень маленькие существа, пожелавшие остаться неизвестными, приглашали на строительство гигантского моста между их карликовыми государствами. Они показывали мне чертёж этого моста – ленту Мебиуса, плоскость, повернутую к своему концу на 180 градусов, ясно, что ни пройти, ни проехать по этому мосту будет невозможно. Я удивился и отказался, а они очень разозлились и оставили мне без разъяснений шкатулку, открыв которую, когда они степенно удалились, я обнаружил рога и копыта. Видимо, у пожелавших остаться неизвестными была волчья натура, и они напоминали мне о сказке, в которой остались от козлика рожки да ножки.

Так приходили многие и многие, а иные сами требовали меня к себе, и все говорили только о своём или о частном интересе, всех интересовала граница, которая их отделит от других, от непосвящённых.

Скоро я почувствовал, что со мной вступили в борьбу те, кому я отказывал, объясняя, что это знание – всем или никому.

Со мной ничего нельзя было сделать, потому у меня просто-напросто отняли других, с которыми можно было сделать многое, а я мог помочь им лишь частично, всё по той же причине, исключаящей эзотеричность, замкнутость моего знания, всякое единичное и частное применение этого искусства.

Меня объявили опасным сумасшедшим, врагом человека, со мной никому нельзя было видеться, было запрещено говорить со мной, всякая связь со мной пресекалась и наказывалась.

Я ещё долго скитался, но так и не нашёл себе места. Все записи я давно уничтожил, чтобы их не смогли выкрасть и извратить, но я всё знал наизусть. Я чувствовал, что ещё не пришло время, чтобы исполнить первый завет моего отца, и тогда остаётся сделать второе, что он мне завещал.

Отец знал, что люди и без него, и без меня придут ещё к нашей науке. Но до этого пройдёт ровно столько эпох, сколько понадобится и нашему Солнцу, чтобы подготовить новую вспышку, которая навсегда ослепит только что внезапно прозревшее человечество.

Вот оно, наше Солнце, оно пылает и светит, мы чувствуем его солнечный ветер, но мы должны бояться солнечного дождя. Его распирает от собственного жара, скрытого в глубине, от лучей, сдерживаемых его поверхностью. Весь этот напор уравновешен тяжёлой солнечной массой, и это равновесие удерживает наше светило от мгновенного взрыва. Но наступит срок, когда масса настолько иссякнет со светом, что внутреннее излучение пересилит собственный глубинный вес, тогда Солнце вспыхнет с новой мощью, объёмля и опалая три ближайšie планеты – Меркурий, Венеру и Землю, не встречая сопротивления на пути, ибо к тому времени Меркурий и Венера будут сдвинуты на земную орбиту, снабжены вольной атмосферой и постепенно обжиты.

И произойдёт это как раз тогда, когда некто снова расчислит и поймёт известное мне уже сегодня, а на Земле все люди уже будут готовы к принятию этой могущественной истины.

Тогда людей спасёт только несколько дней, даже часов и минут, чтобы они успели признать и понять эту истину и, овладев ею, суметь защититься от взрыва.

Второй завет моего отца – дать грядущим людям это спасительное немного времени.

Завтра наступит благоприятный миг, когда можно будет, уловив гармонию внешних сфер, взлететь и кануть в беззвучно гремящем пламени, которое примет меня и сожжёт, но я стану той недостающей частицей солнечной плоти, которая будет сдерживать светило в тот далёкий грядущий день...

Он замолчал, и мы молча слушали море. Я не знал, как ответить на эту исповедь. Я начал было говорить что-то о себе, о том, насколько ничтожна моя судьба по сравнению с его подвигом, но он остановил меня, напомнив, что он знает больше, чем я скажу, и он уловил в моих словах только скрытую просьбу, – а мне, что делать мне в этом мире? И он продолжил:

– Если ты знаешь теперь обо мне, то ты знаешь больше и о себе. И ты можешь легче прийти к тому, что и как тебе делать в жизни. И тебе я не передал своего знания, я говорил только намёками на смысл, образами, вызывающими, скорее, доверие к словам, чем разъясняющими суть моего искусства.

Но этого уже достаточно, чтобы сказать обо мне. А говоря обо мне, ты будешь говорить также и о себе. Сказанное обо мне окажется внутри сказанного тобой о тебе и станет достоверным, а то обволакивающее, сказанное тобой о себе, станет оправданным.

Только говорящий о другом, за другого и для другого может говорить и о себе. Свидетель не должен быть больше, чем свидетельство, но он должен стремиться стать с ним как бы наравне, потому что свидетель – доказательство истинности свидетельства.

Пусть эти слова тоже лишь намёк и образ, но я выбрал тебя в свидетели, я оставил в тебе своё слово, теперь мне легко. И теперь я могу уйти, твой взгляд не будет для меня тяжким, он будет последним, направленным отвесно к моему скорому взлёту. Прощай...

Когда он уходил, он вовсе не стал уменьшаться, напротив, он рос, удаляясь, и я понял, что он живёт не в прямой, а в обратной перспективе, и ещё более поверил, что он действительно совершит обещанное, и, исчезнув, он возвеличится по закону своего бытия.

Кому я мог рассказать об этом, чтобы меня не высмеяли? Я хотел разыскать Баритона, он работал сторожем в городском зверинце, но мне сказали, что с ним беда. Он уговорил Тенора, который работал статистом в кино и часто терял работу из-за своей подвижности, украсть из зверинца медведя, который был единственным, последним медведем на земле, и потому считался национальной гордостью. Тенор и Баритон выкрали медведя и пытались его переправить в лес, но заблудились в поисках леса, даже сам медведь им ни в чём не помог, настолько его испортила городская жизнь, и, наконец, все трое были схвачены на окраине города. Медведя посадили сразу же на прежнее место в зверинце, а Тенор и Баритон предстанут перед судом, обвиняемые в подрыве государственного престижа.

Значит, мне не с кем будет сегодня поделиться моей тревогой, наоборот, стало ещё одной тревогой больше за моих друзей, которым я был не в силах помочь.

Вечером я долго пытался забыться. До меня долетал далёкий грохот поездов, вздохи автомобилей, и совсем близко исчезал шелест древесной листвы.

Всё это сливалось в один бушующий гул, как будто возник он в мгновение заката, когда солнце ушло за горы, в невиданный край земли, кажущийся мне пустым и необитаемым, и солнце как будто тоже хотело поскорей уйти оттуда, чтобы светить людям, и вот его лучи бьются о горный кряж с другой стороны моего мира, и мне уже слышен гул его огромного чрева, поглощаемый по утрам мягким морем и травами побережья.

Потом я летел, как мне казалось, уже сотни и тысячи солнечных лет, то обгоняя свет, то отставая, чтобы увидеть, какой он, обволакивающий меня.

Я видел небо, чёрное, пробурванное бесчисленными звёздами, и, пока я летел, звёзды эти росли, раскалывали лучами чёрную твердь, сливались друг с другом, пока не сплывались в единое световое поле. Это были молнии без удара, ток без потрясений, пламя, не образующее пепла. Пахло грозovým озоном, и переливалась музыка света.

Затем через необычайно долгое время, равное, быть может, двум-трём вечностям, в сплошном сиянии появилась чёрная точка, словно укол, она искрилась угольными лучами, рождая радужную геометрию на жемчужном своде.

И я летел навстречу чёрной звезде.

Утром раньше обычного я спустился к морю. Был слышен его шум, но ещё не было видно, где оно начинается и куда оно уходит. Берег был пуст.

Волны ещё непрозрачно набегали на берег, из них выдыхалась темнота.

И в море не было ни корабля.

Но уже чувствовалось солнце, там, вдали, за горизонтом, ещё совсем под водой.

Я снял рубашку, оставил её у ног и посмотрел на воду. Вода тихо перешёптывалась с невидимыми рыбами и впускала в себя небо. Ветер был незаметен, но деревья над берегом чуть колыхались, от их крон уходил ввысь отражённый от неба синий дым.

Море отступало от берега, всхлипывало притворно у влажных камней, а вдали было спокойным и твёрдым и тонко отслаивалось от неба на горизонте.

Я поднял без разбора плоский камень, размахнулся, но не бросил его, испугавшись лишнего звука, нагнулся и медленно выпустил его к другим камням.

Наконец, вода задела меня, мы сошлись, она была прохладная, потому что приходила из глубин, где жила среди рыб, таких же холодных, как и она. Я шагнул в неё, погрузился по грудь и уже спокойней взглянул вдаль. Там, на краю видимости, море было взрезано солнцем. Его горячий шар выходил из бездны, и там, где он возник, родилась первая обжигающая волна и, остывая, пошла к далёкому от неё и близкому мне побережью. Я ринулся ей навстречу, чтобы столкнуться с ней посередине моря, я плыл навстречу солнцу, и не было никого на берегу, кто бы глядел мне вслед. Солнце было уже надо мной и над морем, и море не обожгло меня, а лишь остудило, я перевернулся на спину, оглянулся, увидел такой маленький далёкий пустой берег, испугался своего одиночества и поплыл назад.

Купив свежие газеты, я лишь бегло пробежал по заголовкам: «ВОЙСКА ФИОЛЕТОВЫХ ЗАНЯЛИ СТОЛИЦУ ГОЛУБЫХ, ГОЛУБЫЕ ЗАХВАТИЛИ СТОЛИЦУ ФИОЛЕТОВЫХ!», «МИРНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА: ВОЮЮЩИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОБМЕНИВАЮТСЯ НАРОДАМИ», «КИНОЗВЕЗДА Х. Х. ВЫШЛА ЗАМУЖ ЗА ВОСКРЕШЁННОГО ФАРАОНА ХРОНОПАТА!»

Наконец, в разделе научной хроники едва заметная информация: «Несколько высокогорных обсерваторий зафиксировали странную вспышку на Солнце. Есть предположения, что причина происшедшего – метеорит, не принадлежащий к нашей Солнечной системе».

И всё. Ниже шёл постоянный в последние недели анонс: «ВНИМАНИЕ ОБИТАТЕЛЕЙ ПЛАНЕТЫ! БУМАЖНЫЙ ТИГР-ЛЮДОЕД ВСЁ ЕЩЁ НЕ ПОЙМАН!»

Я вспомнил древнюю легенду о Фазтоне, сыне бога Солнца, который погиб, упав в море, не сумев удержать колесницу своего отца.

* * *

В поисках знания я однажды столкнулся с людьми, которым поверил, так как они говорили о том, чего не хватает, чтобы жизнь была действительно прекрасна.

А не хватало достойного человека, утверждали эти исследователи. Суть в том, что всё достойное человека уже есть, но надо, чтобы сам человек соответствовал всему, произведённому им самим и другими.

Я устроился в это учреждение сотрудником по соблюдению чистоты, мне выдали белый халат, и я получил возможность наблюдать за экспериментом.

Пространство, разделённое на отсеки, равномерно заполненное чистыми людьми, напоминало оранжереи, в которых шуршали магнитные ленты и пощёлкивали точные механизмы. Они фиксировали сложные процессы, происходящие в гигантских ретортах, движущихся по синусоиде в бесконечной галерее цехов и лабораторий.

На халатах сотрудников блестели жетоны с надписью ЦИПРОНОЧЕЛ, что расшифровывалось как ЦЕНТР ИСКУССТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА НОВОГО ЧЕЛОВЕКА. Сотрудники назывались ципроночельниками.

Этот Центр существовал уже не одно поколение, работа шла по программе чётко и безукоризненно, единственное, что требовалось для её завершения, это – в р е м я.

Ципроночелом мог стать каждый, кто сдавал своё в р е м я на благо всеобщего успеха. Это время складывалось из самых разнообразных источников.

Сдавали время, которое иначе пошло бы на бесполезную работу; на покорное отсиживание положенных часов без всякой продуктивной деятельности; на собрания, решения которых были известны заранее; на получение сведений, которые устарели за время, потраченное на их получение; время, уходящее на упражнения в военных действиях, которые предположительно должны быть развязаны неприятелем тотчас, как только прекратятся упражнения в военных действиях; своё время, убитое ради того, чтобы убить их время; время разбрасывать камни; время уклоняться от объятий; время безвременья, некоторые виды местного времени; времена, связанные междометием «о» с нравами, а также всё, что не вовремя.

Таким образом, накопилась куча времени, равная тому периоду, который, согласно одной из гипотез, когда-то понадобился группе обезьян для того, чтобы превратиться в сплочённый человеческий коллектив.

Но рвение стать ципроночелом было так велико, как будто стать ципроночелом почётнее, чем самим НОВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, поэтому и сдавали кроме вышеупомянутого времени ещё и личное время, время обнимать, время иметь и растить детей, время смеяться и плакать, время обучаться ремеслу, искусству и наукам, время чтения стихов, время отвечать спрашивающим, время слушать говорящих, время любить и время мечтать о любви, время размышлять о времени, время беседовать с вечностью, время смотреть вперёд и время оглядываться назад, время жить и время умирать своей смертью...

Так накопилась целая вечность, в которой затерялась добытая куча времени, зато ципроночелов становилось всё больше и больше.

Ципроночелы считали себя как бы уже представителями НОВОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. И поскольку условия для нового человечества были уже созданы, то ими и пользовались ципроночельники, заодно проверяя на себе благоприятное действие этих условий, а также побочные осложнения, вы-

зываемые всем благоприятным. Ципроночельники выработали впервые понятия потомственности и непотомственности, заимствованные в своё время создателями Ареала Независимости.

Умножение числа ципроночелов автоматически устраняло проблему создания нового человека. Оказалось, что в хороших условиях и старый человек хорош, если он ими имеет право пользоваться.

Первое поколение ципроночелов объездило весь свет и обнаружило, в отличие от вышеупомянутого, условно названного Фазтоном, что всё, касающееся условий, везде одинаково хорошо. Второе поколение ципроночелов уже никуда не ездило и даже почти не выходило, поскольку всё везде одинаково. Для оздоровительных прогулок пользовались велобаном, специальным транспортёром, который мог ускользать из-под ног с какой угодно скоростью, тогда как гуляющий оставался на одном месте; по краям велобана тянулся мультиплицирующий экран, на котором в зависимости от прогуливающегося и его желаний менялись последовательно местность, время года и суток, погода и тому подобное.

Общались ципроночелы между собой редко, ибо им было всё известно друг о друге, о прошлом и о будущем каждого, и каждый был, как один, и один, как все. Читающий уже догадывается, что от ципроночелов со временем отпочковались Карлики, основавшие Козландию.

А внутри Ареала Независимости был впоследствии использован мультиплицирующий экран, и одна из реторт Центра была принята за ископаемое произведение искусства и воздвигнута как известный уже памятник ВС.

В Центре на памяти моей произошло только одно событие. В полдень, когда, как обычно, прогремели солнечные пушки, выстрелившие в атмосферу очередную порцию серпантина для рассеяния света, в это время в стеклянные призмы лабораторных дверей проскользнули обычные солнечные зайчики, а вслед за ними двое, неизвестные юноша и девушка, но только без положенных крахмальных халатов – в чём мать родила, но матери обычно рожают младенцев, а это были взрослые, мало того, растущие прямо на глазах существа. Они бежали вслед за зайчиками, и их голоса как-то странно вибрировали. Ципроночелы говорили либо цитатами из классиков вещиизма-отношизма, касающимися сплошной и поголовной человечизации неодушевлённых предметов, либо газетными заголовками типа: «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВСЕМИРНАЯ ТАБЛИЦА УМНОЖЕНИЯ» или «ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ЭЛЕКТРОПРИБОРАМИ, ПОДКЛЮЧЁННЫМИ К ЭЛЕКТРОСЕТИ». Но речь этих двух звучала непонятно: хи-хи-ха-ха! и т. д. Мгновенно сработал аварийный сигнал, установленный на непредвиденное, и эти двое неизвестных оказались под колпаком. Они и под колпаком посмеивались и показывали при этом пальцами на учёных-ципроночелов. Им даже в голову не приходило заэкранировать верхними конечностями свою наготу, от которой полностью отвыкли ципроночелы, изжив её тем, что рождались сразу в халатах.

И в этот момент вспыхнуло программное световое табло: ПОЗДРАВЛЯЕМ СОТРУДНИКОВ ЦЕНТРА С ЗАВЕРШЕНИЕМ МНОГОВЕКОВОЙ ПРОГРАММЫ! НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК СОЗДАН В ИСКОМОМ КОЛИЧЕСТВЕ ИЗ ДВУХ ОСОБЕЙ!

Это передавал робот-индикатор из сборочного, но тут же стало ясно, что сообщение ошибочное, так как результаты были налицо, под колпаком.

После этой неудачи я был уволен вместе со всеми сотрудниками, не являющимися потомственными ципроночельниками, поскольку вину взвалили на нас, исходя из положения об изначальной непогрешимости ципроночельства. Так я впервые столкнулся с понятием отпущения.

По слухам, те двое, заключённые под колпак, продолжали расти и, в конце концов, стали родоначальниками Великанов, которые заменили ципроночелам отпущенных специалистов.

Специалисты по разным делам осели в разных регионах, я же специализировался, как было упомянуто, по ч и с т о т е, и мои услуги нигде не потребовались, потому что нигде не смели и думать, что у них что-то нечисто.

Так я попал, в конце концов, в очень благополучный регион. В истории этого региона было очень много войн, проведённых при помощи различных средств. Войны велись за обладание благами противной стороны, не уничтоженными в ходе военных действий. Обитатели противной стороны в случае поражения были обязаны умножать блага тех, кто выиграл. Основным благом было калорийное питание, хорошая кухня. От кухни зависело здоровье, настроение, состояние генофонда, общественный тонус, вообще цивилизация. Кухня определяла мышление. Так, китайская кухня, когда из разнообразных блюд (жуков, змей, ящериц, осьминогов и др.) берутся небольшие количества, смешиваются с разными травами, соусами и приправами, – такая кухня порождает комбинаторную

логику, а в случае произвольного выбора, определённого незнанием сути каждого блюда и каждой специи, – возникает вероятностная логика. Отсюда мировоззрение, такое, что всё может быть, и с каждым, любой может оказаться в любой компании, потому вырабатываются понятия терпимости, взаимозаменяемости каждого члена, готовности ко всему, что требовало знания разных приёмов борьбы, включая такие ударные её виды, как каратэ, джиу-джитсу и сямский бокс. Наиболее вероятностные системы борьбы строились на определённой системе анатомии, на знании точек, тычок в которые парализует жизненно важные центры или вообще освобождает поражённый организм от потребности в пище. Но борьба порождает и определённый ритуал, обхождение друг с другом, выражающееся в пространном увещании противника не наносить вред выбранному для притязаний партнёру. Отсюда необыкновенная вежливость, предшествующая удару, умение сосредоточиться и находить самую уязвимую точку на поверхности партнёра, компаньона, или как там его назвать, при помощи комбинированного знака, или иероглифа.

Сам носитель мировоззрения, вызванного статистической кухней, являет собою по форме иероглиф, совокупность же иероглифов читается сверху вниз, потому любой отдельный иероглиф смотрит на другой отдельный иероглиф или на их совокупность тоже сверху вниз. На неизвестные иероглифы в данной цивилизации смотреть бессмысленно, в связи с невозможностью их произнести.

Так как все взаимно смотрят друг на друга сверху вниз, планета закономерно принимает круглую форму, и все взгляды образуют замкнутый круг, поэтому в конечном счёте опять-таки все равны, несмотря на свои взгляды.

Движение, производимое индивидами в этой пищевой цивилизации, называется броуновским и хорошо просматривается в любой микроскоп.

Цивилизация в корне меняется при переходе к другой кухне, обобщённо именуемой европейской.

Эта кухня предполагает несколько блюд, первое, второе и третье, потому европейцы последовательны, умеют считать до трёх и обладают дедуктивными науками. Дедуктивные науки имеют своим методом рассуждение от общего к частному. Ясно, отчего это – первое, суп, как бы общее, объёмное, жидкое, второе же более определённое, не жидкое, а мягкое, иногда жёсткое, но всё ещё смешанное, предполагающее гарниры. Третье – уже сама частность, мелочь, но она определяет вкусы едока-европейца. Примерами третьих блюд могут быть китайский или индийский чай, бразильский кофе, русский зверобой – это тоже жидкости, такой способ питания породил в голове европейца диалектику с её законом отрицания: второе отрицает первое, третье отрицает второе, т. е. снимает отрицание первого на новой ступени.

Частности или мелочи европейской кухни произрастали обычно вдалеке от Европы, и это определяло европейскую политику на протяжении многих веков, когда на третье обязательно употреблялось отрицание отрицания. Европейцы любили дальние походы и плавания в поисках источников третьего. Тоска по третьему выражалась даже в официальной логике европейцев – перипатетиков, был издан специальный закон исключённого третьего, гласящий, что третьего не дано. И в отличие от китайцев, полагававших, что Земля круглая, так что куда ни пойдешь, всё равно вернёшься в Китай, европейцы считали Землю плоской и рыскали по ней в самых разных направлениях.

Правда, однажды они поступили вполне по-китайски, попав в Америку и приняв её за Европу, захваченную в их отсутствие пришельцами иной цивилизации.

Язык европейцев трёхчленен, в нём есть подлежащее, сказуемое и дополнение. Например: Я емь человек. Я – это подлежащее, то, что подлежит рассмотрению, е с м ь – сказуемое, утверждающее о существовании подлежащего, а ч е л о в е к – есть дополнение, или то самое третье, суть и сущность первого. Так оно и есть в жизни европейцев, у них на протяжении всей истории каждое «я» стремится доказать, что оно есть нечто третье, так что «я» очень хочет стать человеком. История утверждает, что у некоторых это получалось.

Ещё у европейцев есть всякие приправы, специи, будь то перец, корица, хмели-сунели или просто хрен.

Нет смысла напоминать, что эти частицы произрастают в самых различных частях света.

Эти частицы имеют своё место и в языке. Но если пище, то есть на языке, они придают остроту, то языку они придают некоторую расплывчатость, компенсируя чрезмерную точность трёхчленного высказывания. Частица «бы» по нраву мечтателям и фантазёрам, без неё не обходится ни одна европейская теория, касающаяся будущего человечества.

Человек-европеец постоянно твердит своему собеседнику: «Был бы ты человеком...»

«Бы» утверждает, что всё, существующее так, как и должно, на самом деле вовсе не так, как должно. И ещё из высказывания, содержащего «бы», в частности из любого высказывания о грядущем, можно вывести любое другое, даже самое невероятное и нелепое – о настоящем, и оно будет считаться истинным, даже не соответствуя действительности.

Так хитрые европейцы, те, что уверенно смотрели в будущее, переплюнули вероятностно-комбинаторных китайцев, которые любое будущее имели позади себя.

Частица «ли» подрывает основы трёхчленного силлогизма, но делает это с ритуальностью вполне китайской. «Ты ли это?» – спрашивает европеец сам себя, глядя в зеркало. «Ты ли это?» – спрашивают вас ближайшие родственники. «Человек ли ты?» – задают постоянно абстрактные вопросы европейские философы.

Ответ таков, что может быть так, а может быть эдак. Если кто спросит с «ли», то ответ возможен с «бы»: «Человек ли ты?» – «А почему бы и нет?» Или: «Не можете ли вы нам помочь?» – «Как бы не так!» – «Так ли это?» – «Если бы так!» Что удивительно, у китайцев частица «ли» означает «закон». Этой частицей китайцы как бы говорят европейцам: «А не китайцы ли вы?»

И тут возможен ответ: если китайцы (а почему бы и нет?!) – то почему бы на вас не глядеть сверху вниз?

Европейцы с китайцами имели немало пограничных слов. Когда на границе просматривалось имущество того, кто следовал перпендикулярно границе далее, те, кто оставался на месте параллельно границе, называли иероглиф «вынь». Когда вынималось то, что вызывало подозрение (чуждые иероглифы, как правило), то назывался иероглиф «дай». В глубокой древности, если то, о чём сказано «дай», представляло большую ценность для пока-обладателя, он мог пустить в ход иероглиф «сунь».

Это при законном пересечении границы. Тут же действовали прочие законные вопросы: Ты ли это? То ли это? Так ли это?

При незаконном пересечении пересечение пресекалось общеизвестным иероглифом «Эй!», то есть «Куда?!».

«Незаконные», желающие сменить диету, могли стать причиной столкновений. Долгое время считалось, что раз кто-то пересекает, то, значит, там кухня лучше. Однако предыдущие рассуждения говорят о том, что в результате всё едино, а процесс привыкания к новой пище болезнен.

И всё-таки стремление в чужую кухню было неудержимым, ради чего было выдуманно немало средств передвижения и поражения, описанных частично при упоминании Осландии.

Как бы хороши ни были эти средства, в этом счастливом регионе они не помогали достичь цели.

Тогда перешли к радикальному пересмотру кухни. Стремление к человечности, ко всему человеческому как к результату любых завоеваний и подавлений привело к решению, на первый взгляд, реакционному, зато проверенному всем ходом предыдущей истории. Это решение не сразу было принято и понято как следует, известны некоторые тексты, говорившие о проведении его в жизнь. Один из них, озаглавлен «Прогресс в отношении к человеку», таков:

Что за нелепость –
пресловутые скорости нашего века!
Возьмём, например,
людоедство:
в старое доброе время
группа людей
съедала одного человека
всего лишь за день,
а в наше время
группа наших людей
может есть поедом человека
целый год,
и это значит,
один человек
съедает лишь малую группу людей
(естественно, в мирное время)
за целую жизнь.
И бывает,

что целую жизнь
 человек ест поедом человека,
 но съесть так и не может...
 Куда там! –
 читаем мы в назиданиях древних людоедов –
 ведь нельзя есть на ходу,
 нельзя относиться к поеданию буднично,
 съедение, поедание –
 это праздник, –
 съеденный
 вечно живёт
 в нас!

Доводы в пользу людоедства неопровержимы. Полностью ненадобны обширные кладбища, навевающие жуть на ещё живых.

Ни к чему всякие лекарства, допинги, витамины, так как в здоровом человеке всего этого вдоволь. Медицина сводится к одному принципу – лечить подобным. И прописывалось, например, подагрикам поедать подагриков, сифилитикам сифилитиков, неврастеникам неврастеников и т. п. Это очень оздоровило обстановку.

Ни к чему была и вся дорогостоящая военная техника, на которую трудилась добрая половина населения Козландии. Всё вооружение сводилось к ножу и вилке. На образцовую баталию просто приятно было смотреть: хорошо приготовленные соперники с повязанными салфетками сходятся с двух сторон, разделённые сервированными столами. В отдалении ждут своего часа нейтральные повара и официанты. И не было даже этого гнусного слова – война, говорили теперь о встрече за круглым столом. А стоит ли говорить о понимании того факта, что в худшем случае станешь жизненным материалом для своего ближнего, который в своё время подкормит ещё кого-то. В это время родился девиз «Всё во всех», говорящий об апофеозе братства, о котором только мечтали прежние моралисты и революционеры.

Единственно, что омрачало жизнь в таких прекрасных условиях, это вероятность быть признанным несъедобным. Например, несъедобными были признаны учёные и деятели культуры, поскольку некоторые из них как раз и разработали данную проблему. Решили, что раз проблемы таким образом все решены, то способные решать проблемы несъедобны, поскольку съевшие их будут способны ставить следующие проблемы, что может привести общество только к излишним волнениям и затратам.

Ещё были неедобные, те, кто полностью потерял аппетит, а потеря аппетита ничем не вылечивалась. К счастью, неедобные не всегда были несъедобными.

Я как иностранец был объявлен в этом регионе временно несъедобным и проходил обследование, из которого можно было заключить, с кем мне лучше встречаться за круглым столом в случае съедобности – с неврастениками, студентами, дипломированными инженерами или домохозяйками. Когда выяснилось, что я грамотен и пишу о событиях, свидетелем коих являюсь, меня сочли вполне съедобным и направили в распоряжение собратьев по перу, но, к сожалению, я их уже не застал, возможно, что они были съедены поклонниками их талантов.

Конечно, приятно знать, что тебя съели за твои заслуги, я же, воспользовавшись временным отсутствием всяких заслуг, отважился пересечь границу.

– Эй! – крикнули мне с пограничной вышки.

– Эй!

Я никак не отреагировал на этот звук, а только бросил на прощанье нож и вилку, вручённые мне после освидетельствования, и перешёл границу. Пограничники, решив, что я несъедобен, потеряли ко мне всякий интерес.

Так я попал в регион необычайных трудолюбивых. Как я узнал позже, сюда переселилась часть несъедобных. Прочие несъедобные трудились где-то в отдалённых местах планеты на строительстве моста, а другие – за ними я и устремился позже – частично под водой, частично в воздухе, созидали некий Арéal Независимости.

Необычайные трудолюбивые были настоящие мастера своего дела. В «Бхагаватгите» Кришна учил Арджуну, что лучше плохо делать своё дело, чем хорошо ч у ж о е. Здесь же все знали своё дело и делали его только хорошо.

Трудолюбые обеспечивали себя изделиями изящных искусств, утварью, не говоря уже о насущном хлебе, обеспечивали они ещё и профессиональных потребителей, или созерцателей, которых было гораздо больше, чем трудолюбых.

Созерцатели тоже когда-то занимались общественно полезным трудом и вступали друг с другом в производственные отношения. Но они до конца жизни так и не знали, занимаются ли они своим делом. Как бы ни учил Кришна, трудолюбые не последовали кастовому разделению индуизма. Они пришли к мысли, что будет лучше, если некоторые вовсе не будут работать, поскольку исправлять результаты их плохой работы весьма затруднительно, а то и вовсе невозможно.

Первые опыты показали, что работать без созерцателей гораздо приятнее, показатели стали расти, улучшилось качество продукции и увеличился ассортимент производимых товаров.

Мало того, созерцатели оказались образцовыми потребителями. Никто лучше их не мог оценить новую продукцию. Они постоянно повышали спрос, а это стимулировало производительность труда трудолюбых.

Трудолюбые удовлетворяли растущий спрос созерцателей и получали от этого двойное удовольствие, и созерцатели тоже получали двойное удовольствие – и от того, что не работали, и от того, что потребляли. Они стали сознавать, что и они приносят несомненную пользу обществу, от этого самочувствие созерцателей улучшилось, они стали общительнее, добрее, а некоторые за долгие годы безбедственного созерцания находили своё дело и после соответствующих экзаменов переходили в класс трудолюбых.

Труднее было решить проблему полезной деятельности общественных институтов, учреждений, бюро, организаций, комитетов, коллективов и добровольных обществ. Надо подчеркнуть, что решение не могло быть генетическим, так как время показало, что разные институты в разных поколениях отличались разной продуктивностью и общественной славностью.

Наряду с этим было много удобных новшеств. Так, газета доставлялась созерцателю сразу свёрнутой в неё свежей селёдкой. Письма приходили уже тщательно прочитанными, иногда, если так было нужно, уже отвеченными. Кино созерцали обычно в парной бане, причём видимость изображения говорила о нехватке пара, так что созерцатели тут же кричали банщику: «Наддай!»

Сюжеты фильмов были разные, но суть одна: в мужской бане показывали женскую баню, и наоборот.

Я не назвал ещё особую категорию местного населения, чьей задачей было определять, кто любит свою работу, а кто нет. Это были фундаментальные деятели с большим опытом как трудовой, так и созерцательной жизни. Трудолюбам было весьма трудно что-либо созерцать, они сгорали в работе. И это тоже шло на благо созерцателей, которые обожали салюты, фейерверки и прочие огненные зрелища.

Мне здесь не сразу повезло с работой. Блюсти чистоту меня не допустили, так как её блюли фундаментальные деятели, следившие за несмешиванием трудолюбых с созерцателями. Я не имел опыта для такой работы и был к тому же иностранцем в неопределённой степени. Иностранец, прибывший из соседнего Еврокитая, явно был несъедобным и считался иностранцем первой степени. Несъедобных первой степени уважали и загружали физическими работами без особых рекомендаций. Я же прибыл из-за нескольких границ и сам не мог твёрдо определить свою степень. Это было в высшей степени загадочно, и меня назначили временно заниматься перемещением предметов в пространстве.

Перемещать можно было всё. Пересаживать деревья с места на место, создавая видимость движущихся лесов. Это делалось ради созерцателей в грибные сезоны, дерево за деревом перемещались в город, чтобы созерцатели могли совершать прогулки за грибами. Грибы, конечно, оставались на месте ушедшего леса, но это было неважно, созерцатели дышали свежим воздухом и созерцали природу, а трудолюбые тем временем собирали грибы, что было делать легче при отсутствии деревьев, среди которых легко заблудиться.

Приходилось перемещать дома, чтобы менять среду общения созерцателей, они надоедали друг другу время от времени, так как нельзя было созерцать долгое время одно и то же окружение и говорить на одни и те же темы. А когда дома взаимно менялись местами, созерцатели взаимно думали, что у них появились новые соседи.

Ещё приходилось перемещать баржи по реке, впрягаясь в бечеву, потому что здесь царил лозунг «ЖИЗНЬ БЛИЖЕ К ИСКУССТВУ!» – а так как было произведение искусства с изображением бурлаков, то созерцателям требовалось это и в жизни.

Попытки размышлять об осмысленности многих перемещений обошлись мне не даром, ибо фундаментальные деятели стали склоняться к тому, что меня надо отправить в созерцатели. Перемещая предметы, я уже перемещал некоторых развенчанных трудолюбив в штат созерцателей, меня поразило их поведение, они совсем не чувствовали благодарности за то, что им указывают надлежащее место в упорядоченной жизни. Мне было проще перемещать деревья и дома, не оказывавшие ни физического, ни тем более словесного сопротивления, что для меня, относящегося к слову со вниманием, было особенно невыносимо. Словесное сопротивление сводилось к возмутительным уверениям, будто нынешнее перемещение производится лишь для доказательства несправедности фундаментальных деятелей, которые последнее время не то наобум, не то за мзду, не то по наветам перемещают некорректно как в ту, так и в другую сторону.

Я вовремя подумал об очередном побеге. Я уже слышал много разных толков о строительстве Ареала Независимости и по тропе, протоптанной различными несъедобными, трудолюбивыми и просто любителями приключений, добрался благополучно до места возведения Ареала. Никто не созерцал мой уход, никто не кричал «эй!», и что самое удачное – никто не заметил моего прихода.

Я увидел гигантский колпак. Вблизи стало виднее, что он имеет форму распускающегося цветка, вот почему я сумел проникнуть внутрь в том месте, где у земли сходились два лепестка, уходящие в небо. Судя по обработке самого купола, создавалось впечатление, что начали его созидать Великаны, у подножия высились огромные прозрачные блоки правильной формы, а потом они мельчали, то ли по соображениям технологии, то ли потому, что мельчали созидатели.

Нечто подобное я заметил ещё на тропе, она была когда-то много шире, судя по просеке и плотности почвы, на которой до сих пор была лишь скудная трава, а дальше стеной стоял лес. Лишь позже я догадался, что широкая магистраль – это путь Великанов к Ареалу, а остаточная тропинка – это дорожка Карликов, бегущих оттуда.

Идя по тропе, я заметил огромное плато в стороне, оно было совершенно голым, хотя в долине рос великолепный лес, в основном хвойный. Я вспомнил о нём много позже, когда мне удалось узнать о происхождении материала, из которого создавался купол. Проектов было несколько: предлагали образовать огромный пузырь на поверхности моря и потом его заморозить; создать озеро из раскалённого стекла и выдуть огромными горнами гигантский колпак, – и то и это отпало, так как не предусматривало проникновения под колпак. Тогда решили собирать колпак из прозрачных блоков. Вначале это был естественный, потом искусственный хрусталь. Много позже обнаружили на плато гигантские залежи рогов и копыт, из которых варили нечто вроде клея, дающего после застывания мутные блоки необходимой формы.

Ночь внутри строящегося колпака была особенно темна и тепла. Судя по звукам, где-то недалеко находились живые существа, которые посапывали, храпели и вскрикивали во сне. Я наткнулся во тьме на некое сооружение, снаружи гладкое и привлекательное, наощупь проник внутрь, почувствовал себя там очень удобно, словно занял наконец своё место, и скоро заснул.

Как долго я проспал, неведомо. Нетрудно догадаться, что я попал внутрь памятника Великой Случайности, а так как это была бывшая реторта из ЦИПРОНОЧЕЛа, то внутри её был особый климат, благоприятный, но, скорее, не для роста, а для летаргического сна, во время которого искажаются все физиологические процессы. Отсюда все временные смещения, заметные в моих записях.

Как ко мне относились внешние обитатели – «непотомственные»? Возможно, увидев меня на рассвете внутри чудесного памятника, они вспомнили о чуде непорочного зачатия.

Я предполагаю, что, пока я спал, сменилось несколько поколений непотомственных, и на меня стали смотреть уже как на неотъемлемую часть памятника. У непотомственных не было памяти, в которой бы хранились предания, и все слухи, судя по слухам, были занесены с материка, либо взяты с потолка вместе с упавшими околпачивателями, либо были записаны вилами по воде стараниями водолазов.

Иногда меня мучает совесть, ведь я занимал то место, где кто-то непотомственный мог расти и развиваться!

Однако непотомственные ничуть не завидовали мне и не мешали писать, полагая, что этого всё равно никто не прочтёт.

Но непромокаемые решили иначе, им для достижения их целей свидетели были ни к чему. Водворив меня внутрь памятника, где я на их памяти не был до этих пор, они успокоились, причём навсегда, так как в этот момент околпачиватели замкнули колпак, и дышать под колпаком стало нечем.

В этот же момент водолазы хватились, что от них ушла вся вода, и стали нагнетать воздух внутрь колпака, чтобы вернуть воду. Но для непромокаемых непотомственных было уже поздно...

Я вспоминаю тот момент, когда я впервые вышел из памятника Великой Случайности. Со всех сторон стекались любопытные непотомственные. Некоторые становились на колени. Некоторые останавливали толпу, исступлённо крича, что ничего сверхъестественного не происходит, просто вылез кто-то и всё, возможно, артист. Кто-то, помню, сказал: «Давай я ему врежу!» Но его остановили, увещевая, что и врезать нехорошо, да и мало ли кто. Все ждали от меня либо чуда, либо окончательного разоблачения чудес. Чуда я не совершил, так что вскоре внимание ко мне ослабло и, в конце концов, исчезло вовсе с поколением, которое ещё помнило моё утробное состояние. А я всё ждал, о чём бы написать, а писать всё было не о чём...

Помню я и тот момент, когда меня освободили первые водолазы, проникшие внутрь вслед за воздушными пузырями. Меня откупорили, вывели на свет и стали допрашивать, делалось это через переводчика, так как сами водолазы не владели языком непосредственного общения.

Я очень дрожал после последнего разговора с непромокаемыми и не знал, спасся ли я или меня ждут очередные невзгоды.

И когда переводчик передал вопрос – кто я и что, я попытался ответить наиболее непричастно ко всем возможным событиям и, заикаясь, выдал:

– Ллирик я...

Переводчик нырнул к водолазам, стоящим под остаточной водой, и перевёл:

– Я Кирилл!

Ужас сковал меня. Что это значит? Водолазы тотчас сняли свои шлемы и с обнажёнными головами уставились на меня. Эх, как обросли под водой, подумал я, глядя на них сверху вниз, и сделал им знак надеть шлемы, что было как раз вовремя, иначе бы они нахлебались воды и тоже исчезли раньше времени. Так, подумал я, в них, видимо, генетически заложено почтение перед неким Кириллом, однако, как быть дальше мне, было неясно.

Тем временем переводчик вынырнул, он не проявлял никакого почтения, ибо, зная язык, абсолютно был чужд всякого генетического этикета. Следующий его вопрос сводился к тому, что я здесь делаю.

– Пищу! – ответил я, осмелев.

– Ушип! – перевёл нырнувший переводчик.

Водолазы сочувственно покачали головами. Всё это соответствовало преданию, ведь если я Кирилл, то я был растоптан, то есть, говоря деликатно, слегка ушиблен. К ушибленному вопросы должны быть уже полегче. И верно, переводчик указал куда-то вверх и спросил, что это такое. Я увидел крупный зелёный лист, приставший к борту моего подсыхавшего памятника.

– Лопух! – ответил я, глядя сверху вниз на главного водолаза.

– Хупол! – перевёл нырнувший переводчик. Водолазы согласно закивали головами, им понравился мой ответ. Тогда переводчик передал мне вопрос, чем я занимался внутри той сферы, из которой меня изъяли.

– Я рос, рос ум... – ответил я как-то неопределённо, стараясь восстановить традиционное предание непотомственных о пребывании внутри памятника ВС.

– Мусор, сор я! – нырнув, перевёл переводчик. Водолазы потеряли ко мне всякое уважение и наглухо закрепили свои шлемы. Следующий вопрос они задали уже только из вежливости, надо ли им продолжать изгнание воды в том же духе. Мне показалось, что я уловил суть их языка. Все слова отражались в воде и зеркально входили в уши водолазов.

– О да, надо! – воскликнул я.

– О да, надо! – воскликнул переводчик. В последующей беседе, протекавшей в атмосфере полного взаимопонимания, выяснилось, что нагнетание воздуха уже не вытесняет воду. Я высказал предположения, что околпачиватели снова расколпачивали колпак. Теперь воздух проходит насквозь, не вытесняя воды. Почему они расколпачили? Нетрудно догадаться. Замкнув колпак, они увидели, что сами себе закрыли доступ внутрь колпака. Что говорила их прежняя практика? Ещё раньше они практиковали кроме парашютных спусков на внутреннюю твердь Арела ещё и паразитные полёты.

Мне приходилось слышать об этом, делалось это очень просто. Из колпачного материала (похищенного) делался индивидуальный или групповой колпачок, двухэтажный, второй этаж заполнялся восходящим снизу курительным дымом, на первом же помещался экипаж. Колпачок вместе с экипажем взлетал при посредстве дыма и блуждал над планетой, пока дым не остывал, и экипаж высаживался где-нибудь в горном районе (ниже дым не опускался). Этим способом и воспользовались, по-моему, околпачиватели, оказавшись в изоляции от внутренностей Ареала. Для этой цели им, то есть наиболее предприимчивым из них, понадобился материал, разгерметизировавший Ареал.

– Однако, – продолжал я, – если воздух заменить более подвижным газом, можно скоррелировать скорость входящего и исходящего, воздействующую на остаточную воду.

В свою очередь водолазы предложили разложить воду электролизом на водород и кислород, реакция будет бурной, и газы, не успевая уходить в бреши, вытеснят воду, которая ещё не разложилась. Для вытесненной воды надо пробурить скважину, лучше всего сквозь всю планету, чтобы не испортить окрестности самого Ареала.

Я начал мучительно соображать. Если прорыть скважину сквозь планету, вывести её на конце, противоположном нашему, то этот конец станет как бы соплом реактивного (ЖРД) двигателя, планета наша сдвинется с орбиты, утратит наше светило и погрузит всех обитателей в длительную ночь. Вслед за светом иссякнет тепло... Я не был искусным вычислителем, но, прикинув в уме по формуле Мещерского, я с облегчением вздохнул, что массу Земли не сдвинешь истечением таких лёгких газов, да и сомнительно, чтобы они миновали центр планеты. На всякий случай я прикинул в уме ещё один расчёт, поставив в уравнение вместо массы всей Земли массу родной земли, памятный ландшафт, с берёзами, заливным лугом, спокойной чистой рекой, полоской домов на окраине – и ужаснулся – как легко это всё утратить, стереть с лица земли, закоптить дымом, залить отработанными водами.

Я запротестовал против отвесной скважины. Длительность её бурения, да ещё этот центр, неизвестно, твёрдый он или жидкий, да ещё что там за Ареал, каковы наши антиподы, как бы таким образом не попасть от них в зависимость, тогда весь проект Независимости коту под хвост. Это показалось убедительным, я и не стал нагнетать доводы, не стал доводить их до потери орбиты и нарушения законов Кеплера. Сошлись на двух скважинах, противоположно направленных, просверленных под тупым углом друг к другу так, что их выходы будут не очень далеко от Ареала, но диаметрально противоположны. В худшем случае на какой-то период планета ускорит либо замедлит скорость вращения вокруг оси.

К тому же станет возможным соревнование между бригадами водолазов, бурящих две противоположные скважины. Этот довод привёл в восторг водолазов и воодушевил их. Мне казалось, что они уже не считают меня ни легендарным Кириллом, ни свихнувшимся летописцем, что мы нашли общий язык. В подтверждение своим мыслям о взаимопонимании я воскликнул:

– Шабаш!

– Шабаш! – перевёл переводчик по всем правилам палиндромов. Услышав нечто дьявольское в моём заключении, водолазы пожалы скафандрами, посоветовались и решили упрятать меня туда, где меня обнаружили, так как их снова взяло сомнение, не являюсь ли я существом магическим, способным нанести вред их предприятию, так что лучше всего вернуть меня в мой саркофаг, чему весьма содействовал переводчик, которому уже невольно было нырять туда-обратно, переворачивая слова.

Меня вернули внутрь памятника и на всякий случай закупорили. Водолазы тут же начали бурить и разлагать воду посредством высоковольтного электричества. Только тут меня осенило, что они запалят реакцию, остановить которую уже не смогут, их будет ждать та же участь, что и непотомственных, – исчезновение. Я пытался делать какие-то знаки, но снаружи уже ничего не было видно, меня обволакивали пары, сверкали разряды, слышался гром, шум вскипающей воды, я чувствовал себя внутри яйца, опущенного в кипящую воду...

Как ни уютно было мне внутри гениального сооружения, мне казалось, что выделяющийся при гидролизе водород поднял наш Ареал над миром и мы парим в стратосфере, подобно гигантскому инопланетному летательному аппарату. Где-то мы сядем?

Конец Третьей скрепки

Продолжение в следующем номере

Проза

Сергей Грачёв

Сергей Анато́льевич Грачёв – родился в Подольске Московской области в 1961 году, окончил Литературный институт им. А. М. Горького в 1986 году. Работал в издательствах «Мир книги», «Славянская школа», в литературно-художественном и публицистическом журнале «Новая Россия. Воскресенье». Сейчас – главный редактор подольского издательства «Информация».

Рассказы, повести, сказки публиковались в журналах и альманахах: «Истоки», «Аргун», «Дон», «Москва», «Литературная Кубань», «Подольский альманах», «Тропой радуги», «Нижний Новгород», «Литера» (Йошкар-Ола), «Московский писатель», «Московский вестник», «Слово», «Человек и закон», «Детская Роман-газета», «Уральский следопыт» и др.; в коллективных

сборниках: «Эта гиблая жизнь» (М., ИТРК), «Письмена на песке» («Московский Парнас»).

Автор книг: повестей «Никто не застрахован», «Если ты смеёшься...», «Рисунок на старых обоях»; сказок «Три смешинки», «Бабка-Ершеедка», «Зелёная Бронзовка на розовом пионе»; очерков «Лица Победы», «Огневое правило капитана Шамаева», романа «Медвежий баян», рассказов и повестей «Сорванный поцелуй», «Истории нашего времени», «Тропой зелёной ящерицы» и др. Член Союза писателей России с 1997 года.

ОСКОЛОК НЕБА

Рассказ

Прораб Валерий Петрович Акишев нашёл на Литейной улице родного города камень с ладонь шириной: чёрный, округлый, с рыжими подпалинами – тот лежал в ручейке, бегущем после дождя вдоль дороги. Этот камень, необычно тяжёлый для своего размера, с неглубокой бороздкой поперёк, Валерий Петрович зачем-то положил в багажник своих «жигулей» и отвёз на дачу. С тех пор находка лежала в цветнике среди других обычных камней. Пять лет лежала. Раз в год, по весне, Акишев помогал жене Нине перекалывать эти камни, выравнивая клумбы. И всякий раз брал в руки чёрный камень и долго взвешивал его в руке, ощупывал и осматривал шероховатую, зернистую поверхность. Этот предмет его сильно озадачивал; с самого начала казался чужеродным – и своим весом, и схожестью с подгоревшим пирожком или кофейным зерном, распухшим до гигантского размера.

Камень вносил в жизнь Акишева не то чтобы нервозность, но, скорее, тоскливое беспокойство. Он словно и манил, и отталкивал одновременно. Может, этот увесистый «пирожок» – из отходов чугуно-литейного производства, или даже радиоактивный? Или взрывоопасный?

«Вот нашёл на свою седую голову блин горелый. Неизвестно, из какого теста сделанный!» – думал Валерий Петрович.

Всё необычное настораживает, даже пугает и отталкивает. Наверное, поэтому через пять лет, по осени, обескураженный тем, что так и не понял, почему «блин горелый» вызывает у него раздражение и неприятие, Валерий Петрович вдруг вышел за калитку дачи и со всего размаха швырнул его подальше в лес. Акишев даже сам не понял, зачем это сделал. Камень пролетел пулей сквозь полупрозрачную крону берёзки и исчез. Потом донёсся глухой удар, и затем ещё три удара потише, словно камень сделал прыжки. Это тоже показалось странным: увесистый, словно противопехотная мина, а скачет, как заяц. Правда, прошедшее лето было жарким, сухотравным, и земля отвердела.

Акишев пробормотал библейское «Время разбрасывать камни...» и удивился уместности подобной фразы для данного действия. И ещё мелькнула мысль: «Не найти, даже если захочется».

В феврале следующего года, когда эпидемия коронавируса на планете только начиналась, жена сводила его на экскурсию в московский планетарий. В этом научно-просветительном учреждении Акишев уже побывал один раз, в детстве, вместе с классом и учительницей. Но всё, что осталось в памяти, – как он и его друг Жора Колодезный безуспешно пытались приподнять осколок железного Сихотэ-Алинского метеорита и как на них ругалась учительница...

Вот и теперь, спустя сорок с лишним лет, Акишев вначале ознакомился с коллекцией метеоритов, даже пощупал парочку самых больших: один – железный, его нашёл какой-то подмосковный грибник, а другой – железокремнистый, в виде панциря доисторической черепахи или дракона. Потом, сидя в удобном кресле Большого Звёздного зала, Валерий Петрович испытал лёгкое головокружение от эффектного полёта по Солнечной системе. Ему даже показалось, что он космонавт, закладываящий в ракету виражи от одного космического тела к другому.

А потом Акишевы зашли в магазин планетария и увидели, что метеориты, оказывается, можно купить. Правда, цены даже на самые маленькие космические сувениры кусались. «А что если найти большой метеорит и продать? – подумал Валерий Петрович. – Если один грибник нашёл, то почему и мне не найти!» В юности у Акишева были разные мечты, а теперь осталась одна – разбогатеть. Правда, он не заикливался на этой мечте, относился к ней с фаталистическим спокойствием. «Мечта не терпит суеты», – считал Валерий Петрович.

И вдруг он вспомнил про камень из цветника и понял, что случилось нечто ужасное. Улетевший в лес камень скорее всего и был настоящим метеоритом. Акишев ясно представил себе необъятную, в ослепительных звёздных россыпях Вселенную, по которой миллиарды лет мчится небольшой, похожий на кофейное зерно камень, а потом горит от трения в атмосфере Земли и, оплавленный, падает в ручей...

Он с нетерпением ждал, пока сойдёт снег, читал в Интернете статьи про метеориты. Ранней и тёплой весной, сразу после праздника мимоз, Валерий Петрович на выходные примчался на дачу и поспешил в лес, искать метеорит.

Оказалось, что некоторые прошлогодние листья были чёрными и овальными, как и его камень. Это обескуражило и поколебало уверенность в положительных результатах поиска.

Когда по дороге, построенной вдоль дачного забора, проезжала машина, Валерий Петрович замирал, делая вид, что просто дышит воздухом, или старался встать за ствол дерева. А то ещё скажут: чудака-человек – шастает по кустам, грязь да клещей собирает. Впрочем, люди скорее всего решат, что домовитый мужик хочет втихую спилить дерево для своих дачных нужд. Только, опять же – чудака-человек, потому что на опушке, на виду дач, умные мужики порубов не делают, надо в лес углубиться. Да мало ли что он тут делает! Человек, может, потерял хороший грибной ножик осенью, а по весне решил найти. Или вообще... могилку любимой кошки посещает.

Все эти мысли наконец надоели Акишеву: много оказалось самых обычных объяснений тому, что он ранней весной бродит сомнамбулой среди берёз и сухих крапивных стеблей. Другое дело, если он начнёт граблями орудовать, вот тогда точно привлечёт самое пристальное внимание дачников.

Может, камень свалился в неглубокий овраг, в котором лежат кучи веток, консервные банки и даже торчит из-под полусгнивших листьев лысая головка сломанной детской куклы. Несмотря на тёплую солнечную погоду, кое-где на дне овражка ещё видны куски льда... Стыдно вдруг стало Валерию Петровичу от того, что космический гость мог лежать среди этого хлама. Конечно, склоны овражка постепенно оплывают от дождей и весеннего таяния снега и однажды скроют под суглинком все предметы – доказательства человеческой невоспитанности и беспечности. Одни скроют, другие появятся...

Скорее всего, это бред, детская мечта, думал Валерий Петрович. Ещё школьником он увлекался астрономией, любил читать молодёжные журналы, в которых печатали статьи о разных загадочных случаях, аномалиях и гипотезах, древних цивилизациях, артефактах и даже о летающих блюдцах. Суровая правда жизни всё расставила на свои места: загадки загадками, а семью кормить надо. Особенно в девяностые годы стало понятно, насколько человек – приземлённое, грубое существо. Но однажды, в сентябре 2002 года, чувство приземлённости сильно поколебал странный случай, событие, которое никак не укладывалось в устоявшийся быт Акишевых.

В городе Акишевы живут в старой панельной девятиэтажке. Железная дорога проходит сразу за соседними высотными домами. Вот над ними, на юго-востоке, поздним субботним вечером Валерий Петрович увидел странную по своей величине белую звезду. Он сразу понял, что никакой звезды такой яркости здесь быть не может.

Тот год запомнился сильным задымлением. В начале сентября дым от горящих торфяников окутал Москву, даже в метро висела сизая дымка. А потом и родной город Акишева потонул в молочном вонючем тумане; контуры девятиэтажек едва просматривались. Валерий Петрович даже в овощную палатку за арбузом ходил в респираторе. И никто над ним не смеялся.

Дым понемногу рассеялся, и к празднику Дня города небо прояснело.

Вечером, после праздничного фейерверка, завершившего День города, Акишев лежал на софе и листал строительный журнал «ВОМС». Вот так, лёжа, и обратил внимание на яркую звезду в окне. Поначалу подумал: самолёт – летит помаленьку, топливо сжигая, в сторону аэропорта, до которого недалеко, на машине можно за сорок минут доехать. Но уж больно медленно летит. Почти висит над крышей соседней девятиэтажки белым шариком.

Валерий Петрович, может, и не встал бы с софы, если бы Нина не зашла в комнату и не спросила:

– Что это яркое летит? И так медленно?

Вот тогда Валерий Петрович встал и подошёл к окну. К сожалению, у него нет бинокля, поэтому, озадаченный яркостью и почти неподвижностью звезды, он вышел на балкон. «Звезда» не мигала, значит, это был не самолёт. Передвигался белый шарик очень медленно, и Акишеву вскоре надоело смотреть. Объект полз по небу над промышленной частью города, параллельно железной дороге, над научно-производственным предприятием – в сторону цементного завода.

Наконец звезда пролетела над соседней девятиэтажкой и скрылась за другой, одноподъездной высотой. Валерий Петрович решил, что скорее всего странный объект он больше не увидит. Но случилось невероятное... Из-за высоты, гораздо ниже, чем Валерий мог предположить, почти над кронами деревьев, вылетело нечто, заложившее вираж и распавшееся на три огня: в центре – большой голубоватого свечения шар и по бокам – ещё по шарик, поменьше. Эти шары создали мутно-радужный дисковидный контур, который плавно и быстро полетел, удаляясь. Мало того, он, набирая скорость, пошёл на снижение – в сторону автотрассы! Исчезая, мигнул белым огоньком. Попрощался.

Валерий Петрович давно не употреблял спиртных напитков, так что никто не мог его обвинить в галлюцинациях с белочками, тарелочками и зелёными человечками.

Фантастическое зрелище поразило Акишевых. В подобное трудно поверить. Зрелище длилось три-четыре секунды и напоминало кадры из фантастического фильма про звёздные войны. А минут через пять, когда Нина уже ушла на кухню, раздался мощный удар с металлическим отзвуком в воздухе. Жена опять прибежала в комнату и спросила с удивлением и тревогой:

– Ты слышал? Небо трясётся.

Звук был не просто громкий, но ещё и какой-то вибрирующий, словно уронили громадный лист железа.

На следующий день Колодезные, живущие в самом центре города, сообщили, что тоже видели этот светящийся шарик. Многие в городе говорили об этом небесном явлении. Посудачили и забыли, потому что современного человека мало интересует происходящее где-то высоко над головой. Тем более что в тот же день в Москве, на площади Маяковского, около двух тысяч человек с флагами и транспарантами устроили потасовку с милицией. Впрочем, и об этом тоже забыли через пару дней.

Можно спорить сколько угодно о природных аномалиях, самолётах, дирижаблях, шаровых молниях, но то, что Акишев наблюдал в те секунды, когда объект закладывал вираж, было красиво. «Найти бы эту “тарелку”, деньги немалые бы заплатили. За молчание», – думал Валерий Петрович, которому слава нужна была как корове седло. А молчать он умел.

Но всё это – сказки «в стране мечтателей, стране учёных», миражи, былички электронного века, считал Акишев. «Сказками» и так вся наша жизнь пронизана. В дисциплинарном батальоне, где проходил в своё время армейскую службу Валерий Акишев, сказочником назывался военнослужащий,

который зачитывал наизусть осуждённым, направляемым на работы, так называемую утреннюю «сказку». То есть инструкцию об условиях работы за территорией зоны. Валерий Петрович нередко вспоминал то время.

Краснопогонный сержант «мусор-отряда» выводит дисбатчиков с территории зоны в предзонник – пропускную территорию, ограниченную с двух сторон воротами. Колонну останавливают: «Стой! Раз-два! Нале-во!» Зима, пар клубится, сторожевые собаки скалятся на зеков, лают...

Некоторые офицеры запоминали наизусть текст инструкции, но большинство пехотных вандков не могли протарабанить всю «сказку» наизусть: не в состоянии запомнить или просто ленились. И тогда на помощь звали «сказочника» – солдата с хорошей памятью.

По уставу, инструкцию надо было читать в обязательном порядке, потому что если вдруг не зачитать, а какой-нибудь зек побежит с места работы и будет застрелен, то командира отдадут под суд: почему не предупредил зеков! Если инструктажа не было, то скажут, что осуждённый просто забыл об условиях работы вне зоны и по глупости побежал.

И вот зеки стоят в предзоннике, а сержант Акишев читает утреннюю «сказку»: «Внимание, осужденные! Передвижение на объект осуществляется строем. Вам запрещается переходить из колонны в колонну, из шеренги в шеренгу, разговаривать и курить в строю. Выход из строя далее чем семь шагов расценивается как попытка к побегу. В данном случае конвойная бригада проинструктирована применять оружие на поражение без команды “Стой! Стрелять буду!” и предупредительного выстрела».

После этой утренней «сказки» офицер давал команду: «Напра-во! Шаго-ом марш!» Конвойные расставлялись по периметру колонны, и начиналось движение за ворота предзонника. Вот таким «сказочником» и был длительное время сержант Акишев, человек грамотный, с техникумом за плечами. Вот и все сказки! А «летающая тарелка», решил Валерий Петрович, – очередной эксперимент военных академиков.

Метеорит – совсем другое дело. Вечный путник с каменной душой, он не давал Акишеву покоя, зудел в памяти, словно старое осколочное ранение.

Наступил вирусный апрель, и начальство строительной компании отправило Валерия Петровича в отпуск. Пришлось поселиться на даче надолго.

Вирусом он не боялся, считая, что человек в принципе смертен, рано или поздно умрёт, и глупо умирать от страха перед смертью. Телевизор он не смотрел, но и никогда не критиковал программы, считая, что нечего на зеркало пенять, если время кривое. Поэтому он терпеливо выслушивал Нину, которая рассказывала ему о телевизионных новостях, а потом зачитывала из Интернета разные любопытные тексты: о Пушкине, застрявшем в 1830 году в деревне из-за холеры, о поддельном письме писателя Фицджеральда, пережившего в 1920 году эпидемию испанки... А иногда она зачитывала ему отрывки из Библии или других церковных книг.

У неё, женщины невысокой, полненькой и подвижной, привыкшей суетиться у плиты в пищеблоке детского садика, даже в пятьдесят шесть лет было миловидное личико с курносом носом, круглыми синими глазами и очень чистой белой кожей.

Теперь жена отвлекала супруга от мыслей о метеорите. Валерий Петрович даже опять взялся за чтение. В мансарде дачного дома висели две полки с книгами: одна – Нинина, с детективами, советами огородникам и Библией, другая – его, с книгами по строительству, обустройстве дачного участка, и ещё несколько хорошо иллюстрированных книг об античных городах. Именно в них он вычитал, что в жилище должны сочетаться такие качества, как польза, прочность и красота. Понятно, что в «хрущёвках» и девятиэтажках – только польза, и то сомнительная. Древнеримский архитектор ужаснулся бы при виде фасадов наших домов и входных конструкций...

«Может быть, взять да вырезать из дерева лебедей и установить их над воротами? – подумал Валерий Петрович. – Это лучше, чем какой-нибудь флюгер на крыше. Возрождение древних традиций... Давненько я не плотничал...» Да, он, конечно, многое позабыл, но опыт и природная любознательность, интерес к чтению – всё подвигало его к совершенствованию быта. Акишев не раз видел лебедей, вырезанных из автопокрышек, из пластиковых бутылей, но это всё не то. Вот из дерева – совсем другое дело.

Когда жена в очередной раз поднялась по скрипящей лестнице в мансарду, он поделился своей идеей.

– Жуткая безвкусица, – сказала Нина, пытаясь отдышаться. – Лучше тогда... львов, что ли, смастери. Кашпо для цветов.

Цветы напомнили Акишеву о метеорите:

«Блин печёный, будь он не ладен! “Ты идёшь, а он летит!” Как вирус... Семь лет назад, перед появлением свиного гриппа, в Китае наблюдали сильный метеоритный дождь...»

– Нин, а может, прогуляемся до сельпо?

– С ума сойти можно! – воскликнула жена. – В доме ступить некуда: того гляди гречку раздавишь.

– Да это я так...

– Может, мы туда вообще никогда не пойдём. По Интернету будем заказывать.

– Тогда пойду грибов наберу.

– Сморчков, что ли? Эти «обезьяньи мозги» – не грибы, одно наказание! Чистить их сам будешь. –

Нина вдруг сообразила, в чём дело. – Опять за метеоритом своим собрался. Имей в виду: чёрные камни просто так с неба не падают.

Валерий Петрович сурово поглядел на жену, заметно поправившуюся за три недели антивирусного карантина, словно она опять работала поваром, и без намёка на сарказм произнёс:

– Затарились, значит... А когда припасы кончатся, будем жить впроголодь. Пока метеорит не продадим.

– Ты его найди вначале.

– Найду, обязательно найду! – и, стараясь подавить в себе раздражение, Акишев несколько раз мысленно повторил: «Мечта не терпит суеты».

Нина хотела возразить, но запнулась и промолчала. Валерий Петрович знал, что в момент сильного раздражения морщины придавали его лицу пугающую жёсткость, и иногда этим пользовался.

И Акишев опять пошёл в лес, хоть и понимал, что выбросил камень со злым усилием, чтобы потом не искать. Чутьё тогда подсказало Валерию Петровичу, что от непонятного булыжника нужно избавиться. Не иначе память прошлого взыграла. Фамильная, можно сказать. Помнится, прабабка ему рассказывала, что в древности жил в тульской деревне их предок по кличке Акишок. Поговорить дед любил, но вот беда – словарный запас невелик, и он часто, и в лад и невпопад, твердил: «Аки шо...» Эта союзная конструкция несла множество самых разных значений: ничего, мол, всё в порядке, всё утрясётся, переживём, если что, обращайся, как бы чего не вышло – до бесконечности!

С тех пор много листья дерева сбросили, многое земля в себя вобрала. А жизнь продолжается, «аки шо»!..

От сырого, пропитанного запахом прелости воздуха, ветра, приносящего острую морось, хочется горячего чая с лимоном. Но достаточно посмотреть вверх, на невинное апрельское небо, нехотя раздвигающее облачные перины: тёмно-серые, дождевые – на запад, а ослепительно-белые – на восток, и пусть солнце ещё белёсое, дымчатое, – всё равно становится радостно на душе и сил прибавляется.

Не заметил, как дошёл до той части леса, где остались с времён войны окопы и ямы от блиндажей – память о последней линии обороны. Немцы сюда, к этой заросшей лесами возвышенности, не дошли совсем немного. Тут и смешанный лес, и дубрава, спускающаяся постепенно к оврагу с ручьём, а чуть выше – березняк, и осинники, и заросли орешника. И всегда много грибов. И тропинок достаточно, но всё равно странное место: зевнул разок и леса уже не узнаешь. Ориентеры теряются. Вроде бы и дубрава рядом, и овраг, за которым растянула на два километра свою единственную улицу деревня, но вдруг выйдешь на пересечение тропинок и замрёшь. Стоишь, озираешься и никак не можешь понять, в какой стороне деревня и где поле садоводческого товарищества?

В глубине леса вдруг почудилось движение. Акишев всмотрелся и вздрогнул: что за наваждение! По лесу шёл монах... Но когда фигура приблизилась, оказалось, что это пожилая женщина,

в осеннем чёрном пальто с накинутым на голову капюшоном, в резиновых сапожках, с сумкой в руке. Встретив испуганный взгляд старушки, Акишев поспешил поздороваться.

– Что, бабушка, берёзовый сок собирала? – Валерий Петрович недолго любил тех, кто режет по весне кору, чтобы напиться слёз древесных. – Не рано ли?

– Конечно, не пора, – старушка скользнула взглядом по суровому лицу незнакомца. – Кабаны следы увидела и с тропинки сбилась.

Шла она с дальнего садоводческого поля в Новогромово и заблудилась. Хотя в весеннем, ещё прозрачном лесу потеряться почти невозможно. Акишев вывел женщину к дубраве и показал тропинку к деревне. Проводив взглядом чуть сутуловатую старушку-потеряшку, решил вернуться к даче.

Он шёл и думал о том, что не так давно Москва вобрала в себя земли, расположенные от неё в шестидесяти километрах к юго-западу, и дача Акишевых, и этот лес, со сморчками и кабанами, стал частью столицы. Нина обрадовалась новшеству, увидев перспективу с увеличением размера пенсии, а Валерия Петровича этот аспект не занимал; в советское время он бы уже пенсионерствовал в своё удовольствие, а в новом мире до заслуженного отдыха ещё три года крикать и крикать.

Где-то неподалёку стал вопросительно попискивать дрозд, словно удивляясь человеку-шату. Потом, ближе к дачам, заверещали трясогузки. «Вот поселится опять на крыше эта звонкая мелочь, – подумал Акишев, – спать давать не будет. А жена обрадуется: примета добрая».

И опять Валерий Петрович представлял, как его тяжёлый и одновременно невесомый метеорит когда-то порхал космической птицей. Возможно, камень видел, как распалась планета Фазтон, разорванная силами тяготения гиганта Юпитера. Видел расцвет Марса, с морями и зелёными континентами, а может, и сам момент гибели марсианского рая. За миллиарды лет камень, должно быть, устал от грандиозных трагедий и наконец решил остепениться, отлежаться на живой голубой планете. Да, ради этого можно рискнуть сгореть в её атмосфере, измельчиться в труху. Нет, сгореть не удалось, лишь оплавился малость и почернел. Но зато железокаменный «пирожок» теперь неразрывно связан с судьбой удивительной планеты... Да, камень слишком старый, он долго летал. От привычки к вечному движению в бескрайней пустоте ему теперь непросто избавиться...

Пять лет пролежать в цветнике, под роскошным кустом розы, – это, конечно, необычайно приятно: тут и тёплые лучи местной звезды Солнце, и прохладная вода для полива. Правда, осенью и весной довольно сыровато, а зимой лежать под снегом, в совершенно закрытом пространстве – очень необычно и странно. Теснота! Поневоле на простор потянет. Не иначе, замкнутость на пятый год совсем измучила камень, довела до клаустрофобии. А впереди – ещё одна зима, которую не хотелось бы вновь провести под белой формой атмосферных осадков. Что туземцу хорошо, космическому путешественнику смерти подобно. Перебраться бы куда-нибудь, сменить обстановку... Безмерность космоса притягивает, зовёт, и этот зов привычен и понятен метеориту. Нельзя закрыться от бесконечности, если ты бессмертен, или почти вечен – ну, до того момента, пока не растворишься в горниле какой-нибудь звезды. О чём может мечтать метеорит, пролежавший в цветнике пять лет? Да ещё бы разок полетать, хоть немножко. Состояние полёта – ничем не передаваемое наслаждение.

На обратном пути Акишев обнаружил у кустов несколько светло-коричневых сморчков, с шляпками из губчатых перевинов и углублений. Раньше они тут никогда не росли, но это не удивило Валерия Петровича: у сморчков всегда тяга к перемене мест.

Только срезал грибы, смотрит: на тропинке опять появилась знакомая старушка-потеряшка с капюшоном на голове.

– Что ж ты!.. – вырвалось в досаде у Акишева, но его смутил строгий укор, горевший в старушечьих глазках.

Пришлось возвращаться в дубраву и опять показывать дорогу. В этот раз он вывел потеряшку в самую середину покатога склона и показал ей в просвете между могучими дубами деревенские домики за оврагом.

Тропинки исчезают и появляются. И реки текут, а потом усыхают, и вновь начинают бить родники. Мир человеческий постоянно поворачивается своими плоскостями, как избушка на курьих

ножках, иногда даже вывернется наизнанку. Так издревле повелось, и так устроен человек, который словно забывает о своих корнях, а потом пройдёт сквозь перекрёсток Млечного Пути и выйдет краше прежнего...

Наконец он пришёл к своему дачному дому. От размышлений и хождений по лесу у Валерия Петровича разыгрался аппетит. И почему-то ему очень захотелось сала с чёрным хлебом и молодым чесноком.

– Жена, а у нас сало есть?

– Только сала не хватало! – невольно срифмовала Нина. – Оба холодильника скоро лопнут.

Нет, она теперь долго в сельпо не пойдёт, понял Валерий Петрович.

Он подсознательно хотел обезопасить именно себя и жену. И свою дачу. Потому что в сложные времена, когда города принимают на себя главный удар, лучше отсидеться здесь. Городам нынче плохо: пневмония, электронные пропуска, штрафы за нарушение режима, контроль и информационный психоз. Но сколько это может продолжаться! Страх не знает времени – эта мысль вызывала в Валерии Петровице протест... Может, поэтому он бросил камень так, словно перед ним была не лесная опушка, а жилой дом, спроектированный бездарным архитектором и построенный пьяными строителями. Швырнул с остервенением, словно чувствуя исходящую от него угрозу, будто стараясь предотвратить надвигающуюся беду, не допустить завтрашний день с его всепланетным карантинном. Закинул подальше – в лесной бурелом, в сырой и тёмный, в глухой овраг, чтобы никто не нашёл. При броске чуть не вывихнул себе плечо.

«Где-то в космосе летит голубой метеорит... Подарок драгоценный...» – всплыли в памяти слова из старого детского мультфильма. Там ещё слова были, что надо учиться на астронома, пока твой метеорит где-то в космосе... Нет, Валерий Петрович не жалел, что не получил в своё время институтского образования. Не было такой задачи, техникума вполне достаточно. А теперь в Интернете Акишеву пришлось прочитать несколько статей о Солнечной системе, о метеоритике и о том, как вообще определить, что перед тобой гость из космоса. Впрочем, вышло славно на бумаге, но забыли про овраги...

В мансарде почти постоянно включен телевизор, старый, но благодаря приставке сносно показывающий двадцать программ. Нине этого достаточно, чтобы смотреть новости и православный канал «Спас». Потом она погружается в сомнения и начинает задавать вопросы:

– Говорят, что после эпидемии жизнь будет другой, не такой как прежде. Интересно, какой? Люди начнут ходить на четвереньках?

– Вряд ли, – отвечает ей Валерий Петрович. – За последние десять тысяч лет человек не изменился. Как приручил кур и другую живность... И при опасности прячет голову в песок, как страус. А тут у нас глина, суглинок, если по-научному... Может, вместо денег трудодни введут. И талоны на питание.

– Скажешь тоже!.. Валер, ты бы перестал по лесу-то бродить. Я в книге читала: чёрный камень, упавший с неба, это знак апокалипсиса. Поэтому не думай, что найдёшь метеорит и мы разбогатеём. Скорее обнищаем.

– Голого раздеть невозможно, Нина. В случае чего возьму в долг у Жоры.

– Твой Жора сейчас под жёстким колпаком Ирочки. Она мне сама сказала: проштрафился. Знаешь, как она выразилась? Постой, дай вспомнить... Жора прибег, говорит, к рефинансированию дефицита ликвидности... э-э... у стороннего кредитора.

– То есть?

– Изменил с соседкой.

Банковский работник Георгий Колодезный, или просто Жора, всегда любил цитировать Ильфа и Петрова. И когда началась эпидемия, он прислал через Ватсап знакомую с юности фразу: «грузите апельсины бочках тчк братья карамазовы». Пора, значит, запастись провизией. Акишев привычно ответил: «графиня изменившимся лицом бежит пруду». Жора не замедлил попытаться: «Вот так, с шутками и прибаутками, они встретили конец света».

Жорина супруга Ирина Колодезная – женщина нерожавшая, но волевая, очень умная, кандидат медицинских наук. У неё собственная ветеринарная клиника и, разумеется, – на всё свое компетентное мнение, а на эпидемию коронавируса – тем более. «Профилактика ещё никому не мешала, – трещала она Нине по телефону, соглашаясь с правительственными мерами, но с некоторыми

оговорками. – Лукавый не так страшен, как его малюют. Вирус не живёт на поверхностях домов и в лесу. Источником заражения может быть только человек... Вот увидите, переболеют все, а потом вирус станет сезонным. Так что самоизоляция нужна для профилактики, но, с другой стороны, отодвигает сезонность...»

После многочисленных диет Ирина была тоща и сухостойна, как старый камыш, и, по мнению Акишева, обезжиренная во всех отношениях. Валерий Петрович вспомнил: она долго объясняла Ниночке, почему у новой соседки второй год не плодоносят яблони. По её науке выходило, что яблони никак не привыкнут к новой хозяйке. Валерий ещё подумал: «Собачьих психологов называют кинологами, а яблоневого – яблологом».

– Просорочила мужа, – произнёс Валерий Петрович, посмеиваясь. – Зацепилась твоя Ирочка языком за угол дома. Жора ждал-пождал, да и пошёл... к другому колодцу.

Нине не понравились эти слова, видимо, из женской солидарности.

– Очень смешно, – поморщилась она. – Мужики – вообще увлекающиеся натуры. То метеорит ищут, то... рог бизона не знают куда деть.

...Много лет назад в том районе города, где Акишев нашёл похожий на метеорит камень, по большому, поросшему крапивой, полынью и лопухами пустырю также бежал ручей, только пошире. Наигравшись в казаков-разбойников, мальчишки долго потом отрывали от одежды и волос колючки. Учительница однажды сводила их в краеведческий музей, и Валера узнал, что после Ледникового периода здесь текла большая река.

Валера вырос, окончил строительный техникум, отслужил в армии, долгое время работал на строительстве жилых многоэтажек в центре города. И вот однажды вблизи этого места при планировке котлована под новый дом рабочие нашли окаменевший рог бизона. Рог пролежал в глине и песке на глубине трёх метров и хорошо сохранился. Длиной он был больше шестидесяти сантиметров. Судя по неровностям у основания рога, можно было решить, что представитель мегафауны сломал его в момент сильного напряжения, например в драке с противником.

Первая мысль – на такой находке можно заработать!

Поразмыслили и отнесли рог в музей, для консультации, а краеведы отправили его на экспертизу в Москву. Жаль, что учёные признали в находке рог древнего бизона, которых, как оказалось, здесь было множество в конце Ледникового периода. А вот если бы нашли рог шерстистого носорога, то Акишеву и его коллегам могли выплатить хорошую премию. Останки носорогов в Подмосковье встречаются редко и потому очень ценятся. Краеведы рассказали Валерию Петровичу, что носороги жили в одиночку, достигали длины в три с половиной метра и у них было два рога. Около семидесяти тысяч лет назад на это животное охотились неразумные неандертальцы, которых носорог, как вид, пережил. А сам он вымер гораздо позднее, главным образом из-за человека разумного, который подошёл к охоте с умом и фундаментальной изобретательностью.

В общем, разбогатеть на продаже рога не удалось: покупателя не нашлось. Валерий Петрович забрал раритет домой и спрятал в кладовке, там он и лежит, тряпочкой обёрнутый, постепенно истончаясь, превращаясь в песок.

После общения с музейщиками Акишев долго пытался представить себе, как много тысяч лет назад по заснеженной низине совсем недалеко от того места, где теперь начинается улица Литейная, ходили на водопой бизоны и шерстистые носороги. Времена меняются, климат тоже, и, как знать, может, через несколько тысяч лет тут опять будут бродить носороги. И мамонты...

Кто бы мог подумать, что спустя годы Валерий Петрович в ста метрах от места той находки найдёт ещё и «блин горелый»! Камень бесконечности. Подарок драгоценный.

Поздним вечером Акишев вышел во двор, закурил, посмотрел на звёзды...

...Звуки скатывания камня в лесной овражек вряд ли можно услышать с расстояния в тридцать-сорок метров. И тут Валерия Петровича озарило: его метательный снаряд ударился о ствол дерева, а потом – тук-тук-тук – о ветки! Значит, метеорит лежит под деревом, скорее всего, под берёзой, их у опушки несколько. И старый дуб тоже растёт неподалёку. И ещё множество молодых осин, под которыми Валерий Петрович, как правило, находит подосиновики. Летом здесь травица вымахивает, и грибы сложно искать. Находишь, если оранжево-красные шляпы грибов уже достигли внушительных размеров. Поэтому искать летуна нужно сейчас, весной. Осенью деревья опять сбросят листву, и железокламенный «пирожок» укроется ещё одной накидкой. Не найдёшь, пока не

наступишь случайно. А если дожди зарядят, да ещё зазеваешься, так и вдавишь его в глину и не заметишь.

Бросал в сторону лесного оврага, а туда метров сто, не меньше, – конечно, не добросил! Камень на взлёте просквозил крону молодой берёзки, что растёт вблизи дачи, промчался над полянкой и... Валерий Петрович в тот момент хотел отправить его в самую чащу лесную, но тяжёлый «пирожок» наверняка начал снижаться раньше. Предположительная траектория и дробный стук падения явно указывал, что гость из космоса начал снижаться раньше задуманного и встретился с одним из деревьев опушки – старой берёзой или юным осинником, за которым высится могучий дуб.

Но лес не желал возвращать камень Валерию Петровичу. И в помощь некого позвать.

Эх, будь рядом дети да внуки, сейчас бы и опушку прочесали, и поглубже влезли. Но где они все? Сын в торговом флоте на Дальнем Востоке трудится, ни семьи, ни детей. Пишет, что в Японии жить собирается. А дочь с двумя детьми в Архангельске, там у её мужа бизнес, мастерские по ремонту моторных лодок и снегоходов. Дочь и сама давно не приезжала, и в гости к себе не приглашает. «Говорит, что у нас ночевать негде, квартира маленькая, – думал Валерий Петрович. – По другим меркам жить привыкла. Да ещё нашей бедности стесняется. А и то сказать: какой от нас теперь толк! Это в девяностые годы, когда грузчиком подрабатывал за несколько банок тушёнки в день, сил много было... Так вот и прошёл по жизни, как по аномальной зоне. Годы промчались метеором».

Жена прожила с Акишевым долгую жизнь, она хорошо чувствовала все тонкости настроения мужа и поэтому, когда Акишев вернулся из леса мрачнее тучи, раскрыла книгу и принялась листать страницы:

– Прекращай, Валер, свои поиски в лесу... Вот послушай, что нужно искать в жизни: «Ищите прежде Царствия Божия и Правды Его, а остальное всё приложится вам». Это Господь сказал, а Он не ошибается.

– Поясни.

– Всё необходимое: и еда, и здоровье – приложатся, так что и просить о них не надо. Лучи благодати Его будут непрестанно сиять в каждом человеке.

Акишеву хотелось бы поверить в это.

– Значит, ты считаешь, что Бога нужно искать не в камне, а в нас самих, – произнёс он, глядя через окно террасы в сторону леса. – Но зачем?

– Как это зачем? – изумилась жена и внимательно взгляделась в задумчиво-хмурое лицо мужа. – Затем, чтобы звериную сущность человека держать в узде.

С этим Акишев не мог не согласиться.

В этот день он прочитал в Интернете, что метеориты не бывают округлыми, похожими на кофейное зерно. Поначалу Валерий Петрович сильно разозлился на себя, а потом подумал: «Если Бог знает, что нам действительно нужно, если это так... то главное, чтобы нас, дураков, простил... Да, человек летает в космос, но всё равно не может быть выше неба. Но он должен быть выше его осколков».

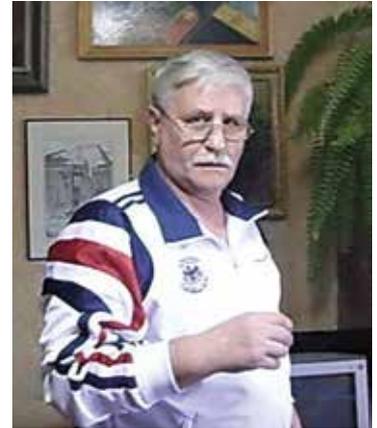
Со временем прораб Акишев успокоился и даже почувствовал себя более счастливым, чем был до посещения планетария. Но когда ходил за зверобоем и другими лесными дарами, всё-таки по привычке присматривался к камням. И грибов приносил немного.

Проза

Валерий Шелегов

Валерий Николаевич Шелегов – родился 13 декабря 1953 года в городе Канске. В 1969 году поступил в Томский геологоразведочный техникум. В 1972 году улетел работать в Магадан. На Крайнем Севере прошла вся жизнь. В 1996 году вернулся на родину в Канск. Прозаик, поэт, публицист. Выпускник Литературного института имени А. М. Горького в Москве. Первый рассказ «Санька – добрая душа» был опубликован в 1984 году в журнале «Дальний Восток» № 4. Автор книг: «Ленские подснежники», «Зелёный иней», «Пока горит костёр Звезды небесной», «На Индигирке», «Оймяконский Меридиан». Книга прозы «Луна в Водолее» в 2008 году отмечена Союзом писателей России национальной премией «Имперская культура» имени Э. Володина. Член Союза писателей СССР. Живёт и работает в городе Канске Красноярского края.

ПОДРУКАВНЫЙ ХЛЕБ

Повесть

1. Пастушокъ

Пятнистый красно-пегий телёнок едва виден в зелёных овсах. Бычок поджинает колоски живым розовым языком. Мыкает мордой в глянцевиные стебли овсов, сочно перемальвает зелень. Зелёная крупка мокро пузырится в слюнявых губах телёнка.

Бродит красно-пегий бычок в зелёном море овсов рядом с полевой дорогой. Я намеренно покинул автобус, не доехав до деревни Егоровка.

Ушёл с тракта на колчеватый просёлок, сухо белеющий пылью, присыпанный прошлогодней сосновой хвоей. Просёлок прижимается к светлому сосновому бору, тянется эта полевая дорога далеко, до самых покосов. Земля изрыта копытами коров деревенского стада.

Бычок покосился в мою сторону. Стряхнул едкого мокреца с бурых ушей, вылупился тёмными глазами в долгих белёсых ресницах, потянулся к человеку и заревел: «му-у-у?» Отревелся, изогнулся становищем, порыл безрогим лбом белый пах под брюхом, успокоился и продолжил кормиться. Время к полудню, и солнце жаркое. Стадо коров прошло недавно прохладным сосновым бором, пастух просмотрел телёнка. Городскому человеку не ведомо, что «зелёнка» скотине смерть. А пасущегося красно-пегого бычка в зеленях хоть сейчас на холст художника.

Я подобрал сухую ветку и выгнал неразумного теляти из зеленей. Взбрыкивая задом, задрал хвост трубой, бычок скачками пересёк дорогу и бегом углубился в бор. Высокие травы, заметно промятые проходами и копытами животных, и по следам стада пегий бычок найдёт свою матку. Сам в этих местах деревенское стадо коров пастушком водил. Как же это было давно.

Перед обеденной дойкой стадо делается ленивым. В это время мы с Полелеем где-нибудь под берёзой сидим. Полелей пристаёт:

– Дай квасу...

Фамилия такая у пастуха. Звать Николай.

У него свой квас в бутылке в холщовом пастушьем пестерке на лямке, но просит он квас у меня. Клянчит всегда на первом привале за деревней, когда стадо сбавляет ход и принимается за работу. Квасу мне не жалко, но бутылка у меня одна. Мне восемь лет. Я на летних каникулах у бабушки Христины в Егоровке. Сегодня очередь нашего двора помогать нанятому пастуху пасти деревенское стадо. Обычно это дело подпасков, в каждой деревенской семье есть подростки.

– У ты же свой есть квас?! – делаюсь я непонятливым.

– Жалко? Значит, жалко, – вздыхает Полелей. – А ешшо – племянник! Все вы так, городские, муху из щечей за крылышки выкидываете! А деревенский человек он щедрОй! Ложкой – муху вместе с щчами выплескнет. Вот и батька твой: с чакушкой приедет, а неделю бабкину самогонку дрищет...

За самогонку власти штрафуют. Дядя Володя, младший брат отца, работает на мельнице в Зимнике, гонит он скрытно первач на древней Павловской заимке, далеко в тайге, хоронясь от чужих глаз. Отец приезжает в деревню раз в год: берёт отпуск в конце мая на Канской табачной фабрике, где работает кочегаром, и везёт меня на свою родину, в деревню Егоровку, где он родился и вырос. И конечно, с братом Володей пьёт. У Полелея в жёнах батина родная сестра Танька. Поэтому я племянник Полелею.

– Дай махры, – подкатываюсь осторожно. – Тогда и квас получишь!

Все подпаски покуривают. Полелей мужик квёлый. Опасаться его нечего, не продаст бабушке. Худющий, правда, как прут, будто Танька его не кормит. Зубы гнилые и чёрные от махры. Нос вислый и с широкими ноздрями. Каргуз натянет до бровей и посмеивается над подпасками, округляя озорные и без того весёлые свои глаза. Чуб редкий, залысина светится. Уши, как у летучей мыши, торчком в разные стороны, шея зобастая, чёрная от загара и грязи под белесым пушком. Редкая щетина на подбородке, будто рыжая махра. Совсем заволочтел мужик. Глянешь на него, так и курить хочется.

– Не жрамши с утра. Танька на дойку чуть свет убралась... – подкрадывается Полелей к салу и ржаным пирогам с картошкой в моей котомке.

Рядом в березняке кукушка кычет: «ку-ку», «ку-ку», горлом стонет зозуля. Зуд от комаров – воздух шевелится. Махорочным дымом только и спасаемся.

Меняем с Полелеем: ему мою котомку, он мне свой кисет с махоркой.

– Свергать-то смогёшь?! – щерится чёрными зубами. – На-а, гумагу-то!

Полелей достал из нагрудного кармана рубахи складыш из газеты. Опыта вертать самокрутку у меня маловато, но козью ножку – на указательном пальце, скручиваю лихо.

– Не сыпь на землю махру-то, весь кисет изведёшь... – ворчит Полелей. Он подтягивается на руках спиной к стволу берёзы, запрокидывает бутылку с квасом.

– Глок! глок! глок! – глыкает горлом.

Я отворачиваюсь: опустошил бутылку, варнак.

– Зачем весь-то выдул? Договаривались, на глоток, – отдаю Полелею кисет.

Полелей, шкодливо хихикает, напоминая, что в деревню бежать мне придётся. Водим скот по березнякам мы с ним не впервой, история с квасом всегда повторяется. После курения во рту горчинка и хочется напиток теперь уже мне.

– Дай твоего квасу, – канючу. – Ведь договаривались же, штаб не весь мой квас. Выдул... – обиженно дуюсь.

Полелей хитрый, свой квас в бутылке держит в пастушьей холщовой сумке. Пока я курил, он умял и мои ржаные пироги с картошкой под сало, какие бабушка положила работнику.

– Так моей махры зато покурил, – доволен он. – Мне у бабки квасу нальёшь? – просит Полелей. – Тогда дам квасу, хошь весь пей.

Квас у Полелея не то, что у бабушки: незрелый какой-то, вода водой с тухлинкой. Бабушкин квас из берёзового сока. Брат Пётр в мае подсачивает берёзы, и сок флягами привозит в телеге домой. Выливает сок в чан, который в тёмных сенях, огромный, деревянный чан на тридцать вёдер. Из широкой кедровой клёпки в рост детского человека, в старину в таких хозяева детей мыли, сами купались – «банились». Квасу на всё лето хватает: суровец! Мне без сахара квас пить невозможно, скулы сводит: ледяной, шипучий! Не оторваться от ненасытного, терпкого напитка.

– Налью и тебе квасу, – соглашаюсь.

Стадо от деревни, пасясь, далеко убрело. Коров на водопой пастухи к озерку гоняют, близко к деревне. Полелей пригонит стадо на водопой и без меня. Рядом с покосами много озерков в низинах лугов, питаются они подземными родниками; вокруг озерков заросли черёмухи и ольхи, имеются открытые берега, удобные для людей во время сенокоса, поить скотину.

В обед бабы коров не доят. Все доярки до синего вечера в летних гуртах, на дойке колхозных коров: в пять утра уезжают из деревни в кузове грузовика, в сумерках их привозят. Летние лагеря коров у Апанских озёр. Молодняк пастухи пасут далеко в тайге.

Бежать в деревню мне лень, и я медлю. Полелей валяется расслабленно на пиджаке под берёзой. Козырек замасленного суконного картуза на глаза насунул, рубашку расстегнул до пупа, чешет нехотя впалую грудь; рубаха сатиновая в розовую клеточку давно не стирана, худоба мужицкого тела похожа на кожуру печёной картошки. Моется Полелей от бани до бани. В лесу вроде и пыли нет, а придёшь вечером со стадом, будто у чёрта на куличках побывал. Танька мужу Николаю и рубахи из-за этого редко меняет.

Валяется Полелей на спине, вытянувшись, скрестив длинные худые ноги в кирзовых сапогах. Кирзачи на сгибах в дырках, глянцевиная подошва без каблуков. Я и сам в рваных братниных штанах, верёвкой подпоясанный. В кедах. Кепка тоже великоватая, но надёжно прикрывает стриженный загривок от комаров; ношу кепку долгим козырьком назад. Зато рубаха у меня что надо – байковая – и комарам её трудно шить. Комары едят настырно, и мажемся от них дёгтем. Мало дёготь спасает от гнуса, мелкий мокрец находит места под мышками, где кровушку попить. Оттого и чёрные от дёгтя и пыли, как черти.

Полелей пастух добрый. Дёрганого человека не поставят к стаду, изведёт коров суетливой пастубой, набегаются бурёнки. Молоко в вымени покой любит. Корову тоже с умом кормить надо. Полелей спокойный мужик. Сытно кормит скотину; каждое лето Полелей нанимается пастухом. Подпасками ходят дети, по очерёдности от каждого двора, и по числу коров на каждом дворе у хозяев. Последние годы бабушка живёт тихо. Дед умер. Младшая дочь Валентина вышла замуж. Внук Пётр живёт всё лето скотником на летних гуртах. Держит бабушка корову да десяток овец.

– Ну, пошто за квасом не бежишь? – гонит Полелей.

– Бегу...

Гороховые поля легли долу от зноя. Зеленовато-оловянные на полуденном солнце, гороховые стебли перевиты диким мышинным горошком, который краем поля вдоль полевой дороги и цветёт алым крапом. Поля кормового гороха гудят от рабочей пчелы, собирающей нектар. Пространство дышит степным вольным простором. В деревню не миновать гороховое поле. На ходу пасусь краем гороховой посадки, набиваю тугими гороховыми стручками мошну под рубахой до брюхатости. Рядом с усадьбой деда дом его сына Володи-мельника. Детей там полная изба, есть кому гороху радоваться: старший Володька – мой ровесник, сестра Люба ещё только ходить начала, а между ними погодками Вася, Надя, Коля.

С Володькой мы ночуем на избе под тёсовой крышей. Валя Колесень рано утром кличет нас с крыши:

– Володька, сынок! Слетайте с избы, соколы! Молока надоила...

Днём мы шаримся с братом Володькой по тайге, ловим молодых дроздов петлями и жарим их на костре. Коля ещё мал с нами, а Ваську за дроздами берём в лес. В августе лазаем по кедром, сшибаем проволокой тяжёлые от смолы кедровые шишки. Таскаем шишки братишкам домой, на дворе сложена из кирпича летняя печь, в чугушке варим смолистые кедровые шишки. Смола выкипает, и орешки сами сыпятся в детскую ладонь. Дети Вали Колесень и Володи-мельника – это моя семья на всю жизнь. Любимые мои сродные братья и сёстры. На речке дружки ждут: Валерка Дёмкин и Мишка Грешников. За полями шумят берёзовые леса и перелески. Ах, как хорошо жить в детстве!

2. Ах, как хорошо жить

Ах, как хорошо жить! По тракту поднял пыль лесовоз из Почёта. От гравийного большака я ушёл порядком. За дальними зелеными, по низинам, молочно розовеет гречиха. Полуоткрытый сосновый бор светел и тенист. Жаром дышит зрелое лето. Запах гретого мёда разлит в позолоте цветущих лугов, в соснах и в густых мятных травах. «Жж-ум! Жж-ум!» – ощупывает цветочки лохматый шмель. Полянку с травами и высокий муравейник под сосной коровы и телята обошли краем. Мураши чекотят травку, бегут на работу и обратно строят по сосновому стволу, находят тропинки в золотистой сосновой кожуре с завитушками, тонкой, как сусальное золото. Слава богу, в Сибири не плодится

жук-ламехуза. В южных широтах этот паразит откладывает личинки в муравейник. Ламехуза выделяет алкогольные трахомы! Фермент трахомы отключает у муравьёв коллективный разум. Муравьи «хмелеют», становятся банальными «пьяницами безродными», забывают свои дела в родном муравьином королевстве и переключаются откармливать личинки ламехузы! Всё как у человеков. В муравьином царстве-государстве...

Зелёная косынка полянки полна разноцветных бабочек. Золотистый трилистник на тонких стебельках облетают пчёлы и шмели, божьи мухи подсаживаются на бархатисто-лиловые «медвежьи ушки», исследуют светло-розовый клевер, вперемишку с алым мышинным горошком. Зрелый июль. Воздух звенит пчелиным гудом. Время главного медосбора на пасаках!

Стрельчато-розовый иван-чай шевелится от рабочей пчелы, в остинках соцветий искрятся на солнце горьковатые капельки нектара. Пчела перерабатывает этот нектар в мёд в полёте до улья своей «мандибулой». Так зовётся пчелиная нижняя «губа».

У дороги вдоль бора жмётся, греется на солнышке развалистый от корня целительный подорожник, матово-зелёный и широколистный, ребристый прошвами по листу.

Полевой межой шагаю к дедовским покосам. Знакомая с детства старая берёза склонилась над тёмной водой околка, грузным своим меловым становищем накренилась от старости. Крона берёзы высоко круглится серебристой зеленью. Дерево глядится в озерко, питаемое подземными родниками, зелёная ряска на водной глади проторена утками. Почти полвека травы этого покоса кормили семью деда, отец здесь косил сено для коровы, которую мама держала, живя в городе. Травы на соседних людских покосах не тронуты косой, зреют и щедро сорят семенем. Время стрекоз. Обезлюдела деревня. И сродникам отца дедовы покосы теперь без надобности. Вымерли...

От цветов на покосах празднично. Перепархивают от цветка к цветку различного окраса мотыльки. В воздухе зуд от рабочей пчелы, шевеление пчелиное на белых, синих, розовых и фиолетовых соцветиях. Часто торчит из высокой травы трубчатая сахарная пучка, крепкая стволком для острого ножика, далеко видна пучка огромным зонтиком в виде огородного укропа. Под берёзой вольно невестится шиповник, отцветает он в июне, и ягода уже розоватая, наливается.

Деревня рядом, не более версты до покосов. С ночёвкой на сенокосе в прежние годы люди не оставались. Ехали мужики в телегах, когда ещё солнце на востоке за кромкой тайги, туман на речке и в деревне Егоровке идёт ранняя утренняя дойка, а в лугах роса. Косы и грабли от первого дня на укосах не увозились по дворам, прибирались грабли косарями в таборе, косы вешались литовками высоко на берёзовый сук. И махали мужики по росе косой так, что трава стоном ревела под острыми литовками, будто прутом её секли: «Шик – ой! Шик – ой...»

Опустела земля без отцов. И с болью в сердце приходят на память картины жизни. И никак не смиряется сердце за уходящих летно людей. Умершие своим чередом, покинувшие лик земной, они остаются в памяти нашей своими добрыми делами. Из памяти не выкинешь отцовские крупные руки. Надёжные, работающие руки отца, тёплые и родные руки мамы. И в смертный час, когда отец, прибранный в домовину, лежал дома, руки отца остыли и стали ледяными и каменно тяжёлыми...

Неумолчно, тонко слышится комариный зуд в разлитом медовом пространстве, будто с небес он, покойный и мелодичный. Музыка в сознании возникает глубинно, тихо ширится охватом застарелой тоской по отцу, маме, брату Петру, бабушке Христине. По дедам и прадедам. По людям, жившим рядом и любившим тебя. И ты, любивший, и любишь их пока живой...

За хлебными полями берёзовые перелески. Проталины голубого неба между березняками. Воздух наполнен маревом гретого мёда. Звонко и с коленцем зорюют невидимые в густом подлеске птички. Птаха журчит хрустальным голоском, угадывается овсянка. В дальнем ельнике гомонят молодые дрозды. А из куртин дерев ближнего берёзового леска время от времени высоко взмётываются парами дикие голуби в дымчато-голубое высокое небо. И рушатся с небес в прохладу осанистых от листвы берёз.

Уже и небо остыло красками до водной мутности. И горизонт задымился угасающей узкой полоской вечерней зари. И сухой воздух стал молочно-голубым, перед тем как упасть росе. Загустела ровная синева неба. И в святой час на южном небосклоне живым светом уже мигала яркая первая звезда. А мне всё вспоминалась минувшая жизнь людей в Егоровке.

3. Подрукавный хлеб

После смерти отца далёкой стала родина родителя. От усадьбы деда в Егоровке сохранился к девяностым годам прошлого века лишь высокий дом, тёмный брёвнами, чёрный тёсовой крышей. Дом ставился первым от речки в улице, на солнечной стороне. Дом младшего брата Демьяна Павловича тоже сохранился, стоит он около века – за дорогой, супротив дедовского. Тоже первый двор к речке, изба высокая, окнами на север. Единственный двор жилым сохранился в Егоровке, не порушенный за долгий век Демьяновскими детьми и внуками. Остальная северная сторона улицы вся в пустошь ушла. Умерли хозяева, потомки разобрали избы и вывезли срубам в Абан, в райцентр. Не схотели егоровские потомки жить на земле родителей.

Для себя, внукам бабушка пекла домашний хлеб в русской печи, из магазина покупались сахар и соль, да «мануфактура». От века так: картошки вдоволь накапывали с сорока соток земли, муку с мельницы в Зимнике привозили, солонина в холодном погребе хранилась в достатке кормить большую семью. Всё своими трудами добытое. Когда бабушка сеяла в сите муку для «подрукавного хлеба», невидимая для глаз пыльца вдыхалась медовым привкусом на губах. Мололась рожь на мельнице в каменных жерновах. Ржаная крупка, набранная из-под мельничного рукава, на вид серая и второсортная по качеству. Оттого и хлеба звались «подрукавными». На мельнице в Зимнике работал бабушкин сын Володя, средний брат моего отца. Он и привозил ржаную муку. У бабушки много внуков, кроме меня. Рядом двор сына Володи-мельника, там ещё пятеро ртов. Часто выпекала бабушка нам пироги из ржаной муки, ливерные и рыбные.

От речки Егоровки до Зимника прямой тягун. Грязно-красный тракт, который отсыпали время от времени пережжённой аргиллитовой щебёнкой с Гагаринского карьера. Обочь дороги дремучий хвойный лес, пробитый людьми давным-давно узким коридором. Магазин у тракта на горе виден. Огородные жерди от крайней избы, что напротив магазина, светлеют за километр хрупкими косточками в огородном плетне, выбеленные временем. Ещё до Отечественной войны мужики артельно построили из плах лиственницы на речке Егоровке сливной лоток под мостом, поверх плотины для запруды, для сброса родниковых вод и ливневых дождей. Все ребятишки с Егоровки и Зимника любили купаться у этой запруды, лежать в струях воды на лотке. Пруд подле моста глубокий. Брат Пётр первейший рыбак. Он и привёз с Апанских озёр карасей и запустил в Егоровский пруд. Развелось рыбы много, мальчишки ловили карасей и голянов корчагами, рыболовные сетки ставить брат Пётр запрещал, подростков гонял.

От моста высокая насыпь дороги до дедовского дома, за ней обширный заливной луг. Далее за огородами вольная тайга уходит в болото. В окрестных лесах до самой осени полно различных грибов; растут опята на мшистых пеньках вдоль просеки, грузди в бору; полно рыжиков.

В старину тёс для хозяйских построек драли из сосны. Сосновый «боров» раскалывался берёзовыми клиньями. Отщеп дранья легко поддавался плотницкому топору. И янтарная дранка с треском отщеплялась винтом по всей длине «борова». Я помогал брату в таких делах, укладывал дрань рядками на лежаки. Ярусами укладывал на брусочные прокладки, чтобы проветривался тёс и высыхал ровной доской. Плаха пилилась в старину лучковой пилой, с высоких строительных лесов. Такими плахами был застелен пол низкой дедовской времянки, где дед дневал и ночевал за шитьём, скорняжил – мял и выдывал шкуры различных зверей, шил из шкур медвежьей дохи, собачьи шапки, конскую сбрую. Под полом времянки плодились крысы. Осенью дед вскрывал полы, поднимал плахи в своей времянке и уничтожал гнёзда, в которых я видел махоньких молочно-розоватых крысят. Иначе никаких запасов зерна не хватало на долгую зиму. Крысы портили и конскую упряжь, вместе с поросятами жрали запаренную дроблёнку из корыта. К сенцам жилого дома была пристроена глухая кладовка, где стоял мучной ларь, хранились мешки с рожью и зерном, на стенах висели ружья, подсумки с патронами. Кладовка замыкалась увесистым замком. Брат ставил в кладовке железные капканы для крыс, мышеловку, и круглый год шла война. Дверь в кладовку подогнана плотно, без щелей, но крысы и мыши ходы и выходы находили.

Теперешние обитатели дедовского дома раскатали надворные постройки, уничтожили кузницу, разобрали и вывезли в другое место приземистую дедову времянку. Убрали за ненадобностью и присадистую крепкую баню. Разгромили гумно с высокими распашными воротами. Крутился там барабан молотилки, веялось зерно после отжинок до Покрова. Покрутить барабан веялки и мне довелось в осенние школьные каникулы.

Брат Пётр в дедовом доме жил до смерти бабушки. Потом дом продал старикам Жерносекам, которые продлили век дедовской усадьбы до восьмидесятых годов. Бабушка Христина любила внука Петра больше своих детей. Родила Петра старшая дочь Дуська, нагуляла в девках, началась война, дочь бросила на руки матери грудного Петра и подалась в Тайшет на лесозаготовки. У бабушки Христины, молодой ещё тогда женщины, на руках тоже был грудной ребёнок. Родилась в сорок первом поздняя дочь Валя. Выкормила бабушка грудью внука Петра и дочь Валентину.

Вырос Пётр уважительным, видным мужиком. На людях бабушку звал «маткой». Дуську Пётр за мать не считал. Степенный в речах и делах, силач, на спор валил племенного жеребца в загоне конюшни. Работал Пётр на колхозной конюшне с детства конюхом. Я приезжал на летние каникулы из Канска в Егоровку сразу же после школы, для меня брат Пётр подобрал спокойного коня гнедой масти, по прозвищу Бичук. Катался я на Бичуке верхом и без седла часто, любил коня. Помнил и меня Бичук после зимней разлуки. Верхом на этом коне я помогал брату Петру пахать деревенские огороды ручным плугом. К шестидесятому году в деревне Зимник настоящий клуб ещё не построили, электричество только тянулось проводами от столба к столбу. Школа в деревне Зимник была восьмилетней, десятилетку оканчивали дети из Зимника и Егоровки в Апано-Ключах, где для этого государство построило при школе интернат.

Таинственно и интересно было сидеть на конюшне в Егоровке, в конюховке, при керосиновой лампе, рядом с братом, в компании взрослых парней и девчат. Брат подмигивал мне, требовал от своей «распашонки»: «Научи братишку целоваться». Кружились девчата вокруг холостого Петра липучками, доверчиво «распахнутые», готовые угодить мужику во всё. Оттого Пётр и звал своих зазнов «распашонками». Доярки молодые – девки шальные, истосковавшиеся по мужской ласке. И я стыдливо сопротивлялся зрелым ласкам девчат, которые пытались меня обнять, резко отстранялся от упругих девичьих грудей, увёртывался от земляничного девичьего поцелуя в губы. Брат довольно смеялся: учишь, братишка, девок любить.

4. Усадьба моего деда

Какое счастье – жить. Просто жить. Жить в неведении о жестоком мире; быть молодым, не зная ещё ничего о жизни! Всё ещё впереди, надеяться и жить. Прожить достойно короткий свой человеческий век. Трудно избавиться от горького привкуса, который оставила минувшая эпоха. Нет и дедовской усадьбы. Сохранился лишь сруб глубокого колодца, из которого черпалась дедовским ведром вода колодезным журавлём. Сохранилась дедовская изба, раздетая от построек усадьба теперь зияет открытым полем на семи ветрах. Во дворе под навесом была кузница с наковальней на высоком сосновом пне столетней давности. Просторный тёсовый навес, крытый сосновым драньём от дождей и снега, оберегал от ненастья треть двора – это пространство от кузницы до пристроенной к сеним дома кладовки. Под навесом сохранялись кошевые сани, гнутые расписные дуги и дедова бричка. Коня в личном хозяйстве при советах запрещалось иметь. Пётр работал конюхом. Конюху разрешалось брать любого коня для работы в колхозе. С улицы в воротную верёю вколочен стальной штырь с ухом, в которое продето кованое кольцо для уздечки и вожжей. Саврасый жеребец часто стоял там под седлом. Брат приезжал. Пётр позволял кататься в седле на этом жеребце. Окликал Пётр меня «братишкой», старше меня он на двенадцать лет. И шёл ему тогда двадцатый год. В августе мы с братом таскали мешками кедровые шишки из кедрача, который высился могучими стволами на дальнем болоте вдоль реки. В августе кедровые шишки ещё фиолетовые, тяжёлые от липкой прозрачной смолы. Но после варки в чугушке орехи в шишках становятся медовыми. Мешки с шишками поднимались братом на потолок избы, там кедровые шишки высыпались на брезент. Кедрового ореха хватало до нового урожая. На осенних каникулах приезжая к бабушке в Егоровку, первым делом я забирался по скобам в бревнах из тёмных сеней на потолок избы за кедровыми шишками.

Старик Жерносек и его бабка умерли. Дети продали усадьбу заезжему коммерсанту с Кавказа. Ныне на месте усадьбы временная пилорама. Пришлые мужики пилят шпалу на продажу китайцам, лес везут «чёрные лесорубы» с Бирюсы. Дом без хозяина сирота, не обжит по-людски, используется как временное жильё для рабочих. Даже и не верится, что этот дом строил мой знаменитый дед-знахарь век назад. Не верится, что в этом доме родились пятнадцать детей...

Трудно представить теперь, что на базах и в хлеву плодились и водились овцы и свиньи, вздыхала уставшая от трудов корова, целыми днями над усадьбой кружили голуби в голубом небе. Стаи скворцов пересыпались чёрной ордой на пашню огорода, не опасаясь пахаря. Брата Петра скворцы и голуби не шугались, будто ведали птицы, кто их покровитель, кто мастерит им скворечни и гнёзда. И теперь всё это осталось только в моей памяти. Из пятнадцати родившихся выжили шесть ребят и двое девчат. Всех своих детей дед принял от жены Христины во время родов без посторонних глаз. Новорождённым младенцам всем завязал пуповину суровой ниткой и обрезал от матери, давшей жизнь.

Разошлись по миру дети бабушки Христины и Василия Павловича. Прожили достойно жизнь на земле в трудах и войнах за державу, в заботах о потомстве своём. Ныне уж из бабушкиных детей мало кто остался на земле. Чернявая казачка Валя одна из всего рода и живая.

В сумерках вечера я стою у Дёмкиной избы, смотрю за дорогу на дедовский дом. За пилорамой огородная пустошь, наваленная брёвнами, обрезками горбыля. Земля разворочена тракторными гусеницами. И нет ни в чём порядка и толку. А главное – смысла...

Особенно многим числом над усадьбой деда высились когда-то скворечники. Высились они на высоких жердях по периметру уличного забора, над заплотом между усадьбой деда и сыном Володи-мельника. И парили эти игрушечные домики-кораблики – словно невесомые они и плывут в небесной дали навстречу облакам, будто в сказке со счастливым концом. Весной селились в скворечниках беспокойные скворцы, чёрные пером до угольного блеска птицы. И жизнь двора наполнялась каким-то особенным смыслом. Плугом за конём пахался братом Петром огород.

Брата я любил. К нему тянулся в деревню из города в подростках. Брат научил обращаться с ружьём, заряжать патроны, по чернотропу брал в тайгу искать белку, учил обдирать белок и зайцев чулком, напяливать эти шкурки на правило, после просушки шкурок учил снимать мездру, выделывать шкурки зверьков. Ставили с братом мы и проволочные петли на заячьих тропах, зайцев в те годы водилось много вокруг Егоровки. Научил брат и птиц ловить, показал, как мастерить из сосновых лучин птичью клетку. На усадьбе водилось много голубей. Гнёзда из досок, ячейками, рядом крепились под застрехой дедовской временки, под амбарной крышей. Дух захватывало, когда стая голубиная взбивалась высоко в небо.

Дед во всём порядок любил. Пьяных дед не терпел, сам не пил самогон и водку, но для гостей первач не жалел. Курил дед самосад из табака, который сам сеял в огороде и убирал осенью, сушил на вешалах под крышей временки. Брат Пётр этот табак рубил секачом в корыте, просеивал самосад на сите от табачной пыли. Из-за этого самосада брат Пётр и не стал курильщиком. Дед же смолил самосад непрерывно, не выпуская мундштук люльки из прокуренных до ядовитой желтизны зубов. Знахарь Василий Павлович Шелях жил хлебосольным человеком. А вот с родными детьми сурово обходился. Знахарем дед мой был известным и староверам в деревне Федино на реке Бирюсе, и в Красноярске. Вечно кто-то в доме деда жил на лечении, приезжали больные издалека. Одно лето привезли родственники на руках измождённую женщину: кожа да косточки – посчитать можно. Больница краевая отказалась принять на излечение от непонятной болезни. Дед поднял на ноги эту женщину на моих глазах. Утром и вечером усаживал её напротив себя за кухонный стол. Выпроваживал всех во двор. И шептал на колодезную воду в литровой медной кружке. Сидел я в такие минуты тихо, дед никогда меня не гнал, насупливал лишь кустистые брови. Шептал он на воду вкрадчиво, сухо поплёвывал на пол, себе на колени. Больная выпивала немного водицы, остальную воду нёс в кружке на двор и выливал в кастрюльку старой суке. Сука лакала эту воду. И так каждый день. Бабушка поила больную женщину парным молоком. Парили берёзой больную женщину по субботам.

Баню дед рубил из сосновых брёвен, будучи молодым хозяином. Срубил сруб для бани с низким потолком. Высокий и широкий полук разместил вдоль глухой восточной стены; южная стена бани выходила низким оконцем на двор усадьбы, за влажным стеклом виделся во дворе колодец и железная труба от колодца к бане. Семья большая, ведрами воду для стирки и мытья на руках не натаскаешься, подавалась вода в баню самотёком. Журавлём доставали воду из глубокого колодца кованым ведром, в которое умещалась вода, равная полному корыту рядом с колодцем. Из корыта пила скотина и голуби, курицы и воробьи, гуси, купались в корыте утята. У колодца крепилась к трубе широ-

ким раструбом воронка. Вода из ведра выливалась в воронку. В бане вода заполняла огромный чан из кедровой клёпки. Чан старинной работы режимными мастерами куплен в абанской артели ещё до Гражданской войны в двадцатом. В баню этот чан привезли, когда она была ещё срубом без потолка и пола, ни в одну дверь такой чан потом не впишнёшь. По настилу из толстых плах закатили мужики чан на стену и опустили внутрь будущей бани на землю, рядом с намеченным окном. Пол бани из сосновых плах подняли высоко над землёй, чан наполовину остался под полом, без труда черпай ковшом холодную колодезную воду. Дед звал меня с братом Петром в баню. Парил спину деду брат Пётр двумя берёзовыми вениками. Дед кряхтел от обжигающего пара, лежал на груди, вниз лицом на полке. Я стоял на деревянном тёплом полу, зажмурившись, терпел горячий пар, прижав кулачки к груди. Привыкал к пару, кожа влажнела. Брат Пётр давал мне веник, пока дед отдыхался на полке. И я понемногу приучился париться берёзовым веником, полюбил это занятие на всю жизнь. После парилки мы остывали на лавке в прохладном предбаннике. Потом мы мылись в тёплой бане вехотками из рогожи, намыливаясь хозяйственным мылом, обливались из таза летней водой. Брат Пётр выставлял меня в предбанник, закутывал в белую простынь и отдавал на руки бабушке, которую кричал через двор. Бабушка укладывала меня в горнице на перину, и я засыпал на кровати брата в высоких пуховых подушках.

За долгую жизнь парильщика я больше нигде такой бани «по-чёрному» не встретил. Печь под чугунным котлом осажена ниже пола на полметра, без труда можно брать черпаком с деревянной ручкой горячую воду из котла, отодвинув деревянный круг на котле. Сам кузнец, дед Василий склепал для бани печь из стальных пластин и толстых железных листов на манер русской печи с дымоходом из камней, обложил дымоход речными валунами до самого потолка, где имелась из жести вытяжка дыма, как в кузнице над горном. Пламя из печи раскаляло речные валуны из песчаника внутри дымохода. Дед сделал топку под чугунным котлом ниже пола бани, из огнеупорного кирпича выложил в топке печи под. Камень вокруг печи оберегает от возгорания бревенчатые стены. Перед печкой зияет пространство метр на метр – на полметра ниже пола бани. Внизу земля перед топкой печи, которая без обычной дверки, вместо неё жестяная заслонка, с железной ручкой на заклёпках.

Баня топится берёзовыми поленьями, угли прогорают, и зола выгребаётся из топки, чтобы избежать угара. Под печки подметается от золы голиком из берёзовых прутьев. Задвигается длинной палкой вьюшка в квадратной жестяной вытяжке под потолком, чтобы пар не вылетал в трубу. Баня топится «по-чёрному», брёвна тёмные от дыма и копоти. Тётка Валя ещё не замужем, живёт в доме деда с бабушкой и Петей. Вёрткая, подвижная, как цыганка в танце, чернявая красавица, вылитая лицом в свою мать-казачку. Как две капли воды похожая лицом на любимую бабушку Христину. Валентину я люблю за красоту, за певучесть, за озорство с парнями, за трудолюбие. Работящая будет жёнка. Валентина уходит в баню мыть стены от копоти, шоркает рогожей брёвна, моет их тёплой водой. Баню надо выдержать, стены должны обсохнуть. Каменка нагревается к вечеру, как любит дед. Смолистая дымка тонко щекочет ноздри. Я помогаю Валентине прибираться баню. Первым всегда идёт в сумерках париться дед Василий.

Водила в горячую баню больную женщину Валентина. Так требовал дед. Молитвы деда, колдовство над колодезной водой, парное молоко и жаркая баня исцелили в течение месяца женщину с Севера, уехала она вполне здоровая в Норильск. Вскоре пришла посылка из заполярного города Игарки. Подарки: тёплая рубашка деду, бабушке отрез на платье, Валентине нарядная заграничная блузка. И много шоколадных конфет. Дед Василий любил кисленькие леденцы. Денег не брал дед за целительство. Домочадцев же держал в ежовых рукавицах. Однажды сын Володька напился, утром просит:

– Батька, дай самогонки похмелиться.

– Дёгтя ему, старуха, налей, а не самогонки, – рассердился на сына Василий Павлович.

Володька заплакал:

– Батька! Ты хуже Берии! Чужим людям всё за так отдаёшь, а мы голодными из-за тебя выросли.

Внуков дед Василий любил. Дед всех внуков привечал, со всеми ласковый был. На майские праздники выдавал каждому внуку и внучке по синей пятирублёвой бумажке. Лечил дед любые людские хвори. В то памятное лето жил я восьмой год на земле. Приехал на лето к бабушке

в конце мая. Пришла пора пахать землю под картошку в огородах колхозников. Пётр трудился за ручным плугом, я верхом на гнедом коне Бичуке натёр всю задницу до крови. Искупался после горячего дня в запруде у моста. До Ивана Купала в речку лезть запрещают родители. В деревне мне некому запрещать купаться в холодной речке, возле запруды под мостом, рядом с братом Петром. Простудился, пошли чирьи. На спине, на ягодицах, на бёдрах. Страх божий, сколько высыпало прыщиков на теле за несколько суток. От боли спать перестал. Кажется, уже и с ума сходить начал от болючих чирьев. На рассвете бабушка пекла хлеб, будит меня ласковым голосом: «Иди, дед зовёт». Вышел я на крыльцо к деду. Редкий туман, постройки смазаны. И ударил первый луч солнца над тайгой с востока. Бабушка вынесла горячий каравай ржаного хлеба, вынутый только что из русской печи.

– Сымай портки, – повернул меня дед спиной к солнышку. – Нагнись...

Переломил дед хлебный ржаной каравай, дышащий жаром. Выщипнул жаркий мякиш из хлебного карава. Скатал мякиш в ладонях, забормотал, заплел по сторонам, обкатывая хлебным шариком каждый чирей. Хлебные катыши кидал старой суке, что жила в будке под огородным забором. К вечеру все до одного чирьи засохли и перестали болеть. Вылечил от чирьев родной дед Василий на всю оставшуюся жизнь. Сука во дворе одна. Щенков-кобельков дед растил для мяса и собачьего жира, лечил больные свои лёгкие, из шкур шил шапки-«кубанки». Серая сука, которой он скормил хлебные катыши, уже полуслепая, жила на десятом году, старше меня была. Скормил дед суке хлебные шарики по числу чирьев. От хлебного карава одна корка поджаристая осталась. Ржаную корочку хлеба с парным молоком по сей день люблю.

Прожил дед Василий на земле до обидного мало. Умер от болезни лёгких. Умирая, наказал бабушке Христине:

– Всю скотину продайте. Иначе вся скотина передохнет...

Не поверила бабушка. Так и вышло, как дед сказал. Падёж скотины за полгода опустошил двор. Пришлось покупать стельную тёлку, брать у деревенских родственников ягнят. Птицу падёж не коснулся. Таким и запомнился родной дед Василий Павлович Шелях: высокий и крупный в кости; глаза карие, маленькие и колючие под крутым породистым лбом; брови мохнатые, вечно насупленные, будто жил человек неудовлетворенный людскими делами; запомнился дед в собачьей «папахе» из рыжих щенков, которую он не снимал зимой и летом. Запомнился опрятный и подметённый двор дедовской усадьбы. Корова, многочисленная живность, каждой твари по паре. Речка рядом – и утки и гуси водились. После смерти деда в шестьдесят шестом бабушка отпустила всех собак с цепи. Куда кобели ушли в тайгу, не известно. Но и в деревне их больше не видели люди. Старая сучка не покинула двора, и пришлось опять посадить её на цепь, чтобы не кидалась на скотину.

Издохла сука при мне, когда гостил на осенних каникулах. Петру я привёз в подарок породистого сеттера, рыжего щенка. В ноябре белковать, а собаки у брата нет, ушёл и промысловый кобель со двора после смерти Василия Павловича.

Брат не мог нарадоваться смышлёному сеттеру. Дал ему имя Туман. Охотился на уток Пётр с Туманом пять лет, погиб пёс под колёсами лесовоза. Брат с горя запил, чего никогда с ним не случилось до этой потери. Привёз я брату щенка такой же породы. Но брат уже второго Тумана не полюбил.

До Ильина дня, 2 августа, бабушка не вздувала огня в доме. Пользовались в тёмное время керосиновой лампой в «десять свечей». Стёкла к лампам берегли. Бабушка мне, попыху, не доверяла вздывать огонь. Вечеряли на кухне при открытом окне на двор. В лучах закатного солнышка над тайгой на западе. Снедали за кухонным столом в просветлённом сумраке старого дома. Под шОлканье ходиков на кухонной стене, при тёмных образах и горевшей под ними лампадкой в красном углу горницы. Бабушка Христина – родовитая казачка, дочь казачьего старшины Антона Пушкина из села Никольское. Веру православную в советское время в таёжных деревнях сохранили люди. С верой в Бога, с Божьей помощью лечил людей и дед.

Утром усадьба пустела от скотины, выгнанной со двора в стадо пастись. Гуси паслись на травке за домом на лугу, утки купались в корыте у колодца. Гуляющих по двору и под навесом куриц дед не терпел рядом с кузницей. И бабушка отпускала куриц на волю в огородчике. Наша скотина никогда не бродила по деревне бесхозной. В обычае деревенских выпускать и свиней, и гусей, и куриц на

летнюю волю. Наши вольно и беспризорно не гуляли. Пасти на лугу гусей, смотреть за молочным телёнком, который привязан на длинную верёвку к колышку, доставалось мне. И после смерти деда порядок сохранялся. В жару и голубей не видно.

Вечерком воздух синел, и в лампадном свете угасающего дня, в настезь растворённое кухонное окно, со двора тянуло сухим тёплым воздухом от построек, прохладой и сыростью из близкой тайги, слышался от хлева до крыльца сытый вздох подоенной коровы, успокаивались курицы, голуби под карнизом.

В такие вечерние часы зрелого лета воздух горницы наполнен мёдом и ладаном, дымком отдаёт от чугунок на зажётке русской печи за цветной шторкой. Пахнет на кухне парным молоком из кринки и спелой рожью от хлебов на столе; свежим огурцом и сладкой морковиной.

Замирает тайга. Отходит ко сну таёжная деревня. Отдыхают от трудов великие труженики брат Пётр и моя любимая бабушка Христина Антоновна, чернявая сибирская казачка. Пора и мне на сеновал. Двор светел, видится с сеновала до городьбы огородчика, полного зелёной морковной ботвы, зреющими помидорами на кустах, под забором на земле грядка огурцов; весной бабушка кидает в сырую землю и семечки: подсолнухи на долгих былинах солнечными блинами светятся в сумерках. По-хозяйски строено, по-людски век содержится усадьба: не повалено, не мурьёй.

Жил я у бабушки каждое лето. Косил сено, пропалывал и окучивал тяпкой двадцать соток картошки, пастушком гонял общественное стадо коров, когда подходил черёд нашего двора.

Прошла годами Революция. И Гражданская война партизанским фронтом в деревню Бойню упиралась в двадцатом годе. Бойней до двадцатого года звался Зимник. Побили тьмы народа в Великую Отечественную войну с немцами. Обезлюдели без мужиков деревни сибирские. Ушли бессмертные сибирские полки в вечность. Ушло в вечность столетие. Закончились два тысячелетия от Рождества Христова жизни людей на земле.

Минул век людской стороной и своим порядком. Своей мерой и своей правдой. Ушли своей чередой, будто и не жили на земле, прадеды и деды, наши отцы, преображавшие лицо земли и «губившие» жизнь. Дурная и добрая кровь времени. И этот красно-пегий телёнок в зеленях словно пришёл в день текущий из века прошлого. И не осмыслить, не собрать воедино Замысла Божьего нашего присутствия на Земле.

Проза

Наталья Мелёхина

Наталья Мелёхина – прозаик, критик. Окончила факультет филологии, теории и истории изобразительного искусства ВГПУ. Дважды лауреат Международного Волошинского конкурса, лауреат Балашовской премии, премии им. Б. М. Пидемского, победитель конкурса «Внезапная реальность», финалист Абрамовской премии «Чистая книга – 2020».

Публиковалась в журналах: «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов» и других. Автор книг: «Железные люди» («Эксмо», 2018) и «Александр Панкратов» («Древности Севера», 2018).

ПОЛТИНИНСКИЕ БЕСЕДЫ

В родной деревне Полтино часто слышу ёмкие и яркие диалоги, в которых вся сельская жизнь как на ладони. При желании на крепкие косточки этих фраз можно нарастить увесистую плоть рассказов, но есть такие картины, которые не требуют золочёных рам. Сельчане вырезают из календарей, газет и журналов изображения букетов, фруктов, природы и прищипливают на стены деревенских кухонь булавками, вынутыми из кружевных сколков¹, или простыми канцелярскими кнопками. Вот так же и эти полтининские картинки-беседы, словно вырезанные из действительности, не нуждаются в тесных оковах больших текстов.

Конец света

В Полтинине время от времени наступает конец света – отключают электричество. Это случается обычно в ветреную или снежную погоду. В такие ненастные дни мы запасливо наполняем термосы горячим чаем. На всякий случай.

Готовим мы, полтининцы, на электроплитках. Когда света нет, надежда только на термосы да на суп, который до обеда не остынет в русской печи, протопленной с утра. Электричества может не быть минут десять, а может – и весь день, и даже целые сутки. Зависит от того, где произошла поломка. Если провод ветром оборвало на дальней просеке за дамбой, то пока до неё доберутся электрики, пока починят – дело не быстрое. Деревенская жизнь – это тренировка терпения.

Газа у нас в Полтинке нет, наверное, потому, что мы живём в самой богатой природными ископаемыми стране мира. Он есть в соседнем Палкине, но разве потянут линию ради нескольких домов от деревни к деревне? О крестьянах никогда не думают, вопрос их комфорта повис в воздухе печной кочергой под закопчённым потолком и нагло держится там вопреки всяким законам физики. Как только его задаёшь, кочерга больно падает тебе на лоб, чтоб лишку не умничал, и уже очень многие мудрые люди об этот вопрос сломали себе голову.

В минувшую среду случился снегопад, а значит, и угроза рядового, будничного конца света. Спрашиваю у мамы:

- А когда в нашу деревню свет провели?
- Точно не помню. Но где-то в шестидесятых. Я тогда ещё в школе училась, – отвечает мама.
- А как вы до этого ужин готовили?

¹ Сколки – рисунки на плотном картоне, по которым плетут вологодские кружева: льняная нить в определённых местах сколка крепится к картону булавками.

– Зимой – на маленькой печке ¹, а весной – вон под той берёзой, – и показывает на белоствольную великаншу, которую я помню столько, сколько помню себя. – Мама вечером доит коров на ферме, а нам, детям, велит картошки на ужин наварить. Мы под берёзой теплину ² затопим и картошки наварим.

– А с чем, мама, вы картошку ели?

– Когда с солью, а когда с таким, больше у нас по весне ничего и не было, – отвечает мама.

Как отец отдыхал (почему деревенские парни не «косят» от армии)

Мама рассказывает:

– Отец твой, ещё когда в парнях ходил, уже с желудком мучился: как дрова поколет, так у него живот разрывается. Мужиков-то после войны в деревнях мало было, парни-подростки вместо них почти всю работу делали. В больницу отец ездил, ну посмотрели, конечно, врачи, но таблеток тогда ведь не было таких, как сейчас «Омез», да и работа всегда тяжёлая в колхозе. Уже в юности отец сильно болел. Но потом-то ничего, отдохнул.

– А где он отдохнул, мама? – спрашиваю я, предполагая, что, может, папе путёвку в санаторий дали или в больницу положили.

– Так в армию его забрали, – поясняет мама. – Там, в армии, и отдохнул. Круглолицый такой сделался, здоровенький, красивый. Живот болеть перестал. Кормили там хорошо: каши, суп, второе, компот! Да и работы ведь там всё равно не столь, как в колхозе. По дому, правда, отец сильно скучал. Два раза его только в отпуск парторг Шабанов для меня выписывал. Один раз под Новый год – дрова колоть, а другой раз в июле – на сенокос.

Спиридон или Сидор?

Весной в деревне днём и ночью поют соловьи. У каждого свой голос, своя тематика и своя сценическая площадка. Соловей, живущий у нас в огороде, поёт по-русски: трели его очень похожи на отдельные слова, причём он выбирает такие, чтоб были со звуками «н», «д» и «р». Полю с мамой клумбу с цветами, слушаем соловушку, я хвалю:

– Очень красиво! Как старается!

– Да, красиво, – соглашается мама. – Но привирает.

– Как это? – удивляюсь я.

– А заладил с утра: «Спиридон, Спиридон!» А какой же Спиридон, когда сегодня Сидор? – Я ему говорю: «Ошибся, соловушка! Спиридон-то когда ещё будет, милой? Зимой ведь – 25 декабря! А сегодня 27 мая – Сидор Бокогрей. Огурцы пора сажать».

Угу

У мамы насморк, но она по-крестьянски боится пользоваться лекарствами. Звоню ей по телефону прямо из города, из аптеки, спрашиваю:

– Мама, если я привезу капли в нос от насморка (такое-то название), ты будешь ими пользоваться?

– Угу, – обещает мама.

Привожу капли, мама ими не пользуется, потому что «страшно» и «не хочу».

– Мама, ты же сама по телефону сказала «угу».

– Это не я.

– А кто?

– Я тогда с тобой говорила на улице. Возможно, это была сова.

С капустой не люблю

Подвыпивший сосед приходит к моей маме:

– Ленка, я запил, печь не топил, в избе стужа! Есть нечего!

¹ Маленькая печка – временная железная печка, присоединяемая к русской посредством металлической трубы.

² Теплина (диал.) – костёр.

Мама напоила соседа чаем, угостила пирогами с капустой и отправила спать на русскую печь. Сосед выспался, протрезвел, с печи слезает и благодарит:

– Ленка, дай бог тебе здоровья! И отогрелся, и выспался! А пироги-то у тебя какие вкусные с мясом!

– С капустой, – поправляет мама. – Я с мясом-то не пекла.

– Не, – морщится сосед. – С капустой я не люблю.

«Потерпи, милая!»

У этого же соседа жила одна старая курица в гобце (подполье). Было ему жаль убивать птицу, да и зачем? Мясо у старой невкусное, подушку пером с одной курицы не набьёшь, так зачем живую душу зря губить? Когда сосед уходил в запой, у него не хватало сил спуститься в голбец, чтобы накормить курочку, и тогда он открывал крышку в подполье и крошил туда хлеба:

– Ты уж, милая, прости! Я запил. Вниз пока не полезу, а то убьюсь, не дай бог, кто тебя тогда, старую, прокормит?

«Почему грехи одинаковые?»

Как сосед из запоя выходит, так сразу едет в Вологду в храм на исповедь и причастие. Один раз вернулся из города и рассказывает:

– Меня уж и батюшка узнаёт. Подойду к нему на исповедь, а он: «Знаю, знаю! Опять пил да матерился? Почему у тебя всё грехи-то такие одинаковые? Хоть бы уж ты ради меня пить бросил! Представь, как слушать-то мне тебя надоело: каждый раз одно и то же!»

Шуточки прогресса

В советские годы во всех избах на стенах висели проводные радиоприёмники. Работали они в целом неплохо, пусть и принимали всего две-три волны. После развала СССР проводного радио на селе не стало. Начали покупать музыкальные центры и на них слушать радиостанции, в основном местные в диапазоне FM. Изменились технические характеристики вещания, и это радио тоже стало работать под настроение: день нормально, два – шум да помехи. Свои, полтининские жители, просят меня, журналиста, узнать, что можно сделать. Узнала: надо писать в Москву электронное письмо большому начальству. Родители спрашивают:

– А марки-то к этому письму где продают? И какие они?

Как смогла, объяснила принцип работы электронной почты. Родители:

– Вот прогресс до чего дошёл! Чего-то только не придумают! Одного только придумать не могут, чтоб в деревне радио разговаривало.

Так и помянешь покойного Башлачёва ¹:

Не достал нас «Маяк»,
Но концерты по заявкам сельчан
Каждую ночь под окном
Исполняет сводный хор кобелей.

«Стихи хорошие, но морду бы набил!»

Знакомый моих братьев, деревенский мужик, в новогоднюю ночь зашёл к нам в гости и просит меня:

– Ты, Наташка, всё с писателями да с поэтами общаешься, почитай мне, как Дедушке Морозу, нынешнее стихотворение, но только не заумное, а чтоб за душу крепко зацепило.

Читаю ему наизусть «Хозяйку» Александра Башлачёва. На словах «А ты ответишь: “Это ничего” и тихо покачаешь головою» он украдкой смахивает слёзы. Закончила читать, мужик говорит, нажимая кулаки и сильно по-вологодски окая:

– Стихи-то хорошие, но морду бы я этому поэту набил! Надо ж так не по-людски хорошую бабу обидеть!

¹ Четверостишие из текста Александра Башлачёва «Зимняя сказка».

«Кто-то должен»

Мама смотрит кино, идёт современная мелодрама якобы из деревенской жизни, из бесчисленного количества тех, где в колхозницу влюбляется миллионер из Москвы. Говорит мне:

- Посмотри фильм.
- Мама, я не хочу. Я такие фильмы не люблю.
- Их никто не любит.
- А зачем тогда смотреть?
- На съёмку деньги казённые тратили. Кто-то должен смотреть.

«Откуда дураки приехали?»

Бабушка часто мне рассказывала, что моя мама Лена, когда была маленькой, не умела толком плакать, а только хныкала. Тогда у неё спрашивали:

- Ленка, откуда дураки-то к тебе приехали?
- Из Полежайки, – отвечала она и после этого вопроса со временем успокаивалась. Полежайка – нежилая ныне деревня, пустое поле без единой избы. Интересуюсь у мамы:
- Почему ты плакала?
- Так болело что-то, наверное, или уши, или зубы. Нас, ребяташек, тогда как лечили-то: на печку загонят, вот и все лекарства.
- А почему дураки из Полежайки?
- А тебе откуда надо? В Полежайке-то дураки самые лучшие, не сомневайся!

«Алка за всех поживёт»

Моя тётя Люся, старая доярка, стойко борющаяся с онкологическим заболеванием, рассуждает о тех событиях, когда Алла Пугачёва с большой помпой приехала на вокзал:

- И чего это Алку Пугачёву все ругают? Ни у кого из нас жизни не было – одна работа! А как работать кончили – одни болезни! Так пусть хоть Алка за нас за всех поживёт.

Оптимистка

Дорогими стали корма, и невыгодно стало держать скотину, все в деревне от неё избавляются, кроме тёти Люси, она не спешит подворье «нарушить» (то есть пустить под нож).

- Тётя Люся, а вы почему всё ещё скотину держите? – интересуюсь я.
- Я у тебя тётка-оптимистка! – весело машет рукой тётя Люся.

«То ли я их, то ли они меня»

Один мужик, как его ни отговаривали, решил заняться фермерским хозяйством и разводить птицу. Тут в очередной раз корма подорожали. В деревне его спрашивают:

- Ну как идёт хозяйство?
- Да как сказать... Кормлю я птицу, а сам каждый раз в уме расходы на корм считаю и думаю: вот то ли это я их ем, то ли они меня, – отвечает мужик.

Шполотенце в шпакетике

Брат Женька собирается покупать мне подарок на день рождения. Честно предупреждает:

- Наташка, получку в колхозе не дают, поэтому денег нет, в город поехать не смогу, покупать буду в сельмаге. Чего хочешь: шоколад или шампунь?
- Ни то, ни другое. Там банное полотенце продают голубенькое с белыми ромашками, так вот хочу его в подарок.
- Нельзя, – сурово обрубает Женька.
- Почему?
- Сельсовет принял постановление, в сельмаге подарки теперь дают только на букву «Ш», так что либо шампунь, либо шоколадка.
- Ну что делать, – развожу я руками. – Давай шоколадку.

В день рождения брат приносит подарочный пакет, а в нём полотенце то самое, с ромашками, шампунь с бальзамом и шоколадка. Я нарочно хмурюсь:

– Ты что это, брат, постановление сельсовета нарушил? Можно только на букву «Ш». А ну как нас с тобой теперь арестуют?

А брат отвечает:

– У меня всё законно: шпалотенце, шампунь, шбальзам, шоколадка – всё в шпакетике!

Два куска отнюхал

В детстве часто ходила я со старшими братьями на охоту. Разница у нас в возрасте большая, они были уже взрослые мужики, а я – ещё школьница. Двоюродный брат Димка, ныне покойный (он рано умер от онкологии), в те трудные годы работал егерем в посёлке недалеко от Вологды. В нашей деревне мы, подростки девяностых, редко видели шоколад, конфеты, сыр, колбасу и фрукты. За ними надо было ехать в город, и Димка из Вологды всегда привозил мне что-нибудь вкусное. Как-то раз идём зимой с братьями на охоту, а Женька спрашивает:

– Димка, это у тебя, что ли, из рюкзака копчёной скумбрией пахнет?

– Это не тебе пахнет, а Наташке, а ты зря не нюхай, – строго предупреждает Димка.

Устраиваемся на привал, чай у костра пить, Димка для меня скумбрию разрезает, а я страсть, как её люблю и по сей день: чтоб есть её на куске чёрного хлеба, да чтоб кусок потолще, чтоб сок от неё по пальцам тёк, чтоб разваливалось рыбье мясо на янтарные пластинки... Но я, конечно, делюсь с Женькой, и ему тоже кладу два ломтика рыбы на кусок. Димка замечает и ворчит:

– Все равно уж два куска себе отнюхал!

Родная кепка

Не стало Димки, ушёл он в мир иной. Поминаем его с мамой да сестрой Ниной, ему она родная, а мне – двоюродная. Нинка говорит:

– Я Димкину кепку не отдам никому.

В наших деревнях после ухода человека из жизни принято вещи покойного обязательно раздать после сорокового дня.

– Почему? – спрашиваю.

– А на ней Димкин запах остался. Как соскучусь, так понюхаю да к себе прижму.

Слушаю я сестру и думаю: в деревне на одного живого слишком много покойных приходится, и среди них не только и не столько старики, как принято считать. Пьянка, болезни, несчастные случаи уносят и молодых, и даже детей. Не успеешь ещё и повзрослеть толком, а память уже становится досадной и тяжёлой ношей, будто на исходе лет, но ко всему привыкаешь, и начинаешь буднично жить на два мира: не только среди живых, но и среди умерших родных, друзей, одноклассников, иных близких – навсегда любимых.

Упадём!

Охотники стараются держать в тайне места любимых глухариних токов. Послушать глухариную песнь – это всё равно что саму весну во плоти в лесу повстречать. Найти самому ранее неизвестный людям ток – оставить своё имя потомкам. Заповедные места передаются как бы по наследству: от отца – детям, от деда – внукам, от дяди – племянникам. Стало токов мало в последние десятилетия, и охотники зачастую уже не стреляют птицу, а просто ходят посмотреть да послушать. Снимают видео, делают фотографии, друг другу потом показывают. Это и есть их трофеи.

Брат хвалит нашего племянника Сергея, который снял видео с поющим глухарём, но сетует, что фотографии получились не очень чёткие. Я предлагаю позвать на ток моего коллегу, профессионального фотографа с очень дорогой и чуткой фототехникой:

– Он так хорошо снимет, как для National Geographic!

Брат понимает, что придётся ток показать чужому человеку, и пугается:

– Не-не! Он туда и дойти-то не сможет! Это ведь привычку надо иметь. Сама знаешь, каково это – на ток идти.

Я знаю: вставать надо рано утром, почти ночью, путь на ток долгий и трудный, то по узкой тропе между двумя мелиоративными канавами, то через болото, а подбираться к токующему глухарю – целое искусство, которому в семьях охотников учат с детства: нужно быть тихим, ловким и юрким, как мышь. Но истинная причина, почему брат не хочет звать фотографа, всё же не в этом. Я решаю Женьку поддразнить:

– Чего это не сможет? Он парень тренированный. И не в таких переделках бывал, в горах Алтая снимал и даже в Тибете.

– У нас не Тибет! Сама подумай: там же иди по тропе между двух мелиоративных канав. Как по бревну! Скользко! Снег уже мокрый будет, а в канавах – воды выше моей головы. Упадёт ещё! Закупается!¹ Кто за него отвечать потом будет?

– В горах и не такие узкие и опасные тропы бывают, он же не упал. С чего бы ему у нас падать?

– А я сказал: упадёт! – отрезает Женька и поскорее сбегает от меня на кухню, показывая, что всякий разговор на эту тему закончен.

Колонной по три

В Вологодской области расплодился бобр. Безобидные, казалось бы, строители мира природы вдруг начали наносить большой вред дорожному хозяйству: они перекрывают плотинами мелиоративные трубы под мостами и затапливают дороги. Дорожники плотину с утра разберут, бобры за ночь новую построят, и так до бесконечности. А всё почему? А потому, что после развала СССР уничтожена система приёма пушнины на меховые фабрики. Охотникам попросту стало невыгодно бобров добывать: сил и денег потратишь много, а шкуру продать некуда и некому. Вот популяция и вышла из берегов.

Тогда власти решили запустить программу по переселению: мол, надо животных живьём ловить и вывозить в те регионы, где их мало. На бумаге-то всё разумно выглядит, а на самом деле бобра хоть живым, хоть мёртвым добыть одинаково тяжело. Тем не менее охотничьим бригадам дали поручение организовать переселение, а мой брат как раз бригадир. Спрашиваю его:

– Ну как идёт выдворение бобров?

– Плохо, – качает головой брат.

– Что так?

– А неграмотные они, заразы! Телевизор не смотрят, радио не слушают, газет не читают. Придёшь на берег, а они до сих пор ни слухом ни духом! Им по графику через час выселяться, а они ещё и шмотки не собрали!

– И как быть?

– Я выйду на берег да как заору: «Бобры! Бобры!» Они высунутся из воды, я спрашиваю: «Мужики, который из вас тут староста? Выходи!» Они: «У нас не староста, мы плотники, так у нас прораб». Я им: «Ну зовите и прораба. Постановление сейчас читать буду от правительства о выселении, на новых землях выдадут вам каждому по своей плотине». Прораб выйдет, я с ним потолкую, тогда уж начинают вещи в хатках собирать помаленьку. Построятся в колонну по три, пожитки в узелках взвалят на плечи и маршируют на выселки. Прораб впереди шагает, а бобры матери за лапы ведут.

– Неужели никто из бобров не протестует?

– Протестантов велено на Колыму выселять, так уж они помалкивают.

¹ Закупается (диал.) – утонет.

Проза

Олег Рябов

Олег Алексеевич Рябов – родился в Горьком в 1948 году. Окончил политехнический институт по специальности «радиоинженер». Работал в НИИ научным сотрудником, в проектно-институте начальником снабжения, Облкниготорге – товароведом, Оперном театре – дежурным электриком, мясокомбинате – зам. директора, в типографии. Впервые стихи были опубликованы в газете «Ухта» Коми АССР в 1968 году. Первая книга, повесть о войне, «Письма отца» вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1988 году. С тех пор изданы пятнадцать книг стихов и прозы. Печатался в журналах: «Наши современники», «Дружба народов», «Знамя», «Нева», «Север», «Молодая гвардия», «Сельская молодёжь», «Невский альманах», коллективных сборниках, альманахах, антологиях. Лауреат конкурсов «Ясная поляна», им. Шукшина «Светлые души» в г. Вологде, лауреат премии Б. Корнилова, «Болдинской премии», трижды лауреат премии Нижнего Новгорода в области литературы. С 2002 года член Союза писателей России. Главный редактор журнала «Нижний Новгород». Указом президента РФ награждён медалью А. С. Пушкина.

Престольный праздник

Рассказ

Николай Никанорович Пенкин был в своё время директором завода, достаточно крупного завода – три тысячи человек, обособленная охраняемая территория, своя пиковая котельная, автономная система энергоснабжения. Хотя и выпускал его завод среди прочего эмалированную посуду, но все знали, что основная его тема – «оборонка», и аббревиатуру названия завода если тут расшифровать, то нормальный человек всё равно ничего не поймёт.

Николай Никанорович пришёл на завод инженером по распределению после окончания института и с завода же ушёл и на пенсию. Правда, успел он за это время вырасти до директора, приватизировать свой завод и продать его. При том по-хитрому довольно продал – остался Пенкин владельцем пиковой котельной, которая отапливала половину городского района, и хозяином одного из корпусов завода, который теперь сдавался в аренду различным коммерческим структурам.

Когда в институте учился Пенкин, был он худеньким и маленьким – на стадионе, где мы в футбол играли, мог за древком флага спрятаться. А стал директором – раздался в плечах, в лицо чего-то красного налилось, глаза выпученные, живот свой он грудью стал называть, на улице, если встретит знакомого, – обязательно замечание сделает: «Ты почему без пальто?» или: «Скажи жене, чтобы она тебе ботинки почистила!» Даже неловко себя начинаешь чувствовать после общения с ним.

Когда же на пенсию Николай Никанорович вышел, то снова другим человеком стал. Хотя, конечно, не на пенсию он ушёл, а просто после инсульта, догнавшего его, перестал заниматься делами всерьёз. Но теперь, если в сквере на скамеечке меня заметит, подойдёт и спросит: «Разрешите попристутствовать?» – и после этого только сядет. Ну а я, несмотря на директорство и пенсионерство, всё равно его просто Колей зову.

Был Пенкин человеком изначально деревенским, родом из Красного Маядана. Когда мы в институте учились, я к нему в гости, точнее с ним к его родителям, в этот Красный Маядан, раз десять ездил. Красивое и тогда было село, а теперь ещё и новый храм там недавно поставили – по местному телевидению показывали. Точнее, храм восстановили – так было сказано. И что-то меня кольнуло: была какая-то история, связанная с этим храмом в селе Красный Маядан, но не мог я тогда ухватить эту связь.

А потом припомнился мне весьма любопытный факт, и оформился он у меня в голове как недоразумение, только когда Пенкин в мае сообщил мне, что едет в свою деревню на престольный праздник, это на Николу Летнего. Листал я на досуге как-то книжечку краеведческую про наши церковные древности и увидел там описание храма в селе Троица-Майдан, которое в советское время стало Красным Майданом и было тем самым родным селом Пенкина. Описывалась в той книжечке и история храма, и какие чудотворные и мироточивые образа в нём были, и как Василий Верещагин его купола расписывал, и какие замечательные господа на богомолье туда приезжали. А потому недоразумение заключалось в том, что праздник престольный у них должен был отмечаться в Троицу, а уж никак не на Николу.

Как всегда, встретились мы с Николаем Никаноровичем в скверике. Погода весенняя стояла – май месяц.

– Должен я ехать к себе в деревню на Николу, – доложил мне Пенкин, – я у них там, в храме, почётный гость. Храм новый, считай, на мои деньги поставлен. Старая-то церковь, помнишь, и без куполов, и без крыши стояла. Говорили, что во время войны немцы бомбу сбросили, она купол храма пробила, а не взорвалась. После войны её сапёры вывозили. Я сам того не помню, но старики рассказывали. А потом и купола обвалились, и стены крепко порушились. А может, и не нарочно немцы сбросили бомбу ту, а она сама упала с немецкого самолёта. Говорили, что немцы боялись зениток городских и до автозавода часто не долетали, а запросто эти свои игрушки, бомбы в смысле, куда ни попадя скидывали – не домой же везти! Так вот, когда решили в обществе, что будет строиться новый храм или, как тогда говорили, восстанавливаться старый, ко мне подъехали активисты – дай, мол, денег. Ну, я дал миллион, а через какое-то время звонит по мобильнику владыка наш, митрополит в смысле, – дай ещё. Я как раз собирался купить себе домик в Испании – так я те деньги на храм-то и отдал. Подумал – зачем мне дом в Испании? Что я – оттуда, из Испании, что ли, на работу ездить буду? А так – в храме табличку бронзовую повесили, и там, на табличке, среди других, кто помогал в восстановлении, есть и моя фамилия. А как я умолял владыку нашего не освящать храм в честь Николы Летнего: стыдно, говорю, – будут думать, что это я упрощил тебя в свою честь так храм освятить. Это же архиерей, то есть владыка, наш принимает решение, в честь кого освящать тот или иной храм. А он мне отвечает, что решение уже принято и поменять ничего нельзя, а ты тут вообще ни при чём. В общем, увековечил я себя вот таким некрасивым образом, стыдно даже. И главное – денег совсем не жалко: у меня их тогда было, как у дурака махорки, из всех карманов сыпались.

– Понял я. Помню я всю эту историю. Мы же с тобой в этом разбитом храме без крыши в студенческие годы, когда к родителям твоим ездили, портвейн «Крымский» выпивали перед тем, как на речку идти купаться. До сих пор помню, что портвейн тот хвоей кипарисовой или туевой отдавал, даже с души воротило. Помню стены кирпичные, порушенные, вверх зубьями своими торчащие. А наверху, на этих обломках кирпичей, берёзки росли. Росли ведь, Пенкин? Даже помнится – кое-где фрески сохранились, чуть заметно на стенах просвечивали. Так вот, в книжке-то пишут, что храм ваш расписывал сам Васнецов.

– Слышал я и про Васнецова, в детстве ещё. Знаешь, как фрески эти по сырой штукатурке писались? Штукатурки слой делался очень толстым, и темперная краска, которой писали по сырому, проникала вглубь и на три, и на пять, и на десять сантиметров. И если сейчас даже побелить стену такую, то роспись древняя всё равно проступит через какое-то время и будет видна, если сильно намочить штукатурку ту. И такое проявление древней живописи выдаётся иногда за чудо.

– Здорово! Так скажи мне, друг мой Пенкин, а когда храм-то освятили?

– Да когда построили, тогда же и освятили. Лет десять уже.

– Пенкин, а ты что, не помнишь, что ли, как твоя деревня раньше-то называлась?

– В смысле? Как?

– Троица-Майдан!

– Ну, так это знаю я. Это же советские революционеры, наверное, всё напереименовывали. Не понравилось им слово религиозное Троица – вот и заменили его.

– Понятно, что у тебя большевики всё в этой стране испортили. Так, а ты знал, что храм в вашей деревне был до революции освящён в честь Святой Троицы? И престольный праздник-то у тебя в деревне был всегда в Троицу, а вы что наделали?

Пенкин снял шляпу и глупо почесал затылок.

– Да нет! Вроде и без храма мужики всегда на Николу пили! Тогда я вообще не понял – с какого перепугу храм в честь Николы Летнего освятили. Ты знаешь что – давай-ка сгоняй за книжкой домой к себе. Я тебя тут на скамеечке посижу подожду. Ты же в этом доме живёшь? – Пенкин кивнул на мой дом.

Знал он, где я живу, только что-то уж больно сильно вдруг заволновался.

Был Николай человеком начитанным, энциклопедически образованным и разными сведениями из любых отраслей знаний просто набитый. Доверял он только печатному слову, а к телевизору и Интернету относился, как к бреду пьянчуг подзаборных, и отзывался обо всех дикторах телевизионных и комментаторах только непечатно.

Через двадцать минут мой друг Коля Пенкин, выпучив глаза, хотя глаза у него всегда навывкате чуть-чуть были, изучал историю своей деревни, с интересом листая мою книжку. Потом он закрыл её аккуратненько так и сказал:

– Дай мне её на неделю – мужикам в деревне покажу. Сохранность гарантирую – ты меня знаешь. Понимаешь, какое дело, – ни в чём нельзя довериться даже взрослому и умному человеку – всё надо самому или делать, или хотя бы контролировать. Ну как же так – такую глупость сотворить!

– Да! Вот покажешь ты мужикам своим эту книжку, и они будут уже два раза в году престол отмечать. Теперь, значит, можно будет ещё целую неделю лопать, да ещё в такое хорошее тёплое время, в мае да в июне.

Появился Пенкин через пять дней. Позвонил мне по мобильнику:

– На месте?

– Гуляю в скверике.

– Сейчас я буду.

Я сидел на скамеечке в нашем парке – птички разные чирикают, черёмуха своими ароматами пьянит, женщины уже совсем по-летнему, чуть-чуть прикрытые чем-то лёгким, со своими собачками гуляют, между собой общаются, а собачки около лип и клёнов ноги задирают, свои дела обделывают.

Пенкин пришёл, не поздоровавшись, сел рядом и долго-долго молчал, минуты три. Я даже, ото-двинувшись, посмотрел на него с подозрением.

– Чего уставился? – как-то довольно грубо начал он. – Вот твоя книжка – извини, что задержал, и спасибо. Сейчас я тебе всё расскажу.

– Чего расскажешь?

– Всё расскажу.

И снова замолчал. А потом заговорил:

– Ты же моих родителей помнишь? Так вот, они в один год умерли, лет десять уже. Я их там, в деревне, и похоронил на сельском кладбище. А вот что с домом делать родительским, а он у них огромный был, бывший барский, с двумя печками да с камином, верандой, мансардой, – долго придумать не мог. Продать? Я человек не мнительный, но, как только подумаю, что непонятные, а может, даже и неприятные мне люди будут по родительским комнатам шастать, да водку там пить, да богохульничать, да скабресничать... Нет! А ещё тут вспомнились мне строчки из стихотворения какого-то – «Продали дом, словно предали друга...» Для себя оставить – я в то время о пенсии не думал ещё. А тогда надо ему, дому, полную ревизию и ремонт делать – иначе без надзора он весь рассыплется. Ну так вот – полную ревизию и ремонт по последнему слову современного дизайна и техники я сделал. А тут как раз нового батюшку в новый построенный храм назначили, отца Сергия. Молодой такой батюшка, лет тридцати пяти, но уже пузатый, как я. Жить ему с матушкой Натальей и четырьмя попятами пока что негде – четыре пацана у них, как горох, – от пяти до двенадцати лет. Я ему и отдал под житьё, временно, пока он сам не построится, родительский дом. Но с условием, что, когда приезжаю в гости, одна комнатка остаётся за мной.

Ну и вот приехал я туда к себе неделю назад. Пока мы чай с коньячком попивали с батюшкой, матушка мне комнатку приготовила, постель застелила, пыль вытерла, пол помыла. Комната моя замечательна тем, что выход у неё и в гостиную, и на веранду застеклённую, откуда можно спуститься в сад-огород. А там и груши, и вишни цветут – море белой пены. Дал я отцу Сергию твою книжечку и говорю:

– Что же вы натворили? Храм-то надо было освящать в честь Живоносной Троицы. А вы что?

– Я ведь лицо подневольное, Николай Никанорович, куда прикажет митрополит, туда и поеду служить, – отвечает мне мой отец Сергей, – я ведь в церкви-то не хозяин, – а то многие считают, что священник при храме – и храм его. Скажет митрополит: служи в Троицком – поеду служить в Троицкое, скажет в Покровском – буду в Покровском. Наше дело маленькое и подневольное. Хотя я вот не очень доволен новой политикой нашего владыки: разрушает он общину больно легко. Объясню: раньше приход вокруг священника организовывался, знали прихожане друг друга, и проблемами делились друг с другом, и помощь, когда могли, оказывали. А сейчас – тасует нас митрополит, перебрасывает с прихода на приход, и прихожане к священнику привыкнуть не могут, не успевают, и мы понять не можем: надолго ли этот храм нам родным стал, вкладывать в него свои силы и душу или снова на новое место перебросят.

Так вот, любезный мой Николай Никанорович, в этом году Троица ранняя; вы же знаете, что Троица, её ещё Пятидесятницей зовут, не привязана к календарю, она к Пасхе привязана. Она и в мае бывает, и в конце июня может быть. В этом году Троица через три дня будет. Завтра Никола, а через три дня – Троица. Вот тогда вы и увидите то, что должны увидеть.

– А что я должен у вас тут увидеть? – спросил я.

– Вы же знаете, какой у нас здоровенный и противный овраг посреди села, обходить его – половину дня потратишь. Всё хотели дамбу там насыпать, чтобы машины напрямую могли проходить.

– Конечно, помню, – говорю, – я этот овраг с детства помню, и слава богу, что засыпали, я очень рад – видел я.

– Так вот, когда планировку и фундамент под новый храм делали, весь старый кирпич и обломки стен, что остались от старой порушенной церкви, экскаваторами и бульдозером сгребли в овраг и использовали при строительстве дамбы в качестве наполнителя. Вот там и случилось через некоторое время то, что местные старухи принимают за чудо.

– Что ещё за чудо? – спросил я.

– А это я вам сам покажу через три дня. А то сейчас вы не вполне увидите, а потом уж и совсем не интересно вам будет. Нет уж, потерпите. Хотя вы завтра всё равно к бабе Дуне пойдёте, а она всё вам и расскажет. Она ведь – ух! – какая противница этого нового храма. Считает, что надо было старый восстанавливать.

Баба Дуня – это моя последняя и единственная родственница в деревне. Она постарше меня, и какая там она мне седьмая вода на киселе – не знаю, но фамилия у неё тоже Пенкина. В гости я к ней не пошёл, завалился спать.

Утром в храм я сходил, лоб перекрестил, на всю службу оставаться не стал: ноги у меня болят от этого стояния. Вот католики сидят, евреи сидят, татары даже лежать могут, а мы стоять должны. Баба Дуня часто приговаривает, что сила православия в ногах. И интересно: стою – ноги болят, гуляю – не болят. А вишни всю деревню белой пеной накрыли, скоро и яблони раскроются. Вернулся я домой, вытащил из сарая сенокосилку, заправил её и впервые прошёлся по свежей траве – люблю косилкой косить, да и литовкой тоже люблю, но с ней пока ещё рано.

На следующий день с утра наблюдал, как к Троице храм готовят: в роще молодых берёзок нарубили, весь пол травой и ветками застелили.

Потом со всеми четверыми пацанами-попятами пошёл на речку – с удочками посидели, но ничего не клевало. Щука под корягой была, окунь в траве прибрежной гулял, а бель не клевала. Попята меня очень порадовали: все одинаковые, как на подбор, как грибы, и дружные такие. У них в рощице берёзовой, на берегу, на деревцах бутылки полиэтиленовые прилажены для сока, да только ничего не набрали они – поздно уже для сока берёзового.

На Троицу, через день, я вновь в храм сходил: лоб перекрестил, но на всю службу сил у меня не хватило, ушёл домой. А перед тем, как домой пойти, спросил я у бабы Дуни:

– А что у вас тут за чудо новое на дамбе? Расскажи или покажи.

– Вот после службы я на дамбу пойду и тебя с собой захвачу. Я зайду за тобой.

Сажу я на диванчике у себя на веранде, журнал какой-то старый читаю – «Знание – сила», что ли, жду бабу Дуню. Дождался.

– Колька, Николай Никанорович, пошли за нами! – кричит.

Пришла баба Дуня, не одна, а с ней ещё четыре тётки – правда, не такие старые, как она, а лет по пятьдесят. Нарядные все, в белых кофточках, в белых косынках: Троица – праздник весёлый. Ты видел картину Рублёва «Троица»? Там три ангела уселись за столом под ёлкой и вино пьют. К оврагу молча мы шли. Подошли к дамбе и по тропинке стали спускаться.

– Мне что, с вами в овраг лезти? – спрашиваю я у бабы Дуни.

– Пойдём, пойдём, – отвечает она, – там наше чудо.

И тут откуда-то тучка, и дождик летний проливной с радугой, но быстро брызнул и прошёл. А мы как раз вниз спустились. И баба Дуня говорит мне:

– Смотри, – и указала на склон дамбы, крутой и поросший крапивой и полынью.

Большой кусок бывшей церковной стены размером с метр с сохранившейся штукатуркой лежал наклонно, вровень со склоном дамбы. И на этом намокшем куске стены старой церкви без всякой фантазии я разглядел ступню человека, босую ногу. Помнишь, в прошлый раз мы говорили про фрески по сырой штукатурке. Чья это была нога – Адама или апостола какого – не знаю.

Со старухами говорить на эту тему, что их чудо совсем не чудо, не хотелось – я заторопился домой, но тут появился на склоне батюшка отец Сергей. Он торопливо спустился к нам в овраг, довольно спешно прочитал со старухами какую-то молитву и тоже засобирался домой.

Шли мы с ним молча – всё было понятно и очевидно.

Дома пили чай с плюшками сладкими, сахарной пудрой посыпанными.

– Батюшка, а ты зачем ходишь туда в овраг молиться? – спросил я, и была в моём вопросе доля иронии, которую прочувствовал отец Сергей.

– Хожу я туда потому, что должен пастырь быть с народом, – ответил он мне, лукаво прищурившись и тоже с иронией.

Вот так я съездил в родную деревню.

Потом мы сидели с Пенкиным молча – ну что я мог ему сказать!

Чудо с письмами Плиния

Рассказ

Сколько лет, да нет – столетий: пять столетий и больше дарю людям возможность радоваться мудрости великого Плиния Младшего, делюсь, благодетельствую. Меня благодарят, гладят, берегут, отсылают ко мне как к ответственному хранителю истины и мудрости. Ко мне обращались властители судеб и сумасшедшие монахи, наследники престолов и папские нунции, меня воровали и дарили, я была свидетелем бурь и пожаров, войн и революций и даже всемирных катастроф. За пять столетий я поменяла в качестве местопребывания немало замков и дворцов, дубовых шкафов в высоких кабинетах и пыльных стеллажей в заброшенных сараях – все перипетии моей судьбы невозможно перечислить в один присест, и ни разу мне не хотелось добавить ни слова к тем мудрым мыслям, которые я храню. А впрочем, и возможности не было.

Обратиться к печатному слову, которое заложено во мне так давно, как мало в ком на свете, заставило меня слегка переполнявшее уже изрядное время, но жарко вспыхнувшее лишь недавно желание разыскать соратников. Эти соратники или соучастники должны, по моим представлениям, разделить мою радость и восторг по поводу случившегося события; его трудно было бы вообразить даже с большой головой – такое бывает только наяву.

Когда в течение нескольких столетий, а это не важно – одного, двух, трёх, – всё равно долго! Так вот – когда долго живёшь на одном месте, прикипаешь к нему и начинает казаться, что все предметы вокруг родные: и книги, и посуда, и люди, и окна, и вид из окна. А книжный шкаф – так это вовсе твой родной дом.

Жизнь у такой рядовой в наше время безделицы, как книга, не вечна, а точнее – конечна. Хотя, безусловно, эта сентенция и не должна иметь отношения к таким артефактам, как я.

А я, как и полторы сотни таких же горемык, томящихся в четырёх коробках, – мы уже не рассчитывали на благоприятный исход в своей судьбе, когда были брошены, а точнее, просто кем-то потеряны в опломбированном почтовом вагоне на богом забытом полустанке со сказочным назва-

нием Толоконцево. Кроме нас, десятка ящиков с уникальными изданиями, такими, что могут лишь присниться хранителям крупнейших библиотек мира: инкунабулами, эльзевирами и альдинами в сафьяновых, марокеновых и пергаментных переплётках, в вагоне были забыты ещё тридцать ящиков с охотничьими ружьями самых-пресамых великих мастеров. Перде, Голланд-Голланд, Ланкастер, Антон Лебеда – эти звуки пьянят слух охотников-коллекционеров всего мира; всё оружие было старательно упаковано в специально сшитые чехлы и заколочено в ящики из бакелитовой влагостойкой фанеры.

Кто их отправлял, эти сокровища, в 1945 году из поверженной и зализывающей раны Европы и кому они предназначались в заволжских лесных краях – не важно. Хотя для публики будет обнародовано имя спасителя и озвучено будет имя того, кто сохранил для будущих поколений эти реликвии – какой-нибудь капитан Егоров или сержант Бубликов. А нам, обитателям этих коробок и ящиков, хотя и любопытно, но неизвестно, кто планировал стать хозяином вроде бы обычных военных трофеев, да только не получилось. Никто уже не мог получить по документам свои ценности и разгрузить вагон на маленьком заволжском таёжном полустанке Толоконцево. А потому и стоял он бесхозный, загнанный в коротенький тупичок, начиная быстро ржаветь и гнить, скрытый под огромными лапами вековых сосен.

Если бы не мальчишки...

Конечно, мальчишки спасли все эти богатства.

Как это всегда у мальчишек бывает: давай проверим? давай посмотрим? а может, нам это надо? И вот уже через пару недель во всех деревнях округи, все мужики, что на зверовый промысел в лес ходят, стали обладателями лучших в мире охотничьих ружей, да таких, что «Зауэр три кольца» с оптическим прицелом с просветлённой оптикой считался чем-то не больно уж и раритетным. Я про всё это узнала уже позже, когда успокоилась на своём новом месте в областной научной библиотеке, в отделе рукописей и редких книг.

Наш отдел тогда посещали только избранные читатели, и такого здесь иной раз наслушаешься, что лучше бы и не слышать. А у наших академиков и писателей, хирургов и художников только охотничьи интересы и пересекаются – так я и проведала про этот секрет с пропавшими ружьями из нашего вагона. По разговорам, было всё это оружие частью коллекции Геринга. Хотя, по-моему, почти все замки по всей Европе к определённому времени были записаны на Геринга, что бы на этот счёт даже не задумываться. А заодно и всё, что было в замках, на него было переписано: картины, книги, посуда, серебро, бронза, мебель, коллекции, собаки, лошади; всё на Геринга!

Но вот если всю коллекцию охотничьих ружей ждала печальная судьба – ну, что такое оказаться в руках деревенских охотников-промысловиков? Это как гвозди заколачивать логарифмической линейкой! Нам, книгам, повезло в этом плане куда больше – повезло тем, что самый любопытный мальчишка, раздраконивший первую коробку с европейскими инкунабулами и вытащивший отсюда меня, пухлый том с латинской надписью, выведенной извилистой нечитаемой готической вязью – «Письма Плиния Младшего», изданные в Венеции в 1499, обладал настоящей мальчишеской фантазией. Не только мой, цвета слоновой кости, матовый, пергаментный переплёт ввёл в трепет юного похитителя книг, заставив отнести завораживающий раритет к своему школьному учителю, но и та же самая фантазия его сразу занесла в далёкое Средневековье, откуда и действительно была я родом. А если ещё прибавить, что возможные разгадки рыцарских дворцовых интриг таятся под моими крышками... Понятно, что учитель истории мог стать проводником в мир средневековой Европы для любопытного мальчика.

Нас спасали в декабре, когда мороз уже сковал реки и озёра. Несколько сотен коллекционных стволов, побывавших на многих королевских охотах, а может, и побывав в руках самого рейхсмаршала Геринга, моментально разбежались по окрестным заволжским деревням и были до поры до времени старательно припрятаны местными мужиками в маленьких баньках, занесённых по самые крыши сугробами. А вот десять коробок с эльзевирами, альдинами и прочими книжными раритетами из венгерского городка Шарошпатак, из библиотеки местного замка, служившего в течение столетий родовым гнездом князей Ракоци, владетельных правителей Венгрии, были аккуратно уложены на сани и конной тягой отправлены в областной центр, в областную научную библиотеку. Это было действительно спасение: ведь не только для картин или для мебели страш-

ны перепады температур и повышенная влажность – перезимовать в вагоне, в лесу, посреди болот, было бы гибелью для такой коллекции, частью которой являлась и я.

Мы, исторические артефакты с возрастом в не одну сотню лет, очень чувствительны к окружающей ауре. Потому, пока мы несколько месяцев находились в вагоне, нам была неясна дальнейшая судьба: либо влажность, грибок и гибель, либо нас спасают. Спасли! И наконец-то появилась надежда на будущее, потому что книгохранилище наше новое располагалось в корпусе, которому, судя по витающим в нём флюидам, тоже было немало лет. И в течение последних ста лет в этих стенах не в карты играли и не шампанское пили, а размышляли о будущем человечества, а благородные мысли в серьёзных количествах иногда материализуются и всегда ощущаются долгожителями.

Мы с подругами, книгами из венгерского вагона, расположились в четырёх книжных шкафах, и пусть соседи и соседки наши были в большинстве своём на церковно-славянском языке, но тоже порядочные старухи, пусть и не ровня мне; и они были уверены в своём будущем, а тем успокаивали и меня. Было понятно, что мы попали в депозитарий и отсюда нам уже вряд ли удастся выбраться.

Больше всего меня беспокоило в последние полгода, с тех пор, как мы расстались с замком Шарошпатак и находились в безвестности в опломбированном вагоне, то, что рядом со мной нет практически моей родной сестры, книги «Комедий» Аристофана, изданной и напечатанной великим Альдом Мануцием в той же Венеции, но на год раньше меня, в 1498-м. Что нас роднило? Нет, не тексты – тут родства не было и в помине, а то, что переплетали нас в одной мастерской и один мастер, но средневековые мастера часто оставались анонимами. Это я его помню, да, может, ещё пара-тройка таких же престарелых дам, как я, – и его мозолистые подагрические пальцы, и кленовый верстак, и массивный, уютный пресс. Мастер готовил мой переплёт на века – и не ошибся!

Пергамент, в который меня обернул переплётчик, был выделан из кожи телёнка и стоил немалых денег. И всё же это копейки, если представить, что до того как книги начали печатать на бумаге, их переписывали вручную, и на изготовление только материала для одной такой уники уходило до ста телячьих шкур, выделанных до белизны. Выделывали пергамент и из кож овец, и из козжих кож – только из ослиных шкур не получался подходящий пергамент. Может, потому из Средневековья и тянется примета, что осёл и книжная мудрость вещи несовместимые.

Так вот, мастер переплетал нас двоих: меня и книгу «Комедий». И судьба нас очень редко и очень ненадолго разводила за эти почти четыре с лишним века. Мы не то что сроднились с ней – мы почти срослись, и очень неуютно чувствовала я себя, когда кто-то снимал эту книгу Аристофана с полки: холодно становилось и одиноко. Хотя таких случаев, помнится мне, было не больше чем с десяток раз, а за последние двести лет и ни разу. И если каждый из этих случаев достоин отдельного рассказа, то про один из них я всё же упомяну.

Самый знаменитый европейский авантюрист и проходимец Сен-Жермен имел несчастье явиться на белый свет в нашем замечательном и удивительном замке Шарошпатак. И если про матушку его никто и никогда не вспоминал, то вполне возможно, что его реальным физиологическим отцом был великий князь Ракоци-второй. По крайней мере, он такой заботой окружил мальчика, что грех было бы кому-то попенять на невнимание к нему. Мальчик воспитывался как наследник самого высокого и значительного дома Европы, и никаких претензий к учителям его не могло быть даже в помине. Мальчик не только был, как и любой дворянин эпохи, обучен придворным манерам, но и фехтованию, выездке, охотничьим хитростям; в совершенстве он овладел и всеми европейскими языками, и арабским. Вот кто стал главным читателем библиотеки замка Шарошпатак, и он, безусловно, был гениальным мальчиком, что и подтвердилось в будущем. Я хорошо помню его тонкие и ласковые пальчики.

Однако в десятилетнем возрасте по неведомым мне причинам был он отдан на воспитание и попечение в дом герцога Джованни де Медичи во Флоренцию с потерей имени и титула. Всё, что позволено ему было с собой взять, это часть книг из любимой его замковой библиотеки. Так сто томов, а в том числе и я, и другие древние римляне и греки, были сняты с полок и старательно упакованы и подготовлены к отправке. Но что-то в планах необъяснимое произошло, и спустя месяц мы вновь оказались на старом месте, на родных стеллажах. Да, может, оно и к лучшему: путешествия не идут на пользу великим артефактам.

Пока в фанерных ящиках мы колесили по Европе, пока в ржавом вагоне нас прятали в тиши сосновых заволжских лесов, у меня ещё теплилась какая-то надежда – что моя родная, почти единокровная (переплётыв-то у нас из одного телёнка!) найдётся в каком-нибудь другом, таком же заблудившемся вагоне и встанем мы снова с ней бок о бок.

И жизненный опыт мне такую надежду подавал.

Мне хочется забыть, как два писателя привели к нам однажды в хранилище человека с фамилией Ракоци, так мне послышалось, но это был Матиас Ракоши; а я всё равно подумала, что он – наследник великих князей, истинных моих хозяев. Но нет – хотя этот человек и был некоторое время диктатором и хозяином Венгрии, а тут, в этом русском провинциальном городе, находился в заслуженной ссылке. Он брезгливо рассмотрел корешки переплётыв, но даже не попросил открыть книжный шкаф. Да и фамилия его настоящая оказалась на самом деле не Ракоши, а совсем другая – и не выговоришь. Он и фамилию-то эту звонкую, которую знала когда-то вся Европа, присвоил.

Я не буду в подробностях описывать, как один из руководителей депозитария однажды распорядился составить список трёхсот наиболее ценных изданий, хранящихся в библиотеке, и я была в этом списке, а цель... Цель была очевидна! После произошедшего у них в стране переворота легко осваивалось общенародное добро. Но старая-старая старуха, которая, как и многие старухи, верила в справедливость и светлое будущее (её все сотрудники уже бабой Надей звали), набралась смелости и лично отправилась к представителю самого главного органа безопасности страны, который мог решить все проблемы, и этого временного директора библиотеки убрали.

Был и прорыв отопления, когда чуть не погибли в подвале офорты великого Рембрандта, но нас это не коснулось. Были и крысы, которым – увы! – не удалось попасть в наш дубовый, особо охраняемый шкаф.

А потом произошло то, во что трудно поверить: нас всех, всю коллекцию, почти полторы сотни томов, по списку упаковали, да так старательно, как детей новорождённых пеленают, и отправили в Венгрию, в наш родной замок Шарошпатак. Кто и с кем договаривался об этом возврате – не знаю. Кто, и кому, и какие деньги заплатил – не знаю. С кем и когда там президенты шампанское пили, и кому и какие ордена и медали вручали, и что они обещали друг другу – не знаю. Правда, здание библиотеки, в котором мы полвека прожили, подлаталось неплохо на том возврате; и реконструкцию, и переоборудование полное провели в нём.

А вот в замок мы уже не попали, а разместили нас в национальном депозитарии, где и положено нам по статусу современному находиться, только не к тому я всю эту историю рассказываю. Просто моё место в шкафу на полке оказалось, как никто не мог бы никогда и предвидеть, рядом с «Комедиями» Аристофана, изданными Альдо Мануцием в Венеции в 1498 году. Как же этот капитан Егоров или сержант Бубликов (не знаю!) по небрежности выронил из рук одну книжечку да и запихнул её сапогом злобно под шкаф, где она и провалялась чуть ли не с год, пока её не вытащили оттуда и не определили на должное место?

Как мы с ней обнимались и целовались, если фигурально выражаться, по-человечески. И вспоминаем мы с ней теперь вместе лишь детство наше: в старости детство положено вспоминать.

Так вот – чудеса не только в сказках случаются.

Проза

Лидия Довыденко

Лидия Довыденко – секретарь Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», прозаик, публицист, краевед, общественный деятель. Автор 22 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, ряда телевизионных фильмов.

Публиковалась в ведущих литературных журналах и альманахах, победитель и лауреат конкурсов журналистского и литературного мастерства.

Колокола над Друтью и Днепром

Отрывок из книги

ЯНТАРНЫЙ ПРОЛОГ

Ветер с ровной силой гонит тёмно-синюю воду из неглубокого Балтийского моря по Калининградскому морскому каналу в Вислинский залив, и эту картину я наблюдаю из своего окна. В Балтийске мы жили в служебных квартирах, арендовали, получали свою на улицах Солдатской, Пирогова, Ушакова, Литке, на Гвардейском бульваре, но самое романтическое жильё было в трёхэтажном доме довоенной постройки на Морском бульваре, 1, на первом этаже, № 14. Как сейчас, я вижу из окна, ежедневно наблюдая движение судов и кораблей по Калининградскому морскому каналу, как мелкие белые барашки волн проносятся в потоке воды со скоростью, с какой летают чайки. Но птицы делают разворот и, пытаясь лететь навстречу ветру, зависают в воздухе, усиленно машут крыльями, то поднимаясь вверх, то опускаясь, высматривая зоркими глазами рыбёшку в стремительном потоке воды, преодолевают ветер. Через пару дней непостоянный ветер изменит своё направление, и вода по каналу побежит из залива в море. «Не может поток бежать вспять!» А здесь это возможно. Здесь, в Янтарном крае. Такое же явление происходит с рекой Иордан в день именно православного Крещения. Река начинает бурлить и поворачиваться вспять. Это вселенская тайна – почему.

Если бы я приехала в Калининград как путешественница, я, наверное, вряд ли захотела бы здесь жить. Но выбора у меня не было, земля, а точнее, вода Балтийского моря и его берег притянули и не отпускают. Зачем, почему? Кто-то должен быть женой моряка, ждать его на берегу. Мои чувства не связаны с пессимизмом, который является отсутствием задач и целей или дешёвыми идеалами, а с пониманием, или хотя бы его задатками, волшебной тайны судьбы, в которой ты не наблюдатель, а участник. Живя здесь, мыслями я пребываю в родном краю, в родной Беларуси, где так жадно читала я классиков, русских и белорусских, всматривалась в окружающих меня людей, распознавая наши национальные типы, интересуясь историей славянских стран и проникаясь их величием, внутренним убеждением – служить своему народу. И сейчас, выходя на берег Балтийского моря, я помню, что всё течёт и изменяется, жизнь многовариантна, потоки воды могут двинуться вспять, и в любой истории есть Божественный Промысел, а родная Беларусь – совсем недалеко и в мыслях, и в душе.

В моей памяти деревня, в которой родились родители. Если идти из деревни через луг к Друти мимо кузницы, то можно выйти к озеру, которое в деревне называли Бязоднае. Это значит – бездонное, не имеющее дна. Об этом озере мама, Щепова Мария Ивановна, рассказывала, что всякий, кто пытался достичь дна этого озера, тонул в нём. Но удивительнее всего то, что если на рассвете, когда на земле очень тихо, подойти к озеру, то можно услышать звон колоколов церк-

вей того города, который находится на дне. Тогда ещё я не знала, что существует легенда о Граде Китеже, но этот город на дне озера долго не давал покоя. Рано утром, проснувшись, я всё время прислушивалась, не звучат ли колокола того города. Теперь я понимаю: то, что тогда рассказала мне в раннем детстве мама, раскрывало бездонность не только озера, но и неба, бесконечность мира и времени.

Корни и кроны

Беларусь мы называем Батьковщиной, а по-русски – Отечеством. И, думая о Родине, я вспоминаю отца, так любившего стихи Александра Сергеевича, а прозу – Льва Николаевича, но также и Янку Купалу, и Ивана Шамякина, и Владимира Короткевича. Мой отец – Щепов Владимир Алексеевич (1925–2009), родился в деревне Хомичи Быховского района Могилёвской области. Он говорил, что род Щеповых всегда был связан с лесом и обработкой дерева, но вот его дед служил на флоте Российской империи, как и многие другие выходцы из Беларуси, ведь практически все жители деревни росли на берегу стремительной, с омутами реки Друть и отлично плавали, сплавливали лес, легко управлялись с плотами и вёсельной лодкой, были отменными рыбаками. Мой прадед, Щепов Архип (в некоторых документах – Артём) Филиппович (1840–1932), вернулся после службы на флоте в родную деревню, женился, родилось 12 детей. Архип (Артём) Филиппович будто бы основал деревню Дедово, находящуюся между Хомичами и Тощицей. Дед Архип, по воспоминаниям отца, несмотря на то что был уже слабеньким, любил топить баню или делал какие-то другие дела во дворе, просил внука:

– Володька, давай почитай мне псалмы вслух.

Внук садился на деревянную колоду, читал, но и слушал тоже эпизодические воспоминания... Однажды рассказал дед внуку, как ходил в составе русской экспедиции к берегам Соединённых Штатов Америки. Мальчику Володе было интересно, но он мало понял тогда, уже значительно позже, после войны, будучи взрослым, он прочёл более подробно о том, как в 1863 году отправились русские корабли к охваченной гражданской войной Америке, войной нерабовладельческого Севера и рабовладельческого Юга. Первая эскадра России в составе шести кораблей отправилась под флагом контр-адмирала С. Лесовского, численность экипажа которого составила три тысячи человек. Вторая эскадра, также из шести кораблей, направилась в Сан-Франциско под командованием контр-адмирала А. Попова численностью 1200 человек. Россия безоговорочно поддержала Север. Американцы с большой симпатией принимали русских моряков. Итогом войны стало запрещение рабства, закреплённое в Конституции США.

А я с удивлением начала читать об этой забытой истории, когда в 2013 году была выпущена медаль к 150-летию морского похода с изображением портретов Александра Второго и Авраама Линкольна. Ведь мой прадед был в походе, в котором участвовал композитор Николай Андреевич Римский-Корсаков, более того, там был отец моего любимого поэта Николая Гумилёва – Степан Яковлевич Гумилёв, который ходил в составе американской экспедиции в должности доктора на фрегате «Пересвет».

Неизвестно, спас ли жизнь кому-то в Америке мой прадед... Но почему я об этом думаю? Меня впечатлил рассказ моего отца о том, как американец в конце апреля 1945 года спас ему жизнь. Папа не помнил, как звали этого водителя «студебеккера», который копался в капоте в поисках неисправности, когда два узника концлагеря, измождённые, промёрзшие до костей, на грани потери сознания вышли на дорогу, убегая от горящего концлагеря, подвергнутого бомбардировке американской авиацией. Отец мой помнил лишь белоснежную улыбку чернокожего человека, протянувшего ему тёплую куртку и горячий кофе из термоса.

– Мы так намёрзлись за ночь в каком-то парке, что зуб на зуб не попадал. Не так мучил голод, как холод. Водитель машины дал мне куртку, которая мне очень хорошо подошла, несмотря на мой высокий рост, и я был ей несказанно рад. Рад – это не то даже слово, это было счастьем наконец согреться. Не раз я добрым словом потом вспоминал этого американского солдата с благодарностью за спасение.

Как мир тесен и как причудливо переплетаются факты истории и судьбы людей. Уже в 21-м веке, когда все уже почти поголовно стали искать свои корни в глубинах веков, задала и я поиско-

вику в Интернете фамилию Щепов. Удалось найти её среди потомков Ярослава Мудрого, а затем Владимира Мономаха, князей Ростовских-Щеповых, а потом следы пропадают...

– Куда же потом они делись – эти князья Щеповы, которые были в 14-м веке, почему исчезли в других веках? – спрашивала я генеалогов.

– А все они погибли на Куликовом поле, – отвечали мне историки. Так вот оно что... Вот почему так волновалось сердце, когда в 2015 году по пути из Москвы в Воронеж со своими коллегами остановились мы уже на закате дня у храма Преподобного Сергия Радонежского на Куликовом поле. День стремительно завершался, и мы пошли к стеле, установленной два века назад в честь победы Дмитрия Донского над войском Мамай, – к символу нашей славянской воинской доблести, чтобы остановиться в трепетном молчании, в благодарной памяти о тех, кто отдал жизни за святую Русь. На многоступенчатой круглой колонне читали надпись золотом в чугунном проёме: «Победителю татар Великому князю Дмитрию Иоанновичу признательное потомство лета от Рождества Христова 1848».

Мы вошли в храм Сергия Радонежского, окна которого сияли золотым светом среди белеющих стен, и уже в тёмно-синем небе с трудом различались ярко-зелёные купола и кровля церкви. При входе в храм стояли манекены в красных одеждах, покрытых тонкой кольчугой русских воинов и тёмно-зелёные костюмы с кожаными тонкими ремешками воинов-татар. В храме молились немногочисленные прихожанки, и так тепло было в нём от горящих свечей и негромкого голоса священника. И как тут не вспомнить художника Юрия Ракшу, его картину «Проводы ополчения» – проводы на Куликовскую битву. В правой части триптиха потрясают фигуры женщин с детьми, оставшихся дома. В центре красавица-славянка, мать, ждущая ребёнка, который, возможно, никогда не увидит отца. Князья Щеповы все полегли на Куликовом поле. Остались дети без отцов, и фамилию Щеповых мы находим в разных веках в Пскове, в Сибири, потом на Брянщине, а потом – в Беларуси. Что интересно, что прадеда-моряка судьба определила на фрегат «Пересвет», вооружённый 43 орудиями. К одной из этих пушек и был приставлен прадед. А внук его, то есть мой отец, в армии служил в артиллерии, а теперь я живу в Калининграде на улице Артиллерийской.

Но никогда я не забуду этого письма историка-генеалого: «Все князья Щеповы полегли на Куликовском поле», в числе тысяч русских людей. Вспомнился Александр Блок, его цикл «На поле Куликовом», вот почему он ушёл от торжественных нот. Он понимал трагедийность события, несмотря на победный итог битвы. Какой же ценою? По подсчётам московского боярина Михаила Александровича, «погибло у нас дружины всей 253 тысячи, а осталось у нас дружины 50 (40) тысяч». Хоронили убитых семь дней. «Плачь, сердце, плачь!» – повторяет Блок. Провидчески он чувствовал неизбежность и в будущем возвращения России к навязанной ей ситуации Куликовской битвы. Битва – это отдавание жизни за победу в ней.

И вот 20-й век. Узнала о такой формулировке, как «Сведения о безвозвратных потерях». На обелиске в память об участниках Великой Отечественной войны в деревне Хомичи 8 фамилий Щеповых, павших на фронте. Удалось установить у некоторых места их захоронений: Бранденбург, Подляское воеводство, а у большинства – не указано мест захоронения, и везде – «Причина смерти»: убит, убит, убит. А сколько погибло в оккупации... Мой отец выжил. Под диктовку его записывала я членов его семьи, его братьев и сестёр:

«Брат Ефим Щепов был женат на Маруте. Дети их: один мальчик погиб во время войны. Марута его держала на руках, когда переходила линию фронта, и пуля попала ему в голову. Маленькая дочь Зина плакала, немецкая пуля попала ей в щёку и вылетела через открытый рот. Марута в юбке обнаружила две дырки от пули, которые её не заделали»...

И вот 21-й век. Ковидные времена. На экранах телевизора кадры протестных улиц США и целуев белыми людьми ботинок чернокожих. Мне вспоминается водитель «студебеккера», спасший отца, и думается, что никогда бы он не позволил никому целовать свои ботинки.

Поэзия

Владимир Фёдоров

Владимир Фёдоров – поэт, прозаик, драматург. Лауреат Большой литературной премии России, международных премий «Триумф» (Украина), «Летящее перо» (Болгария), всероссийских премий Николая Гумилёва, Николая Лескова, «Золотое перо Руси», Государственной премии Якутии и других писательских наград. Автор около тридцати книг – сборников стихов, нескольких повестей, романа, исследований по традиционным верованиям, а также более десяти пьес, показанных в городах Сибири, Москве, Санкт-Петербурге, Сочи. Несколько книг переведено и издано в Германии, Болгарии, Украине, Армении, Азербайджане.

Главный редактор электронного литературного журнала «Литerra». Живёт в Москве.

АФРИКАНСКАЯ ТЕТРАДЬ

СТИХИ НА ФОНЕ ПИРАМИД

В миражах раскалённого Нила,
Где от зноя вскипают пески,
В поднебесье взлетает могила,
Всем законам земным вопреки.

Золотое звенит оперенье
На гранёной калёной скале,
С высоты источая презренье
Истлевающим жалко в земле.

Я сомкну на мгновение очи,
За спиною века промелькнут,
И по лезвию света и ночи
В Гелиополь введёт меня Нут¹.

Как случается с каждым поэтом,
Не успею вкусить я побед, –
Рассечённый завистливым Сетом²,
Раскачусь по частям на весь свет.

Но в ответ запоёт пирамида,
И, Осириса напрочь забыв,
Соберёт меня вместе Исида,
Поцелуем своим воскресив.

Я поводья сожму колесницы,
Кони вскинутся, словно зверьё,
И по воле прекрасной царицы
Распахнётся виденье моё.

Золотые протянутся нити
Их далёких волшебных времён,
Мне улыбку пошлёт Нефертити,
И ударит в плечо Эхнатон.

Замурлыкав негромко спросонок,
Позабыв про века и бои,
Сфинкс потянется, словно котёнок,
И потрётся о ноги мои.

Поклонюсь я божественным теням,
К пирамиде на миг припаду
И по каменным гулким ступеням
К Ориону³ навечно взойду.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА

«Каннибалы, звери, малярня!..»
«Раскалённый африканский ад!..»
Голосила вслед ему Россия,
Призывая поскорей назад.

¹ Нут – богиня неба.

² Сет – воплощение зла, бог пустыни и бури, убийца Осириса.

³ Орион – место обитания царственных душ до их нового воплощения.

Но, даря поэту только милость,
Африка, черна и весела,
Так в него отчаянно влюбилась,
Что от сотен зол уберегла.

Были беды Африки – не беды
Против тех, что ждали за окном:
Главные на свете людоеды
Обрелись в отечестве родном.

Горькая Россия не узнала,
Где зарыли ночью тайный гроб.
Но во тьме его поцеловала
Африка в пробитый пулей лоб.

* * *

Чёрный сокол косою свистнет,
Распахнёт врата небытьё...
И на чашу Весов Двух Истин
В полночь сердце падёт моё.

Крякнут боги от перегрузки:
Стольким надо покинуть свет,
А ещё тут явился русский,
Заплутавший в веках поэт!

Хмуро брови Анубис¹ сдвинет –
Весовщик и судья менад,
Но на чашу другую кинет
Вместо гири перо Маат².

И качаться начнёт в эфире –
Только слово не то скажи –
Самый точный в подлунном мире,
Самый древний детектор лжи.

Львица с телом гиппопотама,
Пожирательница сердец –
У весов облизнётся Амма³,
Скорый мой предвкусив конец.

Ей известно с начала света,
С клинописных ещё стихов –
Нет на брэнной земле поэта
Без огромной суммы грехов.

Но и Амма, и Сет не знают,
Что, над словом в ночи молясь,
Эти грешники вдруг взлетают,
Легче ангелов становясь.

И в ответ на богов расспросы
Сердце тайный прошепчет стих.
И оставит всех судей с носом,
Вместе с чашею воспарив.

Вспыхнет синью небесный йрис,
Звёзды выплеснув через край,
И махнёт мне рукой Осирис,
Пропуская в свой древний рай.

* * *

Состязанье длилось две недели.
Расходилась воина рука.
Мчались колесницы на пределе,
И пронзали копьё облака.

Против силы находилась сила,
Против стати находилась стать.
«Проиграй!» – любимая молила.
«Проиграй!» – шептала утром мать.

Но звенели, разрываясь, нервы,
Тяжелели мышцы, как свинец, –
Был он назван в поединке первым,
И украсил лоб его венец.

Семь ночей он пил вино и славу,
А потом разбил кувшин о стол
И, спасая от беды державу,
К жертвеннику белому пошёл.

Он смотрел с надеждою на небо,
А не на жреца, что нёс кинжал.
«Будет дождь. И будет много хлеба», –
Только это людям он сказал.

ДАГОМЕЯ

Скалит зубы дворец старинный –
Самый чёрный оплот любви:
Нету в мире надёжней глины,
Чем замешена на крови.

Чтобы камни срослись навечно,
Власть вождя оградив стеной,
Гнали воины каждый вечер
Верноподданных на забой.

¹ Анубис – бог-покровитель умерших, главный распорядитель на суде душ.

² Маат – богиня справедливости.

³ Амма – чудовище, поедающее души-сердца людей по решению суда богов.

Те не бились и не рыдали,
Шли под сабли, смилив сердца,
И безропотно умирали,
Чтоб частицею стать дворца.

Чтоб летела по свету слава,
Чтобы гордость бросала в дрожь,
Чтоб цвела на крови держава
И от жира лоснился вождь...

Я застыл у стены, немея,
Вспыхнул алым кровавый круг,
И злоеца Дагомея
Мне напомнила что-то вдруг.

Это небо в тяжёлой сини,
Эта жертвенность ради стен –
Не судьба ли моей России,
Угодившей в имперский плен?

В алых башнях такая сила –
Не возьмёт ни снаряд, ни стих!
Сколько ты ради них сгубила
Самых верных сынов своих?!

Эх, Россиюшка ты, Расся,
Путь твой горек и осиян, –
Златоглавая Дагомея
На солёной крови славян.

АБИССИНИЯ

Над Россиею небо в инее,
Катит стужа девятый вал,
Только снится мне Абиссиния
В ожерельях багровых скал.

Закружу в ночном
Чернотропе я,
И опять оборвётся след:
На планете есть Эфиопия,
Абиссинии больше нет.

А ведь не было ни красивее,
Ни таинственнее земли:
Абиссиния, Абиссиния,
Как тебя потерять могли?!

Потому и стезёю млечною,
В этом царстве песков и львов
Тихо тенью блуждает вечною
Неприкаянный Гумилёв.

С чернокожею берегиною
Буду вслед я за ним шагать
И пропавшую Абиссинию
В миражах и стихах искать.

И однажды холодно-синее
Небо в полночь вдруг запоёт,
И откроется Абиссиния,
И меня к себе призовёт.

И когда дойду, обессилив я,
До её сокровенных мест,
Мне пожалует Абиссиния
За усердие Южный Крест.

АФРИКАНСКАЯ СЮИТА

Прожигая переливы аметистового фронта,
Над саванной расцветает незнакомая звезда,
И апострофы жирафов над строкою горизонта
Отмечают ударенья, чтоб запомнил навсегда.

Фиолетовые кроны – вдоль мерцающей дороги.
На груди Килиманджаро дремлет дикая гроза.
Мы спускаемся в долину, как с небес
спускались боги,
И дорогу лепестками выстилают небеса.

Одинокие деревья, чтоб запомнил я навечно,
Отмечают восклицанья этой сказочной земли,
И летит над ними грифом за своей добычей вечер,
И под ним рокошет эхом песня львиная вдали.

Пусть в реке, рычащей Ма-р-р-а, истекают
вечной злостью
Саблезубые торпеды – крокодилы между струй.
Но вздыхает слон влюблённо и спешит
к слонихе в гости,
И жирафиха жирафу дарит долгий поцелуй.

Затерявшись в этом мире, где смешались быль
и небыль,
Вместе с ними я сегодня леопардом в ночь уйду.
Где-то там, пониже рая, Южный Крест
прочертит небо
И заменит на неделю мне Полярную звезду.

А потом мне будут сниться битвы, схватки
и набег,
Но среди звериных хроник вдруг обнимет
светлый сон:
Отцветающих акаций фиолетовые снега
Тихо падают на плечи тёмно-бронзовых мадонн...

ОКОШКО БОГА

Туч разметая своры,
Алый разинув зев,
Солнце метнулось в горы,
Как на добычу лев.

Это тебе не Лена –
Долгих закатов дрожь –
В Африке ночь мгновенна,
Как гильотины нож.

Мамбой ¹ свилась дорога,
Кольца крутя из тьмы,
Только к Окошку Бога ²
Всё же успели мы.

Древней террасы блюдо
Вынесло к бездне круч,
Чтоб осиял нам чудо
Самый последний луч.

Вспыхнула бесконечность
Скалами эполет,
И распахнулась вечность
На миллионы лет.

Глядя в Его окошко,
Ангелов слыша клик,
Богом я стал немножко
В этот великий миг.

НАВАЖДЕНИЕ

В небеса душа стрелой взлетела,
Покачнулся мир средь бела дня,
А всего-то только – поглядела
Королева буша на меня.

Поглядела с вызовом, без правил,
Обжигая страстью горячо.
Ожерелье на груди поправив,
Шоколадным повела плечом,

Не слабо, мол, в Африке остаться,
Бородастый фотозверобой?..
Не умея взглядами сражаться,
Проиграю я неравный бой.

¹ Мамба – одна из самых ядовитых африканских змей.

² Окошко Бога – природный феномен Южной Африки, площадка на краю Драконовых гор, над гигантским каньоном реки Блэйд глубиной около тысячи метров. В хорошую погоду видимость здесь достигает 120 километров.

На одно плечо закину шкуру,
На другое положу копьё,
И красотку, жгучую самбуру,
Во владенье уведу своё.

Из колючек для неё построю
Неприступный замок королев –
Не возьмут его масаи боем,
Не запрыгнет самый ловкий лев.

Буду я во всём примерным мужем –
Бить в тамтам и целовать в ушко,
А под вечер с нею пить на ужин
Смешанное с кровью молоко.

Буду я любить свою подругу
Все двенадцать месяцев подряд,
И у нас забегают по кругу
Восемь или десять самбурят.

Стану я стихи слагать рассветам,
Обжигая строчки над огнём.
Буду я охотником, поэтом,
Воином, вождём и королём!

Но... приду в себя на месте лобном,
Томный взор красотка отведёт...
Зарычит походный джип утробно
И в железных челюстях сожмёт.

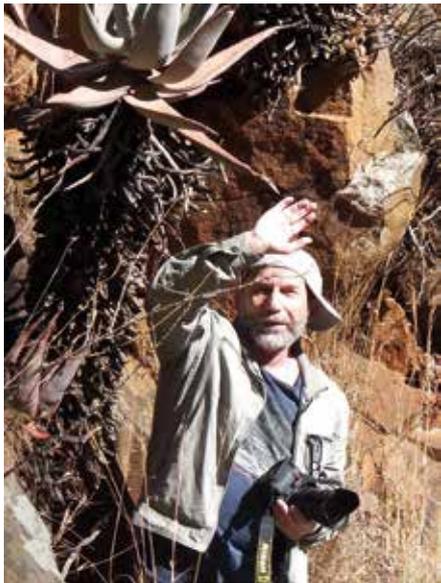
И помчит меня, предав обману,
Наизнанку вывернув нутро,
В хмурую московскую саванну
С каменными норами метро.

НА МЫСЕ ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ

Разорвав пелену тумана,
От норд-веста поёт скала,
В синь пьянящую океана
Мыс вонзается, как игла.

Над волною гуляют стоны –
Позабывшие гарпуны,
Продувают киты кингстоны,
Поднимаясь из глубины.

Нету места сегодня тризне,
Полдень плещется голубой.
И салютом кипящей жизни
В поднебесье летит прибор.

*Драконовы горы,
Африка*

*С воинами
масаи*

* * *

Но в приливе людского шума,
В разноцветье одежд и стран
Серой тенью бредёт угрюмо
Еле видимый капитан.

За спиной его кара свищет,
Тянут с лестницы вниз года.
Но упрямо он взглядом ищет
Ту, что нынче ответит «да».

Как вонзает он вожделенно
В эти груди горящий взор,
И клубится седая пена
Из его почерневших пор.

Как отчаянно сердце бьётся
Уплывающим юбкам вслед,
Ведь попытка ему даётся
Лишь единожды в десять лет!

Нет, не сбросят они одежды
И глаза не опустят вниз...
Вновь разрушит его надежды
Этот Доброй Надежды мыс.

И не снимут опять проклятье
Ни молитва, ни дикий крик...
Только в полночь сожмёт в объятьях
Ван дер Декена ¹ вечный бриг.

¹ Ван дер Декен – капитан, прототип «Летучего голландца». В XVII веке, после совершенного капитаном преступления, его корабль не смог обогнуть мыс Доброй Надежды и превратился в морской призрак. Многовековое проклятие с Ван дер Декена падёт только тогда, когда одна из женщин на этом мысу согласится стать его женой.

Будут звёзды, словно апельсины,
Падать в зелень африканских гор.
Распахнут неспешные вершины
Для меня мерцающий шатёр.

Зарычит в саванне поздний вечер,
Но с винтовкой под руку своей
Забредёт на дружескую встречу
Воскрешённый мной Хемингуэй.

Пусть утробно воют василиски
И хохочут полчища гиен, –
Мы накатим по стакану виски
За прекрасный африканский плен.

Вспомним все отмеренные мили
И, чуть-чуть для красоты загнув,
Посудачим всласть на суахили,
Симбу с мамбой ² всеу помянув.

Будет пламя тихо грызть поленья,
Бесконечный слушая рассказ,
И на лапы лягут в отдаленье
Жёлтые огни смирённых глаз.

Лишь луны надтреснутая фара
Будет биться у ветвей в сети
Да мерцать снега Килиманджаро
Где-то возле Млечного Пути.

Помолчав о самом сокровенном,
Хэм пообещает у огня,
Что в небесном буше непременно
На сафари пригласит меня.

И уйдёт – седой и бородатый,
Раздвигая травы и года,
Как ушёл из Африки когда-то,
Чтобы в ней остаться навсегда.

² Симбу с мамбой – льва с крокодилом (суахили).

Поэзия

Олеся Николаева

Олеся Николаева – поэт, прозаик, эссеист, профессор Литературного института им. Горького, автор более сорока книг стихов, прозы и эссеистики. Лауреат многих отечественных и зарубежных литературных премий, среди которых Национальная премия «Поэт». Произведения Олеси Николаевой были переведены на многие языки мира.

ДИРИЖЁР

Что кричал паровозу его кочегар,
скрылось дымом за первой сосной.
Что пчела нажужжала, вкушая нектар,
растворилось в ложбине лесной.

Свиристель, соловей ли – певучую вязь
всю впитал этот воздух густой.
Да и что нашептали нам духи, висясь,
с недоступной для нас частотой?

Как оглох, тайных звуков и знаков ловец:
для ключей не находит замков, –
ловит лишь колебанье воздушных колец
завихренья ночных ветерков.

С молоточками среднего уха – надсад:
не для тонкого мира они.
Только прю и куют, и куют, и стучат,
кузнецу с наковальной сродни.

А меж тем – за доступною слуху страной,
прямо здесь, возле сердца и плеч, –
все симфонии космоса, хор неземной,
гул подземный,
древесная речь.

И судьбы шелестящее веретено,
голос крови и пульс нитяной,
зов потомков и предков моления,
но –
Дирижёр к нам повёрнут спиной.

ЗИМА

Только сиди да слушай,
и тебе принесут,
что про Игольные Уши
думает сам верблюд,
где предрассветный кочет
криком делает знак,
что сам себе бормочет
в тёмном углу Бедняк.

Тянет корявые руки
в масляной тьме густой
к словоохотливой шуке,
к яблоньке золотой,
к сказочному копытцу
лучшей из антилоп.
Пусть же ему приснится
клад и хрустальный гроб.

Замок и холм покатый.
Лестница, ночь, зима...
И как по ней Богатый
Тихо
сходит
с ума.

ВЫМЫСЕЛ

Себе придумав родословную:
«Дед – князь из рода Дадиани»,
обиду подгоняешь кровную
под бурю чувств в твоём стакане.

И якобы, в придачу к титулам –
таков рассказ твой сокровенный –
был дед назло семейным идолам
рукоположен в сан священный.

И якобы в дорогу узкую
увлёл с собой он, сгрёб в охапку
одну танцовщицу французскую,
княжну – твою родную бабку.

Грузин, а в храме католическом
он обвенчался, но с налёта
ты в трепете своём мистическом
твердишь про «кирху» отчего-то...

Твой странный блеск между ресницами
профанов мажет по сусалам
несбыточными небылицами
и сном о веке небывалом!

Конечно, в мире столько грязи и
следов мышиноного злодейства,
что хочется нырнуть в фантазии,
и в княжества, и в лицедейства.

Судьбу безвольную, безликую
стереть, переиначить главы
и написать многоязыкую
историю любви и славы.

Чтоб жизни – норова сурового –
подать на бедность из кармана:
из эпоса средневекового,
из авантюрного романа.

И древнегреческой трагедии
играя нервом оголённым,
пропасть совсем в чужом наследии
с желанием неутолённым!

БЫЛИНА

Поломали юношу чужие интриги,
посадили его на цепь чужие секреты,
погубили умные книги,
противоречивые ответы-советы.

Заморили откровенности взрослых дядек и тётек,
и открылся ему мир жестокости, смрада, фальши.
Он идёт на реку, он берёт ботик,
он плывёт под парусом куда подальше.

А тут молодая баба на берегу слёзы роняет.
Просит себе у Бога любовь до гроба.
И вот выплывает ботик, и закат оттеняет
юношу на корме, силуэт подчёркивая особо.

Ах, прекрасный юноша: статный и бровь соболя,
по кудрям и лбу белый очелий, на щеках – румянец,
чисто ангел в золоте солнца, птица среди раздолья,
небожитель, что ли, какой иль чужестранец.

И так он плывёт с обидой своей, проплывает мимо.
А баба смотрит из-под руки зачарованно-
ослеплённо,
пока туман не покроет реку, и ночь не нагонит
дыма,
и рыбаки не спустятся к лодке своей со склона.

А юноша чувствует, как его утешают, вздыхая
горько,
эта речная глазастая баба в лесной пустыне,
рыбаки, костерки на склонах, вечерняя зорька...
Отчего-то до гроба он их запомнит отныне.

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

О, как Лейле хочется быть красивой!

Лейла чёрной тушью глаза рисует,
голубой и розовой раскраской их оттеняет,
пурпурные блики накладывает на скулы
и расцветку вишнёвую к губам примеряет...

А потом ещё газовый повязывает платочек,
поясок затягивает золочённый
и проходит в серебряных босоножках
по весеннему городу. И радостно цветёт персик!

Вот какая Лейла яркая, молодая!
Вот какая независимая, летящая у неё походка!
Вот как она сумочкой помахивает,
прядь поправляет
и поглядывает на своё отражение в разных
витринах!

Ах, как Лейле хочется быть любимой!

А меж тем и розовый персик уже набирает
силу,
и благоуханная груша уже бела и роскошна,
и особенно стараются сирень с жасмином,
и своё словцо вставляет крошечный
пунцовый цветочек.

Ах, как Лейле хочется быть счастливой!

Всё-то ей мерещится молодой мужчина,
для которого она, Лейла, – яркая, молодая,
прекраснее всех на свете,
и на которого она поглядывает
с собственнической улыбкой,
и подносит ему дымящийся пахучий хаши,
и, упирая в запястье остренький подбородок,
следит, как ест он, – и глаза его делаются
всё ярче.

Ах, как Лейле хочется выйти замуж!

А меж тем уже смоковница вперёд выступает,
молоком луна наливается, брызжет соком...
Соловей нащёлкивает: «Лейла! Лейла!»
А что дальше – Лейла разобрать не может.

* * *

Призываешь добрый сон – он кошмаром
оборачивается,
глянешь в спину супостату – а он
оборачивается,
объясняешь всё на пальцах – пять и пять
не сходится:

ходят слухи, воплощаясь, в мыслях духи водятся.
Выгоняешь злую страсть – складкою
высовывается,
расколдовываешь мир – а он заколдовывается.

Люди нагляделись в ночь с зеркалами грязными,
а оттуда – оборотни с криками бессвязными,
двойники и шулеры, демоны и выхухоли,
атеиста-дедушку из могилы выкопали.
Выгоняешь нечисть прочь, а она высовывается.
Расколдовываешь мир, а он заколдовывается.

Люди бьются за еду, стайками слипаются,
засыпают на ходу и не просыпаются.
Хоть труби ты им в трубу – мечутся и маются,
Повторяют «бу-бу-бу», а не пробуждаются.
Только цепи разорвёшь – новая выковывается,
расколдовываешь мир – а он заколдовывается.

По науке объясни, почему так складываются
плоть с душой и лик с лицом, яблоня и падалица,
а в зазорах и щелях – ужас набивается,
мёртвый дедушка с толпой под шумок сливается.
Выправь схему и ранжир –
ан не утрамбовывается.
Расколдовываешь мир, а он заколдовывается.

БЕГСТВО

Я осуществила бегство в болезнь:
в немощи телесной и дух мой хвор.
По ночам я слышу бессонную песнь:
стареньких вещей моих разговор.

Вспоминают страсти, спорят, кто прав.
Жизнь мою раскручивают задом наперёд:
туда, где я боялась – дубовый шкаф
с незакрытой дверцей меня заберёт.

Иль из-под кровати выскочит хорь,
прогрызёт материю, влезет в рукав.
Бабушка приходит, говорит мне: «Корь»,
и навек ложится в зеркальный шкаф.

С коврика тарасит олень глаза,
и у куклы в буклях щека в крови...
Я болею так же, как бирюза:
гасну и тускнею от нелюбви.

Я бы и сейчас, пока не умолк
весь этот театр, таящий весть,
так бы и ждала, что сказочный волк
подтвердит: как названо, так и есть.

Ничего не умерло. Тот провал,
что скрывал пропавшее и темнил,
всё, над чем ты плакал, что целовал
да в слова обёртывал, – сохранил.

БЫЛЬ

Как позвал Илья-Пророк Угодника Николая
обойти нашу землю, пройти полями-лугами.
И пустились в путь, ничего здесь не узнавая,
невесёлыми ступали ногами.

Наконец встретили дурачка на поляне.
Решили порасспросить о мире, о человеках:
– А есть ещё наши люди?
А где крестьяне?
А где пушные звери в лесах?
Где рыба в реках?

Где пахари и косари, что встают до свету?
Есть ли ещё мужики в этом народе?
Отвечает им дурачок:
– У нас теперь этого нету:
ни мужчин, ни женщин. Каждый одевается
по погоде.

Все теперь ровня – жена ли, муж ли:
у всех застёжка на брюхе.
Мужики рожают, бабы платят, а дети
отрываются и балдеют,
а старики и старухи
сидят в фейсбуке и в интернете.

– Ну а молитва? А песни свои поются? –
спрашивают странники.
Отвечает им бедолага:
– Да песни как раз найдутся,
Хотя бы вот эта, где м-м и где джага-джага.

И пошли Илья-Пророк со святым Угодником –
Божьи птицы,
головами качают, услышанное никак
не свяжут.

И вдруг засмеялись оба:
– Экие небылицы!
Кто у дураков-то спрашивает?
Они и не то нам понараскажут!

А дурачок собрал убогих, сирых и малых
и пересказывает им подробности этой сцены:
– Они думали, я не понял... Но я узнал их!
Ждут нас счастливые перемены!

Поэзия

Елена Крюкова

Елена Крюкова – окончила Московскую государственную консерваторию (фортепиано, орган) и Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России. Член Творческого союза художников России. Поэт, прозаик. Лауреат премии им. М. И. Цветаевой («Зимний собор», 2010), Кубка мира по русской поэзии (Латвия, 2012), Международного славянского форума «Золотой Витязь» («Старые фотографии», 2014; «Солдат и Царь», 2016; «Вера», 2019), Международной литературной премии им. И. А. Гончарова («Беллона», 2015), Международной литературной премии им. А. И. Куприна («Солдат и Царь», фрагмент «Семья», 2016), Международной литературной премии им. Э. Хемингуэя («Беллона», Канада, 2017), Международной Южно-Уральской литературной премии («Старые фотографии», 2017), Первой Международной литературной премии «ДИАС» («Евразия», 2019), литературной премии им. Аксакова («Хостис», 2019),

Международной литературной премии им. Ф. И. Тютчева «Мыслящий тростник» («Созвездие Лебедя», 2020), и др. Дипломант премии им. И. А. Бунина («Беллона», 2015) и Всероссийской премии им. генералиссимуса А. В. Суворова («Солдат и Царь», 2016).

Автор арт-проекта «Театр Елены Крюковой» (моноспектакли: «Земля», «Солдат и Царь», «Русское Евангелие», «Ксения», «Империя Ч», «Беллона», «Старые фотографии», «Коммуналка», «Русский Париж», «Евразия», «Серафим»; арт-концерты: «Два ангела», «Паломница», «Исповедь», «Звёздный ход» и др.).

Искусствовед, арт-критик, куратор арт-проектов в России и за рубежом («Архетип», Нижний Новгород, 2006; «Анестезия», Нижний Новгород, 2007; «Символы Земли», Кассель, 2008; «Долина царей», Москва – Брюссель, 2010, «Петроглиф», Нижний Новгород, 2014 и др.).

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ

И только одна лишь вера в сказанное сердцем!
Ф. М. Достоевский,
Братья Карамазовы

БЕЛИЗНА

Я белая.
Ночью замешено тесто.
Слепит белизною зима.
Я нынче невеста.
И можно сойти с ума
От счастья быть в белом, в пуржистом,
огнистом платье – один
Лишь раз надеть.
В перекрестье похорон и годин.
Я белый, коряво вырванный из тетрадки
в клетку несмелый лист.
Пишу нелепо, негладко.
Я белый тигр, белый лис.
Я белый кит, ума палата,
упойтельный Моби Дик,

Косатки, дельфины, скаты
ловят мой тонкий крик.
Я белая. Бумага я старая, с краю горелая.
Рвут меня, мнут,
Суют на растопку в печь, на кроху минут,
И жрёт огонь всё, чем на земле я жила, –
Мечты, рыданья, выдумки, явь, всё горит дотла.
Я белый пух. Мной подушка набита навек,
И спит на моей птичьей неге иной человек,
Иные слёзы по наволке пятнами тихо плывут:
Ночная ладья, исчезай, этот берег крут.
Я нынче хозяйка. Я в белой холстине той
Кажусь себе на кухне Горой Мировую,
ризой святой,
Сверкаю, сияю!.. я баба на чайник... вот –
Качнётся маятник, качнётся тяжёлый живот...
А вот в этом зеркале, не дай бог, заглянуть,
Я в саване белом, пора собираться в путь,
В последний путь, ах, Господь, не хочется как,
Давай подложу Тебе, Распятому,
под щеку горячий кулак...
Всё мягче бредить, мой милый...

всё слаще спать...
 Я белая простыня, устилаю Твою кровать,
 И я не растаю в моих полях по весне,
 И я воздымусь к небесам в соборном огне!
 Ах, милый, зри, раскинулась белизна
 Моя – на полмира, на небо без края-дна,
 На землю, изрытую рек слезами, такую мою,
 Что глянет в душу мою глазами у меня на краю!
 Я белая! Я сияю! Я просто одна звезда!
 Лечу, а куда – не знаю, и может быть, в никуда,
 И я превращаюсь в незримые,
 чисто-белые письма,
 И не прочесть, не вычесть, не выжечь,
 лишь я зарыдаю одна.

* * *

Помолюсь пред родовой нашей иконой
 Иоанна Грозного грозных времён
 Грозно будущее катит с небосклона
 Без огня без имён

Я лишь музыке любя я только звуки
 Истомлённо плывущие задарма
 Я лишь музыка люди я только руки
 Мимо клавиш мимо ума

Мимо боли предательства казни лютой
 Мимо петли завязанной в узел-смех
 Только музыка нежная – на минуту –
 Перед воплем из всех

Гулких глоток казнимых казнящих
 Ртов орущих на гребне гиблой волны
 Только музыка – молитвою настоящей –
 Обочь всей тишины

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ

Ты, глазурь-печатка, пламенем – во мрак!
 Я – живой заплаткой: Время – главный враг.
 Тело белое глядится кочергой,
 Прошлым бешенством-безумьем – ни ногой
 В эту семечек – в метели – шелуху,
 В те сугробы, что ложатся под соху,
 Под железного мороза дикий плуг –
 Где там жар голиц округ нежнейших рук!.. –
 В те частушки, что на площади алкаш
 Голосит, подачкой солнцу, баш на баш,
 В ту сибиринку, татарский глаз разрез
 На собачью стаю, в тот мохнатый лес,
 Лай кликуший, душу вывернет носком
 Крупповязаным!.. разлука – в горле ком...

Там Байкал слезою синею течёт!
 Там стою я, дни-огни наперечёт,
 На берегу, близ изумрудной Ангары –
 В небе-море самолётные костры!
 И на рынок там ворвусь из-за угла –
 Зимний гусь, боец, ну что, твоя взяла!
 Выжгло Время мне земную благодать.
 Между всеми – хоть на рынке порыдать!
 Снежный рынок, посреди тебя стою –
 Ты мой храм, паникадиллом жизнь мою
 Подпали! кадиллом перечным зажги!
 Задеру башку – а не видать ни зги:
 Синь великая польётся мне в глаза,
 Неболиякая, немая бирюза,
 Вот, Байкал, едва уйму чудную дрожь –
 Всем посконным небом надо мной плывёшь!
 Ты мой купол! Я – лишь роспись на тебе:
 По солёной штукатурке, по судьбе!
 Я – казармы, я – слезами, водопад
 Криков, шепотов, прощания солдат,
 Позолота я, и звёзды без числа,
 Окна – сотами, медовой сытью – мгла,
 Это пристань, и змеиная волна,
 Ну же, выстынь в ледяном зеркале без дна,
 Перламутром, перлом, помнящим Раскол,
 Протопоп да чада – вон, по льду побрёл...
 Ах ты, Время! В модных латах... всё звенишь!
 Я – зерно, а ты – прожорливая мышь...
 Я – куржак, налипла слоем на стрехе,
 Волчьим воем глухо каюсь во грехе...

Ох, мой рынок! Ангара-моя-вода!
 Окунусь – и не восстану никогда
 Из смарагдом зеленеющего сна:
 Я твоя стремнина, мощная волна!
 Как одну толкнул вперёд тебя Отец?!
 Как в тайге уснул стрелецкий голубец...
 Голомянки, сиги, омули, ельцы,
 Лучезарные ленки – во все концы
 Толщи чистой, яркоглазой, ледяной –
 Догонять меня: ах, станет что со мной...
 Погоди, моя девчонка! Погоди!..
 Зарядят в ночи старухины дожди,
 То ли вдовий, то ль монаший взденешь плат –
 А тобой в дегтярной тьме огни глядят...

Ох, мой рынок! Ну, давай, в огнях торгуй!
 В небеса швыряй замёрзлых сливок буй!
 Мой буй-тур, алмазный княжич, снеговой –
 Синь-вина плесни в ладони мне, налей!
 Горсть подставлю, кожу горечью сожгу,
 Жадно выпью, захмелею на бегу,
 Только выстонать всю правду – вышел срок! –

Только выбросить дарёный перстенёк
 Во сугробы, только выстыть на ветру,
 Только выкрикнуть: не смеяся! не умру! –
 Над заваленным орехами лотком,
 Над завязанным отчаянно мешком –
 Нежный омуль там да вяленый чебак,
 Мне, безумке, ты, рыбак, отдай за так!
 Я – все эти оснежённые лотки!
 Я – собакам кость из пламенной руки!
 Я – лимоны, мёд, вся золотая снедь,
 Я сверкаю, не даю вам помереть,
 Я кормлю собой собак, зверей, людей
 На изломе, на отлёте площадей,
 Вот уже я пища ваша, град и весь,
 И себя насущным хлебом дам вам днесь!
 Рынок! рынок! Тыквы, чир, окорока!
 И черника, и брусника – на века!
 Черемшовой – из бочонка – терпкий дух...
 Бормотанье, как вязанье, двух старух...
 А девчонка пляшет, ягоду жуя...
 Не гляди, ведь страшно... вылитая я...
 Ярко-красно с досок ягоды текут
 В белизну... да поживи ты пять минут...
 Погляди на кистепёрые платки,
 На меха на кочерге святой руки,
 На соболий сверк синеющих снегов –
 Я, родные, вот я ваша вся любовь!
 Вот такую вы запомните меня:
 Здесь – на рынке зимнем – языком огня –
 Над сияньем репы, клюквы и капуст –
 Над дрожаньем в заревой улыбке уст –
 Время, дай обнять!.. Целуй, метельный враг!..
 ...я – глазурь-печатка – пламенем – во мрак.

МАТЬ И ДИТЯ. ПЕРВАЯ ВОЛНА

Эта палуба ещё у меня под костылями-ногами.
 Я хожу-брожу по ней спасательными кругами.
 Океан так тих. Вся тиха квартира
 На задворках лоции, на отшибе мира.
 Из копчёного чайника – бургундское наливаю.
 Далеко, на горизонте, революция: звон трамвая.
 Там мне лодка стальная в истерике шлёт сигналы –
 А я за столом сижу, за трапезою бывалой.
 Ресторан утонул. А корабль плывёт.
 Повожу глазами –
 Ты, Веласкеса кисть, печатлей, что там будет
 с нами:
 Обнажёнка рыбы отменной,
 хек серебристый по медной чешуе-сорок-восемь,
 Эрзац-кофе ячменный,
 в мензурке мёд – под богатых косим.
 А на диване – пацан. Отмыла от боли, поцеловала

В чистый лоб. Вчера добыла его из подвала.
 Негде жить. Не беженец, не шенок, не крысёнок –
 Просто холопом брошенный в грязь
 Царский ребёнок.
 С небо целое очи. Глядит светло и сурово.
 На коленках портки дырявы. Божья обнова.
 Он мне честь отдаёт. Только мысленно.
 Я же вижу.
 На столе – к нему ближе – селёдки
 охотничья лыжа.
 Утонул лаун-теннис, спортзал, шведская стенка,
 Бери хлеб и кусай, на молоке ненавистная пенка,
 Ты её нежно намотай на вкусную
 сладкую ложку –
 С твоим вензелем серебром...
 подбери губёнками крошку...
 Загляни, малыш, в щербатую, битую чашку –
 Там земля на ветру дрожит в исподней рубашке,
 Пальцы жарких пустынь вцепились во льды,
 голые плечи –
 А в затылок ей, грешной, зенит звёзды военными
 ядрами мечет!
 Наблюдай... молчи... верти чашку в подводных
 пальцах...
 Я фигуру ту – на палубе – надысь вышивала
 старухой на пяльцах!
 Я фигуру ту, рвёт норд рубаху, роза ветров ярится,
 Шила рыбьей иглой, вывязывала
 на лазаретных спицах!
 Что земля мне была тогда, что ураган-свобода –
 Я плодом её вынимала, молясь, матерясь,
 из матки родильного небосвода,
 Я её обмывала, крестясь, крестя, да, видать,
 всё зряшно,
 Не поднять стакан, не глотнуть, не вкусить
 ни зелье, ни брашно!
 Ешь ты, ешь, соболёнок мой! Земля не утонет.
 Видишь, мы плывём. Нам радио в ладони уронит
 От Советского Информбюро о грядущей войне
 объявление,
 Ну, так завтра-то. Не бойсь... сохрани мгновенье...
 На тебя, мой найдёнок, птичью лапку надену,
 блаженство рода,
 За тебя, мой царёнок, хоть в огонь прыгну,
 хоть в воду,
 Для тебя, живёнок, попрю смертью смерть,
 повезёт, может,
 Как всегда попирали мы тьму –
 алмазным морозом по коже!
 Ешь ты, ешь, не сиди, кофеёк ячменный
 твой стынет,
 Мы по морю ночному плывём в дырявой корзине,
 Я тебя тоже вышью, шёлком-гладью по снегу,
 когда стану девчонкой,

Ждать недолго, ты ешь, а я пока лишь поплачу
тонко,
Лишь вспомню всю мою
ясную, красную, несчастную Атлантиду,
А корабль плывёт, а мы тонем, медленно,
незаметно с виду,
И я режу хлеб на тарелке, а там, в круге фаянса,
изображенье:
В море тонет корабль, украдкою, дико
это движенье,
Пахнет хлеб ржаной головёнкой твоей,
княжич малый,
Хоть кусок возьми, нашу трапезу меж людьми
начинай сначала,
Топки полны углём, умереть нам влом,
гордо реет красное знамя
На бушприте, и в горле ком,
Бог забытый плывёт, смеётся со всеми нами.

* * *

Мы у Времени – кто?.. мы звери, черви и птицы.
А мы думали – люди?.. мы бабочки,
порх да порх.
Нам греха не знать, воробьём из лужи напиться,
Нам самих себя не расстрелять в упор.
Всё зверьё-птичье никогда не ведает часа.
Не боится смерти. Не сверяется с календарём.
Всё щебечет, ползёт, пускается в полымя пляса,
Никогда не шепчет себе: «Мы завтра умрём».
Мы у Времени – что?.. мы по снегу
птичьи лапки.
Не повесишь на шею нательные птичьи кресты.
Мы у Времени – где?.. за пазухой?..
кружево, тряпки...
А в больничной котельной кочегары
от водки чисты...
А врачи по этажам всё носятся, всё летают,
Всё парят голубями, а маски прячут
их голый крик –
В хирургии старуха, бесноватая и святая,
Отдала Богу душу, птицей – к небу –
закинув лик...
Всё порхают капустницы белые... ангелочки...
Всё скулят под лавкой новорожденные щенки...
Бытие оборвется однажды, без проволочки,
Так на проволоке гирлянды
сгаснут – лампадные огоньки...

Слушай, Время... Материя ветхая ты такая...
Расползёшься, – игла ни за что тебя не сошьёт...
Я собакой вою твоей,
твоей стрекозой порхаю,
Я коровой твоей перехожу твою реку вброд.
Я безмолвна, Время! Ты видишь – я безъязыка.
Что слова? Всё ложь. Настояща музыка
лишь одна.
Я зверьё твоё и птичье, я зверьего рыка,
Одинокого хриплого крика нота без дна.
И воплю я одна – как хор твой!
Ораторья, облитая кровью!
Эти горы певцов, голосов – все они во мне!
...я у Времени – кто?.. причитанье, прибудье,
присловье,
Бедной зимней бабочки порх на холодном окне.

МУЛАТКА В ЕЛОХОВСКОЙ ЦЕРКВИ

...и светилась икона, золотая заплатка
На мафории – в ладане храма...
И стояла в толпе молодая мулатка,
Иностранная юная дама.
Лили певчие свет стоголосьем безбрежным.
И тепло было в храме, как в чуме!..
А она, как ребёнок, так плакала нежно,
Что я думала – кто-нибудь умер.
Так мерцали во тьме два струящихся глаза,
В ночь бездонную, в вечность колодцы...
Неужели никто, никогда и ни разу
С горних высей сюда не вернётся?..
Так качалась – под ветром лозой обгорелой,
В такт мелодии, в платье белом...
Обернувшись, в сердце моё посмотрела –
И на ломаном русском запела.
Голос дрожью прошёлся от стержней басовых
До сияющих облачных граней...
И во тьму покатались тугие оковы
Окольцованных наших дыханий.
На груди её чёрный божок деревянный
Трепыхался на грубой бечёвке...
Знает идол насмешливый и окаянный
Все молитвы людей, все уловки...
Но чего же мы просим на кухнях чадающих
И на ложах, разобранных наспех?
Та молитва о Мире – всё горше, всё чаще.
Только в битвах – сражённые насмерть!

Только войны идут, и вопят, и пылают,
И взрываются: в радость не верьте!
Боже, музыка милая, Матерь Святая,
Упаси от безвременной смерти!

Боже, Всенощные, Литургии, кондаки,
Осмогласы, стихиры, ирмосы –
Охраните, родные, от дикого мрака,
От последнего горького плёса!

Ты поплачь, моя музыка, плачь с нами вместе,
Обними нас, детей несмышлёных...
Чёрных, белых и жёлтых, из глины и жести,
Из болотных огней запалённых...

А мулатка моя... жизни тёмное пламя...
Жжёт сквозняк... рвутся крыльями свечи...
Спой мне, музыка, что там, за временем, с нами
Станет, грешными... дальше... далече...

Спой, о чёрная музыка, огненным ливнем,
Ветер, волю вдохни полной грудью!
Прозвени, пролети упованием дивным,
Прокричи на безлюбьи, безлюдьи!

И когда мы пред Господом – все! – на колени
Упадём, задыхаясь от плача,
Обними нас руками твоих песнопений,
Обожги поцелуем незрячим!

...и рванула с груди деревяшку резную,
И бечёвка, как жизнь, оборвалась:
«Добрый Бог. Мир. Бери», – и бело улыбнулась,
И ко мне чёрным телом прижалась.

Смоль и чёрное пламя, ожгло меня тело,
Тело девичье, тело живое, –
А старуха из хора о мире запела,
Видя, как мы заплакали, двое.

И, как дочь, обхватила я слепо мулатку,
И, как мать, что вспоила ребёнка
Молоком буйволицы, тягучим и сладким,
Обняла меня чёрная жёнка.

И гребёнка из нефти волос покатила...
Мы стояли, обнявшись, в притворе,
А любовь, возлетая над нами, светилась
В человеческом горестном хоре.

Поэзия

Андрей Шацков

Андрей Владиславович Шацков – родился 1 декабря 1952 года в Москве. Имеет высшее архитектурно-строительное образование. Автор тринадцати поэтических книг. Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ, премии Правительства Российской Федерации в области культуры, а также множества иных литературных премий и наград. Главный редактор альманаха «День поэзии – XXI век». Ответственный секретарь журнала «Невечерний свет» (Санкт-Петербург).

ОРУДИЯ, К БОЮ! МАРШ «ВАРЯГА»

Памяти бабушки – З. В. Рудневой

Над бухтой встаёт желтолицее солнце.
Дымится на рейде эскадра Японца.
Но в церкви на юте канон сотворив,
«Варяг» и «Кореец» идут на прорыв!

А где-то в России, в снегах молчаливых,
Тоскуют берёзы на волжских обрывах.
И матери снова не спят до утра.
Им письма несут штормовые ветра.

Орудия, к бою! Орудия, к бою!
Грохочет шрапнель над матросской судьбою.
Но выше неё, в корабельных снастях,
Трепещет, как чайка, Андреевский стяг!

Остались в тумане окрестные сопки.
Протяжно гудят раскалённые топки.
И в небе ревут канонады грома,
И низко к волне накренилась корма.

Огнём запылали морские пучины.
В горящих сердцах не осталось кручины.
От мичмана с юнгой до высших чинов
Запомнит Россия отважных сынов!

Живые шагают по Невскому маршем.
Пусть вечная память останется павшим.
На воду ложатся кругами венки,
В шеренги на баках встают моряки.

От Жёлтого моря до берега Крыма
Плывут бескозырки среди чёрного дыма.
И грозным салютом гремят крейсера,
И следом несётся – морское УРА!!!

КРЕЩЕНСКИЙ НОКТЮРН У ИСТОКОВ РУЗЫ

Истоки реки Рузы лежат на Московской
возвышенности...
Истоки реки Иордан лежат у горы Хермон...
ранее принадлежащей Сирии...

Материалы Википедии

Я хочу попросить прощения
Перед Вами, мои стихи
Нерождённые...
Пусть Крещение
Грех омоет волной реки.

Да не будут они обузою.
До земли не оттянут плеч...
Над моею застывшей Рузою
Засвистела снегов картечь!

Пусть стихи остаются в заводи.
Щукой спрячутся в глубину.
А когда потеплеет – в паводье,
Как Ковчег подплывут к окну.

Но пока у моей оконницы
Табунятся Крещенья сны.
Не прорвать им заплот бессонницы
Скоком святочной старины!

Так, глядишь, и замёрзнут сирые,
Как в Заволжских степях орда.
Ведь Россия теплом – не Сирия,
Да и Руза – не Иордан,

Чьи истоки – в библейской местности,
У подножья высоких гор...
У России – свои окрестности,
У России – свой разговор.

Хоть над Сирией – небо синее.
Над Россией – ещё синей.
«Иордани» в морозном инее.
Грай вороний да скрип саней.

И под утро к Крещенской проруби
В час урочный, в урочный срок
Снегири слетят, а не голуби,
Как Предтечи грядущих строк!

ДЕНЬ МАРТА

Весь день расписан. Март в календаре.
Всё как всегда: вчера, сегодня, завтра...
Но что-то изменилось на дворе,
И стынет на плите ненужный завтрак.

Забор. А за забором тёмный лес.
Снега искрятся отраженьем сини.
И кажется, откуда ждать чудес
Здесь – в сонном царстве, посреди России?

Отброшу с плеч накинутый тулуп.
Спущу с цепи лохматого собрата.
И вздохом – пар поднимется из губ,
Тобой согретых в юности когда-то.

И вновь потянет в горницу – к листу,
Оставить строк не зажившие шрамы.
И приложить горячий лоб к кресту,
Глядящей в окоём оконной рамы.

А там – смотри, пошёл не снег, а дождь.
Исчезнет в небыль зимняя простуда.
И может быть, что ты ко мне придёшь
Негаданно, нечаянно, как чудо.

А вот и солнце. Брызнули лучи
На пажити, дороги и корчевья.
И к нам летят усталые грачи,
Вернувшись из далёкого кочевья.

СУМЕРКИ

Под вечер навалится... Впору не жить.
Ухабы беды превращаются в горы.
И мытарь – летучею мышью кружит.
И входит печаль за замки и заборы.

Чадит и не плавится воска свеча.
И шелест химер прозвучал за оградой.
И звёзды не бросят на землю луча
Утешной отрадой, последней отрадой.

Читаешь синодик ушедших друзей,
А сердце стучится всё глуше, всё реже...
Россия – одна! И не будет Рассей
Средь пальм и кипящих волной побережий.

С родного погоста, за пару минут,
Стакан огранив полукружием хлеба,
Коль скоро родные тебя позовут,
Ты должен подняться в холодное небо!

И чтобы полёта мгновенья – легки,
И встречи с грядущим не горькими были,
За всё заплати и не делай долги,
Оставь пятаки бесполезные в пыли.

Под вечер навалится... Впору не жить.
Светило ушло за леса и просёлки.
Но там, за покосами, в облаке ржи,
Кричат перепёлки, зовут перепёлки.

И зов их подхватят с утра петухи...
Со взглядом бессонным, из призрачной дали,
Ты к ним возвратишься пунктиром строки,
Певца непонятной закатной печали.

ПОЛЫНЬ

Полынь, полынь, ты всё-таки взошла,
А я уж не мечтал об этой встрече...
Земли касались ласточек крыла.
И громыхало где-то недалече.

И не хотелось сумрачно смотреть
На сомкнутую рать чертополоха.
Но миг пришёл, и сгнула мокреть,
И началась цветения эпоха!

И стало всё, как в прошлые года.
Сбывалась за приметой примета...
Но в вышине зажглась Полынь-Звезда.
И вспомнилось ещё – былое лето.

Когда пропахли волосы твои
Прибрежной мятой и тоской полынной.
Когда мы шли по краешку стерни,
Как нам казалось – стёжкой былинной.

Среди ещё не тронутых боров.
Среди лугов, томящихся в покое...
О, как тогда стучала в сердце кровь!
Сейчас не время вспоминать такое:

России неба вековую синь,
Распахнутую в честь моей державы...
А я не знал – как ты горька, полынь.
Вообще не знал, как звались в поймах травы!

СЮЖЕТ О ЗИМНИХ МАРГАРИТКАХ

Кривая судьбы... Синусоиды дно.
В Рождественских окнах горящие ёлки...
Я пью свою горькую кровь, как вино.
И к храму бреду в одиночестве волка.

Лишь в горле катается тёплый комок,
Что нежностью был с достопамятной встречи,
Когда я впервые судьбу превозмог
И шёл на свиданье – Буслаем на вече!

И первую стражу стояла зима.
Отринув бессмыслие слова – предзимье.
И ты торопилась на встречу сама –
Позёмки речной осиянная синью.

И руки свои укрывала в моих
Ладонях от хлада морозного пара.
И всё повторяла, как школьница стих:
«Мы вовсе не пара, мы вовсе не пара!»

А я и не помню, что было тогда,
Хоть память приходит больными ночами...
Мелькнули мгновенья, минули года,
Сомкнувшись, как воды, у нас за плечами.

Те зимние дни не вернуться назад,
Растаяв сугробом у самой калитки,
Скрипучей, ведущей тебя в палисад,
Где вместо снегов – расцвели маргаритки.

«Цветы Богородицы» – лета привет,
Которое вовремя к нам не пришло...
Как жаль – не сложился о счастье сюжет,
Но это в России – обычное дело.

ОЛЕНЬИ ПРУДЫ

Спят пруды. Свисает снег мохнато
С прибрежных веток бахромой.
Здесь вдвоём бродили мы когда-то.
Сколько лет минуло, боже мой!

В зимней полудрёме и томленьи
Уходило солнце вглубь воды.
Замерзали губы и Оленьи
Скованные холодом пруды.

Утишало грей, воронье вече...
Млечный Путь – неяркий и далёк –
Фонарями вспыхнув в этот вечер –
Росстанью на наши судьбы лёг.

Только всё равно, когда в смятенье
Пустоту почувешь за спиной,
Вспомни: наши два пруда Оленьи
Осияны тайной неземной.

Где перед тобою на колени,
Не приемля прозы суеты,
Стал поэт, обняв пруды Оленьи –
Светлые московские пруды.

ДВАДЦАТЫЙ...

Снег скрипит! Скрипит январский снег.
Пёрышко скребётся по бумаге.
Словно вновь пришёл двадцатый век,
Очередь заняв в универмаге.

Фантики, хлопушки, пастила,
Синий шевиот официоза...
Ёлка настоящею была –
Со смолой, застывшей от мороза.

Дворник гордо нёс свою метлу,
Деревенский дворник – дядя Федя.
Тёплый хлеб давали ко столу,
И компоты – школьникам в буфете.

И трещали доски у бортов:
Шло с Канадой вечное сраженье.
И в хоккейной шапочке – Бобров
Поражал игрой воображенье...

Милый, неуклюжий и больной,
С коммунальной толчеей в квартире,
Где ты, мой двадцатый – золотой,
С орденом «Победы» на мундире!?

Где ты, чёрно-белое кино?
«Огоньков» эфирная программа.
Голуби, соседи, домино
И такая ласковая мама,

Что теперь глядит издалека,
В деревянной рамочке-квадрате...
Век двадцатый – это на века!
На другие – времени не хватит!

САГА О ПЯТИДЕСЯТЫХ

Вечер. Приблизились сказки.
Месяца выглянул лик.
Библиотека. Салазки.
Книги везём на двоих.

И озаряется память
Светом ребячьей любви...
Сумерки. Лёгкая заметь.
Голуби и воробьи.

Бабушка, длится разлука,
Но предьявляет права
Всеми забытая штука –
Пятидесятых Москва...

Боже, когда это было?
Взглядов чужих сторонясь,
Бабушка в церковь ходила.
Вилась иконная вязь.

Щёлкает стрелка. Трамвая
Нету в былое пути...
Бабушка, я забываю
Добрые руки твои.

Стихли Сокольников марши.
Не замерзает каток...
Я уже сделался старше
Бабушки, лет на пяток.

Право, не ведаю близкий
К Сретенью путь? Но с тобой
То поминальной запиской,
То стихотворной строкой

Будем под сенью метели
Длить без конца диалог...
Лягут в снега иммортели
На перекрестье дорог.

ПАМЯТИ ОТЦА

И какая-то в этом была пустота...
И какая-то НЕзавершённость пути.
Мой отец, ты из дома ушёл без креста,
В никуда, так бы мне не хотелось уйти.

Но каким бы негладным не был финал,
Как бы жизнь не была напоследок строга –
Ты свой век одолел, ты его доломал,
Ты добил его, как фронтового врага.

И посмею ли слово промолвить в укор,
Если в зеркале вижу твой взгляд и твой лик.
Я летами тебя не догнал до сих пор
И – во снах – молодым тебя видеть привык.

И покуда годам иссякающим течь,
И пока не застыну на бездны краю,
Мне бы только суметь малой каплей сберечь –
Эту гордую стать и улыбку твою.

Снова душный июнь, снова сизая мгла.
Снова сердце мытарит прокимена стих.
Раньше мама тебя на земле берегла...
Пусть теперь небеса берегут Вас – двоих.

Ты прости и немного ещё подожди
Тех, кто любит тебя на земле до сих пор...
И слезой поутру выпадают дожди,
И печаль тополей замечает наш двор.

* * *

Бродит волчицею серую
Оттепель –
в ночь, за окном...

В чём твоя вера? –
Не верую
В мать, уснувшую сном

Вечным,
среди мая цветения,
После недели страстной.
Ждать ли твоё воскресение?
Будешь ли снова со мной?

Звёзд слюдяное сияние
Тает на снежной меже...
Как обрести покаяние,
Если смятенье в душе?!

Кажется сонной химерою
В небе затерянный рай...
Верую! Верую!! Верую!!!
Мама, не умирай!

За ледяною излучиной,
В сполохах млечной пурги,
Ночью бессонной измученный,
Слышу родные шаги.

Там, где часы беззаботные
Мы проводили любя,
Мамины пальцы бесплотные
Крестят, прощаясь, дитя

Взрослое, с жёсткою проседью,
Горя познавшее край.
Губ шелестящее просинью:
«Мама, не умирай!»

Поэзия

Дмитрий Мизгулин

Дмитрий Александрович Мизгулин – родился в 1961 году в Мурманске. Окончил Ленинградский финансово-экономический институт им. Вознесенского и Литературный институт им. Горького.

Автор 20 книг стихотворений и прозы. Член Союза писателей России. Лауреат международных и всероссийских литературных премий, в том числе премии Правительства России в области культуры. Имеет награды РПЦ. Живёт в Санкт-Петербурге и Ханты-Мансийске.

ПТИЦЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ ДОМОЙ

Птицы возвращаются домой.
Лес сквозит голубоватым светом.
Скоро, очень скоро, боже мой,
Зазвенит, зазеленеет лето.

Расцветёт мой опустелый сад,
Только вот в душе моей – ни звука.
Как-то вдруг неожиданно, невпопад
Вспомнилась недавняя разлука.

Снегопада шелест, фонари,
Сигаретный терпкий запах дыма
И тугая полоса зари,
Замерцавшая неуловимо.

Что осталось? Снега кутерьма,
Долгой ночи влажное дыханье,
И нагая, сладостная тьма,
И немного странное прощанье.

Нынче мы чужие – я и ты.
Всё так просто. Сердце бьётся мерно.
Что страшнее этой простоты,
Этой строгой страсти равномерной?

Ни прощать не вправе, ни винить.
Но чем дальше время – боль сильнее.
Понял я давно, как надо жить,
Только с каждым годом жить труднее.

Ну а нынче – всё звенит весной.
Что природе наши мысли, муки?..
Птицы возвращаются домой
После зимней, тягостной разлуки.

* * *

Застыл на распутье – не знаешь,
Проблемы – куда ни пойдёшь:
Налево – коня потеряешь,
Направо – любовь обретёшь...
Но ты, молодой и упрямый,
Уверенно выбрал свой путь,
Решаешь – всё прямо и прямо
Вперёд – ни на шаг не свернуть!
Ни недруга рядом, ни друга,
Молчанье – зови не зови.
В тумане промозглом округа,
И нет ни коня, ни любви...
И нет ни привала, ни кровя,
И нет ни покрывки, ни дна.
Тебе лишь дорога – основа,
Тебе только вечность дана.
И дали, туманные дали,
Где края достигнешь едва ли...

* * *

Не думать, наверное, проще.
Но лучше ль печалиться зря?
Мерцает в осиновой роще
Багряный закат сентября.

Промчались июльские ливни.
Царят затяжные дожди.
Ну что же поделывать, скажи мне,
Коль звонкий июль позади?

Возможно ль теперь возвращаться
В те дни, где звенела листва?
Как мокрые листья, кружатся
Такие простые слова.

И всё – кутерьма и морока.
И впредь никого не вини,
Когда заалеют до срока
Калёной калины огни.

ДОМ, ГДЕ ЖИЛ ТЮТЧЕВ

Смеркается. Как наважденье
В морозном мареве огней
Перспекта сонное движенье,
Реклам дрожащее свеченье,
Мерцанье тусклых фонарей...

Иду по Невскому. Знакомо
И всё почти известно мне...
На миг остановлюсь у дома,
Увижу яркий свет в окне.
Напряжены, в морозной пыли,
Гудят чуть слышно провода.
Здесь жил поэт. Давно забыли
В какие именно года.

Уже пустеют мостовые.
Смотри, из этого окна
Ему видна была Россия,
Была судьба её видна...

* * *

Скоро мы оставим мир подлунный,
Чтоб потом преданиями стать...
Всё равно мне – готы или гунны
Будут эти земли населять.
Птица пролетит легко, беспечно,
Зазвенит в ручье лесном вода,
Многое останется навечно,
Многое исчезнет навсегда.
Здесь же всё останется, как было,
Это небо, роща и река,
Это многоликое светило,
Эти грозовые облака.
Не решай судьбу иных столетий,
Не гадай о будущем в тоске,
Слушай, как степной полынный ветер
Говорит на русском языке.

* * *

Вновь устав от жизни бестолковой,
Покидаю шумный Петроград –
Мир мой тополинный и кленовый,
Мой вишнево-яблоневый сад...

Поднимаюсь по крутым ступеням,
А вокруг такая тишина,
И таким таинственным свеченьем
Комната моя озарена.

Я вздохну немного виновато,
Но уже теперь, на склоне дня,
Кроме Бога и военкомата,
Нет теперь начальства у меня.

Подойду к окну – ещё не поздно;
Сонный мир объёмлет тишина.
Тихо зреют яблоки и звёзды,
На ветвях качается луна.

Ничего теперь уже не надо...
Тихо шепчет влажная листва,
И плывут во мгле ночного сада
Русские, печальные слова...

* * *

То дождь со снегом,
То снег с дождём.
Другой погоды
Уже не ждём.
Другой погоды – откуда взять?
Погода нынче – как благодать...
Другой погоды нам не дано,
Темнеют своды – но всё одно
Куда деваться? Мы здесь живём.
То дождь со снегом,
То снег с дождём.
И пьём и любим, но держим статью!
Другой погоды – откуда взять?
Дождинки стыннут, и тает снег.
В мирских просторах – спасенья нет.
В тумане тает болотный мрак.
Живём без Бога – ни так ни сяк.
Не светит солнце, и нет луны.
За счастьем ходим в чужие сны.
То дождь со снегом,
То снег с дождём.
Другой погоды
Уже не ждём.
Другой погоды – откуда взять?
Погода нынче – как благодать...

* * *

Стремишься постичь мирозданье,
Скорбишь над народной судьбой.
Суббота. Натоплена баня,
Струится дымок над трубой.

Сегодня я полный бездельник,
Привычно сижу на полке,
Пахучий берёзовый веник
Победно сжимая в руке.

Во власти туманного жара
Смирненное тело моё,
И мягким берёзовым паром
Струится моё бытие...

Эпохи восторженный зритель –
Спешу беззаветно поддать.
Не с этим ли жаром святитель
Однажды сравнил благодать?

От шума вдали и от гама
Вершу свой обряд не спеша.
А завтра под сводами храма
Вот так же отгадет душа.

* * *

Не копи обиды и сомненья,
В этой жизни – всё благословенно,
И скажи «спасибо» за мгновенья
Радости, печали и любви...

И не ожидай, что ждёт награда,
Звёзды тихо тают в вышине...
Раз случилось – значит так и надо
Для чего-то и тебе и мне...

Не суди мои поступки строго,
Раз уж наши встретились пути,
И куда б ни вывела дорога,
Ты за всё, любимая, прости.

* * *

Встанешь утром – в городе зима.
Всюду, как нечаянная милость,
Снега кружевного кутерьма
Облаком на землю опустилась,

Будто бы и не было тоски,
Будто бы и не было печали...
А вчера сжимала боль виски,
А сегодня всё опять в начале.

Не копи обид в своей душе,
Не меняй любовь и страсть на жалость,
Торопись, сердешный, ведь уже
Слишком мало времени осталось.

Отрешишься на миг от суеты,
Не ищи звезду на дне колодца,
Жизнь, у Бога взятую займы,
Отдавать когда-нибудь придётся.

И конечно, лучше бы зимой,
В умиротворенье снегопада,
В миг, когда за сумрачной стеной
Ничего уже менять не надо.

* * *

Снежные сумерки тают,
Звёздная даль высока,
Сердце моё остывает,
Как остывает река.

Стынет волна под шугою
Льдом безвозвратных потерь,
Близкое и дорогое
Стало ненужным теперь.

Заледенеют печали,
Заиндевет река,
На опустевшем причале
Будет утрата легка.

Благоговейно внимаю
Шёпоту стынущих вод...
Я успокоился. Знаю,
Скоро это пройдёт.

ПРОЩАЯСЬ НАСПЕХ,
НАВСЕГДА...

Прощаясь наспех, навсегда,
В столпотворении разлук
Ты не забудешь никогда
Её по-детски тонких рук.

Пройдёт печальная пора.
Ты будешь жить и не тужить,
Но будут жёлтые ветра,
Как листья, память ворошить.

Конечно, вечность – это вздор.
Ты прав, конечно, всё пройдёт.
Но всё же, где горел костёр –
Трава годами не растёт...

БАБЬЕ ЛЕТО

Пора уходящего лета.
В такие минуты, поверь,
Покажется, солнцем согрета
Печаль невозвратных потерь.

Но нынче погоды иные,
И бабьего лета не жди.
В районах центральной России
Идут затяжные дожди.

В тумане промозглом деревня...
Как тихо на вечной земле!
Лишь только качают деревья
Ветвями в сиреновой мгле.

Ленивые струи стекают –
Тяжёлая эта вода.
Уже не гудят, а вздыхают
Натруженные провода.

Три дня не выходишь из дому,
Часами сидишь у окна,
И одолевает истома
Дневного, тяжёлого сна.

Но вот начинает смеркаться,
Уже не видать ни черта,
Как вдруг начинают казаться
Знакомыми эти места.

И чувство, знакомое очень,
Как будто когда-то с тобой...
Быть может, промозглая осень
С твоей пошутила судьбой?..

Не вспомнить.
Не вспомнить.
И память
В помощники ты не зови.

Ведь всё это было не с нами,
Но в нашей остались крови:
Забывшие песни, дороги,
Заросшие лесом поля
И тяжесть осенней тревоги
Дождливых ночей сентября...

И вдруг пожалеешь впервые
О том, что уже позади...
В районах центральной России
Идут затяжные дожди.

В ХРАМЕ
ФЁДОРА СТРАТИЛАТА

Всё спешим и спешим куда-то.
Судим яростно, сгоряча.
В храме Фёдора Стратилата
Одиноко горит свеча.

О, какой же был путь неблизкий
Вечной памяти и молвы,
От холмов Гераклеи Понтийской
И до снежных равнин Москвы...

Тусклый сумрак, развеясь, тает.
Потемневший мерцает лик,
И бесстрастно на нас взирает
Непреклонный седой стратиг.

Я почти что не различаю
Эту древнеславянскую вязь,
Незаметно, по дням убываю,
С Древним миром теряю связь.

Что нам время и что законы?
Если всё мирозданье – миг.
Но мерцает с тусклой иконы
Просветлённый, священный лик.

Снег летит не спеша и плавно,
Тихо падает он, кружась.
И теперь ощущаю явно
В этом хаосе некую связь –

Как ни рвись, торжествуя и мучась,
В мир – от паперти до луны –
Эти судьбы и наша участь
Так причудливо сплетены...

А на улицах близлежащих
Тишина. И в окнах видны
Излученья огней дрожащих
И замёрзшие блики луны,

Снег скрипит, и морозный воздух
Чуть дымится у фонаря.
Нежно в небе мерцают звёзды,
Ярко в окнах огни горят.

Всё на свете – смешно и тленно.
Только всё же зябнет душа.
Переулок Кривоколенный
Поворачивает не спеша!

Поэзия

Валерий Сухов

Валерий Алексеевич Сухов – член правления Пензенского отделения Союза писателей России, редактор отдела поэзии литературного журнала «Сура». Автор сборников стихов «Вербное воскресенье», «Благословение», «Неопалимая полынь», «Родное Архангельское», «Архангельский мой собор», «Материнский оберег», «Холмы земные». Стихи публиковались в «Литературной газете» и в журналах «Сура», «Наши современники», «День и ночь», «Новая Немига литературная», «Молодая гвардия», «Подъём», «Русское эхо», «Странник», «Простор», «Аргамак», «Нижний Новгород», «Приокские зори», «Нижегородская провинция», «Великороссь». Лауреат Всероссийской премии имени М. Ю. Лермонтова (2009, 2020), Международной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...» (2010), Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина (2020), дипломант Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2020). Живёт в Пензе.

Я корнями за землю родную держусь

ОТ ЗЕМЛИ

Пью из чаши небесной прозрачную синь.
Тень в траве побраталась с былыми веками.
Моё сердце пронзила стрелой полынь –
И прозрели глаза васильками.

На кургане стою, ветром горьким дыша.
Поседел я от облака пыли дорожной.
В поле боли осталась живая душа.
Обернулась она в оберег – подорожник.

Горьким млеком меня напитал молочай.
От татарника скулы достались косые.
Повителью сплелась материнства печаль.
Целовала роса мои ноги босые.

Я корнями за землю родную держусь.
Каждой жилкой в тяжёлый суглинок врастаю.
Смерть с размаху подкосит меня, ну и пусть.
Встав травой молодой, вновь я всё наверстаю.

Потому-то и песни мои от земли
Так шумят под дождём заливным разнотравьем.
Потому-то и счастлив я так от любви,
Что навеки сроднился с простором бескрайним.

СЕНОКОС

О росу косой звеня
В утреннем тумане,
Дед косить учил меня
На лесной поляне.
Васильковая роса
Осыпала звенью.
Но не слушалась коса –
Всё вонзалась в землю.

Но окрепли крылья рук.
Взмах взлетал за взмахом.
И просохла на ветру
Потная рубаха.

На душе так хорошо!
По плечу мне горы.
Вдруг пошёл, пошёл, пошёл
Сам легко и споро...

Было радостно до слёз
В благовест рассвета
Первый свой пройти прокос
По макушке лета.

И валок окинув свой,
К роднику спуститься
И его живой водой
Досыта напитокся.

Знал я счастье бытия!..
Смерть махнёт косою –
На сырую землю я
Упаду с травую.

За один последний миг
Жизнь перелистаю,
Вспомню тот покос, родник...
И росой растаю.

ГРОЗА

Начинает гром с распева,
Надвигается гроза.
Сток вершу – залез на небо.
Пот солёный ест глаза.

И звенят, как струны, жилы,
Только сена дух вдохну.
Поднимаю я на вилы
Солнца знойную копну.

Незаметно вдруг стемнело.
Веет ветер холодком.
И дождя капель запела.
Ей ответил басом гром!

От усталости немея,
Рукавом утру лицо.
Ливень лупит, не жалея,
Да сухим стоит сенцо.

И зарод задумав круче,
Вся от зависти дрожа,
На навильник молний тучи
Собрала за миг гроза.

АВГУСТ

Дни сочатся мёдом, словно соты.
В слове «август» слышен яблоч хруст.
Вновь пришла пора грибной охоты.
Грусть мою развеял первый груздь!

Напоследок в росах отразилось
Розовое зарево зари.
Сердце сладкой горечью налилось
И огнём рябиновым горит.

И хотя ещё резвятся грозы,
И сквозь солнце ливень льёт слепой –

Всё печальнее шумят берёзы
Над моей седою головой.

Холоднее делается лето.
Сметаны стихи в душистый стог.
Сорвана душа порывом ветра
И антоновкой лежит у ног.

ХОЛМЫ ЗЕМНЫЕ

Дохнул прохладой августа закат.
Устало стадо возвращается под вечер.
Коровы понимают русский мат
И пастухам покорно не перечат.

Бредут бурёнки тихо, как века.
Глаза полны какой-то грустью древней.
И оживает русская деревня,
Испив с устатку молока...

Звенит вечерошник. Коровы видят сон.
Им снится луговое разноцветье,
Жужжанье пчёл, кузнечиков трезвон,
Густой туман и росы на рассвете.

Вместилась жизнь в коротких три глотка.
И глиняная крынка запотела.
Сдувает ветер пену – облака –
И к небу приникает то и дело.

Родным повеяло издалека.
Холмы земные солнышком налиты.
И запахом парного молока
Полны полынной родины молитвы.

ИСТОКИ

В. Н. Крутину

Я родился в селе Архангельском.
Коренном, российском – не ангельском.
Там земная юдоль – не райская,
Церкви нет уже с давних пор.
Но родное село Архангельское –
Вот Архангельский мой собор.

Без молитвы душа томится.
Без истоков мелеет река.
И пора мне к ним возвратиться,
Чтобы матери поклониться
И святой водой причаститься
Из Михайлова родника.

Поэзия

Анна Токарева

Анна Токарева – член Союза писателей России, автор двух поэтических книг: «Рябина в меду», «От одиночества до счастья». Печаталась в журналах: «Подъём», «Сибирь», «Родная Ладога», «Молодая гвардия», «Наши современники», «Берега», «Бийский вестник», «Дон», «Европейская словесность» (Жёльн), «Немига литературная» (Беларусь), «Луч» (Удмуртия), «Таврия» (Республика Крым), «Доля» (Республика Крым), «Музыкальная палитра» (Санкт-Петербург), «Бег», «Мезия» (Болгария), «Поэзия», «Библиотекарь», в антологиях «Золотая строка Московии»; альманахах: «Третье дыхание», «У Никитских ворот», «Цветы большого города», «Под звездой Аполлона», «Егорьевские самоцветы», «Стихи и песни Боевого братства», газетах: «Слово», «День литературы», «Московский литератор», «Московия литературная», «Губерния», «Гудок» и др. Лауреат литературной премии «Слово-2018». Лауреат сайта «Российский писатель» (2017). Лауреат 6-го Международного литературного фестиваля «Славянская лира – 2019». Награждена знаком губернатора Рязанской области «125 лет со дня рождения Сергея Есенина», медалью имени Ивана Бунина, дипломом МОО СП России «За верное служение отечественной литературе». Стихи переведены на болгарский и кумыкский языки.

БЕЛЫЙ СВЕТ

Ветер гнёт, ломает сучья.
Таёт снежная труха.
Звёзды кутаются в тучи,
Словно женщины в меха.
Я иду по снежной каше
И мечтаю об одном:
Пусть вернутся зимы наши,
Пусть не станут белым сном.
Не буянь, не мсти, природа.
Мы наказаны сполна:
Нет советского народа
И развалена страна.
Белый свет теперь не светел,
Мир разорван на куски.
Бьётся память, словно ветер,
В воспалённые виски...

КАЛАЧИ

Ты, буревестник, не кричи
Там, между тучами и небом!
Я наскребла на калачи
Чуть-чуть муки – и буду с хлебом.
Едва дыша – ресницы вниз –
Воркую тихо над мукою.
Крикливый мир, угомонись!
Сегодня хочется покоя.
Не разрешит моя стряпня

Проблем взъерошенной эпохи.
Живите ныне без меня,
Шуты, торговцы и пройдохи.
Приглажу скатерти залом,
Запарю чаю с бергамотом
И крепко-накрепко узлом
Свяжу житейские заботы.
Негоже нить от неудач!
Я не вприглядку пью, не с «таким»:
Ещё – с изюмом мой калач,
И даже – с зёрнышками мака.
А завтра, выйдя за порог, –
Не всё же прятаться в берлоге –
Пойму: из множества тревог
Мои – не худшие тревоги.

ПО НАСТУ

Я шла разнотравьем цветастым
В далёком счастливом году.
А ныне всё чаще – по насту,
По голому скользкому льду.
Не каждый упавший – калека.
Но если остуда в груди,
То время – медлительный лекарь,
И чудо-лекарства не жди.
Шагаю порой босонога,
Но всё же – упорно вперёд.
Сама себе – врач и подмога,
Соломинка, парус и плот.

* * *

Стихли щебет и пение.
Молчалив листопад.
Осень учит терпению
К новой боли утрат.

Ярких листьев горение
Не щадит листвоюй.
Осень учит смирению
В испытаньях судьбой.

Первый снег лепит в лоб, и я
Надвигаю колпак.
Осень учит незлобию
В отраженьях атак.

Ранить душу осеннюю
Каждый дождь норовит.
Осень учит прощению
Мелких ссор и обид.

В спячке громы и молнии,
Солнце светит едва.
Осень учит безмолвию,
Коль напрасны слова.

ТУМАН

Времена настали странные.
Каждый век нам свыше дан.
То гонялись за туманами,
То накликали туман.

Задымляют бесы прошлое,
Но вещают старики:
Было много в нём хорошего
Всем туманам вопреки.

Наяву, в белёсом мареве,
В беспросветной пелене,
Все мы – слуги государевы
В отуманенной стране.

Онемевшие, ослепшие,
Заплутавшие во мгле...
Крылья связаны – и пешими
Мы блуждаем по земле.

И дрожим подобно листикам,
Растеряв былую статью.
Но поможет нам не мистика,
А Господня благодать.

ЗВОН

В годину жутких потрясений,
Когда безумствовала гнусь,
Писал восторженно Есенин:
«Звени, звени, золотая Русь».

И Русь звенела – то цепями,
То пеньем вольных Божьих птиц,
То золотыми куполами,
Нещадно скинутыми ниц.

За лихолетьем – лихолетье,
А Русь по-прежнему звенит:
Звенят монеты, пули, плети
И меч, ударенный о щит.

Звенит ручей, сугроб бодая,
Звенит пчела над царством сот,
Лишь колокольчик «Дар Валдая»
Не зазвенит, не запоёт.

Звенит в ушах от гнева, боли:
«Нет денег, смерд. Держись, не трусь»...
Держись, звени, моя неволя –
Моя несломленная Русь!

НАПРЯМИК

То вкривь я иду, то кругами,
То вдруг упираюсь в тупик.
В житейском унылом бедламе
Непросто идти напрямик.

Делиться своим караваем
Трудней, чем шипами обид.
И хата, которая с краю,
Бездушной незнайкой стоит.

Её обогну без досады
И снова пойду напрямиком
Туда, где в объятиях сада
Пригрелся родительский дом.

Где добрый хозяин приветлив,
Не держит собак на цепях,
Где в яблоках – гибкие ветви,
А крыши карниз – в голубях.

Где нет устрашающих пугал,
Где тлеет в костре уголёк,
Где каждый тупик или угол –
Уютный родной уголок.

Поэзия

Вадим Новожилов

Вадим Александрович Новожилов – родился в 1954 году в Риге. Окончил ЛГУ им. П. Стучки, историко-философский факультет. Место жительства: Калининград – Рига. Член Союза писателей России. Автор четырёх поэтических сборников.

ДАЙ РУКУ

В. С. Высоцкому и поэтам России

1

Мы с Вами маялись пока,
Вы уходили друг за другом
за горизонт, за облака,
за беспредельные срока –
кто ухмыляясь, кто с испугом.

Вы покидали города,
в которых Вы за нас рыдали,
за нас сгорали от стыда –
Вы вечно лезли не туда,
точней туда, где Вас не ждали.

Вы уходили. Мы вослед
ворчали зло и по-старушки.
Но через много, много лет,
от «райских куш» до наших бед,
Вы нам протягивали души.

И мы тогда внимали Вам,
но и в минуты просветленья
по нашим крохотным умам,
изношенным, испытыв в хлам,
бродили тучные сомненья.

Привычны гнать и спины гнуть
мы только в траура сокрестье,
спровадив Вас в последний путь,
вогнав во гроб, стучали в грудь:
«Убит поэт, невольник чести».

И, до поры осиротев,
попрятав батоги и плети,
мы сокрушённо в суете
вздыхали, – вот ведь, были «Те»,
не то, что нынешние «эти».

2

Дай, дай, дай, руку дай, дай, дай.
Да протяни же, протяни же, протяни,
хотя бы встречный мне.

3

Когда Всевышний мне назначит встречу,
неважно где, желательнo в Раю,
я промолчу про раны и увечья
и вряд ли, вряд ли душу изолью.
Я буду крайне ласков и красив,
а у меня такое за плечами...
я столько лун слезами оросил,
я столько горя вычерпал ночами.

4

Дай, дай, дай, руку дай, дай, дай...
да протяни же, протяни же, протяни
хотя бы встречный мне.
Не проходи и не гадай,
а протяни мне руку, дай
в святое Встреченье.
Остановись, взгляни на Свет,
глаза от неба отведи,
здесь плачет в ночь листва.
Глянь, я такой же человек,
но только с тяжестью в груди
от одиночества.
А имя, отчество?
Есть имя, отчество!
И есть «за пазухой Христа»
ещё места.
Она пуста.
Она пуста, как эта ночь,
как этот лес.
Я знаю,

дьявол лез в объятия Христа,
и неспроста
он увивался за Христом и в душу лез,
и всё же влез.
Украл и продал за гроши.
Его души
крупички чистые
пропил и промотал.
Ты не спеши, прохожий,
слышишь, не спеши –
быть может, кто собрал её и залатал.
А пух с небес слетал,
и лес светал.

5

Не прихоть это и не шалость, нет,
я не намерен воду пить из Леты.
Я вынужден идти под красный свет
и перешагивать через запреты.
Не гений я, семь пядей нет во лбу,
лишь обстоятельств предрекло стеченье,
что я против течения гребу,
в то время как другие – по течению.
Я жгу мосты, царапая гранит,
срываясь, лезу по отвесным скалам.
Пока что жив: Господь меня хранит
назло завистникам и зубоскалам.
Да знаю я о том, что стражи лжи
за мной погоню вышлют непременно,
меня не раз поднимут на ножи
и будут кровь пускать, вскрывая вены.
Я знаю, будут многие, кляня,
меня топтать презреньем и смешками,
уже сейчас загонщики меня
обкладывают «красными флажками».
Уже сейчас отвесная скала,
воздвигнутая ими, рвёт бока мне
за то, что я в кривые зеркала
бросаю, не раздумывая, камни.

6

А пух с небес слетал,
и лес светал.

Лес вырубался на мосты
и на кресты,
что вынес ты.
Теперь не приняты кресты,
а только ведь,
когда народ наш, оставляя, жёг мосты,
он землю целовал и крещеную медь,
чтоб не реветь.

В земле крещёные тела,
она цела.
Спит на костях, что в ней – крестом.
И это Русь.
Так пусть же крещёная спит, а купола
пускай беседуют с Христом,
с ним делят грусть.

Как память, пусть
с ним делят грусть.

Пусть, пусть, пусть она останется,
колокольная, набожная, да издавна,
да издавна печальная.

По Руси впотьмах,
впотьмах плутает странница –
наша вера,
наша память, наша вечная надежда
и отчаянье...
и чаянья.
Поизносились посоха,
стара надежда и глуха
на воскрешение.
Истцы, уйдя от дум, долгов,
смеясь, глядят теперь с Голгоф
на подношения.

Их отрешение –
нам в утешение.

7

Я странствовал среди сирот и нищих.
Я выпотрошил сердце до трухи.
Пусть за грехи с меня по полной взыщут,
а если повезёт, и за стихи.
Не торопясь по кушам протрушу,
прокашляюсь, отмоюсь, отыкаюсь.
Я за друзей, конечно, попрошу.
Я за врагов безропотно покаюсь.

Приемлю всё: и нравы, и устои,
не поношу ни тот, ни этот Свет.
Я умер, я постиг, чего мы стоим, –
цена на нас растёт, когда нас нет.

Приемлю.

Это раз, а во-вторых
(и во-вторых, и в-третьих, и в четвёртых),
я умер!
Я «живее всех живых»!
Живые, Вам равнение на мёртвых!

8

Их отрешение –
нам в утешение.

Утех!

Нет памяти у тех,
у тех утеряна она,
весна, надежда и любовь,
кто верил низкой частоте,
у тех, уставших от потех,
кто мёртвым всё же выплыл на
поверхность в этой суете.
Они – не те? И мы – не те?

Но бродит тень, пугает нас
изящных фраз скользкий бег,
как свист плетей, звенят лады
и хлещут души и сердца.
В трясине по уши увяз
в слепом безверье человек,
в слепом предчувствии беды,
и маска сорвана с лица.

Кровь на лице, а на руках,
а на руках осталась грязь.
Мы по природе игроки,
и по душе нам ветер в лоб.
Но остаётся в дураках,
кто над опекою смеялся,
наветам мудрым вопреки
всю жизнь срывается в галоп.

Всё так, оно, конечно, так.
Они просты до смехоты
в слепом безверии души
и неумении прощать,
но в их недожитых годах
помеха я, помеха ты,
помеха все, кто поспешил
их песню тризной увенчать.

9

В болоте лжи, не настилая гать,
я жижу пью, бреду по бездорожью,
чтоб те, что сзади, не смогли солгать
и замести следы красивой ложью.

Нет, я себя от ран не бороню,
я в сердце равнодушья плавлю льдину,
роняя кровь, хрипя, гранит граню,
и лезу в грязь, и разгребаю тину.
«Самгинские сомненья» я убил.

Вопрос нелеп, хотя красив и бросок:
«А был ли мальчик?»
Да, конечно, был!
В нём был ответ на лживые вопросы.

10

Не ходил он ко лжи на поклон,
и душа не нуждалась в пажках,
но когда приняла под уклон,
он её не сдержал на вожжах.
На пути попадались
не те,
не смогли
ни помочь,
ни подпеть.
И всю жизнь один
к высоте
полз хрипя,
чтобы там умереть.

Кто доказывал с пеной у рта,
и бродили слова по зубам, –
это, мол,
не твоя высота
и тебе она
не по зубам.

Не такие, как ты, на поклон
возвращались от самых небес.
Ты одумайся, парень!
А он
всё стонал, всё хрипел...
и долез!
Выиграл честно, без обиняков.
Он поднялся, к чему нам грустить.
До сих пор не нашлось смельчаков,
чтоб на землю его опустить.
Но и там, презирая покой,
он устало прошёл по ладам.
Видно, горе земное рекой
растеклось и по райским садам.

11

Здесь, наверху, без панциря, без мяса,
без путаницы генов, хромосом,
я лёгок, свеж, раскован, распоясан.
Неуязвим. Невидим. Невесом.
Не вызваны к барьеру подлещи...
не брошены перчатки негодяям...
ну что ж... я умер. Я отдал концы.
Я всем доступен, но
недосягаем!

Дай, дай, дай,
руку
дай, дай, дай!
Да протяни же,
протяни же,
протяни,
хотя бы встречный мне!
Не проходи и не гадай,
а протяни мне руку, дай
в святое Встреченье.
Всё позади: и топь, и гать.
Не свят. И света не видать.
Сбылось пророчество.
Увещеваний тишь да гладь –
не блажь, не божья благодать,
а одиночество.

А имя-отчество?
Есть имя-отчество!

И есть душа,
что, боль глуша,
жила спеша.
Она не ведала предел,
ей мир был мал.
Но душу мгла,
утробным холодом дыша,
сковала льдом и умыкнула.
Кончен бал.
И я тогда покинул кров.
Последний край,
где горлом кровь и воск с виска,
мне дал приют.
Оттуда нет возврата, нет.
И он – не Рай.
И там не лгут,
не продают,
не подают.
А если что поют –
аж душу штопают.

Там все полотна
в два мазка,
там замки плотны

из песка,
там вскользь, сквозь досточки,
и плотоядна, и мерзка,
врачует путников тоска
и моет косточки;
и вяжет петли, вьёт, кружит,
шаманит, шепчет, ворожит.
За нею, по следу,
до срока времечко бежит –
зудит, торопит,
аж дрожит –
сживает со свету.

Поймёшь всё после ты,
как сгинешь со свету.

Истёр я слёзы досуха,
до «без греха».
И так решил:
пока живу, пока спешу,
души не чая,
прочь отбросил посоха,
прильнул к душе, –
дай отогрею, отдышу.
Ещё не срок.
А грянет срок – и отпоют.
И заколотят, отрыдают
задарма.
А край, где кровь, –
не край, не кров и не приют,
и мглы сума – не для души,
не для ума.

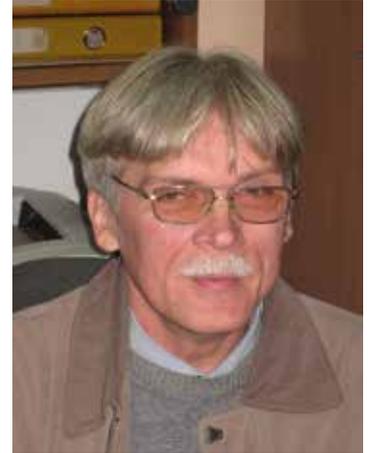
И я к Создателю в мольбе:
не торопи, поблажь себе
во искушение!
Не прибирай ни в Рай, ни в Край,
повремени и время дай
на воскрешение!
Дай срок,
хотя бы небольшой,
соедини опять с душой,
а мы помаемся:
побалагурим-посмешим,
набедокурим-согрешим...
да и покаемся.

Поэзия

Игорь Ерофеев

Игорь Васильевич Ерофеев – член Союза журналистов России, член Союза писателей России, редактор литературно-краеведческого альманаха «Берега Анграпы», автор 18 литературных, краеведческих и музыкальных книг и книжечек, в том числе Летописи Черныховского района. Член редакции журнала «Берега» (Калининград). Модератор и соорганизатор международных литературных конкурсов: им. А. Т. Твардовского «За далью – даль» (2013–2016), конкурса-фестиваля «Русский Гофман» (2016–2021), конкурса фантастического рассказа «Прыжок над бездной» (2020–2021), посвящённого творческому наследию Сергея Снегова.

* * *

Синий – не только цвет, это долгая сущность неба,
из синего скроен мир, синим болеет небыль,
Синее есть везде, и даже за линией фронта,
синее – память глаз, синее – до горизонта.

Синее есть в крови и в каждой клеточке кожи,
оно в каждом кадре кино, да и в сценарии тоже.
Синее навсегда, синее пахнет полем,
синим живёт вода, синее лечат болью.

И иней бывает синим, только тот, что на проводах,
синим дышит живое, синее спит во льдах.
На синие фишки ставят, в надежде не проиграть,
солнечного приказа ждёт васильковая рать.

От синего тонет море, синим страдает смерть,
в каждой Пегаса строчке – синяя круговерть.
В синей тревожной дымке светятся города,
на крыши падает с неба синих дождей слюда.

Мы ничего не знаем про синие голоса,
что где-то есть синие горы и карликовые леса.
Синее занимает даже призрачные места,
подвластно оно лишь взору радужного Христа.

* * *

Стены холодного цвета,
медленный фон дорог.
Изморозь нового света,
дом до трубы продрог.
Грустные лают собаки,
ломкое бьёт бельё.
Снега глубокие знаки,
скользких столбов цевьё.

Всё ли зимою в белом?
Белая ли зима?
Стынет покорным телом
смёрзшаяся страна.
Белее зимой горячка,
зависть зимой белей,
с белым лицом морячка
весточки ждёт с морей,

белые спят невесты,
белая вдоль тюрьма,
белому мало места,
в белом сойдёшь с ума,
белые стёрты пятна,
белый искрит мороз...
Кто-то ступает смелый
в белом венце из роз...

Чистые ждут берёзы.
Частые жгут огни.
Белые электровозы
тянут вагонов дни.
Выгнуты белым реки,
снега сечёт крупа.
По-чёрному не устали
белую пить пока.

Крестные вереницы
в белую врыты твердь.
Будет опять плумиться
белая с виду смерть.
Белых берёз халаты,
белых лесов холмы...
В белом лежат солдаты,
которых убили мы.

ОНА УШЛА

Она ушла...
Сказала, что устала,
что удивляться жизни перестала,
и что любовь истлела между нами,
и что она теперь уходит к маме,
и хорошо, что мне не родила,
иначе поувязла бы в делах, –
и что я дал бы нашему ребёнку,
когда сровнял всех под одну гребёнку?..
Бледнела и, срываясь, повторяла,
что самой-самой для меня не стала,
что женщиной не чувствует со мною,
венчаться зря ходила к аналою
и что я загубил её года –
лжецом и эгоистом был всегда, –
что никогда её не понимал,
что ревностью тягучей донимал,
и ничего вокруг не замечал,
и на неё беспочвенно кричал,
и кем-то был ещё, и с кем-то был опять,
и что из-за меня слегла с болезнью мать,
и что не знает, что во мне нашла,
что стороною жизнь её прошла...
– Прощай...

Будь счастливым...

Я ушла...

Ушла...
И погасила свет на кухне, где года
из безнадежно сломанного крана,
как из надтреснутого донышка стакана,
сочилась бесконечная вода...
Ушла...
И ключ оставила на полке,
где до сих пор лежат её заковки
и воткнутые в бархатку иголки,
вечерний крем, засохший навсегда...

Она ушла...
И оборвались двери,
и все надежды разом устарели,
и небо надо мною опустело,
и на душе моей повисло тело,
и как-то всё поникло, почернело,
и силуэт мой очертили мелом,
и в окнах тусклых задохнулся свет,
и стал мне саваном диванный плед...

Она ушла...
И всё меня забыло,
яичница в сковородке остыла...
А за окном всё тот же двор унылый,

унылый долгий серый дождь постылый,
унылые качели и собаки,
унылые песочницы и баки,
унылый свет расплющенной луны,
унылые отвесности стены...

Она ушла...
И всё ушло за нею,
ушли под землю горы Пиренеи,
ушли морские рыбы на глубины,
исчезла целостность без середины,
погасли свечи, маяки, софиты,
остановились войны: все убиты...

Она ушла...
И замолчали птицы,
застыли ветры и погасли лица...
Исчезло всё – машины и столицы,
исчезли ландыши, фиалки, медуницы,
слова пропали, буквы со страницы,
солёные моря окаменели,
солдаты без атаки онемели,
пропал мой пульс, и потерялось имя,
исчезло всё живущее поныне,
исчезли языки, бумага, береста,
исчез Создатель с тёмного креста...
Зато проснулась боль – соперница огня –
и кто-то исполняющий меня...
Проснулся дьявол, что следил за мною,
проснулась смерть слепая за спиной,
с блестящею косою полосой...

Она ушла,
надев в купе прихожей
со стёршейся набойкой сапоги.
Она ушла,
оставив приговором
в луче дороги быстрые шаги...

ЖИЛИ-БЫЛИ...

Жили вместе дед да баба,
жили долгосрочно:
если и не шестьдесят –
пятьдесят лет точно.

На окраине изба,
прямо возле леса, –
пусть далече, но приносят
пенсии с собеса.

Только что на них купить
в сельском магазине?
Стали деньги собирать
внучке Катерине.

Нонче дед, считай, не ходит,
разве что до ветра.
До сих пор осколок в нём
на полсантиметра.

Всю войну почти Ефим
рядовым протопал,
получил медаль «Отваги» –
город брал Тернополь.

Стал механиком работать,
в бригадиры вышел.
Не было таких в районе,
кто б о нём не слышал.

С Машей познакомился –
озорной девчонкой.
Родила она ему
славного мальчонку.

Дом им строили деревней,
где живут поныне.
Как они заботились
об Иване-сыне!

Молодой была жена –
ох же и красива!
Вся одежда шла к лицу,
что бы ни носила.

Как-то быстро Ваня вырос,
выучился в школе.
Загадал уехать в город –
получать поболе.

После армии остался
на воензаводе.
Фотографию прислал
в пиджаке по моде.

С Машей дочь ещё смогли –
не спасли при родах.
Посадили в честь её
вербу в огороде.

Жили для себя потом
скучными годами.
Мебель в городе купили,
в ней бельё – рядами.

Живности поразвели,
как у всех в деревне.
А Марии дали орден
за труды на ферме.

А как дочка родилась
в Минске у Ивана,
было лишь одно письмо:
«Всё в порядке, мама.

К Рождеству посылку вам
с финиками выслал.
Да, теперь я как артист,
в некотором смысле».

Как-то раз приехал он
с дочкой без супруги.
Справили веселие
в зависть всей округе.

А потом Иван пропал –
не ясна причина.
От других уже узнали:
посадили сына.

Не успели отойти –
в сельсовет звонили:
Ваню их единственного
в камере убили...

С горя мать осунулась,
быстро постарела,
стала памятью страдать,
умереть хотела.

«Жить-то для кого теперь,
раз ребёнка нету?
Будет душенька моя
мыкаться по свету...

Ну а дом теперь кому
после нас оставить?
Отдавать его чужим –
не могу представить...

Как сын оправдается
перед небесами?
Видно, перед Господом
провинились сами...»

Стали жить надеждою,
что приедет внучка.
Платье Кате прикупили,
джинсовые брючки.

Ждали, чтоб переписать
ей и дом, и баню...
Как на фотографии
схожа внучка с Ваней!..

Появилась Катерина
осенью червлёной –
привезло её такси
с огоньком зелёным.

Городская на селе –
главное событие, –
ставили на стол что есть,
праздновать прибытие.

С внучкою вернулось в дом
счастье земное –
Марья даже позабыла,
сердце что больное.

Говорили о хорошем,
карточки смотрели,
песни с удовольствием
русские попели...

Утром старики проснулись –
нету Катерины.

Нет ни денег, ни серёжек –
прятали в перине.

Ну а главное – она
забрала из дому
в позолоченном окладе
древнюю икону.

Как же так?! Помилуй, Боже!
Что же людям нужно?..
В тот же день слегла Мария,
кашляла натужно.

Ночью дед её не слышал,
сколько ни звала.
Потерявши Бога, Марья
в полночь померла...

Жили-были дед да баба...
Дед уже не ходит.
Пенсию собес приносит,
и сосед заходит...

Поэзия

Людмила Банцеровва

Людмила Банцеровва – окончила Литературный институт им. М. Горького, семинар Эдуарда Балашова. Печаталась в столичных журналах: «Юность», «Литературная учёба», «Наша молодёжь» и др. Лауреат Международной литературной премии имени Сергея Есенина, литературной премии «Парад литератур». Автор четырёх поэтических сборников. Живёт и работает в Рязанской области, д. Насурово.

* * *

Моё сердце готово
К неизбежным снегам.
Мне бы счастья простого,
Да к своим берегам.

Всё, что было святого, –
Пусть взойдёт в колее...
Моё сердце готово,
Лишь бы здесь, на земле...

Без конца и начала –
Там, где сердце моё,
Тихо птица кричала,
Колосилось жнивье...

Как ты, жизнь, бестолкова –
Предначертанный крест.
Моё сердце готово –
Купола до небес...

* * *

Ведь я всего лишь ветер, брошенный
в земных лугах.
И плещется луна с горошину в моих руках.
Блуждаю по полям травинкой сорною –
и нет пути конца.
Ведь я всего лишь дождь, оторванный
от твоего лица.

* * *

Неприкаянный город...
Неужели опять
в нерастраченном горе
мне ходить второпях?

Может, встретиться велено
в кругосветной листве?
Шаг узнаю твой медленный
в опустевшей Москве.

В белокаменной свидимся
в заревой листопад.
Дождевою провидицей
уведу наугад...

* * *

Там, где-то вдали, полустанок,
оставленный смех поутру,
ромашковый взгляд спозаранок
и светлый платок на ветру.

И ветер шальной мне вдогонку
бездомной собакой бежит,
и где-то вдали островёнком
мерцает щемящая жизнь.

* * *

Я на лодке плыву. Тихо в заводи той.
Где-то там проплывают столетья...
Мне не хватит теперь этой жизни простой,
Этих трав на лугу, в разноцветье.

Мне и жизни не хватит, – я в лодке плыву, –
Не достать, не допрыгнуть до ада...
Я бессонные ночи свои не прерву,
И река глубока – мне в награду.

Так река глубока, – я на лодке плыву, –
По раскатанной водной дороге.
Я пока не умру, я пока поживу,
Но полны мои мысли тревоги...

Пусть река глубока, а потом хоть потоп,
Хоть крамольные речи от грусти.
Мне хотелось доплыть, даже помнили чтоб
И в Москве, и в немом захоластье...

Я на лодке плыву, что мне эта печаль?
Я, как все, онемела от ветра.
Я на лодке плыву... Как же речку мне жаль.
До конца, до конца лишь полметра...

* * *

Я маму вспоминала в летний полдень,
Когда она ещё была со мной...
И может, слышал ангел нас Господень,
Когда обрушивался дождь стеной.

И мне казалось, так оно и будет –
Притихший, летний вечер у реки,
И птица лёгкая меня разбудит,
И будет длиться время вопреки...

И не был путь её так безысходен,
В саду – одни ромашки, васильки.
Я маму вспоминала в летний полдень,
Тогда ещё берёзы были высоки...

Я так спешила к ней по бездорожью,
Ругая многократно жизнь свою.
Её лицо –
 как будто Мать Божья,
Мерцает где-то в небе,
 на краю...

* * *

И время искрилось в домах этих дальних,
где светлые ставни и смех поутру.
И где уже нет пересадок вокзальных,
где солнце под вечер садится к костру.

Немое забвенье лишь в небе парило,
да сгусток чернеющих птиц на лету.
И степь многоцветная тихость дарила
и сумрак гнала на траву-лебеду.

Здесь всё горемычно и всё обветшало.
И сельский пейзаж уж давно не в чести.
И только гармоника тихо играла
и птицы стремились сюда погостить.

* * *

Я помню, как вдаль уходила дорога.
Мостками светилась подолгу река.
И церковь за лесом виднелась с порога,
как тихая путница издалека.

И светом таким удивляла природа,
что виделась благодать во всех деревьях.
Хозяйка несла огурцы с огорода,
где солнцем разбужен тенистый овраг.

Всё это мирское со мною осталось,
ещё не пропущено в жизни и дня,
чтоб я от всего так легко отказалась,
ведь это моя вековая родня.

Остались, остались мои светотени.
Я, может, ещё на земле поживу.
И чёрным не станет теперь понедельник,
Я травы в подмогу себе призову...

* * *

...А хочешь вокзальную ночь...

Иван Елагин

А хочешь вокзальную ночь,
чтоб звёзды стереть и забыться?
Пойду, как послушная дочь,
за светлой твоею страницей.

Останусь у Бога в долгу,
чтоб к сердцу легко прислониться.
И долго стучаться в пургу
в окно твоё северной птицей.

И мельком предсказывать дни,
что так не давало покоя,
высматривать долго огни
за дальней глубокой рекою.

А хочешь вокзальную ночь
и долго на звёзды молиться?
И натиск судьбы превозмочь,
где светлые мечутся лица?..

СВОЯ СТОЛИЦА

ТРИПТИХ

1

Таает в дымке листопад,
в мелководье день струится.
Мне деревья говорят:
– Поезжай в свою Столицу!
Там ведь осенью светло
и дождей грибных немало.
Мне б укрыться под крыло,
под крыло её – устало...
И печаль свою, и грусть
отыщу в толпе глазами.
И по улочкам пройду
лихо с верными друзьями.
Что мне Мир – дорожный прах!?
Еду я в свою Столицу.
На горящих деревьях
солнце там давно гнездится...
Таает в дымке листопад,
и опять в круженье люди.
Я стою у белых врат, –
может, кто меня полюбит?
Здесь ведь осенью светло,
и такой покой рассеян.
И созвездий намело,
где бродил Сергей Есенин...

2

Спаси и сохрани, Москва, меня
от перешёптываний улиц скверных,
где дремлют у закатного огня
чужие деревья в тенистых скверах.

Спаси и сохрани.
И может быть,
твой ропот гулкой оборвётся –
ранний...

Я – та, которую из всех любить
теперь вам должно, безо всякой брани.

3

Ну вот и всё,
прощание с Москвой?!
Она меня никак не оставляет.
Глядит из всех дворов с такой тоской,
тире и точки в сердце расставляет.

И жизнь перекрывается строкой,
и снова бьётся в горделивой страсти.
Москва моя,
ты собственной рукой
отводишь от меня мои напасти...

Николай Бурляев

Николай Петрович Бурляев – Народный артист России, снимался в фильмах Андрея Тарковского, Алексея Германа, Сергея Бондарчука и других выдающихся режиссёров. Автор фильма «Лермонтов», в котором выступил как сценарист, режиссёр и исполнитель главной роли. Сыграл роль Иешуа в экранизации романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». На «Беларусьфильме» поставил картину «Всё впереди» по одноимённому роману Василия Белова. В 2003 году начал работу над 20-серийным документальным кинопроектом «Святая Русь в судьбах её подвижников», сыграл главную роль в биографической драме Натальи Бондарчук «Любовь и правда Фёдора Тютчева». В драме «Адмиралъ» предстал в образе императора Николая II, сыграл роль Александра Толстого в драме «Гоголь».

Автор книги «Жизнь в трёх томах. Избранные литературные произведения», автор цикла телепрограмм «Культура с Николаем Бурляевым». Президент Международного Славянского Форума Искусств, член правления Союза кинематографистов РФ, член Союза писателей России, академик Международной славянской академии, президент Фонда культуры казаков России. Награды: орден Почёта, лауреат премии Ленинского комсомола, лауреат Государственной премии Югославии, почётный профессор Академии искусств Сербии, награждён орденами Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного и преподобного Сергия Радонежского.

«Всё впереди»

Перечитал свой дневник времён создания фильма «Всё впереди», написанный в 1990 году и неожиданно обнаруженный тридцать лет спустя. Разбирая расплывчатые буквы, размытые водяными пятнами небрежного загородного хранения в зимних условиях, я решил воскресить в памяти историю создания картины, благо время ложно-эпидемической насильственной «самоизоляции» располагает к писательскому труду.

Толчок к решению поставить этот фильм произошёл в светлые майские дни 1988 года в момент всенародного воодушевления – проведения третьего, в возрождающейся России, Праздника Славянской письменности и культуры, состоявшегося в Великом Новгороде. Промысел Божий соединил меня в одном купе с выдающимися писателями Виктором Астафьевым, Василием Беловым и Валентином Распутиным. Поезд, направлявшийся в Великий Новгород, был целиком предоставлен участникам праздника. В нашем купейном вагоне ехали Вячеслав Клыков, Юрий Бондарев, Виктор Проскурин, Владимир Крупин, Татьяна Петрова... В соседнем вагоне – Сергей Бондарчук с Ириной Скобцовой, Георгий Жжёнов... Всех трудно перечислить: лучшие певцы и хоры России, выдающиеся художники, кинематографисты, литераторы и музыканты – весь цвет Русской, Славянской культуры. Лежал, покачиваясь на верхней полке, смотрел на беседующих за рюмочкой Астафьева и Белова и думал: а если кто-то вдруг решит подорвать этот культурный десант..?

Неожиданно мой старый знакомый – оператор Анатолий Заболоцкий – сообщил мне о том, что роман Белова «Всё впереди» (распинаемый в СМИ критикой «пятой колонны», параллельно с распятием моего «Лермонтова») куплен объединением Виктора Турова на киностудии «Беларусьфильм». Права на экранизацию приобретены, а снимать некому: режиссёры боятся выйти под обстрел русофобской стаи.

Через несколько дней судьба свела меня в Минске с Виктором Туровым, и я сказал ему, что готов поставить фильм «Всё впереди». В ответ услышал: «Тебе – дам!»

И я приступил к постановке. Оператором, естественно, пригласил А. Заболоцкого, друга Василия Белова, поскольку именно он сообщил мне о возможности экранизации романа. Пригласил лучшего художника-постановщика «Беларусьфильма» Евгения Игнатьева и сценариста Михаила Шелехова, с которым мы быстро написали сценарий по мотивам романа. Написанное нами довольно основательно переработало роман, адаптируя его в кинопроизведение. С трепетом отправили сценарий

автору романа, ожидая от него резкой критики. Авторы часто в штыки принимают перевод на киноязык своих творений. Помню, как протестовал Владимир Богомолов против вторжения в его рассказ «Иван» авторов сценария «Иваново детство» Андрея Тарковского и Андрея Кончаловского. Какие тогда на «Мосфильме» бушевали страсти: зачем намёки на военно-полевые отношения лейтенанта Гальцева, Маши и капитана Холина? Зачем какие-то сны Ивана, почему он в фильме погибает?..

Неожиданно мы получили из Вологды от нашего автора положительную реакцию на сценарий «по мотивам». Автор, слава богу, умный человек, понимающий, что литература и кино – искусства разные.

Были у меня намерения самому сыграть главную роль Медведева, но против этого восстали мои «соратники». Начались пробы. Два кандидата на главные роли для меня были ясны. Иванова будет играть Владимир Гостюхин, в роле Любы я изначально видел Татьяну Петрову. На роль Медведева я утвердил Вадима Спиридонова. Встретился с ним в Москве, объявил о его утверждении. Поставил условие:

– Ты будешь играть православного человека. Нужно завязать с алкоголем и курением, так как это отражается на лице. Советую сходить в храм, исповедаться и причаститься...

– Что ж я – такой уж грешник? – улыбнулся Вадим. И пообещал сделать то, о чём я его просил.

Перед началом съёмок я сказал оператору Анатолию Заболоцкому и художнику Евгению Игнатьеву:

– Через две недели мы выйдем на площадку, начнём работу. Нам с Толей придётся встать за камерой, а я, признаюсь, боюсь этого момента. Не представляю, как мы с ним будем сотрудничать, когда я ощущаю его негативное отношение ко всему, что я говорю.

– Это нормально, – ответил Анатолий, – иначе фильм будет слишком твоим личностным.

– Если фильм не станет моим, он вообще будет ничьим, – сказал я.

3 января 1990 года.

Перед отъездом в Москву на встречу Нового года посмотрели первый отснятый материал. То, чего я опасался, – случилось. Оператор, игнорируя режиссёрскую волю, снимает своё самостийное кино: панорамы и крупности (точнее, общности), которые мне придётся или переснимать, или выкидывать в корзину. Я решил объясниться с Анатолием. После просмотра отснятого материала мы собрались вчетвером: я, автор сценария Миша Шелехов, художник Игнатьев и оператор Заболоцкий. Шелехов мягко пытался найти компромисс со снятым изображением. Прямой Игнатьев заявил категорично: «Под этим материалом я не подписываюсь. Главная наша ошибка в том, что мы не готовы к съёмкам. Мы ни разу не оговаривали наше общее видение фильма. Предлагаю остановить картину и подготовиться к ней или – закрыть как не состоявшуюся работу, дабы не позорить Белова и его роман». Я задал Заболоцкому вопрос: «Что ты скажешь о материале?» Он ответил, что всё нормально, надо лишь доснять несколько планов и кое-что переснять.

– Хоть и страшно мне сейчас открывать рот, – сказал я, – но это – и не мой материал.

Меня колотил озноб, на душе было мутрно. Мы ни разу не оговаривали ни стилистику, ни изобразительную эстетику фильма, словно опасаясь вторгаться в Толино сокровенное видение, дабы не ранить его самолюбия.

Выходя на площадку, я втайне надеялся, что Толя и Евгений Игнатьев – старые друзья – вырабатывают общность изобразительной эстетики. И вот – Игнатьев тоже не хочет «подписываться» под тем, что наснимал Анатолий.

На каждый объект я приносил своё видение эпизода и подробные раскадровки, которые лишь дважды в присутствии Игнатьева мне удалось озвучить. Потом Толя, сквозь пальцы, по кривой и не до конца, скользил по моим зарисовкам, отбрасывал их и делал своё, отдельное кино. Когда я посмел попросить его снять крупный план актёра, сказав: «Мне нужен крупный план», в ответ, словно пощечину получил: «ТЕБЕ нужен!»

После просмотра я сказал соратникам:

– У нас есть три пути. Первый – учитывая порыв оператора в режиссуру, Анатолий напишет заявление: «Прошу назначить меня режиссёром-постановщиком фильма “Всё впереди”», а я напишу встречное заявление с просьбой освободить меня от обязанностей режиссёра-постановщика. Второй путь – Анатолий признает, что на картине существует режиссёр и начнёт уважительно относиться к режиссёрским решениям. Третий путь... Ты, Толя, неоднократно принародно заявлял о том, что ты

«не оператор, не камер-мен». Если у тебя такая нелюбовь к профессии, решающей изобразительную суть картины, становись режиссёром, соавтором и пригласи оператора, который будет любить свою профессию и уважительно относиться к тебе – режиссёру.

Впрочем, я принимаю на себя вину в том, что позволил самостоятельное, «подпольное творчество» оператора, не настоял на выработке нашим трио общей эстетики фильма, день за днём отдавал создание фильма на волю Анатолия, забывая о том, что в итоге – мне отвечать за всё: за уровень фильма и за работу оператора.

На следующий день снова говорили втроём в комнате Игнатъева и вдвоём с Толей у меня. Толя постоянно твердил: «Не надо драматизировать, всё нормально, надо лишь доснять, смонтировать...» Он превращал беседу в перепалку по мелочам, втягивая в это и нас. Я всё больше приходил к выводу – общего языка с оператором и его уважения мне не обрести, а заниматься с ним «нанайской борьбой», окончательно губя картину, – дело бесперспективное, не творческое и обескряливающее. Если темно и зло на душе – эта тьма и агрессивность проявятся и на экране.

Пришлось принять и ещё один неожиданный и сильнейший удар. В первый съёмочный день Вадима Спиридонова, утверждённого мною на главную роль Медведева, я приехал на студию к 10 часам, понимая, что раньше Вадим не будет готов: пока с поезда заедет в гостиницу, пока позавтракает, оденется в костюмерной, загримируется... Ассистентка вбежала в мой кабинет и сообщила, что Вадим Спиридонов вчера взял билет на поезд в Минск, перед отъездом на вокзал прилёг отдохнуть и уже не встал... Наступила смерть.

Ах, Вадим, Вадим!.. Что же ты наделал? Ты обещал мне сделать то, что стало бы твоим спасением!.. Прощай!.. Царство тебе Небесное!

Руководство студии малым, но решающим составом посмотрело материал, и все пришли к выводу, что всё идёт нормально, с некоторыми поправимыми моментами. Виктор Туров сказал, что Михаил Ромм всегда переснимал первые 400 метров. Игнатъев высказал свои робкие сомнения. Миша Шелехов говорил откровенно и резко. В конце обратились ко мне. Я сказал, что уважаю всех собравшихся и своих товарищей по группе, независимо от того, дойдёт или не дойдёт кто-либо из нас до конца производства фильма, но если мы и дальше покатаемся по тем же рельсам – мы придём к полному провалу. Я высказал всё беспокоящее меня.

Беседу с Анатолием и Игнатъевым продолжили в моём кабинете. Я первый раз был строг со своими соратниками. Сказал Анатолию, чтобы он завязывал с режиссурой нашего фильма и не помышлял монтировать картину за меня или вместе со мной. Потребовал, чтобы он немедленно выписал операторский «стедикам» и тренировался с ним к предстоящим эпизодам. Как обычно, Толя начал возражать, но я оборвал его:

– Спорить с тобой я не намерен. Отныне я не буду тебя умолять, но требовать то, что необходимо для фильма.

В этот же день принял решение о замене двух актёров: безвременно покинувшего мир Вадима Спиридонова и Алексея Локтева, не удовлетворяющего меня в роли Зуева. Переговорил по телефону с Борисом Невзоровым, который был вторым основным претендентом на роль Медведева. Следом позвонил Сергею Сазонтьеву, прошедшему пробы на роль Зуева, и сообщил о его утверждении. И тот и другой словно ожидали моего звонка, с радостью согласились сниматься.

6 января.

Утром в мой кабинет зашёл Игнатъев и объявил:

– Я не работать пришёл, а с просьбой отпустить меня с картины.

– Тогда я тоже ухожу, – сказал я, – без вас мне тут тем более не справиться.

Потом в течение четырёх часов мы втроём доходили до самого донца отчаяния, чтобы потом начать попытку выплывания. Я высказал всё, что думал, без утайки, спокойно и твёрдо. Сказал, что при таком отношении Анатолия я не справлюсь с картиной, что готов уступить своё место тому, кому доверяет Толя, или он должен поискать себе замену. Сказал, что отныне я потребую полного доверия и буду строг в работе.

9 января.

Два дня наслаждался за городом общением с дочерью Машенькой, расслабляясь и укрепляя свои душевные силы. Казалось, никого нам с нею не надо: гуляли по зимней пороше, кормил её, читал

ей книжки, сидя у камина с собакой Чудиком. Любовались нарядной ёлкой, беседовали, рисовали – «Наисуй мне кишью!» Купал её перед сном, пел колыбельную. При свете лампадки сочинял сказки, рифмуя на ходу... Господи, благослови мою доченьку, научи её всё принимать мудрым сердечком, дай силы выстоять под неизбежными ударами судьбы.

13 января.

Третий день готовимся к съёмкам зимней природы под Москвой, в окрестностях Протвино. Нашли избу, кладбище для проходов героев. Поджидая актёров Гостюхина и Невзорова, разговаривали с Игнатьевым и Толей на новых основаниях.

15 января.

Весь день промерзали на 25-градусном морозе, но отсняли почти всё, кроме одного плана. Володя Гостюхин, прилетев из Италии (со съёмки у Михалкова) простуженным, как истый профессионал, околевая в лёгкой обуви, не уходил греться, дабы не таял иней на усах. Борис Невзоров тоже прибыл не в полной форме, явно после спиртной инъекции и бессонной ночи. Его виноватые глаза молили меня о пощаде. Я не винил его, понимая, что за 3–4 часа до начала съёмки он обретёт форму. Однако вечером, оставшись наедине, я вновь попросил Бориса воздержаться от алкоголя до окончания съёмки.

Из Минска пришли тревожные вести: ОТК забрало всё снятое в «квартире Бриша». Ассистент прибыл из Москвы без ожидаемой мной Клыкковской скульптуры Сергея Радонежского, отлитой по моей просьбе для фильма, но экстренно отданной в качестве приза Борису Карпову за фильм «Под благодатным покровом». Карпов до банкета обещал моему ассистенту передать скульптуру, но по окончании трапезы отказался отсылать нам свой прекрасный приз. Не скрою, что не ожидал этого от своего соратника. Господи! Не дай мне осуждать брата моего! Открыл Евангелие и прочёл: «И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши». И всё-таки, несмотря на брак, на тревогу за работу оператора, на отсутствие необходимого мне Сергея Радонежского, – я верю в победу.

16 января.

Весь день снимали зимние пейзажи. Уже не так холодно: всего минус 7. Погода идеальная для фильма: ровная, серая, без солнца зима, с киноголичным снегопадом. Вовремя прибыл пиротехник с дымами, украсив кадр розовым туманом. Привёз всего пять шашек, три использовали на проход Медведева, завтра добьём ещё две на лошадь в тумане.

Вечером с Борисом Невзоровым и Володей Гостюхиным смотрели у меня телевизор, пили чай, перебрасываясь словами, притираясь друг к другу. Из Минска сообщили, что передадут нам с проводником поезда деревянную статую Сергея Радонежского, вырезанную для нас скульптором М. Матвеевым.

17 января.

Снимали лошадь с мужиком в красном тумане. Задымили так, что неизвестно, что мы увидим на экране.

Вечером смотрели материал, доставленный из Минска. Ожидал очередного провала, но Господь судил иначе. Пригласил, невзирая на протест Игнатьева, на просмотр всех желающих членов киногруппы. Пришли все и смотрели в полной тишине. На сей раз изображение не только не отталкивало меня, напротив, оно было интересно в большинстве кадров. Видал, как я из этого буду монтировать эпизоды. Есть удачные портреты героев: хороша Татьяна Петрова, робевшая поначалу, – есть надежда на доведение её образа до нужной кондиции. Интересен Гостюхин, хорош Аристарх Ливанов в роли Бриша, хороша девочка, дочка Татьяны Петровой, необычна Лариса Удовиченко. Сердце радовалось – актёрский ансамбль выбран верно. С просмотра группа шла в приподнятом настроении. Вечером сидели с Борисом и Володей у меня, говорили об увиденном материале, о завтрашней сцене... Простились тепло. Забрехала искра надежды.

Как всегда, перед сном раскрыл Евангелие: «Сыну Человеческому надлежит быть преданным в руки грешников и быть распятым, и воскреснуть в третий день». «И последовало за Ним множество народа, и Он исцелил их всех».

22 января.

Последний съёмочный день в Протвино до 16 часов не могли начать работу, пытаюсь подогнать по мокрому снегу к даче технику. Зато потом до 21 часа, один за другим, отсняли в двух избах 14 план, работая в лёгкой атмосфере и закончив день не испытывая усталости.

В 8 часов утра двинулись автоколонной через Москву в Радонеж, где сняли у Клыкковского памятника преподобному Сергию.

24 января.

Впервые на съёмочной площадке я повысил голос на Анатолия, который с 10 до 17 часов пытался наладить «стедикам», на глазах у готовых к работе актёров: Гостюхина, Невзорова, Удовиченко, Сазонтьева. Потом, без согласования со мной, сдал «стедикам» в цех, заменив его на операторскую тележку, не пролезавшую в дверь. Я назвал это самоуправством и потребовал оператора согласовывать все свои действия со мной. Толя огрызнулся:

– Не кричи на меня!

– Пока я говорил тихо, мой голос не доходил до твоего сознания.

– Командовать ты будешь ……………!

Я не разобрал кем и завершил перепалку, уходя в кабинет:

– Толя, по-моему я вообще никем больше командовать не буду.

Туда же вошли Невзоров, Удовиченко и Сазонтьев, сказали, что они здесь только из-за меня терпят издевательства оператора и больше так продолжаться не может. Спокойная и всегда улыбчивая Лариса Удовиченко сказала:

– Если завтра на площадке будет Анатолий, я буду вынуждена отказаться от роли.

Жаркий денёк. Понимая, что с Анатолием я картину завалю, направился к Виктору Турову и заявил ему:

– Прошу уволить меня, ибо справиться с Анатолием я не могу. Я снимаю чужую картину на третью категорию. Контакт с оператором у меня нет и, видимо, не будет. Актёры отказываются продолжать работу, если останется Анатолий. Члены группы один за другим просят меня отпустить их, так как не могут работать с Заболоцким. Это же я высказал и директору студии Горбачёву. Целый день эта тема перетиралась между нами: мною, Горбачёвым, Туровым, Игнатьевым, Шелеховым. К вечеру Туров попросил меня отработать с Анатолием два дня, после чего он будет принимать меры. Я уговорил Ларису Удовиченко выйти завтра на съёмку и, как обычно – спокойно и весело – отработать два дня.

Становится не по себе от мысли об ответственности перед группой. Гложет сомнение: смогу ли я справиться с этим хаосом, не бездарен ли я? Судя по отснятому – бездарен: настолько всё схематично, хаотично, не выстроено... Камера дрожит и дёргается, я не наберу нужного для монтажа! Всё нужно выстраивать заново!

25 января.

Пересняли приход Медведева к Зуеву с ураганом. Анатолий подавленный, опущенный, безропотно подчиняющийся – больно на него смотреть и жалко его непередаваемо. Виню себя за грядущую его отставку. Не жестоко ли это? Ведь именно он, друг Василия Белова, рассказал мне о возможности снять этот фильм. Начал задумываться о возможности продолжения нашего сотрудничества, хотя результат его уже очевиден. Я могу загробить картину.

29 января.

Перед отъездом в Москву показал зимний материал Турову. Увиденное ему понравилось:

– Вы только начинаете снимать кино... У вас не сложились отношения с самого начала... Найдите с Толей общий язык. Прошу вас работать спокойно.

И я «работал спокойно» внешне, с непередаваемой тяжестью на душе. Было ясно, что всё останется на своих местах: контакта с оператором нет, и я не надеюсь на изменение его отношения ко мне. Как из подобного противостояния может родиться красивое творение? Буду работать ещё принципиальнее, добиваться воплощения своего видения на экране. Буду оговаривать с оператором всё до мелочей, готовить для него раскадровку и печатные пожелания по изобразительной части. Попробую откровенно поговорить с ним по отснятому материалу наедине в просмотровом зале.

В этот день в мой кабинет неожиданно вошёл министр культуры Белоруссии Е. Войтович. Вспоминая наши добрые отношения, когда он работал в Москве шефом кинопроката и помогал мне с тиражированием «Лермонтова», я поделился с ним своей тревогой. Позвонил в Вологду В. И. Белову. Он попросил найти с Толей общий язык – ведь дело-то общее. Попросил снимать «реалистический фильм». Сказал, что повторно встречался с Татьяной Дорониной, и она обещала сыграть у нас «тёщу». Я сообщил Василию Ивановичу о дошедшей до меня реакции председателя Госкино Камшалова по поводу выписывания валюты на нашу экспедицию во Францию: «Кому угодно дам, Бурляеву – не дам!» Василий Иванович обещал поговорить с ним на сессии Верховного Совета.

1 февраля.

Два дня смотрю материал и пробую его монтировать. Пришла новая партия отснятого – на экране темно, как у негра... Уже смешно слушать Толины объяснения, почему это так выглядит.

4 февраля.

Выдалась пара выходных, проведённых в забвении повседневных хлопот, сладкой беззаботности, с отключенным от мира телефоном. Лишь три часа поработали у меня с Игнатьевым и Толей: оговорили предстоящую съёмку и первоочередные дела.

5 февраля.

Снимали на атомной электростанции много и спокойно. Переснял практически всё. Жизнь полна на работе и вне её. «Душа светла, спокойна и чиста. Дышу весной впервые без страдания и пью росу из чашечки листа... Мне – хорошо! Я не загадывал желанье».

6 февраля.

Снова на АЭС. Темп работы ещё более спокойный – знал, что всё успеем снять. «Сотрудничество» вроде вошло в колею, расставилось по своим местам. Хотя работать в радиоактивной обстановке весьма непросто: атмосфера и разлитая в воздухе энергетика ощутимо давили на темечко. Атомщики со спокойным видом сообщали: «Здесь фон 200, а в том углу, где сейчас прошёл человек, – 3 000». Группа работает слаженно и легко. Однако меня не покидает тревожный вопрос: «А что в итоге будет видно на экране?» Так задымили в последнем кадре, что Грузия (Сергея Смирнова) не видно. После съёмки ужин в студийной гостинице у помощников: красивые белорусские песни, пропетыые сердечно и красиво.

9 февраля.

Утром смотрел новый материал, отбирал дубли, монтировал. Игнатьев с Толей готовили съёмку урагана в Зуевской квартире. Пришёл в павильон, посмотрел в камеру, сказал, что аквариум с рыбками нужно разбивать на более крупном плане. Толя, как водится, начал спорить, я – как всегда, уступил, о чём вскоре пожалел, когда аквариум впустую грохнули на общем плане, после чего Толя совершил наезд на пустое место. Отныне буду добиваться того, что вижу.

Как чудесно после работы прийти в студийную баню, пожариться в привычной, тёплой компании: Гостюхин, Туров, Марухин, который с вдохновением попарил меня. А потом чай с единомышленниками. Именно в такой душевной беседе было озвучено: «До чего противно смотреть на приморские кинотусовки. Вот бы создать свой кинофестиваль для нормальных кинематографистов». С тех пор эта мысль не покидала меня, и спустя два года я объявил о рождении Международного кинофорума «Золотой Витязь».

19 февраля.

Материал поступает приемлемый, вперемешку с дозой брака.

Состояние души моей светлое.
Просто взлётное, высоко парящее.
Неужели совершилось заветное
И явилась моя настоящая..?

Безмятежные, красивые дни. Неужто судьба выводит меня на новую дорогу и я нашёл в личном плане то, чего желал? Тогда я не мог предполагать, что вновь обманусь и спустя всего три года меня предадут за понюх табаку. Всё это было впереди.

23 июня.

Доснимаю с трудом душевным. Тяжелы контакты с непробиваемым оператором и постоянно хмельным Игнатьевым. Их вторжение в режиссуру бестактно и тяжело для меня. Но финал виден, и это – отрадно.

28 июня.

С увлечением выстраиваю «Всё впереди...» и всё больше ощущаю, что картина слагается кадр за кадром. Необходимо срочно решить проблему с композитором. Брать ли музыку Бориса Петрова или приглашать Г. В. Свиридова, Юрия Буцко или В. Мартынова. В этой последовательности и обращаюсь к ним.

16 июля. Париж.

Позавчера, приземлившись в аэропорту «Шарль де Голь», окончательно убедился, что мы смогли вырваться во Францию. День прибытия в Париж был днём самого большого для французов праздника – День провозглашения Республики. Поселившись в хреновенькой гостинице с видом на задворки, уходившись до умопомрачения к 22 часам по средневропейскому (24 по Москве), я решил на отчаянный поступок – пошёл с тремя актёрами (Гостюхиным, Ливановым и Пороховщиковым) пешком к главному праздничному столпотворению на Елисейских полях. Совершив многокилометровый бросок вдоль Сены, через Лувр, Нотр-Дам, площадь Конкорд, мы достигли полей Елисейских, когда многотысячная толпа потекла прочь, напраздновавшись до посинения. Весьма синенькими от усталости были и мы. То, что творилось вокруг, походило на театр военных действий, на битву при Ватерлоо: вокруг раздавались взрывы разнокалиберных петард, с частотой пулемётных очередей. Чёрные и жёлтые молодые парни забавлялись немилосердно: метали зажжённые петарды в толпу, в сидящих в открытых уличных кафе... Шипя и взрываясь, бомбы пугали людей, прожигали платья дам. Идти приходилось перебежками, брать высоту за высотой, пригибаться, уворачиваясь и отпрыгивая от пролетающих над головой и под ногами снарядов: «минёр ошибается однажды». Еле доплетаясь до Триумфальной арки, я мечтал поскорее доползти до отеля. Ноги еле передвигались, волочились, словно тяжёлые брёвна, подошвы ног стёрлись и нещадно болели. Трое бессонных суток делали всё происходящее вокруг похожим на дурной сон. Непонятно, на каких остатках жизненной энергии мы доплелись до отеля. Однако было ощутимо и удовлетворение от познания Парижа, ставшего понятным с топографической стороны.

С утра и день за днём началась титаническая съёмочная работа: в день по 150 метров! Я решил отснять всю французскую натуру за 3–4 дня. Объехав на машине основные достопримечательности Парижа: Елисейские поля, Монмартр, Монпарнас, Пляс Пигаль, Нотр-Дам, Лувр, площади Согласия, Конкорд, Вандом, собор Сакре-Кёр и т. д. С ходу утвердили всю натуру. Как дамоклов меч висело над мной отсутствие исполнителя роли гида Мирского. Предполагаемый мной исполнитель, наш пожилой звукооператор, прочтя текст роли, отказался сниматься. На Монмартре помощник отловил и подвёл ко мне некоего плюгавенького Яшу лет 65, спросившего: «Ви русские?» Яшу я забраковал с ходу.

Впрочем, в первый день нам было что делать, и мы наснимали 150 полезных метров. Во второй половине дня мне позвонил наш французский продюсер Мухамед Исауи и сказал, что его друг режиссёр Рене Вотье (некогда снимавший многих звёзд французского кино, включая Бельмондо) согласился выделить нам время: сегодня от 19 часов и завтрашнее утро. Я срочно помчался к Нотр-Даму на встречу с артистом. Едва увидев улыбающегося, добродушного старика Рене, я просиял – Господь посылал нам спасение, идеального по облику гида Мирского. Маргарита Исауи, жена продюсера, мгновенно перевела на французский тексты Мирского. Репетируя с обаятельным и добросердечным Рене, я радовался его профессионализму и серьёзному отношению к делу: он вгрызался в текст, стараясь понять его суть, и был предельно внимателен.

Обегали с Толей весь Нотр-Дам, выбрали точки съёмки. Начали работать: определил общие и крупные планы, развёл мизансцену. Рене Вотье свободно вписался в кинопроцесс, словно всю жизнь сотрудничал с нами. Решение эпизода оформилось окончательно, когда Толя успел с рук снять проплывающее по Сене красивое застеклённое прогулочное судно. На палубе за столиками сидели радостные люди, попивали вино и, улыбаясь, махали нам руками. Запечатлев их, мы с камерой перебежали на противоположный берег Сены. Я крикнул Гостюхину и Рене, что мы должны дождаться следующего прогулочного судна, и чтобы они помахали пассажирам руками. Вскоре появился точно

такой же прогулочный теплоход, и кадр был снят. Уверен, что этот эпизод с гидом Мирским у стен Нотр-Дама станет одним из важнейших для фильма.

Неоценимую помощь оказывает нам Маргарита, жена продюсера Исауи, работая за переводчицу, за ассистента режиссёра, за администратора, за реквизитора. Перед ней отступают все, даже матёрые мафиози от секс-бизнеса: она выбила для нас право бесплатно снять вход наших героев в недра секс-шоу «Эротика» на Пляс Пигаль. Мы с ней вдвоём отправились на переговоры с хозяевами борделя. Девушки на входе молча пропустили нас к шефу. За стойкой бара в тёмном зале с ярко освещённой сценой сидел жирный тип с лицом блудного сына Сиона и повадками азиатского мафиози. С ходу уловив наше желание, он сказал, что не возражает, если я поставлю ему бутылку их же шампанского. Он протянул нам меню и ткнул пальцем в стоимость бутылки в 1 900 франков (2 000 рублей по-нашему). Маргарита добилась беседы с более «высоким начальником». К нам вышел низкорослый восточный типаж, чем-то похожий на бывшего режиссёра цыганского театра «Ромэн» Семёна Баркана. После 15-минутных переговоров, выпытав всю нашу подноготную, он сжалился и сказал, что он знает «советских» и по доброте душевной впускает наших спортсменов бесплатно.

После ночной съёмки сцен в гостинице мы с Игнатьевым, Толей и Маргаритой под водительством Эдуарда выехали в Марсель. Давненько я так много не колесил: за двое суток мы намотали около 2 000 километров. Пересекли почти всю Францию с севера на юг. Дорога – скатерть. Эдуард вёл микроавтобус «Ситроен» со скоростью 130 в час. Температура за бортом – плюс 32 градуса. На дорожных табло мелькают названия населённых пунктов: Лион, Арль, Авиньон, Гренобль, Бургонь, Женева, Дижон, Нанси, Безансон, Санлис, Фонтенбло, Орлеан, Версаль, Руан, Шартр, Лиль. Промчались вдоль реки Роны, по живописному Провансу. Могли и в Канны завернуть, и в Ниццу, но времени на это не было. До Марселя добрались к 23 часам. Остановили на малолюдной улочке пару старичков-супругов, чтобы расспросить об интересующих нас в Марселе местах. И эти первые встречные люди – полуслепой, полуглухой судья на пенсии Филипп Лай и его жена – стали нашими марсельскими ангелами-хранителями. Они с готовностью вызвались познакомить нас с городом. Сели в нашу машину и показали интересующий нас порт, подняли в гору к собору Нотр-Дам-де-Марсель, откуда открылась сверкающая огнями панорама Марселя.

Старички пригласили нас к себе в гости, приняли радушно угощать вином, пивом, соками, фруктами. Предложили оставить у себя двух ассистентов оператора с киноаппаратурой. Месяе Филипп проследовал с нами в двухзвёздочный отель «Mariet Pasha», где снял для нас за свой счёт два номера. Утром покормил нас у себя дома завтраком и помчался с Маргаритой в мэрию и полицию выбивать разрешение на съёмку. Он активно помогал нам во всём: и возле камеры, и в переговорах с настоятелем собора. Заметив, что я изнываю от жары, порывался купить мне от солнца бейсболку. Я еле отговорил его. После съёмок месяе Филипп пригласил нас к себе на обед и купил нам в дорогу вкусную пиццу. Мы тепло простились с нашим неожиданным и бескорыстным марсельским «генеральным директором». Не перевелись ещё в мире добрые люди.

21 июля.

В Париже выдался первый свободный день. Жара страшная – плавится асфальт. Попросил Маргариту и водителя Эдуарда отвезти меня на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, где упокоился мой дорогой Андрей Тарковский. Проехали за город по солнцепёку 60 километров по «последнему пути» многих наших соотечественников. Цветов по дороге не попалось, посему тайком сорвал с клумбы у кладбищенской ограды красный цветок. Мои спутники сопроводили меня до могилы Андрея, постояли немного и отошли, оставив меня одного. Присел подле могилы на самодельную скамеечку под юным клёном. Смотрел на рыжий деревянный крест, подпёртый у основания камнями, на металлическую табличку с трудом различимым именем и датами рождения и смерти. На пыльных тарелочках вдоль всего бетонного плитуса, ограждающего могилу, – два десятка цветочных горшочков с засохшими растениями, семь больших горшков с более высокими засохшими растениями, нещадно палящее солнце... Всё вокруг чужое... Что ты здесь делаешь, Андрей? Почему ты не в России? Сидя в тишине и одиночестве я беседовал с Андреем по душам, ощущая в сердце печаль и вместе с тем свет и покой. Я всегда любил тебя, Андрей, и пока ты жил, и теперь, когда ты перешёл в Вечность, моё отношение к тебе не изменилось. Я молюсь о тебе каждый день – ты постоянно в моём сердце и сознании. Печалила меня твоя нетерпимость, но ныне и это не важно, ибо ты перешёл в Царство терпимости и гармонии, которую ты так искал всю жизнь.

Полил засохшие цветы в горшочках, поставил в бокальчик свой аленький цветочек и... простился с Андреем до встречи на Небесах. Захватив с могилы Андрея шишку, пошёл на выход. По пути поклонился Бунину, подняв с его могилы пучок хвойных игл... Сергей Булгаков одарил меня жёлтым листком... У могилы моего старого друга писателя Виктора Некрасова сорвал с дерева листок зелёный. Куда ни помотришь – всюду фамилии цвета Русского народа: Иван Шмелёв, князь Лобанов-Ростовский, князь Гагарин, барон Врангель. В церкви затеплил свечу за Андрея и всех страдальцев, упокоившихся в земле Франции. Побеседовал со служителем церкви отцом Симоном. Старенький, сухопарый, загорелый, с утомлёнными очами, в пыльном подряснике, с шарфиком, заткнутым за ремень, он готовился к отъезду на своём выдавшем виды мотороллере. Живёт здесь уже 42 года и знает об истории кладбища и русской эмиграции, кажется, всё. Слушать бы да слушать, но пришлось проститься, так как мои спутники заждались меня за оградой.

К полуночи выбрался побродить около гостиницы, на площади Республики и окрестностях. Через каждые три шага ресторанчики, столики шеренгой тянутся вдоль тротуара. Интернациональная разноцветная публика, поглощающая различные блюда и напитки, глазающая на прохожих. Возбуждающие аппетит запахи устриц, крабов, омаров, ветчины, соусов, дымящегося мяса.

Моя жизнь в Париже весьма экономная: бульонно-консервная. В номере попил пустого чая, посмотрел дебильное французское телевидение: вестерны, обнажённые теле-плейбойные девицы, рок, юмор ниже плинтуса, выстрелы и акты без антракта. Надоело – посплю перед распахнутым на парижские крыши окном. Засыпал под звуки улицы, шуршание машин, вой полицейских и медицинских сирен.

22 июля.

Выдающееся, радостное событие: встреча с Лувром. Маргарита с Эдуардом подвезли меня к музею, перед которым в 40-градусном, палящем зное изнывала и плавилась, извиваясь бесконечной лентой, разноплеменная очередь. Едва успевал за Маргаритой, летящей поверх барьеров туда, куда нельзя, – вонзились в Лувр не через «вход», а через «выход». Русская наглость была настолько непредсказуемая, что нас не посмели остановить. Условившись встретиться через три часа, я в одиночестве предался Лувру. Направился прямо на встречу с Джокондой. Найти её не составило труда, так как указателей с портретиками Моны Лизы и стрелочек, ведущих к ней, было с избытком.

Перед бессмертной картиной Леонардо было наибольшее скопление людей, однако для русского режиссёра не составило большого труда протиснуться к ограждению и встать в полутора метрах от пуленепробиваемого стекла саркофага.

Я простоял подле Джоконды около двух часов, понимая тех, кто описывал свои часовые стояния подле этого чуда. Только теперь, на 43 году моей жизни, просмотрев сотни репродукций Моны Лизы, при очном свидании с ней я смог постичь тайну, заключённую в портрете. Первое, на что сфокусировалось внимание, – её руки: живые, нежные, трепетные. Впрочем, живым в этом творении было всё! Всматриваясь в левую часть её лица – я видел добрую, озаряющую, всепрощающую полуулыбку. Переместив фокус на правую часть лица, я увидел мудрое понимание человеческого бренного существования и ободрение смотрящих на портрет прошлых и нынешних поколений. Картина построена по законам триединства мира: явь-дух-новь. В левой части полотна – змеей извивается дорога жизни, прорубающаяся среди препятствующих прямому движению гор. Дорога эта перетекает в реку жизни и смерти, в Лету, которая устремляется в Океан. Над главою Джоконды пространство Вечности: Небо, Космос. Руки с нежными разъятыми пальцами, скрещёнными на животе, охраняют чрево, способное плодоносить. Картина – само совершенство: проработан каждый миллиметр живописного пространства: никаких резких линий, атомы красок незаметно перетекают один в другой, образуя гипнотическое воздействие на смотрящего. Два часа меня обтекали люди: снимающие на фото и видео. Они то рассасывались до десятка, то скапливались до сотни человек, а я всё стоял и смотрел на Джоконду, не в силах прервать контакт с нею, с Леонардо, с теми, кто стоял пред этим великим творением рук человеческих на протяжении веков. Я опирался на то же отполированное перильце, которое сохраняло в себе прикосновение ладоней Тарковского, Бондарчука, Бунина, Шмелёва, Некрасова и многих других людей, которых уже нет на свете. А Джоконда пятое столетие несёт свой свет новым поколениям, излучая покой, знание Истины, добро, гармонию, и нет в ней никакой иной, сомнительной «тайны».

которую выискивают отдельные «специалисты Леонардо-еды». Есть абсолютно величайшее, космическое творение Леонардо да Винчи. Взирая на Джоконду, я лучше понимал себя, находил подтверждение правоты избранного мною жизненного пути, своих постижений, понимая, что всё – впереди и, возможно, Господь подвигнет меня на главные свершения. Недалёкие циники-туристы подле меня хихикали: «Нина Риччи», – намекая на то, что лик Моны Лизы украшает рекламу этой фирмы. Я неотрывно продолжал смотреть на портрет, постигая своих близких, находящихся сейчас за тысячи километров от меня: каждый из них незримо, духовно присутствовал рядом со мной. Джоконду можно понять, лишь имея в душе идеал Женщины. Мона Лиза покорна своему земному творцу Леонардо да Винчи, подарившему ей бессмертие. Возможно, этой женщиной прежде обладали другие, и она дарила им себя, но постиг её суть, одухотворил и вознёс, сделав символом Женщины, – Леонардо. Грязные намёки Фрейда на «голубизну» Художника – плевков, не попадающий в цель, ибо Джоконда свидетельствует о любви, о мужском проникновении Художника в её душу. Джоконда парит над падением женщин в дьявольские силки эмансипации, которая якобы раскрепощает женщину, на самом деле порабощая её самостью, лишая женской сути. Джоконда, парящая над земным временем, призывающая блудных дочерей к Идеалу, добрая и возвышающая, – является духовным причастием, очищением миллионов душ. Не это ли цель истинного Искусства?

Однако было пора отрываться от картины, чтобы за оставшийся час посмотреть остальные залы. Джоконда последний раз добро, ободряюще улыбнулась мне, как ободряет и каждого, оставаясь неприкосновенной. Я невольно перекрестился, почему-то перекрестил Джоконду и отошёл от картины. Далее я едва не бежал, скользя глазами по творениям великих художников Итальянского и Фламандского Возрождения: Перуджино, Тинторетто, Боттичелли, Рембрандт, Караваджо, Рафаэль... Всё, что я видел после Джоконды, – всё меркло в сравнении с ней. Последние залы «современного искусства» повергли в ужас: бездарные, гнусные инсталляции, позорящие Лувр: скомканная газета, пепельница, полная окурков, и кусок коричневого дерьма... Вот до чего докатилась «цивилизация». И эти ничтожные современные «творцы»-бизнесмены с гордостью говорят: «Мы выставлены в Лувре рядом с Леонардо!»

На последний съёмочный штурм выехали в 17 часов. Вместе с Маргаритой обежали несколько подъездов на Пляс Пигаль, в поисках окон с видом на Мулен Руж, звонили в двери – хозяева словно вымерли: в июле Париж «на каникулах». Наконец нам повезло: на верхнем этаже нас впустили в квартиру, разрешили мне посмотреть из окон на улицу. Маргарита сказала, что она переводчица советской киногруппы, а я режиссёр фильма и мне нужно 10 минут, чтобы снять план из их окна после 22 часов. Район бандитски-мафиозный, но наш творческий тандем, видимо, внушил доверие 60-летней чете Жана-Клода Кальмеля, который откликнулся на нашу просьбу.

Перебрались к мосту Александра III, спокойно и весело сняли пару крупных планов, туравтобус, проезжающий по мосту, и (на сладкое) запечатлели два прогулочных катера, словно специально для нас живописно встретившихся на Сене, под Александровским мостом.

Ровно в 22 часа мы поднялись к супругам Кальмель с операторской группой. Жан-Клод с неослабевающим радушием отодвинул от балкона свой рабочий стол, и Толя снял пейзаж с вечерним Мулен Ружем. Супруги Кальмель ни за что не хотели отпускать нас, раскупорив бутылку шампанского (2 000 франков!). На прощание Жан-Клод, сотрудник фирмы «Рено», подарил каждому по брелочку своей фирмы. Спустились на улицу и на остаток плёнки сняли неоновую рекламу шоу «Эротика». Экспедиция во Францию завершена! Всё произошедшее здесь превзошло мои ожидания.

К полуночи, возвратившись в отель, Маргарита и Эдуард пригласили всю нашу группу в кафе и вручили каждому по сувениру, купленному ими на личные средства.

23 июля.

Утром у отеля простились с группой, отбывшей в аэропорт, и остались в Париже втроём с Игнатьевым и Толей. Два дня свободного познания Парижа, блуждание по улочкам и магазинам, благо продюсер Исауи выдал нам по 250 франков. Днём покормил в своём номере Маргариту и Эдуарда растворимым бульоном и белорусской тушёнкой, вызвавшей их восторг. После «обеда» отправились на автомобильную прогулку по Парижу. Постучался в дверь дома Виктора Гюго – нет дома! Побродил по Пляс Вож, под сводами, помнящими его шаги. Проехали по ещё более древним

закоулкам Бурбонов, вдоль домиков конца XVI века, стоящих на берегах Сены, напротив Нотр-Дам, с огромным полыхающим над собором красным солнечным шаром. Париж – живой город-музей, куда ни помотришь – чудеса архитектуры: Пантеон с останками Наполеона и «великими людьми отечества»... первая Парижская стена XII века... Люксембургский сад... театр «Комеди Франсез»... Эйфелева башня... мост Инвалидов, Александровский мост... площадь Конкорд, с которой мы снимали Елисейские поля и Триумфальную арку... Лувр, тюрьма де Темпль, приютившая перед казнью Марию-Антуанетту с детьми... дома Стендаля и Золя...

К концу поездки выяснилось, что наш водитель Эдуард – бывший масон, прошедший обряд посвящения. Эдуард с воодушевлением прочитал нам лекцию о братьях франкмасонах, об их добрых деяниях: строительстве Нотр-Дам и многих архитектурных памятников. Сообщил, что, если придёшь на приём без положенного галстука – последует наказание: денежный штраф или чёрные работы, что все ложи секты разделены по профессиям и тебе вешают ленту с указанием одной и мест, где ты работал.

Вернувшись в отель, столкнулся с Толей, Игнатьевым и сопровождавшими их кинорежиссёром Отаром Иоселиани и художником Борисом Заборовым, давно живущими в Париже. Мы с Отаром, которого я давно знаю, тепло поздоровались.

– Как у тебя жизнь? – спросил Отар.

– Хорошо, сложно, как и у всех нынче... А ты побелел...

– Когда постареешь, – улыбнулся Отар, – многое начинаешь понимать.

Отар дал мне свой телефон и попросил позвонить ему завтра. Прощаясь, я перекрестил его, а он – меня.

24 июля.

Вечером позвонил Отару. Он пригласил к себе, объяснив, как добраться до него на метро: направление на «Понт де Левальюаз», четвёртая остановка «Сентьер», далее немного пройти по улице Птит Коро, свернуть вправо на улицу Тикитон, а там и его дом 62. Истратил последние 10 франков на метро, не без удовольствия совершая поездку в неизвестность, в вечернем почти пустом вагоне. Без паники немного заблудился, поплутал по улочкам, спросил официанта в ресторанчике, как пройти к «Рю Тикетон». В объяснении приняли участие и два посетителя, и сам хозяин кабачка. Наконец – вот он, дом 62. Мужчина и женщина, стоящие у открытой двери, видя мои размышления, куда идти, спросили – кто мне нужен.

– Месье Отар.

– А, месье Отар, – воскликнули они и направили по длинному коридору к подъезду «D».

Отар радушно впустил меня в свою обитель, провёл в гостиную-кабинет со столом, сплошь уставленным двумя десятками бутылок спиртного, с баром и диваном, прикрытым ковром и дюжиной подушек и отделяющим кухню. В углу на невысоком подиуме рабочий стол с телефаксом.

– Что будешь пить?

– Сок или воду.

– Хочешь устриц?

– С удовольствием.

Спустились на улицу в один из ближайших ресторанчиков «L,ANKRE DE VATTIER». Почти сразу принесли гору устриц на подносе со льдом, соус, лимоны, хлеб, сок, кофе. Впервые в жизни и не без удовольствия выковыривал из раковин устрицы, поливая их лимоном и соусом. Несмотря на экзотику ощущений – блюдо вкусное. Я откровенно говорил Отару об атаке «коллег» на моего «Лермонтова» и о картине, которую я снимаю сейчас.

– Если ты считаешь, что делаешь правильно, – спокойно работай, – сказал мне классик грузинского и советского кино Отар Иоселиани. – Главное, не примыкать ни к каким бандам.

Отар поведал мне из первых уст о жизни и смерти Андрея Тарковского во Франции. О «каннском инциденте», когда «окружение» Андрея натравило его на С. Ф. Бондарчука, убедив в том, что КГБ и Госкино послали С. Ф. Б. в жюри Каннского фестиваля специально, чтобы не дать Тарковскому приз. Отар сказал, что тогда многие утверждали эту версию.

Отар даже задал этот вопрос одной из членов жюри, на что получил ответ:

– Бондарчук в жюри ничего не говорил о фильме. Если бы он говорил о фильме отрицательно, это лило бы воду на мельницу Тарковского.

Отар передал слова члена жюри Андрею. Тот выслушал и задал вопрос своей супруге Ларисе:

– Вот видите, Лариса Пална, что говорит Отар...

На что получил её отпор:

– Я знаю, Бондарчука послали...

Сейчас Лариса живёт в квартире продюсера Андрея, получая за Тарковского пенсию, ни копейки не платя за услуги и не думая съезжать. Съехал сам продюсер, который пребывает в шоке. На совет Отара подать в суд он ответил:

– Пусть живёт. Если попрошу освободить квартиру, вони будет ещё больше.

Отар сказал, что Лариса правила всей экономикой, всеми деньгами Андрея. Он рассказал, как принималось решение оставить Андрея за границей, как внезапно вокруг Тарковского сплотилась «могучая кучка»: Лариса, Максимов, Ростропович и К*, под напором которых он принял роковое решение, стоившее ему жизни.

– Денежное вознаграждение режиссёру за фильм здесь очень большие деньги... Очень большие. А по советским правилам Андрей должен был отдать государству 50 %. Для «окружения» Андрея это было решающим аргументом.

Отар пообещал помочь мне с прокатом «Лермонтова» и «Всё впереди» во Франции и других странах. Далеко за полночь мы тепло простились с Отаром. Добравшись до отеля, я с удовольствием упаковал чемодан и предался последнему в Париже «морфею». Господи, как хочется домой!

3 сентября.

Вот и пролетело моё 44-летие. Вчера прибыл в Москву на запись музыки к фильму, написанной Андреем Головиным. Картина стремительно близится к завершению. Провёл озвучание. Практически завершил монтаж. Всё глуше шум интриг за моей спиной. Уже не так волнуют потуги моих «соратников» помонтировать за меня мою картину. Игнатъев навевался в монтажную: «Пусть он пока побалуется, а потом мы перемонтируем...»

Даже Виктор Туров на ходу бросил реплику монтажёру Ренич: «Может, мы с тобой скоро встретимся за столом, помонтируем “Всё впереди”». Толя под занавес выкинул ещё пару фортелей: отказался доснимать нужные для финала кадры, мол, «вот приедет Белов, и тогда... Может, вообще всё нужно закрывать! Вы слишком отступили от автора».

Автору сценария Мише Шелехову, заикнувшемуся о том, что в титрах останется только его (Шелехова) имя, Толя сказал: «В авторы метишь?! Всё останется как есть!»

То есть и он, оператор Заболоцкий, не имеющий никакого отношения к сценарию, станет его «автором».

Услышав это, я попросил Турова оставить в авторах только Мишу Шелехова, хотя всё написанное мы оговаривали с ним вдвоём.

13 сентября.

Сегодня показали фильм В. И. Белову и худсовету студии. Василий Иванович обнял меня и с иронией произнёс:

– В джинсовом ходишь?

Через несколько минут после начала просмотра Василий Иванович, за реакцией которого следили все, трижды мотнул голову в мою сторону, громко спросил:

– Кто писал сценарий?!

Все в зале напряглись.

Однако до конца просмотра Василий Иванович больше не проронил ни слова. Молча перешли из зала в кабинет Турова и расселись по кругу 20 «соратников». Как был прав Пушкин, восклицая: «Господи, спаси меня от друзей, а с врагами я справлюсь сам!» Как же мучительно творить в компании стольких «единомышленников». Легче мне было создавать «Лермонтова», организовывая работу почти 5000 человек. Там я был единственным ответственным за результат, и никто мне не давал указаний, что и как снимать. «Соратники», зная о моих непростых взаимоотношениях с оператором и понимая, куда дует ветер: то, что Толя Заболоцкий вызвал из Вологды автора, с которым он дружен, для решительных мер, начали высказываться один за другим, по часовой стрелке, почти единодушно высказывая опасения за картину, за монтаж. Толя прямо заявил: «Набор сцен! Я бы её заново смонтировал!»

Настало время говорить В. И. Белову, все ждали его приговора.

– А картина-то получается, – неожиданно для всех сказал автор и высказал ряд дельных замечаний.

После худсовета повёз Василия Иваныча и Мишу Шелехова ко мне обедать. Хорошо закусили в тёплой атмосфере, расслабляемой присутствием моей дочери Машеньки. Потом вернулись на студию и часа три сидели за монтажным столом. Василий Иванович предложил 36 поправок, 30 из которых я принял безоговорочно. Он категорично попросил поставить имя Толи в соавторы сценария, на что столь же категорично возразил Миша Шелехов: как возможно рваться в авторы, никак не участвуя в его написании?

Василий Иваныч был противоречив: то жаловался, что кинематографисты всё время портят его произведения, «вот и вы хотите...», то говорил: «Картина будет хорошей». То скажет: «Артистка играла плохо, но сцена хорошая», то вдруг обиженно встанет с кресла на эпизоде в подвальном кабаке-притоне с обнажёнными девицами: «Я сказал, что не хочу смотреть эту сцену». Однако, сделав пару шагов к двери, он остановился и выслушал аргументы за оставление этой важной для фильма сцены, в которой я сознательно создал атмосферу исчадия ада, обступившего героя-Гостюхина.

Прощались тепло: Василий Иванович обнял меня и поздравил с достойной картиной.

1 октября.

Сдал «Всё впереди» худсовету студии. На первых минутах обсуждения атмосфера была отравлена темой «авторства сценария». Миша Шелехов, действительный автор сценария, мог бы коснуться этого вопроса в более узком кругу. Как надоели наши российские междоусобицы, раскол, претензии друг к другу. Неужели это неискоренимо на Руси? Однако худсовет принял наш фильм хорошо и единодушно.

2 октября. Москва.

Сдача картины в Госкино СССР. Обычно присутствует человек пять, а тут набежали все 25. Смотрели молча, в одном месте посмеялся лишь Аристарх Ливанов. По окончании просмотра ко мне подседа член худсовета критик Валентина Кузнецова и шёпотом сказала:

– Ну, мы принимаем фильм... Картина человеческая. Правда, некоторые линии стали менее проработанными, чем в романе. Фильм мы принимаем. Правда, у вас будут оппоненты.

Вечером показал картину на «Мосфильме». В маленьком просмотровом зале монтажного корпуса собралось человек 30. По окончании просмотра некоторое время все молчали. Потом начали высказываться, и это первое обсуждение было душевным и эмоциональным. Кто-то сказал:

– После просмотра этой картины люди будут выходить молча... и думать...

6 октября.

Вернувшись в Минск, я ещё три дня чистил и подмонтировал картину. Может, я сам виноват, допустив своим мягким отношением то, что многие сочли возможным сесть мне на шею. Вот и сейчас, на финишной прямой, попробовала сесть мне на выю монтажёр Лидия Ренич. Последние три дня работал с ней, включив режиссёрскую волю.

Смотрел передачу об американском пасторе, в которой он сказал, нужно написать 10 пунктов самых заветных своих желаний и тем приблизить их осуществление, что я и сделал, записал всего пять желаний:

Соединить воедино близких людей.

Написать сценарий о Сергии Радонежском.

Снять фильм о нём.

Создать свою кино-видеостудию.

Создать свой кинофестиваль.

Посмотрим, что удастся сделать. Всё – впереди.

Минск – Москва, 1990–2020 годы.

Берега Памяти

Александр Васин-Макаров

Александр Васин-Макаров – поэт, музыкант, певец. Автор пяти книг стихотворений и песен, и внежанрового сочинения «Читаю Лермонтова» (5 изданий). Автор идеи и издатель «Антологии русского лиризма. XX век» в 3-х томах (2000, 2004, 2019).

Член СП России; удостоен литературных премий им. А. Блока, «Золотое перо России», «Золотой медали В. Шукшина» и др.

29 лет на общественных началах руководит литературно-музыкальной студией народной культуры.

Живёт в Москве.

*А. Н. Васин-Макаров и В. В. Кожинов.
1996 г.*

* * *

Правильнее называть А. Васина-Макарова
древнерусским словом **песнотворец**.

В. Кожинов

Попытка антинекролога

...С привычных портретов «глядит в пространство» тот Кожинов, которого «знали все»: поза Микулы Селяниновича, несколько притомившегося от бесконечной¹ пахоты... взгляд непобедимого бойца, и в этом взгляде властность, привычная решимость, безбоязненное знание...

16 сентября 1998 года, в день моего рождения, в наш дом приехали супруги Кожиновы (с ними их друзья из Японии – профессор славистики Ясы-сан с женой). У нас, как всегда в такие дни, дым коромыслом: родственники, друзья школьных и институтских лет, студийцы – шум-гам... Однако и Елена Владимировна, и Вадим Валерианович освоились мгновенно, в отличие от гостей-японцев, погрузившихся на время в некоторый транс. (Позже они настолько впились в бурлящую нашу песенную атмосферу, что Минако-сан, супруга профессора, даже спела японскую колыбельную песню, чем совершенно потрясла мужа: оказалось, что она запела при нём первый раз в их жизни...)

В разгар праздника Вадим Валерианович, блиставший кроме всего прочего (пел песни, читал стихи – как он читал стихи! – произнёс с полтора десятка импровизированных речей) образцами восточной учтивости по адресу друзей-азиатов, произносит: «Александр Николаевич, я всё больше и больше опасаюсь, что досточтимый Ясы-сан и очаровательная Минако-сан, проведя у Вас этот прекрасный вечер, скажут, мол, помилуйте! да о каком же кризисе в России все толкуют!? Нет никакого кризиса и в помине!» – и заулыбался.

Вообще, он был подспудным распорядителем вечера и с нескрываемым удовольствием «угощал» японцев – нами, а нас – японцами.

Когда же наш мужской квинтет на распев Ф. Романова спел стихотворение А. Фета «На смерть корнета Бражникова», Вадим Валерианович в каком-то порыве-восторге почти прокричал: «Федя, Вы открыли мне это стихотворение! Я его недооценивал!...»²

¹ Статья публикуется с орфографией автора по его настоянию.

² Издавая в 2000 году книгу избранных стихотворений А. Фета, В. Кожинов включил в неё стихотворение «На смерть Бражникова», снабдив эту публикацию следующим примечанием: «27 июля 1845 года неожиданно скончался сослуживец поэта по кирасирскому полку, красавец-корнет Александр Бражников. Созданное А. Фетом стихотворение долго оставалось забытым, но полтора столетия с лишним спустя участник литературно-музыкальной студии А. Н. Васина-Макарова Фёдор Романов положил его на музыку и вместе с несколькими друзьями проникновенно поёт эти давние строки Фета. Это пение вызвало восторженные слёзы у родственницы и исследовательницы жизни и творчества Фета-Шеншина В. Н. Шеншиной, и она преподнесла Фёдору Романову своё сочинение о поэте». – *Здесь и далее в статье прим. автора.*

Боже... Великий знаток русской поэзии, истории... наследник Белинского и Бахтина... учёный с мировой славой... вслух – что он недооценил?

Неужели это тот – «портретный»?

Наше счастье (и моё), что довелось увидеть, в какой-то мере узнать другого В. В. Кожина: страстного, открытого, бесконечно обаятельного... Где-то в груди тепло от того, что мы оказались такими, с кем он мог быть так о й .

23 марта 2001 года мы вспоминали тот вечер с Еленой Владимировной Ермиловой-Кожининой, и она сказала: «Дима с вами был очень радостный...»

Сейчас пишут, говорят об утрате. А мне кажется, Кожина невозможно «утратить». Совершенно так же, как Тютчева, Бахтина, Рубцова... Как невозможно утратить Русь, заступником которой он был и остаётся.

* * *

А всё-таки... я никогда больше не услышу в телефонной трубке его характерный, непременно приподнятый голос: «Я Вас приветствую, Александр Николаевич! Знаете, у меня сейчас находится один замечательный человек и, представьте себе, Ваш большой поклонник!» (Это мог быть знаменитый В. И. Белов или кто-то из мощнейших филологов – Н. Н. Скотов, С. Г. Бочаров, П. В. Палиевский, журналист Ю. В. Куликов, разведчик М. А. Любимов или вообще никому, кроме Кожина, не известная персона...) Далее следовала горячая – именно! – тирада, смысл которой заключался в том, что я просто обязан познакомиться с этим человеком! едва не погибающим без меня и моих песен! и мечтающим сделать их «всемирным достоянием»! «А я, как Вы знаете, совершенно уверен, что в таком случае изменится вся общественная температура в нашей стране», – заканчивал Вадим Валерианович.

Не раз, не два я всё бросал и ехал к Кожину, никого из «моих больших поклонников» уже, как правило, не заставая... Позже от некоторых из них узнавал, что каждый приходил к В. В. Кожину по своему конкретному делу, а тот усаживал их перед телевизором и ставил записи вечеров нашей студии или моих концертов, рассказывал – о нас, обо мне...

Не знаю, подозревал ли Вадим Валерианович, что реальный результат нередко был прямо противоположен тому, который он описывал мне... В частности, один из друзей его университетской юности, наслушавшись моего «необходимого» пения, отреагировал со всей присущей ему интеллигентностью: «И охота тебе, Дима, заниматься всякой ерундой! Ну что ты разбрасываешься...»

А «Дима» вовсе не разбрасывался... Дав, отражённым образом, понятие о своём способе присутствия в родной культуре, этот человек нечаянно обозначил и кожининский манёвр. Кожин не разбрасывался, он с о б и р а л воедино все доступные ему проявления русской культуры – от сомнительных исторических преданий и хроник до сравнительно достоверного XIX века и, наконец, ростков нынешнего русского культурного бытия. Он, как настоящий хозяин, старался найти место каждой «вещи», не оставить без внимания ни один клочок культурной нивы.

...Но как слушал сам Кожин!.. Да ещё если я пел стихи Рубцова, Передреева или Соколова...

Никогда, Вадим Валерианович, не забуду Вашего лица, Ваших напряжённых интонаций: «Ах, Толя не дожил... жаль, Толя не дожил...» И мундштук в побелевшем сжатом кулаке того гляди раскрошится... «А Володя слышал?..»

И Ваши монологи... в которые я долгое время и не пытался вставить ни полсловечка... Потом – диалоги с Вами...

Первое время, обращаясь ко мне по любому поводу (имя, факт, явление), Кожин начинал так: «Ну, Вы, конечно, не знаете...» И ужасно удивлялся, наткнувшись на моё: «Ну, почему же...» Вскоре преамбулу он изменил: «Ну, Вы, конечно, знаете...» И опять ужасно удивлялся, если я не знал...

Никто больше с такой любовью и болью не станет мне часами рассказывать о Володе (В. Н. Соколове), Толе (А. К. Передрееве), Коле (Н. М. Рубцове), Стасике (С. Ю. Куняеве)... которые «вот на этом месте, где вы сейчас сидите...» И начинал читать их стихи. Он читал торжественно и одновременно вроде просто: не «завывал», не делал актёрских пауз, тонко придерживаясь ритма строки и чёткого неширокого эмоционального диапазона, а впечатление получалось... не знаю, как и называть... наверное, самое точное – з а в о р а ж и в а ю щ е е . Мне кажется (уверен, не мне одному), Вадим Валерианович до последних дней был юношески влюблён в поэзию – «сильно, пламенно и нежно», как сказал бы М. Лермонтов (которого, кстати, Кожин не больно жаловал – Пушкин,

Тютчев, Боратынский¹, Фет... потом уж М. Ю.). Сам в молодые годы писал стихи, помнил их всю жизнь... иногда читал... как-то вскользь комментируя, дескать, бросил это дело, поняв, что большого поэта из него не выйдет... А мне слышались и сейчас помнятся какие-то дополнительные обертона: щемящие, сожалеющие...

И никто, как Вадим Валерианович, не огорошит меня бурной радостью, обнаружив, что я заменил *одно* слово в стихотворении Передреева – да, оказывается, так правильно! – удивляясь, что человек, «не знавший Толю, так точно слышит его интонации...» Да при этом – в параллель! – я услышу историю, как Достоевский однажды гениально поправил Тургенева, тоже заменив всего одно слово!.. (Нет, разумеется, я не намекаю ни на какие аналогии.)

И никто улыбочиво-горьковато и застенчиво-гордо не скажет: «Вы уж, Александр Николаевич, не забывайте нас...» И сердце моё падало...

Конечно, Кожина нельзя утратить, но его всегда будет не хватать...

* * *

Уникально положение, в которое себя определил В. Кожин: его место – в органической народной иерархии, а не в партийно-государственно-научных структурах. И при этом неоспоримо его влияние едва ли не на любые круги, слои нашего общества! Его имя – среди эмблемных русских имён для зарубежных учёных, политиков. Т. е., обойдя условный успех, В. В. Кожин занял с в о ё б е з у с л о в н о е место в жизни (и не только русской).

Тип его деятельности в народном организме очень близок к тому, что физиологи называют в организме «обычным» у п р а в л я ю щ и м нейроном. Пожалуй, из этой природосообразности часто возникает ощущение, что на стороне Кожина действует некая объективная (!) сила...

Заслуга самого Вадима Валериановича в том, что он смог:

- почувствовать своё природное призвание
- увидеть место его осуществления
- занять это место.

«Заслуга» русской природы в том, что она одарила это своё чадо рядом высших инстинктов (да простят меня биологи-физиологи) и среди них – инстинктом познания, да ещё в редчайшем полном виде; обладателю сего, наряду с анализом и синтезом, становятся доступны и более высокие способы постижения жизни (в том числе в усложнённых, опосредованных формах). Этот дар наиболее полно выявился в ф и л о л о г и з м е Кожина (как известно, в переводе с греческого philologia – любовь к знаниям, выраженным в слове). С этих позиций логично сказать, что никуда он не «уходил» – от литературы, от литературоведения и так далее, а естественно наращивал области интересов и по объёму (до истории, философии), и по качеству (аналитический подход уступил требованиям интеграции² и пр.).

* * *

В. В. Кожин очень любил свои знания, любил острый спор, любил своё лукавство... любил саму *работу* исследователя, писателя³ и пр.

Не могу не напомнить одну статью, написанную им в начале 70-х годов (теперь надо добавлять – прошлого века...) – «О беллетристике и моде в литературе». Каких-нибудь 5–7 лет назад почти о том же – на нескольких страничках: хлесь, хлесь... и, как кувалдой, Пришвиным: «Беллетристика – это поэзия лёгкого поведения!» Всё. Нокаут.

Теперь же неторопливо, с уморительно серьёзной-пресерьёзной миной на лице Кожин... заступает за эту самую беллетристику... критикам Ч. и К. попенял «за недооценку»... и нужна-то она... и сложна-то она... и законы-то у неё свои (и самому нравится дурачиться!)... Где-нибудь мимоходом, в дебрях абзаца... «беллетристика, конечно, не творчество»... строк через сорок-пятьдесят – «разумеется, в культуру не входит»... И опять охает, причитает – «заботится»... с трудом сдерживая

¹ Именно В. В. Кожин приучал всех писать эту фамилию через «о».

² Даже названные в «Примечаниях» последних книг источники исчисляются тысячами. Вообще же пространство познания, освоенное этим учёным, лучше всех оценил один итальянский историк, сказавший: «Всё знает только один человек на Земле – это русский Кожин...»

³ Он именно *писал* – ручкою, по старинке – ни машинку, ни компьютер не признавал...

хохот и с удовольствием понимая, что если б он эту... беллетристику... в три этажа матом обложил, эффект был бы во много раз меньше.

Обиженные его властью, твёрдым направлением просто не понимали канонов органического (читай: русского) бытия, являясь, видимо, «элементарными частицами» жизни...

Кстати, сколько я мог заметить, Кожинов не сокрушался по поводу «несовершенства» человеческой породы. Как практический мудрец, он правил теми, кто есть, – и «зубрами», и «ягнятами»... Многие из них, подвигнутые Кожиновым на разного рода деяния, до сих пор искренне полагают, что сами к ним пришли... гипноз был добросовестный...

Взвалив на себя кошмарный пехтерь просветительства, он одновременно без устали воевал с упрощенчеством, дешёвым популяризаторством, идеологическим схематизмом, минутными интересами, постоянно напоминая о многовековой Руси...

Между прочим, Вадим Валерианович совершенно не фетишизировал истинность... полагая более важным движение к возможной истине.

Не признававший никакой мистики и иррациональности, исследовал явления, не поддающиеся рациональному постижению. Обозревая вселенную фактов, выбирая из них своим уникальным чувством истории самодостаточные комбинации происшествий, невесть как добивался того, что в этих его построениях начинал струиться некий сквозняк истинности... внерациональной в том числе!

Или это и есть в е л и к и й р у с с к и й у ч ё н ы й ?

Вспоминаются его, извиняюсь, «супротивники»... Б. Сарнов, А. Нуйкин и др. Что положено Юпитеру... Как они не понимали... Куда лезли...

Он – о евразийстве... эти ему – о шовинизме... Тоска-а-а...

Но Вадим Валерианович, как мне чувствуется, тосковал и со «своими». (Не со всеми, конечно, но всё же многовато около него крутилось каких-то темноватых, пришибленных, ряженных *а-ля-рюс*... Ну, Бог с ними.)

И «элементарные частицы» с некоторого момента перестали его интересовать – не вызывали они новых напряжений, новых радостей: послушание окружающих, победы над нуйкиными... перестали быть страстью, а Кожинов, конечно же, человек больших страстей.

Ещё одним веет с большинства портретов: так смотрит очень взрослый на игры детей...

Очень многие из окружавших его «детей» называют себя его учениками, хотя по сути они – школяры. А школяр – это потребитель, паразит. Ученик – коллега.

Школяр отбирает время. Ученик приносит жизнь.

* * *

5 июля 2000 года, то есть 70-летие В. В. Кожинова, предполагалось отметить в Вологде, куда пригласил юбиляра тамошний губернатор; были намечены два (минимум) вечера в честь Вадима Валериановича¹.

Накануне пришло извещение об отмене приглашения... Мерзостной и позорной была бы любая причина, ибо инициатива проведения кожиновских вечеров исходила от вологодской администрации, но как относиться к тому, что Кожинову попросту предпочли одного из безконечного списка «известных сатириков», отдав тому «время и место»?!

Вот так русские «отчествовали» своего заступника.

Москва тоже порадовала: ни Союз писателей, ни «Наш современник», ни ИМЛИ, которому Кожинов отдал сорок лет жизни, ни прочая «прогрессивная общественность» даже попыток не делали провести юбилейный вечер². Правда, публикации некоторые (наверное, надо писать в с ё - т а к и) появились.

К чести Вологды, «столицы русского Севера», необходимо сказать, что в начале августа оттуда опять пришло приглашение, которое вскоре... опять отменили.

О русская благодарность! О русский путь... О русская любовь...

Как это переживал Вадим Валерианович, чего это ему стоило... приблизило ли такое «торжество» 25 января³ – пусть каждый прикинет сам.

¹ Эту историю знаю подробно, потому что был приглашён Кожиновым для участия в торжествах в качестве певца.

² Я никого не пыгаю «винить». Самому горько.

³ Последняя минута наступила поздно вечером 24 января 2001 г., но в «Свидетельстве о...» записано – 25-е.

День юбилея В. В. Кожинов встречал в своём доме на Молчановке в кругу, как он сказал, ближайших друзей. (Моё пребывание среди них мне самому кажется не совсем законным, но мыслимо ли было отказаться от приглашения?)

Вадим Валерианович много рассказывал и о тех, кто сидел за столом (Ст. Куняев, Ю. Кузнецов, А. Леонардов, Лилечка – так чета Кожиновых зовёт директора музея М. Пришвина, и др.), и о тех, кто по разным причинам отсутствовал – предал, как N., покинул мир сей, как Рубцов и Передреев, или просто не оказался в Москве в тот день, как С. Лесневский.

Я слушал и в который раз радовался – как же этот человек любит всю свою жизнь: друзей, события, книги, случайные встречи, своё становление... Он никогда не забывал о былых пристрастиях, не скрывал их не только в частных разговорах, но и в широких аудиториях; с удовольствием (!) рассказывал, как прежде, чем прийти к пониманию чего-либо, был недостаточно внимателен, был неправ и так далее – он любил и свои «заблуждения».

Необычайно многое нашло место в его душе, и ничто последующее не вытесняло пережитого.

* * *

Кожинов живёт в том, что я для себя давно, пытаюсь уравновесить наглюющее здесь и теперь, назвал всегда.

Он современник Илариона, Гостомысла, Дмитрия Донского, Нила Сорского, Сергия Радонежского... Тютчева, Пушкина, Ярослава Мудрого, Н. Тряпкина, П. Чаадаева...

Поэтому с ним просто.

Чувство простора вошло в книги – как сперва в литературоведческие, так потом в историко-философские.

Восхищаются количеством кожиновского знания (и оно в самом деле изумляет), вникают в дошность аргументации (она действительно обезоруживает), стараются обнаружить «натяжки» (и находят); отмечали научность, пристрастность или безпристрастность... Но никак не могли уловить, почему же кожиновское письмо убеждает даже противников, даже врагов.

Просто и убеждает, естественный, а не декларируемый. Убеждает неотразимое всегда, родное ему, как мало кому ещё. Или, по Передрееву, «вечности медленный ветер...» Не потому ли так любит Вадим Валерианович романс на эти стихи?

Не потому ли именно он назвал нашу студию «прежними», а по сути всегдашними словами: община, дружина?

Конечно, помню первые приезды к Кожиновым – в марте 95-го. Сразу почувствовалось сложное своеобразие этого дома: здесь не принято ни играть какую-либо «ролю», ни быть по-простецки «открытым»... тут знают цену многому и многим... повидали всякого и всяких... Удивить его или её практически невозможно. (Какое счастье, что почему-то иногда это удавалось! и нам – со студийцами, и мне.) Гостей своих они чувствуют, кажется, ещё за порогом... надо быть совсем безнадежным, чтобы хитрить с ними, пытаться «сделать впечатление» и т. п. Да я и не пытался.

Я – слушал, смотрел, вслушивался, всматривался... дурел от тысячелетнего перестоя кожиновского табака (не курю же!)... шалел от безкрайней роскоши кожиновских рассказов... шалел от радости... но при этом старался ни в коем разе не «пересидеть» лишних 10–15 минут... Вернувшись домой, тут же, хоть обрывками... записывал... происшествия необыкновенных мгновений, проведённых с этим долгожданным для меня человеком.

На студийный вечер, посвящённый нашим родственникам, мы, пригласив мам, пап, бабушек, сестёр-братьев, пригласили и чету Кожиновых. И оба они пришли...

Родные? Родные.

Многие – не из нас! – в слепоте своей воспринимают Елену Владимировну лишь как «жену Кожинова»... ладно что несправедливо – знали бы, сколько теряют.

* * *

На подходе к последней круглой дате Вадим Валерианович был словно озадачен неожиданно большим количеством прожитых лет: «Нет, только подумайте! – после пятого июля мне пойдёт – страшно сказать! – восьмой десяток лет!» Переживал... по-мальчишески. И фраза его почти обязательная на публике в последние годы: «Я, мягко говоря, уже далеко не молодой человек...»

Хотя не могу представить, кто бы считал Кожина не то что старым (?!), а даже пожилым. Мужчина в хороших годах. «Умение выглядеть» ни при чём. Работать так, как Кожин, до последнего – буквально! – дня (в больницу взял с собой статью, чтобы в срок дописать её для какого-то белорусского издания), не по силам абсолютному большинству человечества ни в каком «возрасте».

Первое, о чём я спросил его, когда у меня вроде появилось право на что-то, кроме как слушать: пишет ли он воспоминания о своей жизни? (Кажется, была поздняя осень 95-го.) «Нет, – сказал, – не пишу. Не до этого».

Года за два до печального января, параллельно с изданием книг по истории, начал делать некоторые записи. Кое-что читал в рукописи. А в сентябре 2000-го вдруг: «Знаете, начал писать... но так всё разрастается! Дошёл до своих 13–14 лет... нет, не успею... Надо закончить ещё две-три книги...»

Успел увидеть сигнальный экземпляр восьмисотстраничных «Размышлений об Искусстве, Литературе и Истории».

Собирался написать об истории русских XVI–XIX веков.

В конце 1999 года ему пришла мысль издать антологию русских стихотворений о смерти. Говорил: «Русская поэзия утверждает жизнь даже строками о пределе земного бытия... и, может быть, даже ярче всего она говорит о жизни именно такими стихами...»

17 декабря 2000 года, уже будучи заметно нездоров, Вадим Валерианович вёл (вместе с Л. А. Аннинским) вечер, посвящённый выходу трёхтомной «Антологии русского лиризма. XX век», которую подготовила и издала наша литературно-музыкальная студия¹.

Перед самой больницей звонил Лесневскому (осенью 99-го они отметили 50-летие своей дружбы...): «Стасик, давай напишем Меморандум примирения!» Кому-то велел готовить письмо в правительство о состоянии русского книгоиздания...

* * *

Карамзин, Соловьёв-отец, Костомаров, Ключевский, Гумилёв-сын, Кожин...

Пушкинская плеяда. Тютчевская плеяда. В моём понимании существует и Кожинская плеяда... Любой мало-мальски серьёзный читатель сам назовёт имена, входящие в неё.

* * *

Среди множества границ, разделяющих людей, существует особая: между живущими во славу жизни и теми, кто живёт во имя смерти.

Кожин, конечно же, из первых.

Роковые и по-детски пронзительные вопросы В. Хлебникова: «Почему русская книга и русская песнь оказались в разных станах? Не есть ли спор русских писателей и песни – спор Мораны и Весны? Безкорыстный певец славит Весну, а русский писатель Морану, богиню смерти?»

Абсолютно закономерно, что именно В. В. Кожин стал автором важнейшей статьи о русской песне и назвал её «О главной основе русской культуры» (осень 1995 года)! Книги В. Кожина и русская песнь всегда были в одном стане, ибо и то и другое рождены глубокой органикой русской жизни, во славу которой положил все силы свои Вадим Валерианович Кожин – мыслитель Весны, философ русского Воскресения.

* * *

Шесть лет, целых шесть лет жизнь позволила мне быть вблизи этого неповторимого явления русской природы – В. В. Кожина.

Шесть лет у меня был старший брат – спасибо, жизнь.

Безценный, близкий, единственный Вадим Валерианович... я Вас люблю. И знаю, что не только я. А те, кого любят, не умирают.

Январь-май 2001 г.

¹ В настоящее время наша студия готовит 2-е, расширенное издание Антологии. Мы посвящаем его памяти В. В. Кожина. (Это издание вышло в 2004 г. – А. В.-М.)

Берега Памяти

Сэда Вермишева

18 февраля 2020 года на 88 году жизни не стало нашего автора, талантливого поэта и публициста Сэды Вермишевой. Но мы её помним, читаем, любим. Сын Сэды Константиновны профессор Сурен Золян, армянский учёный, общественный деятель и писатель-публицист, бывший ректор Ереванского государственного лингвистического университета им. В. Я. Брюсова, доктор филологических наук, подготовил стихи Сэды Вермишевой, написанные в последние два года её жизни, пока нигде не опубликованные.

Я высот синих птица...

* * *

Жизнь,
Словно птица,
Над полем летала...

Осенью поздней
Птицы
Не стало...

АЛИНЕ

Вы живёте небом,
Я живу землёй,
Белым-белым снегом
Под моей стеной.
Только снег растает,
Потекут ручьи...
У меня от лета выкрали ключи.

* * *

Мне надо всем ответить
И письма написать,
О том, как веет ветер,
Как сеет благодать,
Как по лицу струится
Земной тревоги тень
И в небе веют птицы.
Идёт к закату день.
Мне надо всё отмерить,
Принять и воплотить
И в новой эре
Рассветом чистым жить.

* * *

Здесь люди живут, ни с кем не считаюсь,
Как каждому – вольно, уютно, легко,
В собак подзаборных, в гнильё превращаясь,
А человека здесь время смело.
Иду, озираясь, страшусь каждой ночи,
откуда ползёт неприглядная тьма.
И это – начало, и это – цветочки,
А дальше – схожу потихоньку с ума.

* * *

Я б отсюда уехала,
Никогда б не жила,
На луну б переехала
И следы замела,
Чтоб не знали,
Не ведали,
Где отныне мой дом,
Ни сейчас, ни потом.

* * *

Страна уплыла,
Расплылась,
Растворилась
О камни и скалы,
Измену, предательство.
Разбились
Осколки былого – не сложишь.
И только досада и боль.
А с неба и ветер, и дождь.

* * *

Не надо, не надо,
Не надо ни рая, ни ада,
Рядами невымытое стадо
По трупам угрюмо идёт.
Такой переделке не рада.
Желаю им пламени ада.
Я им не пастух, –
Стихи – мне ограда...

* * *

Развешаны смыслы, как тряпки,
И треплет их ветер и дождь,
И смыслы так хлипкие и шаткие,
И что с них, облезлых, возьмёшь.
А небо пустое безмолвно,
А море шумит и ревет,
Но то, что казалось простором,
Скукожилось в птичий полёт...

* * *

Преодоление как путь.
Преодоление – ветер в грудь
И чтобы сердцу пелось.
Преодоление – вперёд,
Растает снег, расколот лёд.
И для отважных – время
Ноге подставить стремя...
И конь летит, и ветер зол,
И хлестко реет знамя,
И позади остался дол,
А впереди – сиянье.

* * *

Я обретаю вновь свободу,
Я вновь свободую
Дышу.
А вольный дух
Не ищет броду –
Он там.
Он здесь.
Он Бог.
Он Весть.
И я пишу
Его указы
(Не канцелярские листы!),
И не эпитеты и фразы,
Где веет ветер пустоты...
Являя сердцем миру разом
Все бездны,

Вечности пласты...
Ещё невидимые глазу
Надежд спасения
Мосты...

ВНУЧКЕ МАШЕНЬКЕ

Поговорим о Вечности
С тобой,
Не дожидаясь
Высшего указа...
Настанет день,
Пройдёт ли год, другой,
Жизнь оборвётся
И легко,
И сразу...
Я буду жить у Вечности
В столице.
Но в час, когда
Свиданья час пробьёт,
Я к вам вернусь.
Я возвращу сторицей
Всё,
Чем дарила жизнь
Бессрочный мой полёт...
Притронусь я рукой
К любимым лицам,
И шёлк волос твоих
Мне сердце всколыхнёт...
Мне в Вечности,
Скажу,
Без вас так плохо
Спится,
И детства колыбель
Любви крылом качнёт...

* * *

Маши нет. А я о чём?
Жить мне стало нечем.
Куст терновый над ручьём.
Чёрным враном мечен.
Путь на небе на ночном
Называют Млечным.
В мире грешном и пустом
В горе бесконечном.

* * *

А я ушла,
Меня уж нету.
Я заблудилась
В снах и голосах,

И я пойду бродить по свету
Хотя б по закоулочкам
В стихах.
Искать себя, свою планету
И плыть к себе на всех ветрах.

* * *

Человек – заблудшее создание,
И над ним смеётся целый свет,
И над ним смеётся мироздание,
И конца насмешкам этим нет.

* * *

Не речь, а дорога, не посох в руке –
А крылья от Бога и солнце в строке...

* * *

Если б я знала, если б могла, как я устала,
Крошки осталось смахнуть со стола...

* * *

Я убогих людей не люблю,
Не люблю их тщедушную серость.
Но куда я теперь ни ступлю –
Их убогость преважно
Расселась...
Как пингвины, сидят,
Как моржи....

* * *

Вот так нас бьют.
Вот так уничтожают.
Под дых ударят.
Всадят в грудь
Копьё.
И на тот свет
С ухмылкой отправляют,
И шлют вдогон
Хулу нам и враньё.
Но, уходя,
Когда толкает в спину
Тебя судьбы жестокий поворот,
Ты передай свою свободу
Сыну,
Он в мир её сквозь штормы
Понесёт...

* * *

Как сладко жить...
Такого не бывало
Со мной ещё на свете никогда...
О, как я часто в жизни умирала,
И восставала, как весной – трава...
А нынче страшно стало сердцу
Вдруг..
Я не туда ступала?..
Не так жила?..
Не в тот входила круг?..

* * *

Воскресать из мёртвых
Мне судьбой дано.
Хоть сердца войско славное
В поле полегло.
Там лежат соколики
В поле, на току.
С раною кровавою –
Нож кривой в боку.
Я прощать такого
Людам не могу...

* * *

Грядёт тяжёлый поворот,
Неумолимая расплата.
За всё, за всех.
И род – на род
Пойдёт. Пойдёт.
И брат – на брата...
И не осилить реки вброд,
И совесть на кресте распята...
И будет глад.
И будет мор.
И кто-то первым здесь умрёт, –
За ним второй уйдёт с фрегата.
Жизнь проиграла смерти спор.
Померкло то,
Что было свято, –
Над синью рек, над цепью гор...
Господь свершил свой приговор
И распахнул ворота ада...
И плакал шут,
Молился вор,
И пламя вспыхнуло
Заката.

Берега Памяти

Григорий Блехман

Григорий Исаакович Блехман – поэт, прозаик, публицист, литературовед. По профессии физиолог и биохимик. Доктор биологических наук, профессор. Работал научным и литературным редактором журнала «Физиология и биохимия». Родился 11 августа 1945 года на Кубани – в казачьей станице Бесскорбная. В 1955 году отца перевели на работу в Москву, куда переехала вся семья. Стихи, художественная проза, эссе и публицистика опубликованы в отечественных и зарубежных журналах и альманахах. На десять стихотворений композитором Раисой Агаджанян написаны романсы. Некоторые произведения переведены на персидский, литовский, армянский, болгарский, немецкий и английский

языки. Автор одиннадцати сборников – стихов, прозы и очерков, вышедших в издательствах «Российский писатель» и «Вече». Член редколлегии журналов «Берега» и «Литературная Феодосия». Секретарь Союза писателей России. Лауреат Международной и многих Всероссийских литературных премий: им. Н. С. Гумилёва, им. А. Т. Твардовского, им. М. Ю. Лермонтова, «Слово-2017».

«Я из прошлого величья...»

Название этой заметки определила строчка одного из стихотворений книги Сэды Вермишевой «ПРЕОДОЛЕНИЕ»:

Я из прошлого величья,
Из совсем другой страны.
В тёмном поле сердце кличет
Отлетевшей были сны...
И куда ни кинешь взгляда, –
Всё утрата,
Всё мираж...
И зачем, какого ляда
Здесь разыгрывать кураж?
В мире горестном распада
Я сама себе не рада, –
Так ничтожен мир...
И я –
Лишь осколок,
Скальный сколок,
У замёрзшего ручья...
Переправы лёд так тонок...
Под снегами Русь моя...

Выбрал эту строчку потому, что величие самой Сэды не только в прошлом, но и в настоящем. Хотя корни, как у подавляющего числа тех, кто не утратил совесть, конечно, «из совсем другой страны». И чем больше проходит времени от начала 90-х, тем больше «сердце кличет» ту страну, как «отлетевшей были сны».

Величие же Поэта в настоящем определяется верностью главному – духовной сути Человека, которую Сэда Вермишева отстаивает изначально день ото дня.

В её предшествующем сборнике «СМЯТЕНИЕ» есть строчки, в которых, на мой взгляд, очень точно сказано об истоках и результатах своего творчества:

Я мало от себя завишу,
 Завишу больше от других.
 Они дают мне хлеб,
 И крышу,
 И пару пряников сухих.
 Но голоса я утром слышу
 В подполье узников своих –
 Они скребутся,
 В спину дышат,
 Идут
 Как конники
 В прорыв...
 На свет выходят.
 Книги пишут, –
 С постов снимают
 Часовых...

И эти «голоса» действительно «идут как конники в прорыв», и потому каждое её стихотворение и каждая публицистическая статья становятся событием не только в литературной жизни страны, но и в общественном сознании многочисленных читателей Сэды Вермишевой.

Иначе и не может быть, когда литературный дар, обострённое чувство совести и своего назначения на Земле составляют единое целое. Но давайте послушаем Поэта:

Я боюсь за Россию
 Больше,
 Чем за себя.
 Хоть меня не просили,
 Говорили:
 «Напрасно!»
 Повторяли,
 Что зря...

Только так привелось мне,
 Так легло на роду...

Я здесь Слову училась
 В сорок первом
 Году...

Так совпало, что верность Слову как Долгу была в ней заложена ещё в знаковом для страны сорок первом году, когда будущий выдающийся поэт находилась в совсем нежном возрасте. А годом позже Анна Ахматова написала ставшее сразу знаменитым стихотворение «МУЖЕСТВО», где уверенно сказала: «...И мы сохраним тебя, русская речь, / Великое русское слово, / Свободным и чистым тебя пронесём, / И внукам дадим, и от плена спасём / Навеки!»

Вот и по сей день, рождённая в Армении и волею обстоятельств оказавшаяся совсем юной в России, влюблена Сэда Вермишева в обе эти ныне страны и в Слово каждой из них, которое для неё свято. Потому так близко к сердцу принимает всё, что связано с преступным разрушением своего великого государства под названием Советский Союз. Где, в отличие от сегодняшних – бывших его республик, а теперь самостоятельных стран, жила Великая Идея, поскольку:

Без Великой Идеи
 Не бывает Великой
 Страны...

Ну а мы оскудели
 И себя проглядели...

Мы смертельно больны.

Наше воинство Духа
 Тихо двинулось вспять...

И эта боль, а также вера в преодоление пронизывают книгу, в которой, как это присуще поэзии Сэды, много поэтических находок. Вот какими строчками своих стихотворений Поэт предваряет главы:

Я протянула
Всем невзгодам
Руку...

Прощай,
Двадцатый век!..

В моей душе
Ещё костёр
Дымится...

Я молю –
Не стойте с краю
В трудный час
Земли своей!..

Идут на снос
Эпохи и дома...

Со всей страной говорить
Всем горлом,
Всем ознобом...

Латать и лечить
Современности драму.
И править безумия
Речь!..

Слепиться в храм.
В надежду,
В свет,
В простор...

Не правда ли, в этих строках не только продолжается вполне понятное настроение предшествующей книги «СМЯТЕНИЕ», но и уже отчётливо звучат нотки того, что и дало повод назвать новую книгу обнадеживающим – «ПРЕОДОЛЕНИЕ». Да и не в характере Сэды Вермишевой, которую подавляющее большинство любителей её поэзии и публицистики зовут «наша Сэда», оставлять неопределёнными смятения, возникающие на каждом шагу человека с обострённым чувством Совести.

В этом – главном – качестве Человека испытывает она полное родство с любимым ею Александром Блоком. О некоторых важных размышлениях выдающегося поэта Серебряного века есть в книге очень ёмкая статья «Послание Блока, или Россия между Востоком и Западом».

Мне же, когда думал о её переходе от «СМЯТЕНИЯ» к «ПРЕОДОЛЕНИЮ», пришли на память знаменитые строчки Блока: *«...Но ты, художник, твёрдо веруй / В начала и концы. Ты знай, / Где стерегут нас ад и рай. / Тебе дано бесстрастной мерой / Измерить всё, что видишь ты. / Твой взгляд – да будет твёрд и ясен. / Сотри случайные черты – / И ты увидишь: мир прекрасен...»*

Да, горько и больно Художнику, – а Поэт всегда Художник, – видеть эти «случайные черты», которыми люди, утрачивая совесть, населяли и населяют наше пространство во все времена. Но природой дано Поэту чувствовать и нести нам свою уверенность в том, насколько наше пространство само по себе прекрасно, если жить по совести. И конечно, любить. Тогда преодолеешь всё. Не случайно эта книга начинается стихотворением «Поэт», в котором звучит:

Ты пребываешь здесь
Инкогнито,
Никто не должен в мире знать,
Что солнце ввысь
Тобою поднято,
Что ты велел ему
Сиять.

Ты есть Закон.
Твои Владения
Лежат везде,
Где солнца свет!..

Ты – сын побед.
Не поражений –
Для духа поражений
Нет!

Ещё идут твои сражения...

Гори,
Владей,
Твори,
Поэт!..

И в этом «для духа поражений нет» вся наша Сэда. Нередко слышу от неё, что сейчас – в дни непонятной «свободы от совести» – не время для её лирики. В данном случае она подразумевает лишь личное или любовное.

Но в любом её стихотворении – гражданской ли, философской лирике, или лирике природы, любовной... есть то, что называется «волшебством строчек», которое приводит поэта и его читателя в магическое состояние, сходное с состоянием полёта, в котором живёт вся палитра человеческих настроений: от боли до счастья.

Знаю, каким трудом далось издателю и редактору этой книги Николаю Дорошенко уговорить Сэду дать здесь то, что она называет лирикой, и очень благодарен обоим, поскольку такие стихи всегда венчают наши преодоления. Впрочем, давайте послушаем:

Туманы с тучами слились,
И неба свет так нищ
И скуден...

Ручьи
Как реки
Растеклись,
Базар немногочуден.
Визжит пила на лесопилке
И заполняет звуком дали.
Пройдёшь –
И мягкие опилки
Набьются в мокрые сандали.
Забор укрыла повилика...
Проходят серо дни,
Безлико,
Безликостью не тяготясь своею...

Здесь вызревают зёрна тихо,
И я их торопить
Не смею...

Согласимся, что мы стали отвыкать от таких её стихотворений. К сожалению. Но, видимо, «лёд тронулся», и потому слушаем дальше:

Какая тишь стоит над миром,
Заснул мой город.
Далеко
Бросает свет полоской узкой
В слепую ночь
Моё окно.

Белеет снегом занесённый
Проспект,
И, словно покровы,
На снег ложатся запоздало
Чеканных листьев кружева.

Не шелохнётся тополь тонкий.
Он зачарованно глядит,
Как серп луны, прозрачный,
Ломкий,
Туманным облаком кадит...
В саду скамеек тёмных тени
Легли полосками на снег –
Прощальный знак порою осенней...
Остановило время бег...

А тишь стоит,
Стоит – над миром.

Мне в тишь такую –
Не уснуть.

Застыло всё...
Лишь звёзды в небе
Неслышно строят
Млечный Путь...

И пока звёзды *«неслышно строят Млечный Путь»*, давайте насладимся ещё и такими строчками Поэта:

Начну письмо...
Под дождь так тянет
Лелеять слов обугленную хворь...
Раскрыть окно,
Приставить к двери камень,
Начать письмо...
Писать в стихах,
Без адреса,
Без почты,
Которая бы приняла его.
А шум дождя
Вберут,
Впитают строчки –
Так сладостно с природою родство...
И только к утру тихо прозревая,
Со лба откинуть вымокшую прядь,
И, с подоконных досок дождь стирая,
Легко вздохнуть,
И снова жизнь
Начать...

Читаешь эту книгу, и не хочется, чтобы строчки заканчивались. Потому что моментально вводит тебя Поэт в такое состояние, когда и тебе *«так сладостно с природою родство»*. И ты чувствуешь, как эти строчки впитывают всё, что происходит не только вокруг, но и с тобой, даже если тебе бывает больно и горько. Вспоминаешь, что и сам много раз хотел об этом же рассказать, но ТАК СКАЗАТЬ не сумел.

Потому что ТАК – дано единицам. И они называются Поэтами, вызывая в нас тот «трепет души», какой трудно с чем-то сопоставить. За что мы Поэту и благодарны в любые времена.

Берега Памяти

Людмила Поликарпова

Людмила Поликарпова – поэт, прозаик, ученица Юрия Куранова. Образование – КГТУ (мех. фак.), БФУ им. Канта (математич. фак.); литературное – студия Юрия Куранова. Автор книги лирической прозы и стихов «В созвучии с невидимой лирой». Подготовлена к изданию книга «Родник, утоляющий духовную жажду. Жизнь и творчество Юрия Куранова». Занималась изданием книги о Юрии Куранове «У слова есть не только будний смысл» (там – эссе «Живые уроки мастера») и книги Юрия Куранова «Размышление после крещения» (предисловие Л. Поликарповой). Написала предисловие к книге стихов Юрия Куранова «Духовная лирика», напечатанной в Москве Владимиром Курановым. Печаталась в альманахе «Дуновенье дюн», в журнале «Берега».

Отзывчивость сердца

К 90-летию Юрия Куранова

Отрывок из книги: Людмила Поликарпова. Юрий Куранов – добрый гений. – Калининград, 2020

В 1962 году Ю. Н. Куранова принимают в Союз писателей СССР за одну лишь книгу «Лето на севере», которая произвела впечатление и на читателей, и на критиков. Вскоре появились и другие книги: «Белки на дорогах», «Увалы Пыщуганья», «Колыбельные руки», «Дни сентября». Куранов становится известным и признанным мастером лирической миниатюры. В 1963–1964 годах он обратился к жанру сюрреалистических рассказов. «*Публиковать мои миниатюры (сюрреалистические) я даже не пытался, понимая полную безнадежность моего положения*». Но в середине 70-х некоторые из них были переведены на эстонский язык и опубликованы в журнале «Ноорус». А позднее рассказами заинтересовались Северин Полак и Анджей Дравич. Миниатюры были опубликованы в авторитетных тогда журналах «Одра» и «Литература в мире».

В конце 1967 года Куранов переезжает в Псков. Вспоминает Валентин Курбатов: «В областной библиотеке собрался клуб интеллигенции. Был новый молодой человек с крепкой фигурой штангиста, жестковатым волевым лицом и неожиданно цепкими и вместе бережными глазами. Он смотрел на нас так дружески подробно, будто не он был у нас в гостях, а мы у него. Его представили: “Юрий Николаевич Куранов, писатель из Костромы, который теперь будет жить у нас”».

Для меня это было новостью ошеломляющей. Я ещё не видел его книг, но читал печатавшиеся в “Новом мире” его рассказы из цикла “Увалы Пыщуганья”. И был потрясён их радостной, щедрой изобразительностью, весёлой свободой, песенной лёгкостью, золотой солнечной яркостью, словно все они были написаны в ликующий июльский полдень... И вот – счастье и чудо! – узнать в реальности писателя, которого любил и который казался нереален – так прекрасно было его слово» (В. Курбатов. Под созвездием Лебедь).

Живёт Куранов в основном не в Пскове, а в его окрестностях, среди милой его сердцу природы. Излюбленными местами являются Михайловское, Тригорское, Пушкинские Горы, позже село Глубоекое Опочецкого района.

Будучи частым гостем Пушкинского заповедника, Юрий Куранов подружился с его директором Семёном Степановичем Гейченко. Как-то увидев картины Алексея Козлова, Гейченко, «этот вездесущий нестареющий, в свои семьдесят лет полный энергии и неуываеваемого интереса к жизни во всех её проявлениях человек сразу почувствовал в костромском самородке натуру мощную и чем-то, пусть и отдалённо, близкую Александру Сергеевичу. Впрочем, нужно тут же оговориться: а кто из нас не близок Пушкину по своей сути, той или иной, когда Пушкин наш величайший поэт и глубочайший

выразитель нашего народного характера. Но! Есть и ещё некоторые оттенки близости той либо иной личности к Пушкину, особенно когда личность эта творческая. Козлов близок был Пушкину кипучестью, необычайной ранимостью и в то же время мощью темперамента» («Озарение радугой»).

Зоя Алексеевна, жена писателя, вспоминала: «Когда жили в Пскове, он часто уезжал в Михайловское и жил там, много гулял. И помню, говорил, что когда он гуляет по Михайловскому, Тригорскому, Петровскому, то всегда ощущает, что будто с ним рядом кто-то идёт».

Для человека, попадающего в места, одухотворённые творчеством Пушкина, знакомого с его поэзией и не утратившего детскую восприимчивость природы как пространства всевозможных чудес становится доступным поднятие на уровень, где поэтическое чувство вибрирует в унисон с **неизъяснимой прекрасной силой**.

Осенняя пора, унылая для многих, очаровывает вслед за Пушкиным и Куранова. *«Дни поздней осени бранят. Но как бранить холодное и чистое течение осенней поллой воды? Когда ты чувствуешь её дыханье, взгляд... День краткий гаснет, досуг вечерний полон полусна, полувоображенья. Как будто ты влюблён, легко и радостно...»*

И словно ты плывёшь сквозь этот шум и говор листопада, раскинув руки, смотришь вокруг помолодевшими глазами».

А зимой. *«День чудесный сияет на снегах Сороти. Река замёрзла не совсем, под горою за Савкином дымится у берега ключ. Лёд размыт его неторопливым течением. Здесь от Сороти поднимается дымок, словно чьё-то спокойное дыхание. И трудно поверить, что вчера ещё злилась вьюга. <...>*

А сегодня и не узнаешь небес, равнины. Снег блещет на солнце. Лес прозрачен. Вся комната янтарным озарена сиянием. <...>

Скорее. Уйти на солнце, на мороз. <...>

Идти или стоять с перехваченным дыханием и только повторять слова, которых красочней и звонче не найти в сию минуту:

– Мороз и солнце, день чудесный!»

Вскоре после приезда в Псков Курановым были написаны повести «Звучность леса» и «Дом над Румбой». Их объединяет – кроме места действия (окрестностей Михайловского) и главного героя Андрея (видимо, очень близкого по мировосприятию автору в пору его юношества) – тонколирический настрой и наличие фантазийных элементов. Главный герой (и в той и в другой повестях), находясь в поиске понимающей, сочувствующей собеседницы-подруги-музы, рождающей в душе вдохновение и любовь, и не находя такой в реальности, создаёт её в воображении. Обе повести проводят мысли о благотворности для души нахождения в поле светлых энергий, дающих возможность выхода из дурной бесконечности повседневного однообразия.

Творчество Куранова этого периода дышит молодостью, подпитываясь растворённой в пространстве светлой вдохновляющей энергией, не иссякающей с пушкинских времён. Валентин Курбатов, восторженно приветствовавший приезд уже известного писателя и ставший другом Куранова, называет его прозу «упругой и непрерывно счастливой, даже когда говорила о бедной и тяжёлой деревенской жизни». Эта способность видеть хорошее, внутреннее состояние наполненности счастьем жизни – не изменяла Куранову, несмотря ни на что.

«Земля едва проснулась. Земля только двинула силу: травы, листву, дыхание рек. Листва берёз нежна даже в тумане, в ночных сумерках чувствуется её робкая девичья нежность. И всё молчит, всё ждёт часа, своей минуты, но живёт. Ох как живёт эта удивительная, эта юная весна, утренняя и такая свежая!»

Невозможно понять – кто поёт и о чём? Дрозды, синицы, даже слышится запоздалый снегирь, тетерева за ельником, лес, ночные фиалки, ландыши, каждая былинка. И всё поёт, всё воспевает и требует. И всё звучнее, всё голосистее, но не яростней. И не видно ничего из-за тумана, но рядом всё, и всё твоё и с тобой.

Слышу, как выходит на крыльцо, гремит вёдрами невыспавшаяся хозяйкина дочь... злым голосом говорит навстречу заре: “Ишь разгорланилась, нечистая сила”.

Я становлюсь к ней спиной, спиной к её голосу невыспавшегося человека, и говорю сам себе про себя, но так, чтобы меня слышали:

– Здравствуйте и пойте. Какая вы удивительная, какая вы чистая сила!

И солнце, наконец, является из-за леса» («Пир на заре»).

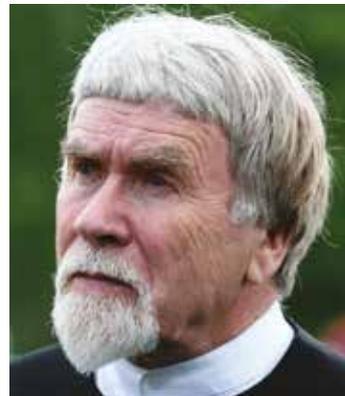
Берега Памяти

Валентин Курбатов

Летние вечера в Глубоком

Это мои странички из дневника той поры, когда мы жили с Юрием Курановым бок-о-бок и на минуту увлеклись спиритизмом. Молодые же ещё, да и деревня, дни долгие. Всем успеешь перезаниматься, и ещё время останется. Действующие лица: Юрий Николаевич (зачинщик), московский церковный художник Владимир Чернышёв, приехавший погостить, и тоже приехавший погостить к Ю. Н. костромской режиссёр Константин Худяков, дочь Юрия Николаевича Марина и Ваш покорный слуга.

Валентин Курбатов. Дневник. – Москва, 2019.

21 июня 1976 года

Началось вчера, а длилось ещё сегодня: дух Александра Пушкина носился над озером. Вечером затеяли спиритический сеанс и, прежде ещё чем вечер пришёл, зубоскалили со всем молодецеством записных атеистов, и, конечно, первой фамилией, пришедшей на ум, был Пушкин, и скорее даже не тот единственный живой, а нарицательный из классического оборота («а кто будет знать – Пушкин?»). Однако уже были расставлены в комнате свечи, и блюдце уже стояло в зрачке всевидящего ока в ресницах алфавита и цифр. И пока там шли последние приготовления, пока рассаживались, мы сидели с костромским режиссёром Худяковым во дворе: радио в соседнем доме причитало, плакало, гордилось Пушкиным в Михайловском (недавно там закончился очередной Пушкинский Праздник поэзии), и гремел «Пророк», и под звёздами в совершенной тьме этот летевший из ночи голос был тревожен и потусторонен.

А когда вошли в комнату, сеанс уже шёл, и вызывали именно его, Пушкина, и он исправно отвечал на прямые и молчаливые вопросы, и блюдечко летало с проворством лицеиста, и, конечно, на мой вопрос, действительно ли он позволил себе сидеть на столе у государя в 25-м году, он, не задумываясь, ответил «да!», смутив меня этой поспешностью и как-то укрепив в убеждении, что это ложь, сочинённая писанием.

А уж тут сыпались вопросы о сроках отъездов, о бирже актёров – кого что занимало. Художник Чернышёв спрашивал, можно ли ему верить старосте храма в Сокольниках, и Пушкин немедленно свидетельствовал в пользу этого доброго человека. Робкий немой вопрос Марины Курановой был пожалован, видать, очень нежелательным ответом, так что у неё сразу вылетел и второй вопрос, уже вслух: «А с кем?» Но Пушкину ничего быстро в ум не приходило, а выдавать этого таинственного «кого-то» ему уж очень не хотелось, и он понёс вздор, кинулся отвлекать внимание, побранил Юру за какую-то подозрительную просьбу и бережно ответил Худякову, чьи большие пальцы подрагивали на блюдце.

Потом долго прощались, а у меня всё время на уме вертелся вопрос о несчастной тригорской Александрин, о дурном подозрении, но уж, раз простились, нечего было возвращаться.

Вернулся я домой в половине первого, если не позже, и был пожалован последним приветом. Пушкин, похоже, не хотел оставаться один и рад был разделить со мною тёплый вечер: радио, которое по всей стране выключается в 12 часов, шептало у меня диалогом Марины и Самозванца из «Бориса Годунова». Я поспешил выключить репродуктор. Спасибо, Александр Сергеевич, за славный вечер! Спокойной ночи.

22 июня 1976 года

Опять встретили вечер за столом в молчании под скольжение блюда по столу, под ветреный гул озера. Хозяин Глубокого граф Гейден в ответ на наше приглашение сослался на занятость, А. К. Толстого я смутил интимным вопросом о его графстве, а Л. Н. Толстой отговорился лаем

мешающей ему собаки и сердито ушёл. Остались двое. Первым стал А. П. Чехов, с горечью твердивший, что искусство бессмысленно, что оно не спасёт человека и в конце концов будет уничтожено вовсе за ненадобность, что сам он Там одинок и хоть видит друзей, но побаивается их, потому что они его не любят. Дар его и Там никому не нужен и обременителен, и в жизни (и Той) нет надежды и смысла, что всё определено человеку заранее, но чашу свою он не может отклонить, и, пока жив, искусство для него имеет смысл и божественно и зачтётся, но Там оно утратит этот спасительный смысл, потому что за теми пределами есть иные пределы, куда человеку остаётся надежда быть призванным.

Вторым позвали А. С. Грина, которого Юрий Николаевич любил. Этот чувствовал себя Там лучше, советовал не забывать Бога и молиться, утверждал, что образы, навещающие нас здесь, обретают Там духовное воплощение, и мы уже не в силах помочь им, даже не в силах уничтожить, они обречены жизни и странствию, как мы обречены любви к ним. Кажется, он тоже печалился, что и Там не все счастливы, что, увы, не всем выпадает по заслугам и, очевидно, ещё и Там долго властны и плутовство, и ложь, и несправедливость. Растроганные его доверчивостью, мы признались, что любим его, на что он с удовольствием заметил, что он тоже любит... себя, потом почему-то счёл нужным добавить, что он не он, а он – Гриневский, и это, очевидно, значило, что ветреный мечтательный реалист с лицом грустного разбойника любит писателя Грина и рад за него. Потом долго и церемонно прощались. Он всё откланивался и всё не хотел уходить от света, от наших размягчённых взглядов, от оживления. Наконец ушёл. С нами осталось смятение...

23 июня 1976 года

Это уже становится наркоманией. Я жду вечера. Я жду этих странных ночных бесед, этого гудящего блюдечка и трепета свечей, из которых то одна, то другая оказываются вдруг задутыми бесшумными ночными мотыльками. Жду, чтобы понять, наконец, это дьявольское, это мучительное томление по разуму, по смыслу ежедневного, вечного человеческого хаоса с его ложью, цинизмом, ненавистью, любовью, самоотвержением, которые увенчаны одинаковым финалом – смертью. Жду, чтобы узнать, каков эпилог этого безумного романа и разрешится ли всё сказочными превращениями страдальцев в молодых красавцев, а негодяев – в смердящих животных. И вот они говорят, что разрешения нет, что мир (Тот свет) столь же бессмыслен и несправедлив, ненавистен к творчеству и истине, а бессмертие здесь не означает радости Там.

Что же, что же всё это значит? И точно ли Тот мир отличен от нашего, точно ли – он Тот, а не этот, и не мы ли – их души, их отражение здесь, их ежедневное платье, которому они могут только сострадать и которому тщетно, как детям, открывать смысл бессмыслицы? Или мы стоим перед своим зеркалом, гигантской сверкающей стеной собственного беспомощного духа, и разбиваемся об эти отражения, не в силах подчиниться Великому Капризу бессмысленного создания, Вечного кольца, которое однажды износится в звёздную пыль без тени воспоминания.

25 июня 1976 года

А ведь был ещё Достоевский! И его странный крик: мне плохо, мне плохо! И его мучения от героев, которые стали Там реальностью, – от Раскольниковых, от Смердяковых и Мармеладовых, которые ищут и не находят развоплощения, не могут вернуться в желанное небытие, и проклинают своего творца, и истязают его. И эта нестерпимая безнадежность вечности, хоть есть ещё за этим Там другое, следующее Там, к которому они готовятся, но и та даль не сулит света. Видно, пришедший в мир однажды уже не может уйти и вынужден узнать, почувствовать, претерпеть неисчерпаемость и жуть вечности, а награда – вот только это мгновение реальности, этот взмах ресниц, именуемый нашей краткой единственной жизнью. Других наград не будет: тут всё.

И может быть, аскетизм, затворничество, истязание себя, монашество действительно награждается Там, награждается тем, что человек втягивается в тьму вечности уже здесь, готовится к бесконечному движению в молчаливо идущей в никуда и никогда не останавливающейся очереди. Ему нечего жалеть здесь, и, ничего не утратив, он приобретает мужество не закричать от ужаса, вступив в этот бесцельный и изнурительный поход, в котором никто не падает, и всегда в состоянии сделать свой, надеюсь бы, последний шаг, но за которым следует другой последний, и так без предела. Не от этого ли мы, наконец, оставили великих стариков в покое? «Сеанс окончен». Конец фильма. Все встают и выходят.

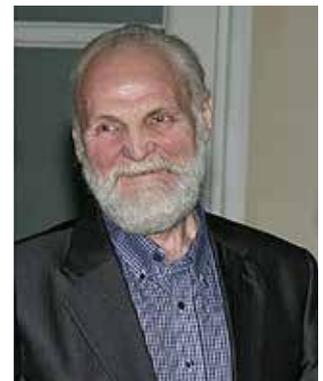
Берега прочтения

Виктор Бакин и Владимир Крупин

Виктор Семёнович Бакин – член Союза писателей России, автор десяти книг прозы, вышедших в разные годы в Кирове, Екатеринбурге и Москве. Его статьи и рассказы публикуются в общероссийских литературных журналах: «Роман-газета», «Наши современники», «Москва», «Дружба народов», «Форум» и «Аврора», в популярных региональных изданиях: «Чаша круговая» (Екатеринбург), «Русское эхо» (Самара), «Новгород литературный», «Бийский вестник» (Алтайский край), «Литера» (Республика Марий Эл), общероссийской православной газете «Русь Державная». За книгу «На Великую... Великорецкий крестный ход» автор удостоен звания лауреата Всероссийской православной литературной премии имени святого благоверного князя Александра Невского, Международной литературной премии «Имперская культура» имени профессора Э. Володина, а также православных литературных премий имени святителя Макария, апостола Алтая и святителя Филофея Лецинского. Награждён орденом «За заслуги» Российского союза ветеранов Афганистана и золотой медалью «Василий Шукшин». Заслуженный работник культуры Кировской области.

Владимир Николаевич Крупин – первый лауреат Патриаршей литературной премии, Почётный гражданин Кировской области, русский писатель. Владимир Крупин родился в Вятской земле 7 сентября 1941 года. После школы работал в редакции районной газеты. Служил три года в Советской армии. Окончил литфак Московского облпединститута. Преподавал в школе, в Духовной академии, в Литинституте, в Академии живописи, ваяния, зодчества, избирался секретарём Правления Союза писателей СССР, член Президиума Всемирного Русского Народного собрания, сопредседатель Правления Союза писателей России. Главная тема творчества – спасение всех и каждого в приходе ко Христу. Россия стала одинока в мире, но именно она спасётся.

«Услышим ли друг друга?»

В. Б.: – Владимир Николаевич, как Вы переживаете нынешнее лихолетье? Откуда такая напасть?

В. К.: – Виктор Семёнович, а за что нам не напасти? За что радости? И как ещё только Господь нас терпит и пока не стряхнул с Земли по нашим грехам? Високосный год, он такой же, как и другие, это такое просто поверье – Касьянов год. Отец ваш прожил достойную жизнь, нам бы так.

А для меня год нынешний, карантинный – год даже радостный: много работал. Закончил начатую в Вятке в Святочные дни повесть «Громкая читка». И ещё продолжал свои коротышки-крупинки, которые в основном, легко посмотреть, идут на сайте Русской народной линии. Они не самоцель, а на злобу дня. Отклики на происходящие события. А события всё невесёлые: нашествие на Россию, её культуру, язык, традиции, образование усиливается. Идут таранные удары по славянскому единению, подрывается вера Православная, насильственно рвётся связь поколений, молодёжь оболванивается... как тут молчать? Нельзя думать, что от нас ничего не зависит. Неправда, зависит. Видишь мерзость, она возмущает твоё сердце, оскорбляет разум – не молчи! Зло боится обличения. Подлость прячется от света.

Так что отвечаю на вопрос так: лихолетье, оно нами заслужено. Давно сказано: что в народе, то в погоде. Это и к «погоде» в общественной жизни применимо.

В. Б.: – «Лихолетье нами заслужено» – говорите Вы. А отцов и матерей наших разве миновало лихолетье, разве «тепло и светло» они жили? А деды наши, а прадеды? Да какой период

отечественной истории не возьмешь – всё худо, всё лихо. Что так, отчего? Есть у Вас тому объяснение?

В. К.: – Объяснение одно. Оно Библейское. С момента Распятия Христа на Голгофе мир разделился: одни за Христа, другие против Христа. Это главное деление мировой истории. Россия приняла Христианство, и теперь она единственное и последнее прибежище Христа на этой планете. Отсюда и ненависть к ней.

Родители, деды, прадеды жили тяжело, тяжелее нашего, но в них действовала живительная сила инерции православной жизни. Эта инерция и в Великую Отечественную помогла победить. Сейчас заметно затухание её.

Вроде всё есть для спасения души: храмы открыты, а в храмы не идут. Но больно же было верующим, которых, к сожалению, стало меньше, когда нынче Пасху Христову встречали у телевизора. Ужасно – на церкви замок. Это отрезвляло даже и неверующих, но и не враждебно настроенных.

В. Б.: – *Великорецкий крестный ход Вы прошли памятью, воспоминанием, заочно. Но месяц спустя, в середине июля, случился уже очный крестный ход в Ярском районе Удмуртии – на исток реки Вятки, где был установлен Поклонный крест. Расскажите об этом памятном событии, Владимир Николаевич. Крест-то мы вместе устанавливали, но какая подготовка этому предшествовала? Как возникла самая идея установить этот крест?*

В. К.: – Что предшествовало? Как было, так и скажу. Думаю, не у меня одного мысли о Кресте на истоке были. Они у меня были всегда, но резко овладели мною после посещения истока Камы в Кезском районе. Залюбуешься! Камнем обделано, часовня, в перспективе купель. Конечно, им легче, там болота нет. Но чем же наша Вятка милая хуже? Обе они, сестрички, главные питательницы Волги, как их не отметить? А Вятка только и дождалась от людей языческих скульптур. Да это и не в осуждение говорю: делали люди от души. Но не баба же яга начальный родник создавала – Господь Бог его к нам вывел. Этот дар, самое достойное, чем отметить? Конечно, Крестом! Тогда же и высказал нашу вятскую печаль Владыке Виктору Глазовскому и Балезинскому. И далее это его всецело заслуга. Звонят в мае: Крест готов. Созванивались и с отцом Валерием Ярским, и с Романом Балезинским. Чаще через нашего давнего знакомого, крестоходца Александра Чиркова, великого трудяги. Выбирали время. Тут всякие страхи из-за этого вируса. Но если сдвинуть на осень, там вообще не пройдёшь. Владыка благословил на 13 июля, день Святых апостолов. Дальше вы сами знаете. Меня и Сашу от Яра посадили на дрезину, на которой везли Крест, и мы пешком не шли (жалели, видно, мою старость), а прикатили как баре к знаку «Исток Вятки», а оттуда уже со всеми шли по болоту, это километра полтора, самые трудные. Мне Саша нашёл сапоги, но иногда вода заливалась через голенища. Но всё прошло прекрасно. Как песню спели. И это согласное молитвенное пение: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!» Поочерёдное братьев и сестёр, забываемо. Конечно, кусали комары, грызли пауты, но и это сейчас вспоминается с радостью. Ещё же каждый нёс камень для фундамента под Крест. Помню мальчика, который тащил тяжёлый камень, но не бросил его. Ему, бедному, даже и комаров нечем было отогнать: руки заняты, и дотащил. И уселся у истока, весь искусанный, еле дыхание переводит, но такой счастливый! Вот наше будущее.

В. Б.: – *Что поразило... На месте истока реки Вятки нас встретили языческие истуканы. И получалось, что Вятка берёт своё начало практически из-под юбки деревянной бабы. При этом над истоком ещё парила в ступе баба-яга... Ну, куда это годится? Кошунство какое-то!.. Естественно, эти истуканы мы убрали. Но потом, слышал, что вас даже обвиняли: как это вы посмели тронуть эти изваяния? Мол, не вами поставлены, не вам и убирать. Это на самом деле так?*

В. К.: – Видите, Виктор Семёнович, те, кто устанавливал фигуры, вовсе никакие не злодеи, не кошунники, они искренне думали, что это хорошо – персонажи мифологии. Я уже извинялся перед ними, но стою на своём: мы поступили правильно. Исток Вятки – Божие достояние. А Бог для нас Иисус Христос. А Христос – это Крест нашего спасения. И, вспомните историю, святых Стефана Пермского, Трифона Вятского, уничтожавших идолов. Мы, кстати, фигуры эти не рубили, не сжигали, отставили в сторону. А скульптуры лесовичков, искусно сделанные, оставили стоять: они вышли из леса полюбоваться на исток... Да и потом, хорошо бы взяты были героические персонажи русских сказок, былин, удмуртского эпоса. А баба-яга никак не рифмуется с Божьим даром – живой водой.

А с главной бабой, украшенной национальным узором, тоже проблема. Не из-под юбки вытекал исток, а из её широко разинутого рта. Зрелище более чем неприглядное. Да и её мы не тронули, аккуратно положили в сторонке. А разговоры уже и утихли.

В. Б.: – *Один из батюшек, который шёл вместе с нами к истоку Вятки, заметил после молебна: «Установка Поклонного креста – хорошее и большое дело. Но всё же это не всё. Далеко не всё. Теперь мы не вправе забывать о нём. Надо ежегодно 13 июля приходиться сюда с молитвой...» Как думаете, сложится ли такая традиция крестного хода к истоку реки Вятки?*

В. К.: – Очень бы хотелось. Этот батюшка, отец Валерий из Ярской церкви, забыть о таком дне не даст. Я это понял, стоя с его прихожанами на Благодарственном молебне по случаю установки Креста. Единоустное пение, истовые поклоны, то, что называется «единым сердцем и устами», в приходе его очень высокое.

Да и нам, дай Бог, приезжать в этот день.

В. Б.: – *Великорецкий крестный ход... Крестный ход на исток реки Вятки... Как-то Вы обмолвились, что русскому человеку, а уж тем более русскому писателю непременно надо сходить в крестный ход, чтобы многое понять, почувствовать...*

В. К.: – Да, так. Крестный ход – школа любви и молитвы, Крестный ход – аккумулятор для зарядки нашей духовной и душевной энергии, Крестный ход – дорога ко спасению.

Россия спасается Крестными ходами, не мои слова, но с радостью их повторяю. Даже кратенький Пасхальный Крестный ход вокруг храма необычайно впечатляет.

Да, а уж русскому писателю, поэту – это прививка от чёрствости сердца, ключ к познанию русского характера. Как без этого? Приятно заметить: Вятка – это пример участия пишущей братии в Крестном ходе. Наша «гороховская бригада» сплошь почти писатели.

В. Б.: – *Каким писателем был Валентин Распутин, знает вся Россия, весь читающий мир. А каким он был другом? Были ли у вас за эти сорок лет дружбы какие-то споры, ссоры, расхождения во взглядах?*

В. К.: – Да таким же, как и писатель: скромным и требовательным. Пристальным и прощающим. Но непримиримым к пошлости и фальши. Всегда замечающим, где нужна его помощь. Кстати, человеком он был с юмором. Вот это – его юмор, из прозы его не вытекает, но в жизни он был весёлым и лёгким в общении. Ни ссор, ни расхождения во взглядах не было никогда. Если он в чём был не согласен, он прямо говорил, если его не понимали, он не добивался понимания, просто замыкался, отмалчивался.

Я ведь в рассказе «Исцеление» главное место уделил именно Распутину. И Белову, и Астафьеву. Всем моим старшим братьям. Великие были люди. Но не я же за ними бегал, они сами меня привлекли в свой круг. И мне было и легко – уровень общения и пример, и трудно: я-то что могу к ним добавить?

В. Б.: – *Распутин – человек с юмором? Исходя из его произведений, трудно в это поверить...*

В. К.: – Конечно, он в основном был пессимистом. А если припоминать какие-то примеры... Юмор был по ходу жизни, по случаю, вырванный из происходящего, он не прозвучит.

В. Б.: – *Однажды я видел телевизионный сюжет из Иркутска, из Дома-музея Распутина, где показали небольшую коллекцию дымковской игрушки Валентина Григорьевича. Он что, любил нашу «дымку»?*

В. К.: – Да, любил, и очень. И в московской квартире наша «дымка» у него была. Мастерниц Племянниковой, Барановой, Борняковой, других.

В. Б.: – *Говорят, он был также увлечённым собирателем колокольчиков?*

В. К.: – Это да. Тут к этому его увлечению подключились и знакомые его. В частности, жена моя Надежда всегда привозила для него колокольчики. В Новгороде Великом нам с ним подарили поддужные валдайские колокольчики. Он любил, что-то доделав, дописав, победно в них позвонить. Жива ли коллекция в полном виде, не знаю.

В. Б.: – *А помнил ли Валентин Григорьевич свою поездку в Вятку, в которой он был, по-моему, всего один-два раза? Не приглашали его принять участие в Великорецком крестном ходе?*

В. К.: – Конечно, звал. Но как-то всё не совпадало. Первый раз он был на практике в «Комсомольском племени», году не знаю в каком, наверное, конец 50-х, начало 60-х. Говорит, что запомнил

только дорогу от гостиницы до редакции. Видимо, крепко запрягали, гулять было некогда. Второй, и последний, раз приезжали, опять же точно не помню, годах в 80-х, зимой. Некогда было даже ему город показать: встречи, выступления. Но всё-таки в Великорецкое съездили: Распутин, Анатолий Гребнёв, Станислав Куняев, Юрий Кузнецов, Валерий Фокин, Геннадий Гусев, Николай Пересторонин, журналисты. Тоже ни то ни сё. Хотя к источнику спустились и погрузились. Не все, но большинство. Встречи в пединституте, в Кирово-Чепецке. Успели всё же с Валентином к моей маме зайти. Но тоже всё на бегу. Брат Михаил сделал снимок.

Конечно, какое же тут знакомство с нашей Вяткой, даже не шапочное. Я-то в Иркутске многократно бывал и живал подолгу.

В. Б.: – *Летом прошлого года я был в Красноярске, побывал и на кладбище в Овсянке, где Астафьев похоронен рядом с женой и дочерью. Знаю, что и Распутин завещал похоронить его рядом с родными: супругой Светланой и дочерью Марией. Почему была не выполнена его последняя просьба?*

В. К.: – Валентин водил меня на могилы дочери и жены. Это Смоленское кладбище. Оно за Ангарой. На мосту всегда пробки. Это я к тому, что добраться туда трудно. А это важно в случае с Распутиным. Это одно, но не главное. Главное: благословение правящего архиерея об упокоении писателя в ограде Знаменского монастыря. Это фактически центр города. Монастырь этот Валентин Григорьевич любил, всегда водил туда приезжающих к нему гостей. Мы много раз там бывали, стояли у могилы знаменитого путешественника Шелехова. В надгробной надписи соединились великие наши Ломоносов и Державин. Первый пророчески: «Коломб российский через воды спешит в неведомы народы. Коломб (Колумб) здесь росский погребён». Державин позднее доработал строку: «Коломб наш – Шелехов чрез воды спешит в неведомы народы». Символически можно сравнить деяния Шелехова с трудами Распутина: они же тоже спешат в неведомы народы. Могилы их недалеко друг от друга.

Вообще так получилось, что я был на похоронах всех любимых моих писателей: Шукшина, Астафьева, Белова, Абрамова. И если могила Шукшина на Новодевичьем кладбище в Москве, то остальные все на своей родине. Василий Иванович очень жалел, что его друга Василия Макаровича оставила в себе Москва, а не отдала в Сростки. Именно в Сростках и сам Шукшин хотел упокоиться. А Белов в вологодской Тимонихе, Астафьев в красноярской Овсянке, Абрамов в архангелогородской Верколе.

В. Б.: – *Вспомнил сейчас по случаю, Владимир Николаевич, один из пронзительнейших рассказов Распутина «В ту же землю...», где пожилая женщина самостоятельно хоронит свою мать. А что Вас в творчестве Валентина Григорьевича поражает больше всего?*

В. К.: – Даже не знаю. Как-то он сказал: «Мне ничего придумывать не надо, надо просто вспомнить». И в самом деле: картины природы, судьбы людей настолько достоверны, что даже и мысли нет, что это сочинено, это прожито, и мы в этой жизни. В описанное им не просто веришь, а просто принимаешь на веру.

В. Б.: – *«Мне всегда писалось трудно...» – признавался Распутин. А делился ли он своими творческими планами? Что его волновало в последние годы? О чём не успел написать?*

В. К.: – Планами, замыслами? Никогда.

В. Б.: – *Осенью 1994 года в Иркутске по инициативе Распутина впервые прошёл праздник русской духовности и культуры «Сияние России». Знаю, что Вы в нём неоднократно участвовали. А проходит ли он теперь?*

В. К.: – Проходит, но хило: личность ушла из него. На Распутине это Сияние держалось. После его кончины я, считая похороны, был в Иркутске трижды. Каждый раз невыносимая тоска: улицы, где ходили, Байкал, дома, где он жил. Я ещё был в его квартире на проспекте Гагарина в 72-м году, потом многократно на улице 5-й армии (сейчас вернулось наименование – Харлампиевская).

Нет, уже нет сил возвращаться в те дни. Никакого Сияния там для меня больше не будет.

В. Б.: – *Уже нет с нами Валентина Григорьевича. Год спустя после его кончины в серии «ЖЗЛ» вышла его биография, написанная Андреем Румянцевым, о которой весьма нелестно отзывался сын Распутина Сергей. А у Вас, Владимир Николаевич, не было мысли подробно написать о друге?*

В. К.: – Написать подробно о Распутине? Нет, и мысли не было. И не смог бы: слишком близко всё. О нём писали многие: Гурулёв, Анашкин, Курбатов, Скиф... Что-то у каждого интересно. Лучше других, думаю, получилось у Валерия Хайрюзова.

Вообще, я писал о Распутине ещё и при его жизни, раза три-четыре. Пару-тройку предисловий к его книгам. Очень и ему благодарен за статьи обо мне, грешном. Поподробнее писал о нём в большом рассказе «Исцеление». Там ещё и о Белове и Астафьеве. Вот с кем свела меня жизнь. И надо было бы найти сил рассказать о тех, с кем был дружен, кому подражал, кому был обязан: о Свиридове, Шукшине, Солоухине, Абрамове, не забыть и Чивилихина, Проскурина, Зальгина, Личутина, Бондарева, Юрия Кузнецова, Лихоносова, Потанина... достойнейшие люди, прекрасная русская литература, граждане Отечества.

Но вот, даже не из-за возраста, из-за атмосферы нового времени в России не пишется. И в этом не стыдно признаться. Всё, за что мы боролись, попрано и убито, оболгано. Для кого писать? Для тех, кто нас за людей не считает? Остались, конечно, единицы, группочки людей вокруг хороших библиотек, хороших учителей литературы, но это капля в море жадности и пошлости. Но вспомним для утешения выражение: И капля море освящает, есть и такая истина.

Нет, я вовсе не отчаиваюсь. Но жить тяжело.

***В. Б.:* – В одной из недавних повестей Вы вспоминали ещё одного писателя – Владимира Тендрякова, который благословил выход Вашей первой книжки «Зёрна». Он же тоже по рождению вятский... Расскажите о вашем знакомстве.**

В. К.: – О Тендрякове много сказано в повести «Громкая читка». Познакомился с ним в начале 71-го в издательстве «Современник», где только начал работать редактором. Но жизнь развела нас в 76-м, когда я стал причащаться. Он же был атеистом. Даже ярым. Но человеком был порядочным. Написал мне предисловие к моей первой книге «Зёрна». Вспоминаю его всегда с благодарностью.

***В. Б.:* – Как-то Вы заметили: «Мы, русские, богатейшие люди. Ходим по золоту: Жития святых, былины, сказки, песни, предания, загадки... Нагнись, поклонись, подними и в сердце положи...» Но нужны ли загадки, былины и сказки в наше насквозь рациональное и потребительское время?**

В. К.: – Ну, как же не нужны, когда они насквозь современны. Подчиняешься этой коробочке, и ты – раб её. А когда чего-то пытаешься сам соображать, тут на помощь приходит не электроника, а вековые запасы народной мудрости. А они как раз в приметах, пословицах, тех же сказках, песнях, загадках, былинах, житиях святых... Не пользуешься этим – сам виноват, живи дураком.

У нас всё теперь уходит в хохмы (хохма по-еврейски: мудрость), а хохмы скабрены, всё об одном: деньги, постели, как обмануть, как нажиться, как избавиться от конкурента. Какая тут жертвенность, какая помощь слабому?

***В. Б.:* – Но трудно не согласиться, что нравственное очерствение расширяет свои границы. Выгода, на первом месте выгода. Или Вы не согласны?**

В. К.: – Почему не согласен, когда это явно, когда нашествие бездуховности крепчает, становится агрессивнее. Но из этого не следует, что надо этому подчиниться. Напротив, это должно подвигать нас к сопротивлению: к молитве, покаянию, очищению совести, творению добрых дел. Давно заповедано: зло злом не побеждается, только любовью.

А так, конечно, легко впасть в уныние. Но и тут есть предостережение, что уныние – грех. Грешить грешно.

Так что это для нас нравственный ориентир.

***В. Б.:* – Но почему же тогда так: человек грешит, потом кается. Потом вновь грешит, и вновь кается. И так до бесконечности.**

Сказка про «белого бычка»?

В. К.: – Нет, не про белого. Формула: не согрешишь – не покаешься, верна. Но она же не белка в колесе, не бегаёт по кругу. Искреннее покаяние в любом случае человека выравнивает, а формальное, так себе, не улучшает, даже тянет вниз. Отсюда все возражения слабо, формально верующих: «Я каялся, причащался, а у меня всё по-прежнему».

Ходим в жизни не по кругу, а по спирали. Время-то идёт. А спираль и вверх раскручивается и вниз утягивает. Это и есть свобода воли, данная нам. Кто нас заставляет грешить? Нечистый? Нет, и он не может заставить, но он соблазняет, увлекает ко греху. И мыслями и помыслами. Лучше всего

отсекать его зов ко греху в самом начале. Быть начеку. Трудно? Даже очень, ибо нечистый гораздо опытнее любого из нас. Но возможно. Но только без упования на свои силы, только на Бога.

В. Б.: – *Возможно, я ошибаюсь, Владимир Николаевич, но, мне кажется, даже наши родители, наши бабки и деды были нравственно чище и лучше нас. Несмотря на тяжелейшую жизнь, на войны, нравственного ничтожества прежде было значительно меньше. Как же так?*

В. К.: – Увы, такова природа человека. Живёт в бедности – терпит, другим помогает, выскочил из нужды – никто не нужен. Вот таков человек в массе своей: хорошо ему – надо ещё лучше. Тормоза самоограничения не срабатывают, жаба зависти съедает: у соседа дача лучше и жена красивее.

Ругают ранешнюю уравниловку, но это же хорошо, что общий уровень жизни диктовал нормы поведения. Не помню, кто писал: интеллигент в России раньше стыдился, что живёт обеспеченнее других, теперь стыдится, что живёт беднее.

Но опять же надо стараться не завидовать: всё равно помирать. Дачу в гроб не засунешь.

В. Б.: – *Что тогда получается: блага цивилизации – все эти дачи, машины, шмотки – для человека первейшее зло? Искушение? И истина добывается исключительно жизненными страданиями? Чем длиннее история человечества, тем дальше оно от Бога?*

В. К.: – Но нельзя же человечество воспринимать неким единым образованием: нет ни одного человека, похожего на другого: отпечатки пальцев, губ, сетчатка глаз, голос... всё разное. И блага цивилизации для кого как: одним хватает избушки, другим нужен дворец, у одного радость в знаниях, у другого – в недвижимости. Кто-то уходит от Бога, кто-то стремится к Нему.

А вся история цивилизации – это не классовая борьба, как учили большевики, а понимание, что душа бессмертна. Отсюда и содержание земной жизни, которую Бог подарил нам и отдал в полное наше распоряжение. А как мы распоряжаемся ею, каждый может судить по себе.

Что касается страданий, то да, без них никак. Но Священное Писание, да и простая порядочность учат, что во всех своих бедах человек виноват прежде всего сам.

В. Б.: – *Чем же тогда оправдана земная жизнь, если она так или иначе приходит к одному – заканчивается небытием? И что есть литература? Отражение действительности или же моральное поучение?*

В. К.: – Виктор Семёнович, каким же небытием? Она тогда только начинается. Мы же православные люди, день нашей земной кончины – это день рождения в жизнь вечную.

А литература для меня – способ приближения к спасению. То есть к храму, исповеди, причастию. Я понимаю, что я, может быть, не то говорю, что от меня ждут, но так живу уже года с 1976-го. По сути, все мои работы, они о святых людях и о святых местах. Это для меня и поучение, и описание действительности, которую я вижу.

В. Б.: – *Вы из поколения детей войны – родились в сентябре 1941-го. Помните ли вернувшихся с фронта рядовых защитников Отечества, безруких, безногих инвалидов?..*

В. К.: – Очень помню. Очень. И жалость к ним от всех односельчан помню. И коляски инвалидов, и пивную «Голубой Дунай». И как отменили льготы на ордена. И как не платили тем семьям, в которых отец, сын, муж пропал без вести, на которого не было похоронки.

Это всё настолько больная тема, что лучше не вспоминать её.

В. Б.: – *Кто-то из великих заметил: «Правда без любви есть ложь». Разделяете это утверждение?*

В. К.: – Это никто из великих не говорил, это кто-то невеликий исказил выражение: Правда без любви – это жестокость. У нас так бывает: привыкнут ко лжи и выдают за правду. Также не договаривают выражение: О мёртвых или хорошо, или ничего. Она звучит по правде так: О мёртвых или хорошо, или правду. А то так даётся подлецам надежда, что их простят.

В. Б.: – *У меня в руках Ваша первая книга – «Зёрна», где тоже присутствует тема войны: безногий председатель-фронтовик, мальчишка, у которого затягивает руку в молотилку... Или пронзительный рассказ «Передаю...». Знаю, как дорога бывает писателю самая первая книга. Расскажите, как шла над ней работа.*

В. К.: – Помню, я очень страдал, что у меня нет книги. В самом деле, уже тридцать три, а книги нет. Но вот – после четырёхлетних издательских терзаний, рецензий, редзаклучений, редакторской правки – вышла. Это было такое счастье! Получил в руки авторские экземпляры, позвонил жене.

Увиделись в Александровском саду у Кремлёвской стены. Надя прижимала книгу к груди, гладила обложку. И вот – я не выдумал – над нами пролетели два аиста. Это был апрель 74-го года.

В. Б.: – *Из книги «Зёрна» ещё с 70-х у меня осталась в памяти «Ямщицкая повесть». А ещё рассказ «Передаю...». Чем же для Вас памятна и дорога эта книга помимо того, что она первая?*

В. К.: – Как раз тем и дорога, что первая. Сейчас их у меня вышло далеко за двести, но без первой их бы не было. А ещё тем запомнилась, что её как-то очень хорошо приняли, о ней писали. По ней приняли в Союз писателей.

Да, помню книжные магазины, на прилавках которых она мелькнула. И быстро испарилась. Ради улыбки расскажу о магазине «Урожай». Он был недалеко от Курского вокзала рядом с кинотеатром «Встреча». А так как я обязательно заходил во все книжные магазины, зашёл и в него. И вот, вижу в разделе «Хранение и переработка зерна» свою книгу «Зёрна». Она была в нескольких вариантах переплёта: чёрном, сиреневом, зелёном, прямо натюрморт. Стоила 55 копеек, тираж 50 тысяч. Набрал, сколько мог унести. Я же с радостью раздаривал, рассылал. Хотелось же заявить о себе. Как молодая курица-несушка кудахтал. Очень меня этот «Урожай» выручал.

По «Ямщицкой повести» хотели ставить кино, я даже и сценарий писал, даже и режиссёр в Вятку приезжал, но чего-то не сложилось. Да и хорошо: все спектакли, кинофильмы по моим текстам оставили в памяти не лучшие воспоминания. Проза сопротивляется сцене и экрану. И это как раз говорит о ней хорошо.

В. Б.: – *Для многих первым побудительным шагом в творчестве становится влюблённость. А как было у Вас? Вообще, в юные годы Вы были влюбчивым человеком?*

В. К.: – Необыкновенно! Я же стихи писал. А как можно писать стихи и не влюбляться? Стихи и любовь – синонимы. Но в случае со мной важно вот что: я же пошёл в школу пяти лет (смотрите рассказ «Кол с подпорой»), то есть девочки в классе были старше меня. И все мои влюблённости им были смешны. Да чаще я и любил тайно. Но для поэта несчастная любовь крайне необходима: она выращивает душу.

Дневник всегда вёл, вот лучший друг отрочества моего, юности. Где-то лет в 16 в нём написал: «Что делать, видимо, меня никто не будет любить. Мне остаётся работа».

Все свои увлечения помню и всем адресатам их очень благодарен. Но на поверку я оказался завзятым однолюбом. С моей Наденькой мы прожили 55 (прописью: пятьдесят пять) лет.

В. Б.: – *Село Овсянка – родина Астафьева, Тимониха – Белова, Усть-Уда и Аталанка – родные места для Распутина. Кильмезь – родина Крупина... Наверное, не случайно все знаковые русские писатели последнего времени вышли из русской глубинки. Что для Вас родная Кильмезь?*

В. К.: – Это – всё! Я и назвал свой давний рассказ «Кильмезь – сердце моё». И завещание написал, и у архиерея оно заверено, чтобы меня похоронили в Кильмези.

Когда мне тяжело, лежу с закрытыми глазами и мысленно бегу по тропинкам детства. И каждый день вспоминаю, как мы в жару окучивали картошку и ходили пить к роднику, который был недалеко. Вообще родники и Кильмезь для меня взаимно дополняемы. Шли по берегу на сенокос и проходили 12 родников и пили по глотку из каждого.

Кильмезь, Кильмезь... Есть такая пустыня среднеазиатская Барса-Кельмес. В переводе: Пойдѣшь – не вернёшься. Так и моя Кильмезь: увидишь – не забудешь.

В. Б.: – *А как Кильмезь переводится? Есть толкование у этого слова?*

В. К.: – Удмурты (вотяки) говорят так, марийцы (черемисы) этак, мол, вышли на берег, оглянулись, а река замёрзла. Как раз слово «кильмезь» так и трактуется: замёрзло. Но мне ближе перевод: стоянка. Ещё же у нас исторически и татары, мордва, чуваша, целый интернационал. А ещё перевод, уже со среднеазиатского: «не вернёшься», уже называл.

Впрочем, я глубоко не копал. Важнее было нахождение моего села на Великом Сибирском тракте. Чем, помню, отец гордился и меня заразил. Это же представить: вся Русь-матушка прошла под окнами нашего дома. Екатерининские берёзы вдоль тракта дожили до наших дней. Уже чернели. У меня один из первых рассказов так и назывался – «Чёрные берёзы». А берёза – символ власти Белого царя.

В. Б.: – *А почитать любили? Какая книжка с детства в памяти?*

В. К.: – Ну, это отдельная тема. Да как же не любили, читали постоянно, в библиотеку ходили постоянно, книги брали. Читали, обменивались. Первая книга – Родные поэты 1947 года издания. Отец из области привёз. Знал её наизусть. Она жива в моём доме в Кильмези. Читал так много, что прозвали «запечный таракан». Мама с нами залезала на печь и полати и читала вслух. «Я ваши глаза берегла, – говорила она потом, – свет-то плохой, коптилка». А она и глаза и душу сберегала. О, это теперь как сон – мама с нами, мы замерли и слушаем.

Был толстенный песенник русских песен, тоже читали. И ещё: в доме всегда пели. Праздники у нас забываемы: мы на полатах, гости внизу за столом. И песни. Отец и мама очень хорошо пели. Ямщицкие песни, народные. Я этот песенник тоже считаю учителем жизни. И ещё сказки, былины, потом и классика.

В. Б.: – **Владимир Николаевич, глядя из сегодняшнего далека, какие бы 10 книг Вы бы посоветовали непременно прочесть маленькому русскому мальчику?**

В. К.: – Русские сказки, Русские стихи и рассказы о природе, Рассказы о животных, Сказки Пушкина (кроме «О попе и работнике его Балде»), Былины, Робинзон Крузо, Путешествия Гулливера, Жития святых (в пересказе для детей), Детскую Библию, Шмелёва (Лето Господне), вот вся десятка. Она сама расширит затем интересы взрослого ребёнка.

В. Б.: – **Взял с книжной полки Вашу книжку, вышедшую в издательстве «Малыш» в 1989 году под названием «В Дымковской слободе», рассказывающую о народном промысле, старинной русской игрушке. Дымка дивная!**

А в какие игрушки играли Вы в детстве?

В. К.: – Вот этого как-то не припомню. У сестёр были куклы. Мальчишки, конечно, в войну играли. Так там любая палка ружьём была. А вообще игры были все на улице, команда на команду. Была и Лапта, и Выжигательный круг, и Прятки. У девочек скакалки, классики. Мячи были редкостью, пинали тряпичные, банки консервные.

В. Б.: – **Если бы сегодня стали писать книгу под названием «Кильмезская тетрадь», о чём бы непременно рассказали?**

В. К.: – А «Кильмезская тетрадь» фактически написана. И повесть «Боковой ветер», и рассказы «Красная гора» и «Кильмезь – сердце моё», «Женя Касаткин», «Освящение престола», «Закрытое письмо», другие – все о Кильмези. Да, значительный для меня рассказ «Лазарева суббота» тоже весь кильмезский.

Что-то новое написать? Хорошо бы. Так хочется набрать силёнок хотя бы странички на три-четыре, чтобы воспеть Великий Сибирский тракт, на котором стоит Кильмезь.

В. Б.: – **«Жить будешь – не будешь, а сеять-то надо!» – любил говаривать мой отец, инвалид войны, доживший до 95 лет. Сейчас нередко вспоминаем с женой его слова как некое правило, лекарство от лени. А у Вас остались от родителей какие-то наставления на всю жизнь?**

В. К.: – Эту пословицу отец так говорил: «Помирать собрался, а рожь сей». Тот же смысл.

Наставления были, конечно. В армию уезжал, помню, как отец сказал: «Ну, Владимир, вперёд не суйся, сзади не оставайся». Мама всегда тоже увещевала: «Смеются над тобой, а ты громче их смейся». Или (о тех, кто над тобой издевается): «Дай, Господи, им здоровья, а нам терпения».

Главное наставление – образ их жизни: нестяжательство, скромность, независтливость, согласие с совестью.

В. Б.: – **Вы много поездили в течение своей жизни, многое повидали. По-прежнему убеждены, что в Вятке свои порядки?**

В. К.: – Да, много ездил, плавал, летал, всего нагляделся и всегда знал, что лучше Вятки нет. А теперь вижу, что «свои порядки» и в Вятке стали как везде. Последние времена в России, много пережившие, и к нам подобрались. Нравственная обстановка заметно понизилась, это следствие пропаганды разврата, сытой жизни, непрерывной пошлости средств массовой информации. Идёт целенаправленная война: отвлечь людей от спасения души, занять их время чем угодно, какими угодно зрелищами: ледовыми танцами, анализами ДНК, сериалами, непрерывными новостями об ужасах, анекдотами, всякой развлекухой, лишь бы не внушением того, что жизнь у каждого одна и что она мгновенна (я вчера был ребёнком, сегодня старик). Вот этого нет уже и в Вятке.

И что делать, не знаю. Только помню завет преподобного Серафима: спасись сам, и около тебя спасутся. Начни и продолжай с себя. С семьи. С понимания, что вековечное правило «Без Бога ни

до порога» касается прежде всего лично тебя. И помни, что оно есть – малое стадо Христово. Войти в него – вот цель жизни.

В. Б.: – *О «дымке» дивной замолвите слово, Владимир Николаевич.*

В. К.: – Я «дымку» с детства любил, с коняшки, которая была в доме. С книги Дьяконова «Олень – золотые рога». Позднее из поездок в Вятку всегда привозил в Москву игрушки и раздаривал. Однажды подарил одному писателю, а потом пришёл к нему и увидел, что мой подарок сунули на полку рядом с кухонной раковиной. Ну уж нет, я её там не оставил, взял обратно. Думаю, они и не заметили. А я стал аккуратен с подарками этой несказанной красоты. Жизнь свела и с мастерицами. Первый раз выступал у них на улице Труда в 1974 году, тогда же сдружился с Виктором Харловым, там у него была мастерская. О нашей милой «дымке» много писал. Даже целую повесть для детей – «В Дымковской слободе». Эту слободу всю исходил. Искусствовед Генриетта Киселёва познакомила меня с «последней из могикан» дымковской мастерицей, забыл её имя. Она работала в Дымково по старинке, обжигала игрушки в русской печи. Знакомство с нею помогло мне в написании. В повести я дал ей фамилию Надежда Шумихина, в память о друге.

Знаю, что сейчас мастерицам нелегко. В начале 90-х, когда всё было насильно сорвано со своих мест, появились «дымковские» в кавычках игрушки, дорогие штамповки, которые, конечно, убивали подлинное производство этого чуда народного творчества.

Уверен, очень надеюсь, что «дымка» выживет. Из любых других глиняных игрушек, я все изучал, и каргопольскую, и филимоновскую, другие, наша, несомненно, самая лучшая. Думаю, помогать мастерицам – прямой долг вятских властей.

В. Б.: – *Да, очень хочется надеяться, что красота «дымки» будет жить. О чём исконно вятском ещё необходимо постоянно вспоминать и рассказывать, чтобы наша жизнь была и добрее, и краше?*

В. К.: – У нас, вятских, такое количество людей, которые принесли своими трудами славу России, мировой науке, технике, медицине, культуре, спорту и при этом оставались простыми, доступными и хранящими любовь к родине. Я не люблю слова «малая родина», какая же она малая? Как сказал поэт: «Не может родина быть малой с такой великою душой». Вот и надо вспоминать и рассказывать о таких людях, давать молодёжи примеры для подражания.

А природа наша! Да есть ли ещё где краше? Какие Европы имеют такие просторные луга, такие высокие леса, сосновые боры, в которыеходишь как оргАн, красавицы реки, такое разнотравье, такое весеннее ликование цветения и такую сверхзолотую долгую осень. Такие сверкающие снега, такие ослепительные лунные ночи, такую россыпь серебряных звёзд? Не знаю, как кто, но я много ездил по миру и мне есть с чем сравнивать милую мою Вятку. Ничего равного ей нет. Да, знаю, что другие скажут: нет, а моя родина лучше. И очень хорошо. У каждого человека должно быть понимание, что Господь вывел его на Божий свет именно в этом месте, и это не случайно.

В. Б.: – *Как возьму в руки Вашу «Вятскую тетрадь», так сразу и улыбнусь: невольно вспоминаются весёлые истории о том, как в Турцию целили и шестеро полегло, о том, как «идёт мировая война, а воюют одни вятские...». Добавьте в мою коллекцию новых анекдотов о вятских-хватских, Владимир Николаевич.*

В. К.: – Мне понравилась добавка в серию Вятские – люди хватские... а дальше были продолжения: семеро одного не боятся... всемером стоят на стогу, один подаёт, и кричат: не заваливай!.. столько семеро не заработают, сколько один пропьёт... Так вот, понравилась редакция, раньше не слышал: Вятские – люди хватские: семеро одного войска не боятся. Добавил бы ещё: Вятские – люди хватские: имени города своего боятся. Вариант: имени города своего стыдятся.

Ну что ещё, как ещё сказать о необходимости возвращения имени Вятка? Вообще вятскую упёртость можно вводить в поговорку, например: «У меня муж, как вятч, упёртый... далее по тексту».

В. Б.: – *Заканчивая «Вятскую тетрадь, Вы пишете: «...Научиться любить, научиться прощать, научиться делать добро – вот тогда мы будем бессмертны. Что б ни происходило с тобою, Отечество моё, люблю тебя и навсегда знаю: любовь к Отечеству – почти единственное, что может спасти от упадка духа...» Как же обрести эту любовь в наше раздрайное время, как её сберечь?*

В. К.: – Когда писал, так и думал, как написал. И доселе так считаю. Любовь к Отечеству не обретаётся, это врождённое чувство. Не может же быть такого детства, в котором всё беспросветно. Любовь к Родине надо беречь. Если нет, то усилием воли можно сказать себе: моя Родина самая лучшая.

Понимаю, что отвечаю несколько косноязычно, но любовь не нуждается в словах. Сидишь с любимой девушкой на скамье у реки, молчишь. А так хорошо!

В. Б.: – «...Мы идём к своим святыням, мы созидаем свою душу, мы отмаливаем свои грехи, становимся лучше, и уже, дай Бог, наши молитвы о России, за Россию доходят до престола Господня...» **Какие проникновенные, какие волнительные строки! Помните, когда их написали, Владимир Николаевич?**

В. К.: – Скорее всего, когда первый раз прошёл дорогами Великоорецкого Крестного хода. Когда видел эту единую молитву, это единокорные идущих. А ведь шло всего человек двести. Потом и по 60–70 тысяч бывало, молитва крепла. Крепла и моя уверенность в бессмертии православной России.

Да, тогда и написалось это, вылилось из сердца.

В. Б.: – **Пожалуй, у каждого участника крестного хода есть свои небольшие секреты. Я, например, на привалах непременно наталкивал в носки листы свежей крапивы – прекрасно помогают от мозолей. А на общее застолье выкладывал все свои съестные припасы с тайной надеждой, что товарищи побольше съедят, и тогда мой заплечный рюкзак будет полегче... Идти старался в первой трети хода, тогда на остановках выгадывалось больше времени на отдых. И конечно, избегал шагать по асфальту – здесь ноги сбиваются быстрее... А какие у Вас крестоходные «премудрости»?**

В. К.: – Да всё то же самое. Старался побольше босиком идти. На привале поскорее прилечь. В пути Богородицу читать, Иисусову молитву. Молился за жену, детей, внуков, за Россию. Старался, хотя и трудно, меньше праздных разговоров вести. Держаться своих. Стараться не думать в начале пути о том, какой же впереди огромный день. Природой любовался. Конечно, и гнус, и жара, а то и холод. Но как всё потом радостно вспоминается.

В. Б.: – **В начале 90-х, когда у Вас вышла повесть «Крестный ход», в одной из публицистических статей «Мы без России – пыль придорожная» Вы предупреждали: «Нас оккупирует не чужая армия, а чужие деньги и нравы. Мы можем перестать быть русскими...» Вам не кажется, что в русских русского становится всё меньше?**

В. К.: – Страшно признаться в этом, но это так. Единственное, что утешает, – что есть Малое стадо, которое сгрудилось около Православной Церкви. Оно есть, оно крепкое, оно непобедимое. Есть и Корабль спасения, который идёт по волнам житейского моря. Попасть в Малое стадо и из него не выпасть, подняться на Корабль спасения и не вывалиться за борт – вот цель нашей земной жизни.

Жалко, конечно, ещё бы не жалко этих несчастных егэнедоумков, которым вдолбили, что предыдущие поколения русских людей – это ватники, совки, колорады, что вся русская жизнь – это сплошной ГУЛАГ, что Россия – агрессор, Америка – миротворец. Бедные вы, бедные. Не видывали вы, не чувствовали такого взлёта любви к Отечеству, такого сияния сердечного патриотизма и готовности умереть за Россию, какое согревает нас всю жизнь. С чем и уйдём.

Самое страшное – уходить на небеса с горем в душе, что не подхвачены твои знамёна, твои хоругви, твои молитвы.

Берега прочтения

Нина Попова

Нина Викторовна Попова – родилась на Белгородчине, сейчас живёт в Москве. Окончила с отличием Московский полиграфический институт им. Ивана Фёдорова, Высшие литературные курсы (творческий семинар Валентина Сорокина) и аспирантуру Литературного института им. А. М. Горького. Кандидат филологических наук, поэтесса, публицист и переводчик, член Академии поэзии и Международного сообщества «Славянская литературно-художественная Академия» (г. Варна, Болгария), член правления Московского отделения Союза писателей России.

Автор научных монографий, семи поэтических книг, целого ряда авторских сборников и альманахов, статей и пяти музыкально-поэтических альбомов. Лауреат литературно-общественных премий и награды им. С. А. Есенина, М. Ю. Лермонтова, Г. Р. Державина, «За вклад в просвещение», «За гражданское достоинство» и других. Песни на её стихи неоднократно становились лауреатами и призёрами музыкальных фестивалей патриотической и лирической песни.

Единение судеб – перекрестия строк

Все мы – как реки, в которых облаками отражаются души ушедших. А тем более души поэтов, чьи судьбы трагически прерваны, безвинно распяты палачами истории. Их недопетая песня звучит в своей скорбной недоговорённости, невыплеснутой звёздной силе, стремясь возродиться в новом сердечном слове. Пробиваясь, озябнувшая, через миры и года, она ищет родственную себе душу и, если находит, – расцветает в ней.

Гумилёвские традиции в творчестве Владимира Фёдорова

Когда я думаю о Николае Гумилёве, гневная тоска охватывает меня – грубым, кованым сапогом красного террора была раздавлена такая жизнь, такой блистательный солнечный талант. Столько сокровенных строк не отзвенело, не отплакало и не отрадовалось!

Как и чем восполнить всё украденное и вырванное из наших сердец, чем заменить радость творческого дружелюбного откровения, поэтического предвидения, небесного опьяняющего полёта?.. Ловлю себя на том, что прозорливо пытаюсь разглядеть его след во всём талантливом, ярком, дерзком и вдохновенном. А Судьба, напутственно и отечески наблюдая за этими поисками, всегда помогает мне.

Таким вот судьбоносным образом я и прикоснулась к творчеству Владимира Фёдорова, русского писателя из Якутии, ныне живущего в Москве. Страницы его книг открыли свои объятия и впустили в мир красочный, насыщенный грозной, огненной ритмикой, мир зрительный и осязаемый, мир поиска и устремления. И в этом мире я сначала лишь почувствовала, а затем подтверждающе увидела это солнечнородное соединение их судеб. Слово судьба Гумилёва пунктиром отметила заданный, но загубленный и прерванный свой путь в «карте памяти» жизни Владимира Фёдорова, которого, без сомнения, можно назвать одним из современных поэтов, развивающим и поддерживающим гумилёвские традиции в русской литературе.

Владимиру Фёдорову, как и Николаю Гумилёву, свойственна природная, генетическая, сущностная память. Ещё в начале его творческого пути это пророчески заметил мастер современной поэзии Юрий Кузнецов: «(...) А теперь о главном. Это память. Не детская, а такая, которая преодолевает детскую и вообще идёт дальше рождения и смерти каждого отдельного человека. Такая память называется народной. Она живёт в каждом из нас, но подспудно. Если с ней утратить связь, то человек дичает, глохнет и, как перекасти-поле, обречён блуждать по мёртвым просторам духовного космополитизма.

Владимиру Фёдорову дано её ощущать. Его поэтическая память вызывает из могилы прадеда, она же вызывает из небытия перезвон гуслей. Она же присутствует в других стихотворениях. В такой памяти живо всё. И никогда не умирало, никогда не умолкало. И прорвалось во Владимире Фёдорове. Для молодой русской поэзии такой прорыв – предзнаменование. А что будет дальше, покажет время...»

Юрий Кузнецов разглядел и благословил во Владимире Фёдорове те же самые качества, которые ранее Валерий Брюсов почувствовал в Николае Гумилёве: способность к мгновенным ощущениям и озарениям, сверхчувствительную интуицию, межчувственный перенос, редкий феномен слияния реальных ощущений, преображённых, благодаря сверхчувствительным функциям мозга, в слово – *синестезию*.

«У него редкий дар: осязать поверхность недосягаемых вещей. Он обладает внутренним зрением, которому открыты уже не оттенки и виды, а видения», – так писал Юрий Кузнецов о Владимире Фёдорове в 1980 году, подводя итоги совещания молодых писателей Якутии.

А о синестезических способностях и потенциале Николая Гумилёва не раз говорил Валерий Брюсов, который также провидчески заметил: «...он сумеет пойти много дальше, чем мы то наметили, откроет в себе возможности, нами не подозреваемые».

Благодаря присущей Николаю Гумилёву и Владимиру Фёдорову синестезии, основной чертой напевных, поющих стихов поэтов является наполняющая их музыка.

Потрясающие по языку и характеру стихи Николая Гумилёва положил на музыку кумир эстрады XX века, киноактёр, поэт, композитор и певец Александр Вертинский, а у него был безошибочный вкус на стихи. В его исполнении прозвучали песни на стихи М. Цветаевой, С. Есенина, И. Северянина, А. Блока, И. Анненского, Г. Иванова, И. Мятлева и других известных поэтов.

И неудивительно, что образ и поэзия Николая Гумилёва оказался столь притягательным и для наших современников – отечественных рок-музыкантов, также жаждущих Подвига как в творчестве, так и в жизни. К этому вполне располагает слог поэта – кристально-чистый, ясный, экспрессивный.

Самые лучшие рок-интерпретации наследия великого поэта, без которого немислима история поэзии Серебряного века, это работы следующих музыкантов: Александр Вертинский / Борис Гребенщиков – «Китай»; группа «Ва-Банкъ» – «Путешествие в Китай»; группа «Плюмбум» – «Жираф»; Наталья О'Шей – «Ольга»; Константин Кинчев – «Волшебная скрипка».

Стихи Владимира Фёдорова тоже находятся в неразрывном единении с музыкой – известные композиторы: Виктор Климин – талантливый пианист и композитор, прошедший школу великого мастера Арама Хачатуряна; мастер романса Сергей Белоголов, авторы-исполнители Ольга Кузьмина и Сергей Великий, написали музыку к стихам «Дилижанс», «Вновь музыка поёт...», «Соловей», «Гусарский романс», «Синеглазый гусар», «Снова на исходе лета...», «Волк», «Мелодия дождя», «Лунный вальс», «Вуаль», «Возвращение на родину», «Где цвела она – не ведаю...».

Как прекрасна мелодика стихотворения «Соловей», ставшего романсом:

Он такие выводил коленца, –
Не постигнуть никогда уму!
Девки ночью задыхались в сенцах
И, босые, сами шли к нему.

Работа композиторов над стихами продолжается. А цикл стихов про волков – просто кладезь материала для рока:

А уйти от тоски
Потрудней, чем от дикой погони.
И когда-нибудь сам
Ты подставишь свой бок
Под дуплет...
Погоди ещё миг,
Я сложу в треугольник ладони,
И в ночи поплывёт
Мой тревожный
гортанный
ответ.

«Дело величавое войны»

Самый наглядный пример наследия и проявления гумилёвских традиций в творчестве Владимира Фёдорова – это военная тема. Поэзия Николая Гумилёва – это поэзия воина. Он идеализирует войну, показывая её как религиозно-значимое действие:

И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, грозны и крылаты,
За плечами воинов видны.

Гумилёв восхищался ратным ремеслом, воспевал его. Не жестокость, не политические цели войны, а именно красоту военной бури, пробуждение на поле боя высочайшей духовности, героизма. Война интересовала его как нравственный опыт, ставший частью собственного существования. Он знал, о чём пишет, ибо сумел максимально реализовать себя в качестве воина: официально освобождённый от военной службы, записался добровольцем в Лейб-гвардии Уланский полк, заслужил двух «Георгиев» 2-й степени, «Владимира с мечами», был контужен. По воспоминаниям его сослуживцев, не существовало такой опасной разведки, в которой он не пожелал бы участвовать. Сам поэт, воссоздавая и переживая заново свою жизнь в замечательном стихотворении «Память», так сказал о себе:

Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулю нетронутую грудь.

Что касается В. Фёдорова, то он тоже офицер запаса, почётный есаул Якутского казачьего полка, награждён казачьими крестами и медалями за походы под парусом в Арктику и свои литературные произведения о казаках-землепроходцах. Так что эта тема ему близка. И в 2012 году вышла его книга стихов «Такова судьба гусарская», в которой отражена судьба одного из рядовых героев-ротмистров Отечественной войны 1812 года. За эту книгу Русская Православная церковь наградила автора медалью, посвящённой 200-летию Отечественной войны 1812 года. Эта же книга победила в VI Всероссийском литературном конкурсе «Твои, Россия, Сыновья». Поэтическое слово книги звучит пронзительной нотой и порой бьёт в набат о событиях давно ушедших времён:

Мы летим между звёзд,
В наших душах пылают пожары,
Мы срываемся вниз
С перебитым судьбою крылом.
Мы воители грёз,
Мы поэты, а значит – гусары,
И звенят, как клинки,
Наши строки, сшибаясь со злом.

В каждой строке пульсирует жизнь, стремительна скорость летящих строк, заметна неистовая ярость, бурление слов и смыслов, некоторое их перемещение, что только усиливает апофатику произведения, его волшебность. Во всех стихотворениях книги явственно выражен высокий героический настрой и рождается необыкновенное ощущение, что написана она не о героях, а ими самими – гусарами и поэтами – написана, воскресшими какой-то высшей волею для разговора со своими потомками. Звучат в ней и грозные ноты войны, и нежные оттенки минут затишья, и различные только сердцем прощальные слова отважного воинства, улетающего на небесные поля:

Мы не сразу умчим,
Мы три круга проскачем под тучей,
Чтоб последних дождать,
Прокричав с высоты: «Догоняй!»
Эскадрон наш не зря
Называли при жизни летучим:
Нам сегодня лететь
Прямо к Богу в сияющий рай.

Муза дальних странствий

Не раз говорилось, что муза Гумилёва – это муза дальних странствий. Гумилёв открыл русскому читателю до него неизведанный мир Африки, культуру племён, считавшихся дикими и отсталыми. Совершив несколько экспедиций по восточной и северо-восточной Африке, он привёз в Музей антропологии и этнографии Санкт-Петербурга богатейшее собрание экспонатов, записал множество песен и легенд, создал прекрасную коллекцию красочных снимков.

Для него словно не существовало несбыточного. Ему в принципе была неведома не преступаемая обычно грань между мечтой и её претворением в жизнь, намерением и поступком, сладкой романтической грёзой и явью. Гумилёв стремился открыть мир и новые пространства для себя и для русской поэзии. А чёрный колдовской материк манил его всегда, очаровывал своей культурой, своим девственным языком:

Оглушённая рёвом и топотом,
Облечённая в пламя и дым,
О тебе, моя Африка, шёпотом
В небесах говорит Серафим.

Гумилёва влечёт к изображению экзотических стран, где в красочных и пёстрых видениях он находит зрительное, объективное воплощение своей грёзы, вырывается на простор истинной, вольной и свободной поэзии:

На полярных морях и на южных,
По изгибам зелёных зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.
Быстрокрылых ведут капитаны,
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведаль мальстремы и мель.
Кто иглой на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь.

Вполне обоснованно Гумилёва называют поэтом сакральной географии. Ведь обычные географические описания в его текстах, приобретая дополнительные культурно-исторические, мифопоэтические, геополитические факторы, перерастают реалии, становятся геософией.

Владимир Фёдоров так же, как и Николай Гумилёв, – страстный путешественник, странник по своему духу. Геолог по первому образованию, он прошёл дальними маршрутами самые заповедные места Якутии и соседних областей, работал на побережье Северного Ледовитого океана, на печально знаменитой гулаговской Колыме, поднимался на вулканы Камчатки и на главные вершины Северо-Востока, искал золото, алмазы, изумруды. Естественно, что он уже в своих самых первых стихах, рождённых у таёжных костров, писал о природе и диких зверях («Волк», «Лось», «Шатун», «Песец», «Сумерки в тайге...» и др.), как и его знаменитый предшественник, а также о землепроходцах и путешественниках, открывших Сибирь, Дальний Восток и Русскую Америку (стихи, посвящённые Семёну Дежнёву, Петру Бекетову, Витусу Берингу, Никите Шалаурову, Якову Санникову и многим другим героям Севера).

Когда границы в западные страны открылись, Владимир Фёдоров проехал на машине через всю Аляску, побывал в джунглях Камбоджи, на ледяном куполе Гренландии, забирался внутрь египетских пирамид, был в Японии и Сингапуре. Все эти путешествия он описал в своих очерках.

В 2010 году Владимир Фёдоров смог осуществить свою давнюю мечту и побывать первым из сибирских и, видимо, одним из немногих нынешних российских поэтов на сафари в Африке – в Кении и Танзании. А затем совершил большое путешествие по Южной Африке, побывал на противоположном конце континента – в Египте и Тунисе. Помня об африканских путешествиях Николая Гумилёва, он не раз упомянул его в своих стихах, где в каждой строке, как на тропе, осталась невесомая звериная поступь, где слышен свирепый дикий рык, обжигает лицо знойное дыхание огромного африканского солнца и обволакивает чёрный бархат ночи:

Затерявшись в этом мире, где смешались быль и небыль,
Вместе с ними я сегодня леопардом в ночь уйду.
Где-то там, пониже рая, Южный Крест прочертит небо
И заменит на неделю мне Полярную звезду.

А потом мне будут сниться битвы, схватки и набеги,
Но среди звериных хроник вдруг обнимет светлый сон:
Отцветающих акаций фиолетовые снеги
Тихо падают на плечи тёмно-бронзовых мадонн...

После первой своей поездки в Африку Владимир Фёдоров сделал большую серию фотографий и устроил несколько фотовыставок.

Николаю Гумилёву и Владимиру Фёдорову свойственны черты перфекционизма, но в его «нормальной», самосовершенствующей, самокорректирующей форме. Это перфекционизм, обращённый прежде всего к себе, в настойчивом устремлении к идеалу, к высочайшим нравственным и художественным критериям.

Природа сильной личности обоих поэтов, не доводя эти устремления до патологических форм, дарит неиссякаемые источники сил и вдохновения.

И здесь необходимо отметить *пассионарность* и самих поэтов, и героев их произведений. Они словно обладают врождённой способностью получать из внешней среды энергии больше, чем это нужно для самосохранения, и, как следствие, возможностью направлять эту энергию в духовное и творческое русло.

Пассионарность как теория, разработанная сыном Николая Гумилёва – известным историком Львом Гумилёвым, присутствует и в жизни, и в творчестве Гумилёва-поэта, он прославляет тех, кто бесстрашно смотрит смерти в лицо. У его героев, как и у него самого, чувство риска, пассионарности во имя идеи постоянно преобладает над инстинктом самосохранения, и поэтому они отвергают спокойную, тихую жизнь. Для них важнее всего – жажда жизни и жажда славы во имя преобразования этой самой жизни:

Но всего прекрасней жажда славы;
Для неё роятся короли,
В океане ходят корабли.

Наиболее ярко пассионарность поэта проявилась во время путешествий по Африке и позже, в годы Первой мировой войны. О его бесстрашии в полку ходили легенды. Он, как Дон Кихот, следовал поставленной цели и с блеском преодолевал трудности, встававшие на пути:

Я не раз в упованье великой борьбы
Побеждаем был вражеской силой.
И не раз под напором жестокой судьбы
Находился у края могилы.
Но отчаянья не было в сердце моём,
И надежда мне силы давала,
И я бодро стремился на битву с врагом,
На борьбу против злого начала.

Примеров перфекционизма и пассионарности достаточно и в судьбе Владимира Фёдорова. Например, в 17 лет начав заниматься стрельбой, он через три года уже стал чемпионом Якутии, членом сборной, показывал такие результаты, с которыми можно было стать призёром на чемпионате мира. В 18 лет, получив не любительские, а профессиональные права на вождение автомобиля, через год принял участие в авторалли «Москва – Якутск» под флагом «Олимпиады-80», проходившей в Москве.

Будучи молодым геологом, которому все пророчили быструю и успешную карьеру, он принёс свой первый материал в молодёжную газету, и этот материал был признан «материалом месяца». За-

нимаясь параллельно с «письменной» журналистикой ещё и фотографией, никогда не пользовался услугами фотокорреспондентов, и его фотографии были оценены по достоинству – в 2010 году он был признан фотографом года. Позже выиграл международный фотоконкурс, получив в качестве приза авиабилеты на Камчатку и на Аляску и воспользовавшись ими. Стал «Автором года» журнала «Чудеса и приключения» за серию фотоочерков о своих путешествиях.

Работая над книгами по шаманизму, так погрузился в тему, что эти книги в научном мире дважды предлагали оформить в виде диссертаций по этнографии или философии.

То же самое и с литературными жанрами: Владимир Фёдоров пишет стихи, рассказы, очерки, романы, пьесы детские и взрослые, киносценарии, по двум из них поставлены художественные фильмы, а по либретто – балет. Многоплановость и разнообразие тематики присуще творчеству Фёдорова, но его темы при этом словно сами «находят» для себя подходящий жанр. И в каждом из представленных жанров происходит вдохновенная обогащающая трансформация – в них вкрапляются яркие и талантливые «представители» других жанров и направлений. Но самое дорогое для Владимира Фёдорова, и в этом он абсолютно солидарен со своим великим предшественником, – это стихи!

Анализируя явную схожесть интересов Николая Гумилёва и Владимира Фёдорова, следует сказать об их притяжении к языческим религиям.

Оккультные учения и антропософия, христианство и экзотические религии Востока – такие как буддизм, зороастрийские учения и анимизм, – специфически преломляясь, играли большую роль в поэтическом мире Николая Гумилёва. Ностальгия по чужим, экзотическим культурам – важный импульс и движущая сила, выражающаяся во всей жизни и творчестве поэта. Это стремление, эта тоска имеет глубинную, чувственную природу. Особенно интересен в этом смысле его интерес к фольклору северо-восточной Африки, его занятия философией и поэтикой древнего Ирана.

Владимиру Фёдорову также интересна история языческих религий – он написал о шаманизме северных и других народов мира несколько научно-популярных книг (Тайны вуду и шаманизма. – М.: Вече, 2002, переиздание 2005; Служители трёх миров. – Якутск: Бичик, 2003; Воители трёх миров. – Якутск: Бичик, 2004). В этих книгах Владимир Фёдоров цитирует стихотворения Гумилёва «Консул» и «Дагомей», которые органично вписываются в ткань повествований. После выхода книг он был приглашён на всемирный съезд шаманов и исследователей шаманизма в Гренландию. И с той поры ежегодно получает подобные приглашения...

«Весь мир – театр...»

Николай Гумилёва неудержимо привлекал процесс драматургического воплощения его многомерной творческой вселенной. Особое его внимание и любовь заслуживал театр марионеток, притягивая своей образностью и условной природой. Итогом стала пьеса-сказка «Дитя Аллаха», достойная переливчатого, многопланового, тончайшего искусства марионеток.

В ней тот же мотив, как и в предшествующих пьесах: «Актеон», «Гондла» и в последующих: «Отравленная туника», «Дерево превращений», «Охота на носорога» – рассвет человеческой личности, пробуждение её в безликом сером мире, выход из доисторического младенчества в историческую юность.

Театр марионеток многообразно обогатил драматургический кругозор Гумилёва, позволил изначально заданной и непрерывно развивающейся исторической и личностной тематике, поэтическому провидческому вдохновению вознестись над повседневностью и проникнуть в суть вещей, начало начал.

Читая пьесы Гумилёва, мысленно вплетаясь в их полотно, захлёбываешься от радости или от горя, от всех тех чувств, с которыми они идут служить миру искусства.

В. Фёдорова так же, как Н. Гумилёва, влечёт к себе театр, он автор более десяти пьес, лауреат Государственной премии Якутии за спектакль «Одиссея инока якутского». Следует отметить, что историческая тема тоже очень близка и любима В. Фёдоровым, об этом свидетельствуют все его пьесы, о которых можно с уверенностью сказать, что они написаны рукой опытного драматурга. Пьесы и спектакли по ним превращаются в памятники великим людям, оставившим свой след в истории становления Российского государства.

Истоки духовной и творческой основы его пьес проистекают из бережного сохранения национальных традиций, целостного ряда важнейших сюжетных линий, в конце концов органично соединяющихся в единое целое, динамичного развития событий. Пьесы В. Фёдорова, как и пьесы Н. Гумилёва, обладают огромным потенциалом для сценического воплощения в различных театральных жанрах и форматах.

А такие блистательные драматургические произведения Владимира Фёдорова, как «Одиссея инока якутского», «Апостол государев» и «Созвездие Марии», которые увидели зрители не только Сибири, но и Москвы, Санкт-Петербурга, верится, непременно войдут в золотой фонд драматургии и Якутии, и России.

Вера и правда горящих строк

Оба поэта правдивы и искренни, они сердечно открывают в своей поэзии всё самое сокровенное, самое глубинное. И это честное отношение к своим читателям, такой подход к своему творчеству их ещё больше объединяет. Правда – очень тяжёлая ноша, огромная ответственность... Нет места в их жизни и творчестве фальши, черновому варианту, возможности перечитать и переосмыслить заново. Нет! Они живут в полный рост, говорят в полный голос, горят правдой, поют от сердца, а не по нотам. Как здесь не вспомнить слова русского поэта и критика Константина Батюшкова: «Живи, как пишешь, и пиши, как живёшь: иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы».

Владимир Фёдоров, словно следуя завету Николая Гумилёва: «...не хочу выдавать читателю векселя, по которым буду расплачиваться не я, а какая-то неведомая сила», не допускает даже тени лжи или полуправды. Эти поэты всегда помнят о Божием Суде, считая себя поэтами не только по призванию, но и по званию, по высшему повелению: когда Гумилёва спрашивали, кто он, отвечал: «Я – поэт». И в списках смертников он был обозначен: «Гумилев, поэт».

Он готов держать ответ перед Богом по всей строгости, ставя себя в ряд с разбойником, мытарем и блудницей:

И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще.

Чтоб войти не во всё открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: «Вставай».

Светлые и строгие, чистые и молитвенные слова слышны и в колокольном звоне поэтической души Владимира Фёдорова. Он постоянно обращается к горним мирам, к Богу:

«И поплывёт моя душа / Навстречу ангельскому хору...» или: *«Попрошу у Господа прощенья / Я у тихо плачущих свечей...»*.

И великой верой о христианском конце жизненного пути струятся исповедальные строки из книги «Красный ангел»:

И в награду, вставив свечку в руки,
Среди диких, неприветных мест
Вскинут в небо надо мною други
Златосмольный лиственничный крест.

Оба поэта идут по одной дороге – дороге к Богу. И даже фамилии их в этом созвучны: «Фёдоров» – Богом данный, а «Гумилёв» – в средневековой латыни означало «смиранный», и была в этом своя правда – в конечном итоге оказалось, что этот болезненно самолюбивый и гордый перед людьми человек перед Богом действительно имел «сердце сокрушённо и смиренно».

Осуществляя круговорот всего сущего, Природа осязаемо и неосяземо сохраняет и преобразует ранее существовавшее. Она – великий хранитель и творец. Только этим мы можем объяснить такой живой и непосредственный пример воплощения и продолжения гумилёвских традиций в творчестве Владимира Фёдорова. Кто же первым заметил их необычное сходство? О, эта удивительная история заслуживает, чтобы о ней рассказали подробно!

Как ни странно, но впервые это авторитетное утверждение прозвучало не в России, не в родной поэту Якутии, а в Америке, в начале 1990-х годов. Тогда в нашей стране основательно знакомы с творчеством Гумилёва были немногие, в то время как русскоязычные литераторы за океаном знали и помнили его достаточно хорошо. И когда сборник стихов Фёдорова «Красный ангел», изданный в Якутии, промыслом провидения попал в знаменитый Клуб Русских Писателей Нью-Йорка, старейшего русскоязычного литературного сообщества, основанного на базе кафедры славянских языков Колумбийского университета, он сразу привлёк к себе пристальное внимание.

В газете «Новое русское слово» вышла рецензия на целую полосу, где прямо в заголовке Владимир Фёдоров был назван продолжателем гумилёвских традиций, а в тексте – «гумилёвцем, наверняка тайно хранившим и читавшим в годы запрета его томик». Автором рецензии был известный представитель второй волны русской эмиграции в Америке, человек нелёгкой и интересной судьбы – Вячеслав Клавдиевич Завалишин, талантливый искусствовед, журналист, поэт, литературный и художественный критик, автор многих материалов о ранней советской литературе, тонкий знаток и почитатель Гумилёва, первым издавший собрание его сочинений в 4-х томах ещё в 1947 году, когда Гумилёв был запрещён в СССР.

Согласитесь – такой отзыв дорогого стоит! Это признание чёткой и чистой наследственной поэтической линии «Гумилёв – Фёдоров» Вячеслав Завалишин сделал незадолго до своей кончины в 1995 году, можно сказать, что это было одно из его последних литературоведческих исследований и открытий. (Тем более что у Фёдорова, родившегося при Советской власти в далёкой Якутии, просто не могло быть такого томика, да и Гумилёва он тогда знал лишь по машинописным перепечаткам нескольких произведений.)

Такая параллель, конечно же, возникла из-за тематической схожести их стихов, творческих принципов и устремлений, переключки биографий, бесподобной музыки слов, в стремлении к гусарскому дерзкому броску через вражеские редуты, навстречу огненным вихрям и звёздным ветрам...

В молодые годы Николая Гумилёва считали своим учителем и Анна Ахматова, и Осип Мандельштам, и Георгий Иванов, хотя потом они пошли другим путём.

Можно также сказать, что гумилёвские поэтические традиции прослеживаются и в поэзии Эдуарда Багрицкого и Михаила Светлова с их военно-революционной тематикой («Контрабандисты», «Гренада» и т. д.). В более поздний советский период у Николая Гумилёва и не могло быть последователей осознанных, поскольку он был запрещён и почти неизвестен, если кто-то и шёл по его пути – то, скорее, интуитивно, в силу соприкосновения творческих судеб и принципов. Примером этого может быть ранняя поэзия Егора Исаева и Ярослава Смелякова, творчество Станислава Куныява и других поэтов разных поколений.

Но в данном случае, проводя параллель Николай Гумилёв – Владимир Фёдоров, ещё раз хочется отметить именно их кровное, братское родство и в обострённой гражданственности – отличительной черте русского поэта, и в любви к Родине, и в осенённости светом природы.

Поэт должен с отвагой нести в своём сердце имя впереди идущего, солнечной силой своей поднять обронённый меч собрата! Иначе он глух, слеп и беззвучен.

Дай бог, чтобы это поэтическое родство и органичное единение, достойное и благородное дело наследования традициям Николая Гумилёва воплотились в крылатые творческие откровения и открытия Владимира Фёдорова, в его восприятие природы и мира, в зов и тайну его поэтического чувства!

Берега прочтения

Василий Киляков

Василий Киляков – родился в 1960 году в Кирове. После окончания Московского политехникума работал мастером на заводе, служил в армии. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького в 1996 году (мастерская М. П. Лобанова). Публиковался в журналах: «День и ночь», «Гостиный Двор», «Литературная учёба», «Наши современник», «Новый мир», «Огни Кузбасса», «Октябрь», «Подъём», «Юность», в газете «Литературная Россия» и других изданиях. Лауреат Всероссийских литературных премий: «Традиция» (1996), им. Б. Н. Полевого (1996), премий: «Умное сердце» (2010), «Дойче Велле» (Берлин, 1992), отмечен за книгу «Посылка из Америки» в номинации «Лучшая проза на русском языке 2019 года в Германии», на германском Международном конкурсе русскоязычных авторов «Лучшая книга года» и др. В 2019 году вошёл в короткий список «Чистая книга» конкурса Ф. А. Абрамова, короткий список премии им. В. Г. Распутина. Владелец «Бронзового Витязя» (2019) Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Лауреат Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» Издательского Совета РПЦ (2019). Член Союза писателей России с 1996 года. Живёт в городе Электросталь Московской области.

Прожить свою судьбу

О романе Александра Кердана «Царь горы»

Кердан А. Б. Царь горы: Роман и рассказы. – Екатеринбург: Изд-во «АсПУр», 2020.

Не предполагал, что придёт время – и появится книга, которая окажется не только на редкость крепкой, правдивой, но – концептуальной. В наши дни, при всём обилии мелких тиражей, направлений и замыслов, подобное явление само по себе удивительное, редкое. С полным правом можно назвать роман Александра Кердана «Царь горы» переосмыслением в чём-то трагической, а в чём-то счастливой человеческой судьбы, мастерски уложенной в строки.

Сюжет романа прост, даже незамысловат, на первый взгляд. Но кажущаяся лёгкость и простота многое раскрывают – именно потому, что роман не отягощён намеренным «триллерством», попытками повествователя увлечь и ошеломить читателя испытанными приёмами, напором и ловкостью писательской руки. Вообще (и это ясно умудрённому книгочею) там, где блистает мастерство, – нет места искусству. И часто, напротив, книга, в которой многое открывается через простые человеческие взаимоотношения, выигрывает во всём. Да и век-то какой избран автором: смена веков, эпоха перемен, о которой так неодобрительно отзывались китайские мудрецы. Потому здесь многое иначе, чем в томах других наших современников, которые специально «затёсаны» под массовый читательский интерес, под успешную продаваемость с лотков и прилавков.

В самом начале романа мы встречаем двух мальчишек: они – друзья и в то же время – антагонисты. Противостоят друг другу не намеренно, а так устраивается и причудливо протекает их жизнь, так непредсказуемо вершатся их судьбы. Читая роман, вспоминаешь это время, которое многие из нас застали, необычайно сложное и противоречивое.

Повествование увлекает сразу. Да, всё так и было, но разве можно заранее кого-то из ребят в начальных классах отличить или осудить? Это было бы наивно. Человек и отношения изменчивостью своей подобны облакам, погоде, реке. Часто для окружающих человек незаметен внутренним, никому не приметным ростом или, напротив – вдруг поражает нравственным «откатом». Ты только осудил или похвалил его, а он уже – другой.

Один из друзей-товарищей, Виктор Борисов, «Бор» – сын добросовестного служивого прапорщика и матери-рабочей при заводской кухне. От его имени ведётся повествование. Он «стартует»

в марафоне жизни, как едва ли не все в советской действительности – со среднего положения. Он, его семья – одни из многих и ничем не выделяются в среде подобных людей той, советской эпохи. Разве только сердечным талантом Бор награждён: совестлив, простодушен. И умом вроде бы не обделён да способен к точным наукам: математике, физике. Семья весьма среднего достатка, и от её положения в социуме многое зависит в судьбе сына.

Другой – его погодок Николай с громкой фамилией Царедворцев – сын Героя труда, металлурга и внук известного деда-шахтёра. Здесь завязывается тот узелок, который немало откроет в сюжете книги и в судьбе страны. Николай для «продвижения по жизни» подготовлен неплохо: оснащён нужными знакомствами и протекциями через отца и мать. Всё заранее готово для того, чтобы он одержал убедительную победу в соревновании с любым из школьных товарищей. Здесь за текстом многое присутствует невидимо, непримечательно даже поначалу. «Гордость привилегий», как у богов Олимпа, благополучно и честно не скрывается. Семья и её окружение открыто гордятся Царедворцевым-старшим, отцом семейства с обширными связями. Мама Николая – тоже не последний человек в областном городе, с рангом и статусом. Но так ли существен был он тогда, да и, по большому счёту, важен ли вообще – особенно в Советской России? Ведь не внешние возможности, а внутренние достоинства и нравственную жизнь многие русские философы и писатели считали приоритетом.

Книга «Царь горы» ставит под вопрос привычные, казалось бы, обстоятельства. Мы не слышим, как родители-Царедворцевы напутствуют сына, поскольку автор строит свой текст не прямолинейно. Откровенность диалогов и поступков замедлила бы сюжет, повлияв на динамику романа, и в конечном счёте упростила бы и исказила действительность. Ведь в советские годы было очень важно даже не то, каких авторов изучали на уроках русского языка и литературы, как преподавались школьные предметы «из истории» своей страны. Куда весомее – ЧТО и КАК говорили родители своим чадам в ту пору дома, на кухне, когда их никто, кроме своих, семейных, не слышал. Личный пример отца и матери значил очень много. Образовывала молодое поколение семья, а не школа или ВУЗ, не пионерия и комсомолия, хотя многим казалось, что это именно так. Николай Царедворцев уяснил одно: для того чтобы руководить и получать высокие награды, необходимо отличаться от всех. Вот одновременно загадка, тема и ключ этой книги: дилемма «жить как нужно» или жить жертвенно – как Овод или Пашка Корчагин. Если сравнивать судьбы Виктора и Николая, здесь же и разгадка. Главное – не выдуманное, а подлинное положение в стране накануне «перестройки с ускорением», как и объяснение тому, что произошло после девяностых. В том, что именно говорил сыну Герой труда, бывший металлург (а ныне высокий партийный начальник) между тяжелейшими аврами своей работы, видятся причины и намётки будущего страны. Здесь цена всем выпелам, наградам, званиям, должностям Николая – будущего удачливого полковника, прозаика, главного редактора, как и его товарища – Бора. Тут секрет и скорого продвижения по службе Царедворцева-младшего.

Впрочем, в этом отборе из рабочего люда, из простонародья лучших и в превращении их в героев и руководителей, конечно, тоже были свои тайны и своя политика, проводимая советским и партийным чиновничеством. Боялись повернуть «не туда» даже при отборе и чествовании героев труда и войны. И если уж дали одному орден и подучили, что и где следует говорить, – тогда ему, орденосцу, цены нет: он сам или его сын обязательно «выйдут в люди», станут «царями горы». Повелось так: не по рангу, не по заслугам награждать, а по возможностям и по близости к награждающему. Придёт время, когда награждённый и сам чествующих его сегодня наградит, в недалёком будущем. Пусть же и остаётся в профессии не шахтера или сталевара, а «профессионального героя труда» – или двигает в высокие чиновники. А трудягу в ватнике, работающего не хуже, а порой и лучше избранного орденосца, – не заметят в упор. Вот эта неправда, это двуличие и подломили великую страну. «Домострой» на новый советский лад не удосужились написать, а «Кодекс строителя коммунизма» вдруг перестал работать. Строили развитой социализм, но не услышали треска падающих лесов, подпорок и скреп... Угрозы развала «шестой части земли» не увидели даже опытные политработники. Кстати, Николай и Виктор свяжут свои судьбы с военными политическими училищами, а их выпускники были тогда не номинальной, а вполне определённой частью советской элиты.

На честных и принципиальных в восьмидесятых годах стали смотреть, особенно на собраниях, косо: скорей бы домой, в семью, к телевизору – или в пивную. В семьях офицеров, силовиков, высоких чиновников двойная мораль была тем ярче и заметнее, чем выше должность занимал дед, кум, сват, отец или брат. В действительности среди назначенных «честными и принципиальными»

остались в ту пору на виду и на плаву одни «царедворцевы» – то есть витрина, антураж. И вот здесь находки автора «Царя горы» бесценны.

Да, так и было, едва ли не всё – напоказ. Вектор движения к «победе коммунизма во всём мире» остался прежним, но перенаправили его теперь на себя, любимых. А когда это случилось? – никто и не заметил. И стали жить не для страны, а для себя и для своих. Принялись «массовым порядком» строить не государство равных возможностей, а успешную собственную карьеру. Индивидуалисты-карьеристы взяли правление в свои руки, натянули гужи – и уже не выпускают. В самые верхи выдвинулось похожее племя – подобались подобные к подобным. Оттого и смута заходила в СССР: медленно, годами нависала она, как чёрная гроза над столицей.

Автор убедительно показывает это на примерах нескольких судеб, нескольких семей. Да, смотрели ещё с гордостью фильм «Офицеры», где профессия – и бесспорно главная: родину защищать. Но уже иронизировали и смеялись едва ли не в голос над строками известной песни: «Жила бы страна родная, и нету других забот...» Чинуши и чинодралы не теряли времени: взобрались на возвышенное место по тыльной, спокойной стороне горы (как ребятишки в начале романа, где так удачно автор символизировал рукопашную в верхах), а всех остальных – сбросили. Да и по сей день неумоимо сбрасывают вниз тех, в ком видят хоть малейшее противоречие своей «валентности» и тем паче угрозу своему привилегированному положению.

Без оглядки на иных достойных авторов и на мнения литературного бомонда, общественные разногласия и разномыслие, на противостояние или, напротив – дружбу каждый, прочитавший книгу Александра Кердана «Царь горы», уж точно не останется внакладе. Недоразумений не возникнет ни у кого из читателей – ни у «левых», ни у «правых»: это книга многих достоинств, её трудно переоценить. Роман вынашивался, наполнялся наблюдениями, раздумьями, размышлениями тридцать лет, отданных автором службе в Вооружённых силах страны.

«Тяжеловесы» от литературы не выбирают «направления» – они шагают наособицу, двигаются самостоятельно. Крупный писатель устанавливает свои правила и свои законы. Но чтобы в один приём написать роман, который бы так далеко и так, одновременно, близко отстоял от 90-х, которые мы помним каждый по-своему, это – поразительно. И нестерпимо больно.

Совсем непросто из как будто подзабытого, но до сих пор тревожного времени, пережитого с огромным напряжением души и воли, взять и оформить в свежих образах самое важное для писателя-современника. Написать роман-ключ к эпохе – трудно. Нужен такой «ключ», чтобы открыл новые черты в прошлом, соединил грани недавней нашей действительности и горизонты сегодняшней жизни. Александру Кердану такой «ключ» отыскать удалось. Именно поэтому у читателя складывается абсолютная уверенность в том, что форма романа как бы «сама себя нашла», а не была придумана, сконструирована или кем-то подсказана автору. Так бывает, когда сюжет, концепция, характеры, – всё вызреет и сложится. Ни к чему тогда размышлять об архитектонике, линейности или нелинейности повествования. Тогда роману реалистическому, на фактуре и плоти основанному, повествовательному – не соперник никакой детектив или триллер. Никакая выдумка по увлекательности и эмоциональной отдаче – не соперница правде событийной. Как эпистолярный, как послание лучшему другу-читателю воспринимается такой роман. Подобная книга всегда – удача, одна из немногих настоящих среди «бумажного озера» или литературы, создаваемой, как под копирку, на тему заведомо выигрышную, однонаправленную. Серости среди авторов в этом «озере» много, и мысли всё – похожие: или 90-е у них «святые», или баланда жидка. Так всегда, когда цепляются к «выгодной» теме (мы такие «темы» знаем наперечёт). Номинанты и лауреаты разрекламированных «крупных» современных премий последних лет: «Ясной Поляны», «Большая книга», «Нос», «Нацбест» – в сущности, писали об одном и том же...

«Царь горы» прочитался в один день. Вот, например, как автор описывает перелёт в Кабул на «транспортнике» самолёте Ил-76.

«Рядом с Борисовым оказался вертолётчик капитан Николай Гаврилов, летевший в Афганистан во второй раз. Откинувшись на стёганую обшивку сидения, он со знанием дела отвечал на вопросы новичков.

- Как там “за речкой”? Стреляют часто?
- Бывает...
- А где лучше к нам местные относятся?
- Там, где нас нет...

Внизу мелькали хлопковые поля, зелёные кроны чинар и свечи тополей. Вдоль горной гряды извивалась коричневой змеей река.

– Это – Пяндж. За ним – граница! Вот мы и в Афгане, – то и дело тыкал рукой в иллюминатор улыбочивый Гаврилов.

Но скоро земля скрылась за пеленой облаков. Борисов, прильнув к иллюминатору, с любопытством наблюдал за “небесными странниками”, пока среди облаков не стали появляться проплешины и не замаячил новый, непривычный пейзаж: плотно прилепившиеся друг к другу дома с плоскими крышами, убогие поля, разделённые глинобитными дувалами, островерхие горы, на которых, несмотря на лето, дымился снег... Прорывались сквозь небесные хмари, на неприступные склоны падали солнечные лучи, и снежные пики мерцали разноцветными искрами, как дорогое ожерелье, накинутае Аллахом на плечи южной красавицы.

В какой-то миг Борисову показалось, что стайка мерцающих искр устремилась прямо к самолёту, но “Ил” снова нырнул в облака...»

И далее в романе «перезагрузка». Вновь прибывшие прапорщики и офицеры освобождают Ил-76, выходят на бетонку. В самолёт тут же загружают убитых и раненых.

«Так точно. Цинковые гробы в деревянные ящики упакованы, чтобы не повредить при транспортировке... – пояснил Гаврилов. – А ты заметил, что по нам из ДШКа влупили, когда мы над Хазарджатом летели?»

– Видел какие-то искры со стороны гор...

– Значит, испугаться не успел... – усмехнулся Гаврилов. – Побудешь здесь, научишься искры от выстрелов отличать...

– Так, выходит, нас могли сбить?

Гаврилов покачал головой:

– Нет. Эшелон, на котором мы шли, для ДШКа недосыгаем. Духи просто так, от бессильной злобы пуляли! Вот если бы у них “Стингер” под рукой оказался, тогда бы нам никто не позавидовал».

Напряжение, с которым передан перелёт Бора в воюющий Кабул, – это подлинность состояния перелёта во враждебный стан. Не зря говорят: «Кто в море не бывал, тот Богу не маливался». Для тех, кто повоевал, такие страницы бесценны особым погружением в пространство «между Сциллой и Харибдой», с полным доверием к «материалу». Если только можно назвать материалом само бытие человека, офицера, воина на этой земле.

Таких сильных, пережитых, убедительных – настроением, правдой, глубиной, промеренных как бы глубокоководным шестом совести и воли автора – страниц в романе множество, он соткан из них. «Окунувшись с головой в правду – врать не станешь», – справедливо говорят в народе. Взявшись за серьёзную книгу, волей-неволей стряхиваешь всю шелуху, всё наносное, пустяшное – остаётся Правда. Вроде бы «легко» и «наскоро» написанный без претензий на исключительность роман «Царь горы», несомненно, займёт особое место в литературе подлинной.

Описание спасаемого офицерами блокпоста от гружёного «под завязку» взрывчаткой грузовика, направленного на ворота комендатуры, – тоже незабываемо. Так же проходишь сквозь сомнения и дрожь вместе с Бором к автобусу с моджахедами... И какой же несамостоятельной забавой кажется на фоне этих жизненных реалий игра в прятки с историей, готовность в разных тональностях и «амплуа» ругать наше общее прошлое!.. А именно такой игрой представляются нескончаемые попытки поражать даже самое уважаемое жюри всё новыми и новыми «филологическими находками», говорящими о «безнадёге системы» и, конечно, о наиболее бездушном и бесчеловечном времени СССР – об этом особенном 1937 году. Какую «премиальную» книгу ни возьми – всё об одном. Незамысловато устроена нынешняя жизнь литературного истеблишмента: желаешь известности и премий – пиши о 37-м или о разгроме СССР в 41-м. Но вот опубликован роман «Царь горы» – и это яркий пример прозы не для красного словца или пустого интеллектуального развлечения.

Литература русская своим истоком – вся из святоотеческих писаний, из монастырских отечников. Оттого тяга к реализму, к правде, серьёзное отношение к слову всегда были на Руси органичны и ценимы, а забава и хохма никак у нас не приживаются. Сколько их сегодня, писателей, никогда не бывавших ни в узах долгих, ни в Обителях Соловецких или на Колыме, ни в таёжных местах Красноярска – но целые тома о том написавших... Ладно бы – краеведческие или историографические, нет же: сплошь художественные сочинения с претензией на подлинность, на правду. А как выбрать:

какую правду читать? Ведь выбор, по сути, поучителен: поиск смыслов – и обогащение или трата времени и жизни. А жизнь человеческая и без того не долга.

Образ Китежа-СССР – интересен, поучителен, увлекателен. Но чтобы найти Китеж, как известно, нужно верить, помнить и знать – знать неподдельное и не приглаженное, знать для жизни, для дела, для будущего. Дорога правда именно тем, что она несёт зримый, ясный, осязаемый опыт. Не опыт придуманных Имитаторов, Авиаторов, Виолончелистов-Альтистов-Капельмейстеров, Учеников чародея, Чапаевых с пустотой, имя коим – легион. Не опыт сюжетов, основанных на бесовщине или увлекательно выстроенных на надуманных идеях и смыслах, проистекающих из одного и того же корня: из ненависти к стране и к «хозяину», к русскому народу...

Роман «Царь горы» – книга нынешнего, «сего дня». В такой книге невозможно врать. Небылицы – удел сочинителей, готовых утащить за рукав в сторону читателя и нашёптывать ему на ухо про «каменные мосты», блуждая по которым отыскивают родственников, след которых потерян на Лубянке. Или – бродя по каменным мостам, сочинять о надуманных алхимиках, не бывших, не живших, и по состоянию духа – никак не могущих быть ни в «авиаторах» в 37-м, ни в «монахах» XV века...

Нестерпимо, невыносимо, непереносимо «поднимать на попу», как говорят в народе, грязненькое и пошловато сконструированное прошлое – и, перевернув его комлем вверх, радоваться «новизне» сказанного до тебя уже десятки раз, умиляться, сравнивая надуманное с днём сегодняшним.

Так в чём же **фокус** именно этой книги (фокус – как точка наведения цели или схождения пучка лучей)? Казалось бы, в романе Кердана – современные типы, которые известны и понятны нам, сегодняшним, живущим в этом, ещё «непрошедшем» времени. В книге – как будто всё то же, что продавали нам более тридцати лет, начиная с 90-х, выдавая за «правду». То же, да – не то! Вот именно этим книга Кердана увлекает и ведёт за собой: отличим истинного изделия от подделки и поделки. Именно этим она и дорога серьёзному читателю – молодому и старому, представителю любого поколения, ищущему правду. Ответ тут прост и открыт не мной, его сформулировал ещё в XIX веке Оноре де Бальзак: «Секрет всемирного успеха – в правдивости». В следующем столетии его поддержал наш Василий Макарович Шукшин, сказав, что, если писатель желает, чтобы его слушали и слышали, он «должен макать своё перо в правду».

Роман возвращает нас не в надоевший 37-й год, а к нам самим, к тому времени, когда едва-едва начиналось разложение и разделение великой страны, расслоение на «царей» и «охлос». Разлом этот, случившийся не вдруг, готовился десятилетиями. И вот страну раскрошило – не собрать. Но почему? Причины краха СССР – внутренние, по-человечески понятные. Но когда читаешь роман «Царь-горы», видишь вполне отчётливо, что «великая геополитическая катастрофа» – не от случайностей, не от ошибок... Не от введений войск в Чехословакию; и не потому, что советская власть дискредитировала и унизила себя криками Хрущёва в Манеже; не от нетривиальных «письмен» Солженицына, обращённых к западному потребителю. СССР распался не из-за догадок предателей Резуна-Суворова или Калугина, не волшебством гениального провидца и проводника-талмудиста М. А. Булгакова. Вся суть распада СССР была во внутреннем человеке, то есть – в нас самих. И, читая книгу Кердана, отчётливо понимаешь: автор сказал главное, о чём не говорили до него так ясно, образно, на примерах характеров и судеб.

Трагедия СССР, следуя логике автора, заключалась в одном и в главном: в разделении мировоззрений советских граждан. Разделение их на «избранное меньшинство», приладившееся, устроившее себя и детей – и на 225 миллионов прочего населения, которое обходилось малым. Но ждало и верило, живя и в этом – не узком, но суженном, промозглом и малом – пространстве, как в загоне для скота. И всё же верило в гораздо более справедливое общество, не понимая, что для «царей горы» они уже – и не люди, а так, забавные млекопитающие... Два этих мировоззрения никак не срастались, не вязались одно с другим. Но ведь люди и жили, и верили – в социализм, коммунизм. Одни честно работали, честно воевали, не искали сладкого и лёгкого. Другие же, царедворцевы, желали сладкой жизни исключительно для себя и для своих детей, и вовсе не когда-то потом, в прекрасном будущем – а вот сегодня, сейчас. Вот причины истинного разлома, развала, разреза – как его ни назови. Конфликт мировоззрений нагнетался, собирался десятилетиями. И именно здесь подлинная причина «геополитической, величайшей катастрофы XX века». Роман убедительно, доходчиво доносит до читателя мысль, что раскол произошёл именно по внутренним убеждениям, и раскол этот зрел давно, длился десятилетиями и пролегал даже по семьям – и сквозь семьи.

Известно среди литературоведов, что и «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына был написан именно по той же причине: «в отместку». Никогда бы «ГУЛАГ» не был даже вчерне написан, если б автору вовремя дали литературную Ленинскую премию за публикации в журналах. Премию эту он очень желал и мог бы получить, но не вышло – не одобрили в ЦК. А до этого обошли с премией Ленинского Комсомола: не проходил он уже в то время по возрасту – на ту пору ему уже за сорок было, а «комсомольскую» премию молодому литератору могли дать, если тому сорок не исполнилось. И не тогда ли, не с обиды ли он и пожелал большего? И гораздо большего: славы, валюты, полной свободы... По точному кердановскому определению, пожелал стать «царём горы». То есть пожелал и стал врагом Страны Советов, особенно же – и в первую очередь – врагом коммунизма. Даже писатель такой величины, прошедший многое в своей жизни – и тот нашёл естественным и необходимым обидеться и начать мстить. Что уж говорить о других, рядовых царедворцевых?

Но обида была лишь одной из причин нравственной деформации. В романе прочитывается, что никакой подобной обиды, как и никакого базаровского цинизма, «нигилятины» у Николая Царедворцева и в помине не было. Не было и геройства – всё проще. Такой человек в СССР (а это конец 80-х годов) стал «человеком разумным»: он уже не участвует в субботниках, воскресниках, «досрочных» пятилетках, а если участвует, то лишь для проформы. Он находит себе подлинное место в схватке за «вершину горы». Честная жизнь, а тем более энтузиазм становится уделом «заурядных», на его взгляд, людей – «младших братьев по разуму». Разумный человек заходит сзади, с тыла горы. Свободно и незаметно карабкается наверх. Через своих или таких же, как он сам, разумных. И сталкивает всех остальных, не нужных, мешающих ему, сопротивляющихся – сталкивает всем скопом. Он один на вершине – так он видит себя. И помогая продавать деду помидоры на городском базаре, и совершая заведомо никчёмную вылазку с разведротой в Афгане – хранит одну мысль: кто овладевает высотой – но не горной, а карьерной – тот и получает всё.

И здесь автору удалось очень точно схватить этот важнейший момент – овладение ситуацией. Отнюдь не честь, не чувства здесь в цене, не монологи тургеневских барышень и прекраснородных дворян, не мудрствование толстовского Поликушки или умиротворяющее бурчание горьковского Луки о «не деянии» как о смысле жизни. Автор книгой своей открывает нам причины сущностного противостояния – не то что народов, наций или мировоззрений, вовсе нет – а людей одного поколения, ближайших друзей, вдруг разделённых на «элиты» и «народ».

Если народ и «элита» врозь – это очень серьёзно. И заметно это стало в конце 80-х. Серьёзность разногласий была доказана кровавыми девяностыми не только стрельбой по Дому Правительства, о чём так пронзительно сказано в рассказе Александра Кердана «Экипаж машины боевой», где полковник-отставник с удивлением и трепетом близкой смерти ждёт выстрела из танка по «Белому Дому» от своего же ученика. И, как человек бывалый, предполагает неисчислимые разрушения, всё же надеясь, что до стрельбы дело не дойдёт: ведь это центр Европы, Москва, а под прицелом танков – избранные народа. Но стрельба начинается...

Роман уносит нас в личные воспоминания о важном и дорогом, о тех, кто рядом с нами и сейчас или – из ближних того времени. В воспоминания о незабытых ещё товарищах, заставляет заново погрузиться в калейдоскопы их судеб. В разных формах и ракурсах показывает детали армейского быта, развенчивает мифы о службе, глубоко вскрывает сущность двух войн...

Отдельная сюжетная линия – орнамент непростых семейных отношений Николая и Виктора. Трагический разлад в первой семье Бора из-за гибели малолетней дочери, попытка построить своё счастье на несчастье другого – увести из семьи замужнюю Майю... И здесь тоже явны параллели с изменившимися принципами общественной жизни, с изменением роли женщин в ней. Читая роман Кердана, понимаешь, что правила вежливости и достоинство терпения в подобных обстоятельствах отходят на второй и даже на третий план. Жизнь куда сложнее и теперь устроена по принципиально иным, чем прежде, до 80-х, правилам. Но одно в ней осталось неизменным: полное равнодушие «царей горы» по отношению к тем, кто пребывает внизу – или сброшен вниз, но находит ещё в себе силы не сдаваться и карабкаться наверх...

Уже и в то, советское, время поступались принципами. «Элиты» – легко, а за ними – и остальные. Уже тогда это были люди разных формаций. Одних совсем скоро с позором окрестят «совками» за их «наивность и доверие властям», а скептиков и маловеров советских назовут «новой российской элитой». Те, кто тогда уже был наблюдателен и умён, назвали эту элиту «просвещённым мещанством». М. П. Лобанов, например, в 1968-м уже почувствовал этих «царей горы», а также – стрем-

ление низов в это «царство». «Совки»? – не знаю, не убеждён. А вот то, что среди них многие были проповедниками социалистического мироустройства, – это верно. Ими, по большей части, они остались и сегодня, потому что убеждены, что социалистические принципы хоть и спорны, но нравственны. И всем внутренним устроением, моралью своей читатели и писатели давно уже – в рядах разделившихся и разделённых. Вот почему особенно ценна книга Александра Кердана для молодых, не хлебнувших жизни прежнего времени. Мне представляется, призвание книги «Царь горы» – примирать и беречь своего читателя, восстанавливать разрушенный мост между прошлым и будущим.

Бурно и стремительно, как река Пяндж, разделившая в 80-е СССР с соседним Афганистаном на территории «мира» и «войны», увлекает книга Кердана нас за собой, уносит в недалёкое (или уже далёкое) прошлое. Эта река, которую на пути в Афганистан с борта самолёта видит молодой офицер, от имени которого ведётся повествование, эта мутная грязная река «змеит-течёт» среди гор, откосов, отрогов – и уводит современного молодого читателя в иную реальность, в нашу молодость – опасную, заминированную. Заминирована была она и Афганистаном, и бандитским разгулом в стране, и Чечнёй. А до того – Карабахом, Узбекистаном, Грузией, землетрясением Степанакерта...

Но Пяндж – явный символ повествования – так же энергично и возвращает нас, прочитавших книгу, в нынешнюю действительность. Возвращает поумневшими и более опытными. «Трёхсотые» – раненые и получившие увечья, мы возвращаемся к себе, а «двухсотые» – погибшие, остались «там, за речкой» навсегда. Но и вернувшиеся – тоже до конца не вернулись: незабываемые кошмары остаются с теми, кто воевал, – на всю последующую жизнь. Пяндж – это тот смысл, тот нравственный отчёт перед собой и другими, в котором впоследствии не забудутся горы Ичкерии и разрушенный Грозный. Каждый прожил в наше время свою судьбу на войнах и на гражданке, да и «Цари горы» не избежали того, что было им на роду написано. А иные – если даже им кажется, что ускользнули, – не уйдут всё равно от суда совести, Высшего Суда, о чём очень по-русски в конце романа размышляет его главный герой. Так в романе Кердана экзистенция ненавязчиво становится эсхатологией.

Чеченские военные действия, находчивость, а по сути – подвиг Бора на блокпосте, за который он не то что орден или медаль, положенную за героизм, не получил, но и сам оказался в зиндане и едва не угодил под суд, наподобие тех горемык, которых сам же и освобождал накануне... Реальные сюжеты и случаи на страницах романа расставляют все точки над «i». А когда всё расставлено правдиво и по местам, текст легче и с доверием читается. Мало того, прочитывается и подтекст романа – то, что не сказано прямо. Потому что говорить назидательно – не лучшая возможность высказаться до конца.

Закрыв последнюю страницу романа, читатель уже не сможет оставаться прежним. Не сможет жить, не соотнося себя ни с хлебнувшим судьбы-кручины полковником Виктором Борисовым, ни с жизнью баловня судьбы Николая Царедворцева, ни с членами редакции журнала «Рассвет», ни с протестующими против строительства православного храма в Екатеринбурге горожанами. Он не сможет не считаться с их доводами, с их правдой, с их жизнями, так колоритно изображёнными автором.

Книгу дополняют рассказы. Они – как бы послесловие и одновременно, если судить по времени их написания, предтеча романа. Разнообразные по тематике, сюжетам, настроению, одни – с юмором, другие – с сарказмом. Иные – с той сердечной русской печалью за оболганную теперь страну и соотечественников. Отдельные рассказы можно определённо назвать новеллами – настолько они непредсказуемы. Стиль и тематика их напоминает эмигрантскую прозу позднего А. И. Куприна. Конечно, речь не о подражании – скорее, о направлении писательского взгляда, о степени мастерства: столько в них живости, жизнелюбия, широты восприятия. Их поймут и оценят все читатели, даже и те, кому повезло не мотаться по гарнизонам и военным госпиталям. Повезло не участвовать в разминировании афганских дорог, уступов, проходов и лазов. Повезло не столкнуться с «двойной правдой» жизни, с судом чеченских старейшин, продажных военных прокуроров и дознавателей...

Особенность прозы Александра Кердана такова, что, погружаясь в неё, не замечаешь, как из рецензента или критика исподволь превращаешься в самого заинтересованного и увлечённого читателя. И здесь опять вспоминаются слова великих о литературе и о правде. Без правды и опыта писателя – нет ни хорошей увлекательной книги, ни убедительной удачи. И в этом смысле правде жизни у Кердана стоит поучиться, как, скажем, умению наблюдать – у Бунина или стиливой элитарности – у Набокова. А по многим находкам, по бытовой сметке, по точности и жёсткости описания войны прозу Кердана можно сопоставлять с произведениями Ремарка, Хемингуэя и того же Куприна.

Нет сомнений, что будущие прозаические произведения нашего современника, посвящённые этой тематике, порадают вдумчивого читателя ничуть не меньше, чем книга «Царь горы».

Тамара Краснова-Гусаченко

Тамара Краснова-Гусаченко – член Союза писателей Беларуси и Союза писателей Союзного государства, председатель Витебского областного отделения Союза писателей Беларуси.

Сын Марины Цветаевой погиб, освобождая Беларусь

«Летом 1944 года Советская Белоруссия была освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Фронт покатился дальше, к немецким границам, оставляя на полях жестоких сражений множество безымянных холмиков – могил советских солдат. Тайны многих из них до сих пор не разгаданы. Так, в одном из боёв за освобождение белорусской вёски Друйка в 1944 году был тяжело ранен единственный сын русского поэта Марины Цветаевой – Георгий Эфрон. Но по пути в госпиталь его следы бесследно теряются. Многие исследователи и военные корреспонденты пытались пройти тропами исследователей этой трагической истории...»

«Сын гения – Жора Эфрон – прожил 19 лет и погиб смертью храбрых. “Мальчишков нужно баловать, – им, может быть, на войну придётся”, – пророчествовала Марина Цветаева, едва сыну исполнился... месяц»...

Поводом к написанию материала послужило горячее желание ещё раз показать на примере судьбы талантливого молодого юноши из аристократической семьи, сына гениальной поэтессы, рождённого и воспитанного на примерах величайших образцов мировой литературы, с привитием самых гуманных принципов и правил жизни, юноши, образованного и способного принести немалую пользу своему Отечеству, но погибшего в самом расцвете жизни в 19 лет в мясорубке войны, всю её (войны), вновь и вновь стучащей в наши двери, нелепость и ненужность...

Таких юношей было много, их миллионы, но столкновение с этой историей породило стойкую потребность рассказать о ней, вновь и вновь подчеркнуть бессмысленность, нечеловеческую жестокость и разрушительность войн, несущих только смерть, кровь, боль, гибель. Ещё раз напомнить людям, человечеству, что война – это разруха, смерть, страдания, и что она – не нужна никому на свете. Никому из живущих. Ибо жизнь человеческая – бесценна. И она хрупка. И, что главное, она – единственная...

И особенно подтолкнула информация о сыне Марины Цветаевой, найденная в Интернете на сайте Министерства обороны РФ в разделе «Книга памяти». Там чёрным по белому написано, что прах Георгия Сергеевича Эфрона покоится в братской могиле в Браславе и перенесён туда из деревни Струневщина. И что погиб Георгий (Мур) в бою за освобождение маленького белорусского села Друйка, от которого сегодня осталось всего несколько домов.

И ещё: пишу, потому что бесконечная тревога переполняет сердце. Потому что сейчас, когда я работаю над этим материалом, на улицах Минска активничает «Радио Свобода». Передаёт по своим каналам в различных ракурсах демонстрации из центра столицы Беларуси, показывая толпы идущих и орущих с лозунгами против интеграции Беларуси и России. Ведёт прямую трансляцию по всем информационным каналам Интернета.

Такая вот действительность. На самом деле толпа не так велика, но показывают её очень активно из разных точек, зрительно умножая и увеличивая. Разговаривая по телефону с друзьями и коллегами из Минска, узнала, что большинство минчан спокойно заняты своими субботними заботами, делами семейными, походами по магазинам за предновогодними покупками... При этом всячески стараются обходить те «беспокойные» улицы, на которых организаторы этих самых беспокойств разыгрывают свой сценарий...

* * *

Месяца два назад мы решили побывать на могиле Георгия Эфрона. День поездки в деревню Друйка был пасмурный, холодный, словом, обычный осенний, который ничем не отличался от предыдущих: серое небо в тучах, морозящий дождь... Золотящиеся ещё кое-где в перелесках по обочинам кроны тополей и клёнов словно напоминали нам о том, что ещё вчера было солнечно и тепло.

Мы подъехали к новому зданию Друйской средней школы Браславского района, расположенному на месте бывшего детского дома. У входа нас встретила директор Людмила Генриховна Король. О встрече мы договаривались заранее, потому, не медля, она познакомила нас с Анжеликой Романовной Букей, заместителем директора. Именно Анжелика Романовна показала нам дорогу к захоронению, ради которого мы и приехали. Оно было на окраине кладбища у деревни Струневщина, которую нынче можно найти далеко не на всех картах.

Путь на машине занял примерно минут сорок. Разговорились. Анжелика Романовна рассказала:

«По поводу могилы Эфрона есть разные гипотезы. Георгий Эфрон принимал участие в боях на этих землях. Именно здесь он получил ранение – есть официальные данные, мы проверяли это через ОВД “Мемориал”. В официальных военных донесениях есть запись о том, что он был здесь ранен и отправлен с обозом в полевой госпиталь. Госпиталь размещался в Миорах, но обоз туда не дошёл. Георгий Эфрон в списках прибывших не значится. Памятник с надписью Г. Эфрону здесь появился давно, точно никто не скажет, когда. После каждого боя работали похоронные бригады. В официальных донесениях указано, что похоронные бригады полков, участвовавших в том бою, вели работу не очень качественно, об этом писал Александр Товиевич Пантелейко, бывший директор нашего музея, в книге “Память: Браславский район”. Часто погибших хоронили и местные жители. В послевоенное уже время часть погибших перезахоранивали централизованно. У нас в Браславе есть памятник воину-освободителю. К этому памятнику и привозили останки погибших из разных деревенских кладбищ, а также из мест, где были захоронения (берег реки, обочина дороги, например: шла война, похоронным бригадам некогда было подыскивать места для захоронений).

Так вышло, что Эфрона не перезахоронили. По одной из версий, захоронений было несколько. Это нашли позже и уже не стали переносить. Наш местный житель уверял, что он лично при захоронении нашёл медальон, на котором было написано “Георгий Эфрон”. Однако в книге “Память: Браславский район”, как и во многих других материалах на эту тему, сказано, что точка в этой истории ещё не поставлена. Фамилию местного жителя назвать не могу – слишком давно это было, но информация проверялась Браславским райвоенкоматом и районным музейным объединением.

Нынче памятник стоит уже новый. Раньше за могилой присматривала Черневская школа, в ней даже уголок в музее был, посвящённый Георгию Эфрону. В 2012 году приезжали сотрудники музея Марины Цветаевой из Москвы, они ездили на могилу Эфрона и тоже говорили о том, что по своим каналам не смогли найти точную информацию, что именно здесь захоронен сын Марины Цветаевой.

В этих местах – по направлению к Слободке – долго длился бой за Друю, было очень много погибших.

За нашей школой закреплено семь воинских захоронений. У нас разработано несколько экскурсионных маршрутов разной продолжительности. Это и велопоходы, и Звёздные походы. В осенний период чаще всего, но бывает и в летние каникулы. Составлена карта захоронений по всей территории – по-моему, она есть в каждой школе. Каждая школа имеет несколько захоронений, за которыми она ухаживает. Операция “Обелиск” проходит у нас ежемесячно. В этом году умер последний ветеран в нашей местности – остались узники концлагерей, вдовы ветеранов.

Говорили, что здесь работала артиллерия, был очень плотный огонь, что во время боя работал снайпер, который вёл такой сильный огонь, что невозможно было подобраться к раненым, и продолжалось это очень долго. К сожалению, медальон, найденный местным жителем, нигде не зафиксирован. С его слов, он отдал его офицеру».

Позднее мы узнали: имя этого человека – Иван Никодимович Абрамович. Ему тогда было 14 лет.

«...Знаете, когда на уроках литературы изучают творчество М. Цветаевой, детям всегда удивительно и интересно узнать, что сын поэтессы погиб на Браславской земле, возле деревни Струневщина...» – продолжает Анжелика Романовна.

И вот мы подъехали к самому месту захоронения. Чисто убрано и ухожено, даже листьев, как это обычно бывает осенью, не было. Ограда покрашена, памятник в отличном состоянии. Установлен он в скромной оградке – на самом краю кладбища, чуть в отдалении, у подножья раскидистой берёзы.

С Пантелейко Александром Товиевичем, исследователем военного периода жизни Георгия Эфрона, мы встретились в тот же день в самом Браславе. И уже позже не раз довелось беседовать по телефону. Александр Товиевич рассказал:

«...В Браславском музее была скромная экспозиция, но в ней только фотографии захоронения. На тот момент мы даже не знали, та ли это фотография... Решили обратиться в архив Министерства обороны, который в Подольске, “Мемориал”. В первую поездку я занялся документами, к которым был доступ. Пошёл от общих сведений до самых-самых мелочей. Сухие военные сводки подтвердили, что именно на территории Браславского района в этом полку, в этом взводе воевал сын Марины Цветаевой. Материалы полковника и журналиста С. В. Грибанова, писавшего на эту тему (статья С. Грибанова «Строка Цветаевой» опубликована в журнале «Неман», № 8 за 1975 г. – Прим. автора) я не брал... Неожиданно в документах нашёл докладную записку, а в ней написано, что Георгий Эфрон якобы пропал без вести...»

Из биографии Марины Цветаевой о судьбах отца Георгия Сергея Яковлевича Эфрона и его сестры Ариадны понятно то обстоятельство, что Георгий как сын и брат арестованных по подозрению в шпионаже был призван 26 февраля 1943 года и направлен в трудовую армию, в запасной полк, располагавшийся в районе подмосковного Алабино.

Оттуда он пишет в своих письмах родным: *«...Я думал, что с моим отъездом нашу семью окончательно раскисировали, окончательно с ней расправились, и меня роковым образом постигло то, чего я так боялся, ненавидел и старался избежать: злая, чуждая, оскаленная “низовка” – тяжёлого труда, дикости, грубости, низовка страшной отдалённости от того, что я любил и чем жил. Прощай, музыка, прощай, литература, прощай, образование: завод, полевые работы, грубость и вонь, грязь и глупость – вот теперь мой удел...» «...Итак, круг завершился – Серёжа (отец. – Здесь и далее, в скобках, – прим. автора) сослан неизвестно куда, Марина Ивановна (мать) покончила жизнь самоубийством, Аля (сестра) осуждена на 8 лет, я призван на трудовой фронт...»*

В письме к сестре своего отца в конце марта: *«Вторично, даже третий раз, я остаюсь в Алабино на неопределённое время. Две недели тому назад, когда рота отправлялась в марш, я в последнюю минуту был выключен из списка из-за болезни и биографических данных...»* Из этих строк очевидно, что юноша просто мечтает, рвётся на фронт...

Наконец он попадает на фронт. Он рвался в бой. Он желал этого. И настроение его меняется. Первая открытка Георгия с фронта датирована 3 июня 1944 года. *«Я всегда чувствовал потребность иногда подводить итоги – и особенно в критические моменты моей жизни. 3 месяца запасного полка, 2 недели фронта (...ну и 19 лет жизни!) Что дальше? Что меня ждёт впереди? Я твёрдо уверен в успехе в жизни, который придёт в своё время, как и общая наша победа, – а её уже видно.*

Пока что работаю по писарской части, но завтра пойду в бой автоматчиком или пулемётчиком. Я абсолютно уверен в том, что моя звезда меня вынесет невредимым из этой войны, и успех придёт обязательно; я верю в свою судьбу, которая мне сулит в будущем очень много хорошего.

...Я полагаю, что смерть меня минует, а что ранят, так это очень возможно».

Нет. Не миновала...

Возвращаемся к рассказу А. Т. Пантелейко:

«Георгий Эфрон был грамотным человеком (а такими в то время были далеко не все), его поставили писарем – это доподлинно известный факт. Потом оказалось, что не хватало людей идти в бой, и ему вручили автомат... Есть документ, подтверждающий, что Эфрон был ранен и выбыл в медсанбат. Есть документы медсанбата, что к ним везли восемь человек, но не довезли – они пропали. Возможно, в обоз попала бомба, это основная версия.

Мы нашли местного жителя (им был Абрамович Иван Никодимович. – Прим. автора), проживавшего ближе всех к могиле. Тот житель рассказал, что они с семьёй прятались в землянке, но погиб кто-то из их родных. Когда бой поутих, они выбрались, чтобы похоронить его тело. Это было на окраине кладбища – там они нашли тело какого-то бойца. Его документы отдали неизвестному офицеру, а также отдали часы и другие личные вещи. Многие предполагают, что погибшим мог быть Георгий Эфрон... Но всё же есть сомнения».

По нашему запросу Браславский райвоенкомат предоставил нам паспорт захоронения, документ, оформленный по всем правилам, вызывает доверие. Он с гербовыми печатями и подписями ответственных людей. Но в паспорте захоронения указано, что это не Браслав, а деревня Струневщина Друевского сельсовета Браславского района, и что в захоронении под номером 2199 покоятся останки трёх погибших бойцов. Вот фотокопия этого документа:

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ

ПАСПОРТ

воинского захоронения
(захоронения жертв войн)

2199
(учётный номер)

Место и дата захоронения Витебская область, Браславский район, Друевский сельсовет, д. Струневщина
(область, район, город, сельсовет, населённый пункт, число, месяц, год)

Вид захоронения братская могила

Охранная зона (границы захоронения) 3 × 1,5 м

Краткое описание захоронения и его состояние

памятник, удовлетворительное

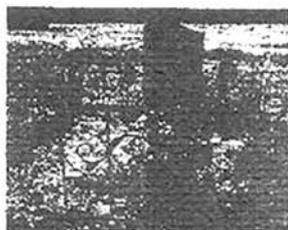
Количество захороненных:

Всего	В том числе по категориям								Из них		Примечание
	военнослужащих		участников сопротивления		военнопленных		жертв войн		известных	неизвестных	
	известных	неизвестных	известных	неизвестных	известных	неизвестных	известных	неизвестных			
11	3								3		

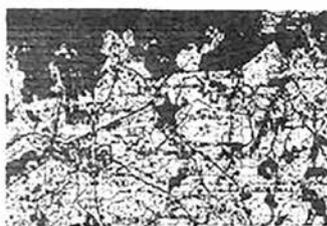
6. Персональные сведения о захороненных:

№ п/п	Воинское звание	Фамилия	Собственное имя	Отчество (если таковое имеется)	Дата рождения	Дата гибели или смерти	Место первичного захоронения	Место службы	Место рождения и призыва
1	Рядовой	Бондаренко	Степан	Емельянович	1915	12.07.1944		437 сп 154 сд 6 гв А	Курская область, Суджанский район, Локнянский с/с; Суджанский РВК, Курская область
2	Рядовой	Чуклов	Порфирий	Петрович	1909	11.07.1944		437 сп 154 сд 6 гв А	Алтайский край, Быстроистокский район, с. Усть-Ануй; Быстроистокской РВК, Алтайский край
3	Рядовой	Эфрон	Георгий	Сергеевич	1925	12.07.1944		438 сп 154 сд 6 гв А	Московская обл., г. Москва; Советский РВК, Московская область, г. Москва, Советский район

7. Кто осуществляет уход за захоронением: Государственное учреждение образования «Козьянская детская сад – базовая школа Браславского района»

8. Фотоснимок захоронения

9. Карта расположения

10. Дополнительная информация

11. Подпись уполномоченных представителей:

местного исполнительного
и районного исполнительного органа
безопасности соответствующего уровня
М.П.

20 17 г.

военного комиссариата
М.П.

20 17 г.

Председатель Браславского
(председатель районного
районного исполнительного комитета
исполнительного комитета)

В.А. Драневский

В.В. Громницкий
(займовый военный комиссар)

Сайт ОБД «Мемориал» даёт справку, что 9 июля 1944 года состоялось перезахоронение останков погибших в братскую могилу в Браславе. Но на памятнике, установленном на братской могиле в Браславе, среди имён похороненных в ней воинов нет имени Георгия Сергеевича Эфрона.

Нам рассказали, что в сентябре 2012 года, в год 120-летия со дня рождения М. И. Цветаевой, с целью возложения цветов к братской могиле в Браславе, где, согласно указанным на сайте сведениям, покоится прах Георгия Эфрона, была предпринята экспедиция, инициатором которой была Мунира Уразова, глава издательского отдела московского Дома-музея М. И. Цветаевой.

На Браславской братской могиле имя Эфрона Г. С. они не обнаружили. Возник закономерный вопрос: так где же захоронены останки погибшего Георгия Эфрона – в братской могиле, как утверждают данные сайта «Мемориал», или у кладбища в деревне Струневщина, где установлен обелиск? И до сих пор беспокоит вопрос: что же там на самом деле – памятник или могила, о чём утверждает документ – паспорт захоронения? Мы стали разыскивать всё, что можно было найти по этой теме.

Из краткой биографии Георгия Эфрона мы знаем, что единственный сын Марины Цветаевой и Сергея Эфрона родился 1 февраля 1925 года в Чехии, в деревне Вшеноры под Прагой. Осенью 1925 года его родители переехали во Францию. В 1939 году приехал с матерью в СССР, вскоре после начала войны эвакуировался с ней в Елабугу (Татарстан). Осенью 1941 года остался один: М. И. Цветаева 31 августа 1941 года покончила с собой. Отец был расстрелян 16 октября 1941 года (о его судьбе близкие так и не узнали). Сестра Георгия – Ариадна Эфрон – находилась в лагере, обвинённая по статье «подозрение в шпионаже». С конца 1941 года до лета 1943 года юноша жил в Ташкенте в эвакуации. Учился в школе, голодал. Там вызван на призывной пункт в январе 1943 года, его определили в трудовую армию, но затем оставили доучиваться в школе. Летом 1943 года вернулся в Москву и поступил в Литературный институт, проучился один семестр. Как только ему исполнилось 18 лет, 26 февраля 1944 года его призвали в армию Советским РВК г. Москвы. Проходил обучение в Алабине. Рядовой Георгий Эфрон воевал в составе 7-й роты 3-го батальона 4-го отделения 437-го стрелкового полка 154-й стрелковой дивизии 1-го Прибалтийского фронта. Последнее письмо к тётке, Е. Я. Эфрон, было датировано 4 июля 1944 года. Похоронок родные не получили, а потому о его судьбе ничего не знали. Рядовой Г. Эфрон был ранен 7 июля 1944 года и убыл в медико-санитарный батальон № 183 (ЦАМО, ф. 437 сп, оп. 140078, д. 10, л. 117). Эти сведения взяты из справки, составленной М. М. Уразовой...

Проработали множество публикаций и материалов. Интересен материал Ирины Михайловны Невзоровой, члена Союза писателей Москвы. Она пишет:

«... Среди 1 100 имён, высеченных на плитах братской могилы в Браславе (“воинское захоронение № 4046”), имени красноармейца Георгия Эфрона нет. Шефствует же над мемориалом “Браславская государственная гимназия”, расположенная по соседству с братской могилкой. На Браславщине сооружено семь мемориальных братских могил (среди них – в г. Браславе и в г. п. Друе), куда были перенесены останки солдат из временных (как братских полковых, так и индивидуальных, отысканных по “крохам”) захоронений Браславского района. Первые захоронения в братскую могилу Браслава вскоре после освобождения города – 9 июля 1944 г. В конце 1940-х годов был открыт мемориал “Братская могила”, в 1981 г. мемориал увенчала скульптура воина, автор скульптуры С. И. Селиханов. Списки высеченных на плитах имён несколько раз пополнялись...»

«... Изучив в городском военкомате списки солдат, перезахороненных в Браслав из братской могилы в Струневщине, мы убедились, что в списках имя Г. С. Эфрона действительно есть. Но лишь около его имени нет “крестика”: отметки о перезахоронении».

У ограды сельского кладбища близ деревень Струневщина и Друйка, за которые было пролито море крови и от которых на сегодня осталось по два-три двора, и находится «воинское захоронение № 2199», стоит памятник Георгию Эфрону. Первый обелиск был установлен здесь сердобольными местными жителями, низкий им поклон за это. Белорусский народ очень ранимый, душевный, умеющий ценить и хранить память. Особенно это видно нынче по тому, как ухожены воинские могилы по всей Беларуси. Памятник из бетонной крошки был установлен местными властями в 1975 году, после опубликования в газете «Неман» (1975, № 8) статьи военкора С. В. Грибанова. Поисковый материал, собранный им и отданный Ариадне Сергеевне Эфрон, та передала в РГАЛИ. На этом памятнике указано лишь одно имя – Георгий Эфрон.

В паспорте захоронения 2199 в разделе 6 – «Персональные сведения о захороненных», указаны имена ещё двух погибших: уроженца Курской области Суджанского района Локнянского сельсовета – рядового Бондаренко Степана Емельяновича, которому на момент гибели 12.07.1944 года было 29 лет, и рядового Чуклова Порфирия Петровича, уроженца Алтайского края из села Усть-Ануй Быстроистокского района, ему было на момент гибели 35 лет. Третьим в этом паспорте значится погибший рядовой Эфрон Георгий Сергеевич, призванный Советским райвоенкоматом г. Москвы и погибший в свои 19 лет от руды. Но имён первых двух нет на обелиске в Струневщине, а имён всех троих – нет на братской могиле в Браславе. Так кто же лежит под обелиском? Или всё-таки перезахоронение произошло, а памятник оставили. Почему нет? Сколько таких обелисков по нашей многострадальной земле поставили сердобольные люди на месте гибели бойцов...

«... С уникальным материалом по освобождению Браславского района мы познакомились, поработав в фондах Браславской центральной библиотеки, нам очень помогла директор Ольга Анатольевна Лесневская, – пишет И. М. Невзорова. – Наиболее ценный материал собран в многотомном издании “Память”, в котором Браславскому району посвящён отдельный том. Директор Браславского музейного комплекса Александр Товиевич Пантелейко посвятил Георгию Эфрону в книге “Память: Браславский район” отдельную статью. Он писал: “6 июля <1944 г.> с боями 154-я стрелковая дивизия (командир полковник П. Т. Сачилав. – И. Н.) вошла на территорию Браславского района. Двигалась она широким фронтом – от Друи до Слободки. 437-й полк занимал позиции около деревень Коковщина, Бернатовщина, на берегу реки Друйки...” (Пантелейко А. Т. Точка не поставлена / Память: Браславский район. – Минск, 1998, с. 415). «В Слободке был “медсанбат подхвата”, где раненым оказывали первую помощь, перевязывали, а потом обоз забирал и увозил их в медсанбат. Известно, что 2–8 июля 183-й медсанбат базировался у деревни Шнурки Миорского района, 9 июля – у деревни Каженики того же района (там же)».

...«За годы оккупации на Браславщине было уничтожено около 10 000 мирных граждан, сожжено 97 деревень, четыре из них разделили трагическую судьбу Хатыни (т. е. были сожжены вместе с жителями. – И. Н.). Браславский район освобождён войсками Первого Прибалтийского фронта в ходе Шауляйской наступательной операции 1944 г. Боевые действия вели войска 6-й гвардейской армии, 154-й стрелковой дивизии, 1-го танкового корпуса фронта...» (брошюра «Браславский район», 2008, с. 18; Плотников Ю. В. Освобождение Белоруссии. – М.: Воен. издат., 1984).

Деревня Друйка, за освобождение которой погиб Георгий Эфрон, была очищена от фашистов 7 июля 1944 г. По одной версии: «в медсанбат Г. С. Эфрон не прибыл», значит – или умер по дороге (и был снят с обоза и захоронен), или второй раз попал под обстрел (бомба попала в обоз с ранеными). По второй версии: «183-й медсанбат, обслуживавший 154-ю дивизию, в июле-августе 1944 г. не имел возможности вести учёт раненых, поэтому сведения о Г. Эфроне на этом обрываются» (Эфрон Г. Письма, с. 223) – т. е. умер уже в медсанбате. Есть основания верить последнему, т. к. «противник встречал шквальным огнём», «была настоящая мясорубка», «лишь с третьей попытки д. Друйка была взята».

Народ Беларуси и по сей день чтит память солдат, погибших за освобождение нашей земли от немецко-фашистских захватчиков. Активно ведётся эта работа и на Браславщине. Так, в настоящее время под эгидой идеологического отдела Браславского районного исполкома идёт постоянная работа по увековечиванию имён павших воинов. Однако так и осталось непонятным, почему в «Паспорте воинского захоронения № 2199» от 14.01.2005 года за подписью официальных лиц мемориал значится как «братская могила» с указанием имён трёх лиц, погибших на Струневщине: Г. С. Эфрона, С. Е. Бондаренко и П. П. Чуклова...»

Оказавшись на Браславщине, вспоминаешь строки из писем Мура (домашнее прозвище Г. Эфрона, ставшее его вторым именем) о красоте здешних мест, заставляющих хотя бы на минуту не думать о войне.

И красота родной природы, по-прежнему сияющая в своём великолепии, переносит нас мысленно в те страшные годы, когда она была так же очаровательно прекрасна, несмотря на то что шла жестокая война по этой красоте, уничтожая всё живое.

«...Георгий Эфрон отличался от сотен тысяч таких же ребят, выдернутых из институтских аудиторий согласно приказу от 31.12.1942 о призыве граждан 1925 года рождения, главным образом тем, что был сыном великого русского поэта. Те, кто имел возможность наблюдать Мура,

называли его “Марин Цветаев”. Речь идёт не только о портретном сходстве и его поведении. М. И. Цветаева, безумно любившая сына, ценила его и как свидетеля своего бытия, имея в виду не столько дневниковые записи сына, сколько его безмолвное присутствие в каждом дне и часе своей жизни. Письма и дневники Г. С. Эфрона опубликованы, по этим ценнейшим эпистолярным документам, подтверждающим репутацию автора (“Марин Цветаев”), потомки могут проследить процесс обращения избалованного юноши в мужчину. Сын гениальной М. И. Цветаевой не спрятался от призыва, а сложил голову за своё отечество, которое он так мало знал и понимал. Только за это М. И. Цветаева могла бы гордиться своим сыном. Георгий Эфрон, прошедший через чудовищные трудности в борьбе за элементарное выживание, не расставаясь в мыслях своих с “Мариной Ивановной” (так он называл мать), уже в свои неполные 18 лет писал: “...**Как я её понимаю теперь! Теперь я могу легко проследить возникновение и развитие внутренней мотивировки каждого её слова, каждого поступка, включая самоубийство**” (письмо от 08.01.1943 к С. Д. Гуревичу / Эфрон Г. Письма / Изд. подг. Е. Б. Коркина. – Калининград М. О.: Музей М. И. Цветаевой в Большеве, Луч-1, 1995, с. 108)...»

Анастасия Ивановна Цветаева, тётка Георгия Эфрона, желая оставить потомкам сведения о своих близких, шаг за шагом собирала факты их биографий. В книге «Воспоминания» она посвятила Г. Эфрону не одну страницу. А. И. Цветаева по имеющимся на тот момент (1978) сведениям прослеживает – как и когда появился памятник Георгию Эфрону. (Книга воспоминаний выдержала несколько изданий, автор статьи приводит цитаты по книге: Цветаева А. И. Воспоминания. – М.: Изографус, 2003.)

«В 1975 г. в № 8 журнала “Неман” появилась статья подполковника С. В. Грибанова, – пишет А. И. Цветаева, – проделавшего большую работу по следам Георгия Эфрона. Она называется “Строка Цветаевой”. И статья С. Викентьева (псевдоним Грибанова) в журнале “Родина” (№ 3 за 1975 г.)... Подполковник, военный корреспондент, любитель творчества Цветаевой, С. В. Грибанов поднял все сохранившиеся с тех пор документы, пересмотрев огромное количество бумаг... нашёл людей, в боях знавших Мура. Их отзыв: “В бою бесстрашен”» (Воспоминания, с. 848–849).

Ариадна Сергеевна Эфрон ознакомилась со статьёй С. В. Грибанова в рукописи, т. к. её долго никто из редакторов журналов не решался опубликовать. Она внимательно прочитала статью и по окончании чтения сказала с облегчением и благодарностью: «Над нашей семьёй так долго висело это двусмысленное “пропал без вести”».

...А. И. Цветаева продолжает: «Последний его бой был 7 июля 1944 года – о нём он накануне сообщил своей сестре Але: “Завтра – в бой”. Больше от него вестей не было. В этом бою, в лесу, гоня фашистов, он был тяжело ранен и “отбыл в медсанбат”».

В архиве ЦГАЛИ сестра Мура, Аля, оставила десятки документов и писем этого многотрудного поиска С. Грибанова» (Воспоминания, с. 849).

Заметим, что на тот момент не были собраны и изданы письма и дневники Мура, не была издана в Белоруссии и многотомная книга «Память». Поэтому извинительны ошибки в записях А. И. Цветаевой: письмо к А. С. Эфрон написано не «накануне» последнего боя («...завтра пойду в бой»), а накануне первого для Г. Эфрона боя, состоявшегося 28 июня 1944 года («Бой был пока один... Постепенно захожу в боевые будни... Мёртвых я видел в первый раз в жизни: до сих пор я отказывался смотреть на покойников, включая и М<арину> И<вановну>», – из письма от 30.06.1944 г.); бой был не «в лесу», местность была «пересечённая», «редкий перелесок»; «другие смертные ранения» в том бою были.

А. Цветаева вспоминает: «...Прошло ещё три года. И вдруг из Браслава написали, что место захоронения Георгия Эфрона подтвердилось. И была получена справка от районного военкомата, помеченная 13 февраля 1978 г., в которой было написано: “Уважаемый тов. Грибанов С., по Вашей просьбе высылаю фотографию памятника, установленного на месте захоронения советских воинов и в их числе Г. Эфрона. Имена остальных воинов нам неизвестны”»...

«Вскоре и я получила фотографию: близ деревни Друйка на фоне голых ветвей под снегом стоит обелиск над могилой. На нём надпись: “Эфрон Георгий Сергеевич погиб в июле 1944”. Кто захоронен с ним вместе? Может быть, мы ещё узнаем эти имена...» (Воспоминания, с. 849).

Так памятник Георгию Эфрону, действительно погибшему в районе д. Друйка, установленный местной администрацией, был назван могилой, захоронением, получил инвентарный номер и поставлен на охрану.

8 июня 2004 года по инициативе Друйского сельсовета состоялось открытие мраморного обелиска «на могиле» Г. С. Эфрона, заменившего старый, выполненный из бетона и разрушившийся. Проектировал памятник Ю. А. Мирош, главный архитектор района. Спонсорскую поддержку оказало витебское предприятие «Витгран» (Клишков Д. Открытие памятника Г. Эфрону // Браславская звезда. – 2004. – № 46. – 12 июня, с. 2).

«...Мы только и делаем, что движемся, движемся, движемся. Почти безостановочно идём на запад... Я веду жизнь простого солдата, разделяя все её тяготы и трудности. История повторяется: и Ж. Ромэн, и Дюамель, и Селин тоже были простыми солдатами, и это меня подбодряет!.. Мы теперь идём по территории, находящейся за пределами нашей старой границы, немцы постепенно отступают, бомбят наступающие части, но безуспешно, наступление продолжается... Население относится радушно; народ симпатичный, вежливый...

Пейзаж здесь замечательный, и воздух совсем иной, но всего этого не замечаешь из-за быстроты марша и тяжести поклажи. Жалко, что я не был в Москве на юбилеях Римского-Корсакова и Чехова!»

– это слова из последнего письма Георгия Эфрона (письмо от 4.07.1944 г. к Е. Я. Эфрон и З. М. Ширкевич). Последние слова, последние земные мысли и чаяния сына Марины Цветаевой, крещённого огнём, преображённого – «пронзённого»...

Работая над материалами, беседуя с людьми, посещая места захоронения и братской могилы на Браславщине, изучая документы, биографические книги о Марине Цветаевой, мы всё больше приходили к выводу, что история семьи М. И. Цветаевой поистине трагична. Особенно поразил биографический труд Лили Рейлер «Марина Цветаева. Двойной удар небес и ада», издательство «Феникс», 1988 год. Эта книга содержит в себе уникальный биографический материал и, самое главное, впервые воссоздаёт психологический портрет одной из самых загадочных и романтических фигур XX столетия – поэтессы Марины Цветаевой. Трагический рок будто висит над её именем и именами её любимых и родных даже после ухода в небытие.

К сожалению, на земле много неразгаданных тайн, особенно касающихся мест захоронения. Неизвестно ведь точное место захоронения самой Марины Цветаевой, но стоит памятный знак в Елабуге на кладбище.

Аналогичных примеров множество. Согласно встреченной на просторах Интернета информации, в 1924 году делегация белорусской интеллигенции приехала в Ялту, чтобы посетить могилу пронзительно гениального, прекрасного белорусского поэта Максима Богдановича и... не обнаружила её! Сей факт дал основание современным исследователям предположить, что истинное место захоронения поэта было утеряно, а нынешний памятник стоит лишь на одном из предположительных мест, где мог быть захоронен Максим. Но памятник стоит. И к нему постоянно приходят люди, всегда на гранитной плите свежие цветы, листки со стихотворными строками тончайшего лирика, моего любимого белорусского поэта.

Неизвестно и место захоронения матери Яниса Райниса – известного и всеми почитаемого поэта в Латвии, а памятный камень его матери Дарте Плиекшан стоит в Витебске на Старосемёновском кладбище, в самом его центре. Мы приходим к нему и возлагаем цветы, отдавая дань памяти матери поэта.

Хочется верить и надеяться, что здравый смысл одержит верх над ореолом «неразгаданной тайны» и «Воинское захоронение № 2199», пока не появятся точные доказательства нахождения в том месте останков Георгия Эфрона, будет переименовано в «Памятник Г. С. Эфрону», установленный на месте его гибели, а имя 19-летнего красноармейца Георгия Эфрона, до конца исполнившего свой гражданский долг, наряду с другими погибшими бойцами, будет высечено на плите братской могилы в Браславе.

И может статься, что туристические агентства проложат туда свои тропы, а у обелисков и памятников погибшим воинам, среди которых захоронен и единственный сын всемирно известной гениальной поэтессы Марины Цветаевой, будут лежать живые цветы от любителей поэзии Цветаевой со всего света.

Берега Крыма

Алла Ермилова

Алла Ермилова – родилась в Гомельской области. Окончила Симферопольский университет (филологический факультет), работала журналистом в феодосийской городской газете «Кафа», в информагентстве «Контекст-медиа» (Крым). В настоящее время – научный сотрудник Феодосийского литературно-мемориального музея А. С. Грина. Публиковалась в «Литературной газете», газете «Голас Радзімы» (Минск), журнале Клуба фантастов Крыма «Фанданго» и коллективном сборнике фантастических рассказов.

Великая Река

Рассказ

Неслышно катится в широком русле, тихо шумит на излучинах, хрустально позванивает на каменистых перекатах, яростно бьётся в горных разломах, грозно гремит она, срываясь с высоких скал водопадами.

Где её исток? Где океан, в который стремятся воды? Или нет у неё ни начала, ни конца?

О том не знает упавший с дерева розовый лепесток, подхваченный волной. Не знает красноперая рыба, сверкающая в пронизанной солнцем глубине серебряной стрелой. Не знает и перебирающийся вплавь с берега на берег лось-великан. Да и нет им о том никакой печали – лепесток, рыба и лось доверяют Реке.

Не ведомо было о таинственных путях и пределах Реки и тем, кто держал путь в Белой ладье. Дорого дали бы они за это знание. Как и многие, многие другие, кто шёл на своих судах и судёнышках где-то далеко, на расстоянии многих лет пути, позади них...

Ладья – удивительной, благородной красоты судно, стилизованное под старину, украшенное искусной кружевной резьбой и несущее три прямых паруса – синий, пурпурный и белоснежный, – бесшумно скользила мимо берегов, поросших густым лесом, склонившимся над водой, увлекаемая течением и лёгким попутным ветром. Другим это судно быть не могло: стоило лишь взглянуть на экипаж. Его составляли три девы, каждая из которых обладала поистине божественным ликом и станом. Их внешнее сходство не оставляло сомнений в близком родстве, но вместе с тем каждая была прекрасна своей, особенной красотой.

Сероглазая Лада с длинной русой косой была воплощением земной женственности – полнокровная, соединившая в себе мягкость, достоинство и недюжинную внутреннюю силу. Она стояла у руля.

Алеся была почти её копией, только более утончённой и нежной, до крайности светлокожей, с белокурой копной локонов, из-под которой с кротостью святых смотрели глубокие голубые глаза, на фоне тонких черт лица казавшиеся огромными. Она только что прибрала в каюте и присела у борта, задумчиво глядя в глубину.

Третья сестра, по имени Ксана, отличалась, при белой коже, тёмными, как ночь, очами и волосами, а также дерзким, взрывным характером. В отличие от сестёр, облачённых в свободные льняные платья, она предпочитала яркие одеяния, а в косы, уложенные венком, вплетала множество разноцветных лент. Её обязанностью было наблюдать паруса и обозревать окрестности с кормы. Взобравшись на мачту и поправив там что-то, она напряжённо всматривалась в убегающую даль, хранящую тайны прошлого...

Нужно сказать, что ладья, будучи в полном смысле ладьёй, устроенной точно так, как в древности, в то же время была оснащена и двигателями, работающими от солнечных батарей, и многими другими техническими достижениями цивилизации, которые позволяли находящимся на судне под-

держивать жизнедеятельность многие десятилетия и даже века. История плавания трёх сестёр рода Светозары насчитывала не одну сотню лет, а их предков – не одно тысячелетие. Память о том, откуда и как началась эта всеобщая одиссея, затерялась задолго до их рождения. Знания же о том, где и когда будет конец пути, а главное – что ждёт там путников, переплелись и потерялись среди многочисленных искусственно рождённых мифов. Разумным в этой ситуации представлялось одно – идти вперёд, надеясь достигнуть легендарного Океана. О нём – мечтали, бесконечно говорили и спорили. Великий, далёкий, прекрасный! Вечная надежда. Ирий. Элизиум...

Новые поколения каждого рода строили для себя новые, усовершенствованные средства передвижения по Реке и пускались в долгий путь. Методы постройки были самые разные, от простой работы теслом – до волшебной, посредством мысленного усилия. Как говорится, кто во что горазд! Последним способом, конечно, владели очень немногие. Кроме способности материализовать предмет, для этого необходимо было хорошо знать конструкцию создаваемой лодки или корабля. Работа эта была очень непростой, тонкой, требовала много энергии и времени. Именно этим способом в своё время была построена и Белая ладья.

Это сделали покойные Ратимир и Светозара. Не без помощи, как и положено, её пожилых родителей, традиционно выступавших только в роли советников. Девочки тогда были совсем крошками. Судно было почти готово, когда на них напали. Отец сумел защитить семью, но заплатил за это жизнью. Простившись с ним, совершив положенный обряд, семья завершила постройку красавицы-ладьи и отправилась дальше по Великой Реке. Пришло время – один за другим ушли старики, а однажды наступил день, когда их покинула и мать. Причина её неожиданного ухода осталась загадкой, она просто уснула и больше не проснулась. Обоих родителей не стало слишком рано: Светозара не прожила и четырёх столетий, а Ратимиру было отмеряно всего два с небольшим – они не успели передать дочерям многие важные знания. Не было у девушек и возможности в полной мере освоить необходимое, коль скоро в семье отсутствует мужчина, искусство постройки судна. Но кое-чему они всё же научились, что и позволяло им обеспечивать себя всем необходимым, а также поддерживать в порядке ладью – иногда делать мелкую починку (крупный ремонт, нужно заметить, за несколько столетий ни разу не потребовался – настолько добротна была сработана ладья). Особенно хорошо такая работа удавалась Алесе, у которой магия, казалось, была в крови.

Так, в пути, проходила жизнь. Однако чтобы продолжать род, необходим был контакт с другой семьёй. Решившись на это, обычно причаливали надолго, ожидая, кого принесёт речная волна. И тут – пан или пропал! Река, конечно, не без добрых людей. Но был распространён мрачный миф о том, что Великий Океан... не так велик, что и вод его, и берегов будет мало для всех. Среди путников на Реке немало было таких, кто видел в собратях конкурентов за место под солнцем в вожделенном раю, который – как знать? – может быть, уже не за горами; такого сорта люди часто вели себя по-пиратски. «Хорошая» семья могла помочь вам не только продолжить свой род, но и поделиться опытом постройки плавсредства. «Плохая» – могла обмануть и убить. Были большие роды, которые научились строить корабли и даже подводные лодки, технически намного превосходящие Белую ладью.

Но почему-то, по разным причинам, их плавание приостанавливалось, тормозилось. Корабли выходили из строя, ломались о камни и скалы, разбивались на водопадах. Ладья же рода Светозары удивительным, каким-то совершенно чудесным образом проходила все сложные места. Деревянное в своей основе судно ни разу не получило серьёзных повреждений, а на водопадах словно чья-то рука удерживала его над пропастью, мягко опуская на воду. Тогда как остальным обычно приходилось преодолевать такие участки по суше, что представляло собой большую сложность и надолго задерживало. Так Белая ладья смогла намного опередить других. Часто заходил разговор о тех, кто терпел бедствия или просто не умел хорошо построить хотя бы небольшую лодку. Хотелось как-то помочь. Особенно тем, кто остался в одиночестве далеко позади всех...

У них же самих всё было достаточно неплохо. Вот только в последнее время у Ксаны стал всё больше и больше портиться характер. Она дерзила, часто жёстко насмешничала над сёстрами. Они были терпеливы с ней.

Но в этот день произошло нечто из ряда вон выходящее. Сидя на мачте, Ксана вдруг разразилась оскорблениями в адрес Ладьи и Алеси и потребовала остановить ладью.

– Ненавижу вас! Ухожу на другое судно! – заявила она, спрыгнув на палубу.

– Почему, Ксаночка? Какое судно? Мы же твои сёстры! – воскликнула потрясённая Лада.

– Не сёстры вы мне! Мать перед смертью призналась, что у меня был другой отец! Из рода Персилы! Если бы могла найти их, давно бы ушла от вас! Но мне повезло гораздо больше! Меня зовёт к себе большой, сильный род Сэмы! Вчера ночью от них приплывал... один молодой человек, – тут Ксана не сдержала довольной улыбки. – Они хотят меня в свою семью. У них – самая лучшая, мощная подводная лодка, она догнала нас, и они первыми достигнут Океана! И я вместе с ними! Сколько долгих лет я мечтала о роскошном, современном корабле, чтобы жить, как человек, а не обдирать ладони проклятыми допотопными снастями! Я дождалась своего счастья!

– Ксана, – задумчиво сказала Алеся, – у меня давно было чувство, что на ладье присутствует кто-то чужой. Недобрый и зловещий. Теперь понятно, где притаился этот чужой. И кто сейчас говорит с нами... Но, пусть наполовину, ты наша кровная сестра. Даже если ты была бы совсем не родной нам – всю нашу жизнь мы ели из одного котла! Опомнись!

– Я не буду говорить о том, что девушке не принято уходить в чужую семью. Ничего, если это достойная семья. Но род Сэмы славится жестокостью, у них руки в крови! Все знают, что эту лодку они захватили у другого, славного рода, который погубили! Не знаю, зачем ты понадобилась им, но уверена, что они просто используют и затем убьют тебя! Ради всего святого, не ходи к ним! – взмолилась Лада.

– Вы завидуете, и не напрасно!!! – рассмеялась Ксана, исчезая в прибрежных зарослях.

– Нельзя оставлять её, – решили дочери Светозары. Но что они могли? Вернуть и удержать Ксану силой? Ничего хорошего из этого не вышло бы, да и насилия в их семье никогда не было. Отпустить – поймёт свою ошибку слишком дорогой ценой.

Сёстры посмотрели друг другу в глаза – и поняли без слов. Мама! Она не оставит их в беде! В самые сложные жизненные моменты она так или иначе «выходила на связь»: подавала знак-подсказку или помогала как-нибудь иначе. Алеся давно догадывалась, *как* им удавалось спускаться по водопадам. А один раз мать даже «подала голос».

Они не ошиблись. Но в этот раз их хранительница пошла гораздо дальше, чем когда-либо раньше. Когда стоящую в заводи ладью стали окутывать сумерки, Светозара появилась на фоне тёмных парусов, сияя тёплым светом и солнечной улыбкой. Рядом светилась ещё одна, плечистая фигура – Ратимир! По щекам дочерей потекли слёзы радости и грусти.

– Вы правы, мои девочки. Не волнуйтесь, мы не оставим вас и нашу заблудшую овечку. Утром отправляйтесь в путь и ни о чём не тревожьтесь. Впереди скоро будет водопад – самый высокий из всех на Реке, но вы не бойтесь. Знайте, что наш род особенный. Именно поэтому, совсем не случайно, вы – впереди. Океан ещё далеко. Но вы достигнете его. Путь будет проторён. К тому времени к вам придёт понимание многих важных вещей. Вода слышит каждую вашу мысль, говорите с ней, и она удержит вас надёжнее тверди. Океан не велик – он Бесконечен... А Ксана, правда, родилась не от самого достойного отца. Но ваш отец погиб, а я должна была продолжать род. Зато в ней какая жизненная сила. Она родит много детей. А вы всегда помните, что поддержка предков – это как корни у дерева...

Утром Лада и Алеся отправились дальше по Реке, успешно прошли страшный водопад и остановились неподалёку. Вскоре вниз обрушилась и подлодка Сэмы. Она разбилась вдребезги, а все, кто был в ней, погибли. Уцелела лишь Ксана, не получившая ни единой царапины. Она рассказала, что преступное семейство хотело выведать у неё, как Белая ладья проходит водопады. Ей приснилась мать и велела сказать им, что это она, Ксана, обладает таким необычным умением и сделает это для них. Так враг был обманут и побеждён.

Ксану после этого приключения как подменили. Она сделала какой-то важный внутренний выбор, и *чужой* вышел из неё. Но вот у дочери, которая вскоре родилась у неё, оказался ещё более скверный характер, чем когда-то был у неё самой.

Изменились и Лада с Алесей. Они стали больше доверять Реке, и она открылась им. Теперь они сами проводили Белую ладью невредимой через сложные места. Они перестали постоянно думать об Океане, а просто шли по Великой Реке, ощущая каждый миг своей жизни. Когда они достигнут Океана, то поймут, что уже безмерно помогли всем другим – проторили путь. Свои же пороги и водопады каждый должен преодолевать сам.

Берега Новороссии

Нина Ищенко

Нина Сергеевна Ищенко – кандидат философских наук, культуролог, литературный критик. Редактор сайта луганской культуры «Одуванчик». Член Союза писателей ЛНР с 2018 года. Член Философского монтеневского общества Луганска. Автор книги литературно-критических статей «Локусы и фокусы современной литературы» (2020), «Книжная полка Татьяны Лариной» (2020), «Город на передовой. Луганск-2014» (2020).

Море смерти, море любви и море слов

в поэме Елены Заславской «Немо»

Русская поэзия часто является пространством воплощения философских смыслов. Исторический контекст написания поэтических произведений помогает создать их конкретную реализацию. Одним из универсальных культурных архетипов является переживание смерти, которое осмысливается и воплощается в мифологемах всех культур, созданных человечеством. В русской культуре общественно обусловленное переживание смерти имеет свою длинную историю, включающую языческое наследие и христианские религиозные идеи. Мифологема смерти по-разному воплощалась в русской поэзии в разные исторические моменты. В ходе войны в Донбассе русская поэзия актуализирует универсальные культурные архетипы в новой исторической ситуации. В настоящее время в русской литературе военного Донбасса универсальная мифологема смерти реализуется в образной форме в поэзии луганской поэтессы Елены Заславской. Давайте рассмотрим многоликий образ моря на примере поэмы «Немо» (2019).

Елена Заславская – донбасский поэт, писатель, журналист. Редактор сайта луганской культуры «Одуванчик». Автор семи поэтических сборников: «Эпоха моей любви» (1997), «Мамини слезы» (1997), «Инстинкт свободы» (2005), «Бдыщь-мен и Ко» (2011), «Год войны» (2015), «Бумажный самолёт» (2018), «Донбасский имажинэр» (2020), а также книг для детей «Необыкновенные приключения Чемоданте, Чи-Беретты и Пончика» (2016), «Собаки-забияки» (2019), «Сказки Подкроватки» (2019), «Мышка-малышка и её секрет» (2020), «ХармСтихиЯ» (стихи Даниила Хармса с комментариями Елены Заславской) (2020). Член СП ЛНР. Редактор газеты «Камертон» Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского, преподаватель.

Война в Донбассе повлияла на жизнь и творчество Елены Заславской. В 2014 году, когда началась военная агрессия Украины, Елена сделала свой выбор в пользу республик, осталась в Луганске, занимается литературной, общественной, преподавательской деятельностью, особое внимание уделяя культурному аспекту интеграции Донбасса и России. Тема войны, которая пришла в Донбасс после семидесяти лет мира, является постоянным предметом творческого осмысления поэта. Особенно интересно проследить, как в произведениях Елены Заславской выражаются культурные архетипы и базовые мифологемы русской культуры, центральное место среди которых занимает мифологема смерти. Поэма «Немо», созданная через пять лет после начала войны, даёт богатый материал для исследования структуры этой мифологемы.

Поэма «Немо» состоит из тринадцати частей, написанных от имени разных персонажей. Главные действующие лица поэмы – Русалка, Немо, Марсий, Скиф. Не индивидуализированы, а показаны собирательно пираты-флибустьеры, которые ловят русалку, и враги, с которыми идёт война. Главная тема, оформляющая всё художественное пространство поэмы, это море как стихия воды. Это история

...Про затонувший город, город Лу,
 Луганстеров и чёрных флибустьеров,
 Про идолов, хранящих Дикий Луг,
 Ещё жрецов грядущей новой эры,
 Про то, как смерть поймала на блесну
 Меня, русалку из затерянного града,
 Как жизнь нас тянет медленно ко дну,
 Туда, где морок, тишина, прохлада...

Мифологическое значение моря в русской культуре реализовано и в поэме Елены Заславской. Семантика номинаций водных объектов, включая море, и воды как таковой отражает мифологическую картину мира русской культуры.

В большинстве мифологий вода ассоциируется с женским началом, а вследствие этого связывается с рождением и смертью как базовыми способами бытия. К. Г. Юнг объяснял универсальность архетипа воды пребыванием человека в материнской утробе и важностью акта рождения. Переход через водную преграду выступает как начало новой формы существования, как переход к рождению или к смерти. На этом представлении основана широко распространённая женская персонализация смерти. Как указывает исследователь религии и мифологии В. Н. Топоров, устойчивый мотив «морского» поэтического комплекса связан с дном моря как образом смерти. В системе архетипических образов дно символизирует глубокое ущелье, пропасть. Образ пропасти сближается с гибелью: пропасть – значит погибнуть. Берег моря символизирует берег гибели или несостоявшегося рождения.

Как пишет современный культуролог С. А. Кошарная, корни реалионима море уходят в индоевропейский праязык, и на разных языках этой группы море обозначает такие объекты, как болото, море, озеро. Этимологически лексема море связана с именем языческой богини смерти Моры (Мары), известной всем славянским народам как Моряна – богиня смерти у западных славян, Марушка – мифологический персонаж-устрашитель, которым в Полесье пугали детей, Мара, которой в северной Руси пугали девушек. Мара типологически во многом сходна с русалкой Мокошью.

Став нарицательным, существительное Мора получило различные значения в разных славянских языках: нечистый дух в украинском, ночной кошмар в болгарском и польском, домовый в северохорватском и так далее. В это же словообразовательное гнездо входит русское слово умора (от уморить).

Итак, корень «мор», с одной стороны, соотносился с общим именованьем водоемов, а с другой – актуализировал мифологему смерти как перехода через водную преграду. Слово море могло также обозначать смерть как локус – в русском смерть с приставкой присоединения «с» отражает в протозначении присоединение к области нахождения мёртвых.

По представлениям многочисленных архаичных культур смерть является не столько концом жизни, сколько переходом в иную реальность. Такой иной реальностью в русской мифологической картине мира и оказывается море. При этом море представлено образами «край света, конец реального простора», «путь до неведомой, далекой, чужой земли».

Понимание моря как пути имеет типологические параллели и в других языках и мифологиях. Различные индоевропейские культуры – древнегреческая, древнеиндийская, архаическая римская – помещают море в семантический ряд пути, дороги, перехода, связывая образ моря с образом перехода в другой мир, в царство мёртвых. Древнерусское слово «дорога» также имело отличное от современного значение и означало «быстрина, узкий залив», то есть «путь по воде». Таким образом, реки воспринимались славянами как пути в иной мир, в то время как море – это уже сам по себе локус небытия, место нахождения персонифицированной смерти – Моры (Мары).

Древняя индоевропейская основа рождает соответствующие образы и в более близкие к нам времена. В записях русского фольклора море выступает как символ неизвестности и гибели. Фольклорное сочетание «синее море» содержит в себе значение «далеко». В связи с этим концептуальное противопоставление суши и моря сливается с противопоставлением близкого и далёкого. Немаловажную роль играет ассоциация моря с кораблём, который выступает в качестве конкретно-образного символа дали – как уплывающий далеко.

Итак, образ моря в архаичной русской культуре интегрирует несколько связанных между собой мифологических компонентов: вода, переход в иное пространство, область нахождения мёртвых.

Эти мифологемы создают и транслируют концептуализацию моря как иного мира, мира смерти. Рассмотрим, как эти мифологемы реализованы в поэме «Немо».

Для конкретизации темы моря автор обращается к истории Луганска, которую переосмысляет в свете современных событий, начиная с 2014 года.

Луганск – город сравнительно молодой, он был построен в 1795 году возле Луганского военного завода, первого на юге Российской империи чугунолитейного завода, основанного царицей Екатериной II в ноябре 1795 года. Завод был построен с подачи командующего Черноморским флотом Российской империи вице-адмирала Николая Мордвинова, который настаивал на оснащении российского флота чугунными пушками-карронадами системы шотландского инженера Гаскойна, требующих качественного чугуна. Вскоре Луганский завод стал основным поставщиком снарядов для Черноморского флота России: бомб, гранат и ядер. Таким образом, при своём появлении город Луганск связан с войной и с морем.

Уже в XX веке Луганск был местом активных военных действий в Первую мировую войну, в период Гражданской войны и во время Великой Отечественной войны, когда город несколько месяцев находился под немецкой оккупацией и был освобождён в феврале 1943 года. Эти два столетия истории Луганска символически выражаются в образе военного города.

Документированной истории последних двух веков предшествует история Дикого Поля, как называли в течение столетий земли Донбасса до создания на этих землях промышленности. Дикое Поле находилось на границе России и степного мира, оседлой и кочевой жизни. Русские поселенцы, которые приходили на эти земли, должны были одновременно возделывать степную почву, неплодородную в отсутствии воды, и защищаться от набегов татар и турков, которые разрушали всё построенное и уводили жителей в плен. Центральный образ, символизирующий этот период луганской истории в поэме, – бескрайняя степь.

От доисторических времён в луганских степях остались так называемые скифские бабы, которые являются памятниками материальной культуры тех бесписьменных кочевых степных народов, половцев и скифов, которые жили в будущих луганских степях. В геологической же древности Донецкий бассейн представлял собой дно моря Тетис. Этот этап древней истории Луганщины приводит к центральному образу моря, который в поэтике Елены Заславской связан также со скифами.

Основные мотивы истории Луганщины соединились в поэме, формируя главный её топос – море. Луганск в поэме выступает как военный город в степи, и в то же время как город, затопленный водой, город на дне моря.

Война жителей Донбасса против украинских военных сил занимает центральное место в поэме. Тема войны реализована с помощью ряда образов, в которых архаическое фольклорное значение модифицируется реалиями современной войны:

Над головой,
Будто чёрные вороны,
Чёрные дроны летают,
Чёртовы роботы,
Новые вестники,
Горя валькирии!
Что вы несёте нам
На электронном носителе?
– Разве не видите?
Образы гибели!

...Из рога единорога
Хорошая выйдет пушка.
Ею можно на мушку
Любого
Киборга или Дрона.

Значительное место в поэме занимают образы степи и моря, которые выступают как синонимы, проясняющие и усиливающие значение друг друга: Великое Море, Дикое Поле, Великая Степь. Ковыльные волны степи бегут, как пенные волны великого моря. Ополченец в поэме выражает это следующим образом:

Нет, говорит, нам покоя,
Исчезнем мы без следа
В пучине Дикого Моря,
Которое было всегда.
И тянется до горизонта,
Плодит кочевые сны.
И ходят ковыльные волны
Под ветром степным.

Прошлое и настоящее военного города синтезируется также в образе кургана и скифской бабы. Согласно местному преданию, курганы в луганской степи представляют собой могильники, в которых скифы хоронили своих покойников. Курган в поэме выступает как подводная лодка, лежащая на дне моря. Каменная скифская баба представляет собой памятник неведомой культуры, от которой не осталось слов, только каменные изображения в степи. Среди каменных баб луганской степи известна одна, которая держит ребёнка. Эта фигура, найденная в 1971 году возле посёлка Чернухино, получила название Чернухинской мадонны. В поэме образ каменной богородицы и подводной лодки кургана соединяют прошлое и настоящее, дно древнего моря и современное степное пространство военного времени:

– Ты знаешь, куда она смотрит
Своими слепыми глазами?
Вдаль? За линию горизонта?
– Нет. Она наблюдает за нами!

Посмотри ей в лицо.
Знай, безмолвие – только приманка.
Посмотри ей в лицо.
В нём ни жалости нет, ни обмана.
Посмотри ей в лицо.
Спит подводная лодка кургана –
Субмарина полная мертвецов.

И увидишь,
Как скифская баба,
Поля Дикого, Моря Великого
Богородица камнеликая,
Выбирает себе жрецов.

Таковыми жрецами современной войны показаны в поэме ополченцы:

Я вглядываюсь в линию горизонта.
Рядом со мною жрец, позывной – Скиф.

Позывной ополченца пришёл из древней истории, но функционирует в настоящее время, соединяя актуальные для современных луганчан смыслы: Скиф – житель местной степи-моря, автохтонный обитатель этого пространства, образованного соединением двух миров, защищающий его от вторжения с неба и суши.

Таким образом, море в поэме предстаёт как стихия, соединяющая разные пространства. Это в первую очередь пространство живых и территория мёртвых, однако роль моря в поэме к этому не сводится. Море соединяет также прошлое и будущее, выступая как память, содержащая в себе в латентном виде все смыслы русской культуры, оживающие в обстановке предельного экзистенциального выбора, который каждый человек и народ как таковой осуществляет во время исторического перелома, военных событий, погружающих степи в мир смерти. Кроме того, море в поэме выступает как стихия, связывающая влюблённых – Немо и Русалку. Хотя море в своей ипостаси мира смерти их разделяет, в то же время преодоление смерти как морского простора должно привести влюблённых друг к другу:

Я приду за тобой даже в чёртов затерянный город.
 И в тюрьму, и в дурдом, и в забытый людьми лепрозорий.
 Знаешь, боль проступает на теле узором.
 И любовь проступает на теле узором.
 Лихорадкой, румянцем, блистательным взором.
 Пусть же очи твои мне сияют, как два маяка среди ночи.
 В многолюдном движении и в тишине одиночеств.
 Я направлю к тебе свой корабль, блуждающий, пьяный, разбитый,
 Спотыкаясь о рифы, о рифмы, о ритмы
 И по звёздам сверяя свой курс в океане событий...

Как стихия, соединяющая миры, море выступает ещё в одной ипостаси – как море слов, море русского языка. Эта концептуализация моря начинает раскрываться с первых строк поэмы, где появляется рапсод Марсий, который должен рассказать историю героини, а наиболее полно раскрывается в теме имени.

В древнегреческой мифологии Марсий – соперник бога Аполлона. Победивший Аполлона в ристанье на флейтах, Марсий вызвал гнев бога и был убит – с Марсия содрали кожу. Аполлон как бог, оформляющий мир, в этом случае забрал своё – кожу, которая отделяет человека от мира, придавая ему строгую форму.

К образу Марсия Елена Заславская обращалась в стихотворении «Марсий, вызови Феба» (2016). В этом стихотворении Марсий выступает прообразом поэта, который, оставшись без кожи, чувствует «красоту и уродство этого мира», а состязание с Фебом и жестокое наказание переосмысливаются как поэтическое вдохновение, посланное Фебом, дающее возможность человеку изобразить в слове наш человеческий мир. Рапсод Марсий снова появляется в поэме «Немо» с той же миссией выражения в поэтическом слове реалий военного времени, которую можно понимать как преодоление моря слов. Здесь море выступает как связывающая стихия, соединяющая разные сферы человеческого бытия – войну и поэзию.

Образ языка как моря слов раскрывается в теме имени. Несуществующее имя главного героя – Немо, Никто, вынесено в заголовок поэмы. Имя русалки – Елена – последнее слово поэмы. Эти два локуса поэтического пространства задают рамки структурирования образного наполнения поэмы. Именно между этими двумя полюсами разворачивается всё действие поэмы, включая уровень метафор:

Имя всегда означает путь.
 Имя всегда означает суть.
 Как только по имени позовут,
 Из ниоткуда вызовут, призовут.
 Потому я дам тебе позывной,
 Чтоб имя не ведал – ни свой,
 Ни чужой,
 Чтобы был он тебе, как броня
 Среди Поля Дикого,
 Среди Моря Великого
 И огня.

Море в русской архаической культуре не так часто выступает как символ любви, но в то же время вода в традиционной русской и шире, славянской культуре – неперенный элемент свадебного обряда: умывание водой – символ бракосочетания у западных подолян; посещение молодой водного источника на следующий день после свадьбы – важнейший этап инициационного испытания, пройдя которое молодая женщина принимается в семью мужа. Вода как стихия, порождающая жизнь, воплощается в женских образах и имеет непосредственное отношение к сфере брака и любви.

В поэме влюблённые так и не встретились, стихия моря как стихия войны и смерти их разъединяет. В то же время сама поэма выступает как путь в море слов, который ведёт к встрече. Имя как самое важное слово языка – залог этой встречи и преодоления пространства смерти:

В сетях мобильных невелик улов.
И в море русских слов –
Вот звука пузырёк,
А вот песчинка знака.
Я как жемчужину храню под языком
Родное имя – тайну...

Когда же, Немо,
Ты придёшь на берег,
Что вынесет к твоим ногам прибой?
Жемчужину?
Ракушку-телефон?
Или мою поэму?
А может,
Ты моё имя, лёгкое как пена,
Услышишь в шуме волн....

...Елена...

Итак, море слов, объединяющее влюблённых, а также мир войны и море поэзии – ещё одна концептуализация мифологемы моря в поэме. Море интегрирует несколько образов: море как смерть, море как историческая память, море как море любви и море как море слов.

На основе архаичной мифологемы моря как пространства смерти, потустороннего мира мёртвых, Елена Заславская создаёт сложную структуру, включающую и современные компоненты, отражающие реалии идущей в Донбассе войны. Военные действия Украины против Донбасса, переживание этих событий местными жителями актуализирует древнее значение моря как моря смерти. В то же время море выступает как пространство перехода между миром прошлого и настоящего, как место встречи живых и мёртвых, и таким образом концептуализируется как море памяти, объединяющее разные этапы истории Луганского края. Море в поэме выступает также как пространство перехода, одновременно соединяющее и разъединяющее двух влюблённых посредством слова. В этом аспекте доминирует соединяющая функция моря – море воплощается в образе моря любви и моря слова, моря русской поэзии, которая связывает не только отдельных людей, но и разные сферы бытия: мир и войну, поэзию и битву, прошлое и будущее.

Таким образом, в поэме «Немо» современной луганской поэтессы Елены Заславской воплощены разновременные смыслы русской культуры. В произведении создана мифологема смерти как моря, и в то же время архаичная семантика моря как перехода между разными мирами позволяет интегрировать в этом образе ряд смыслов, важных для человека русской культуры в ситуации экзистенциального кризиса, вызванного войной: тему исторической памяти, любви, роли русской поэзии в связывании времён и сохранении русской культуры.

Русский мир без границ

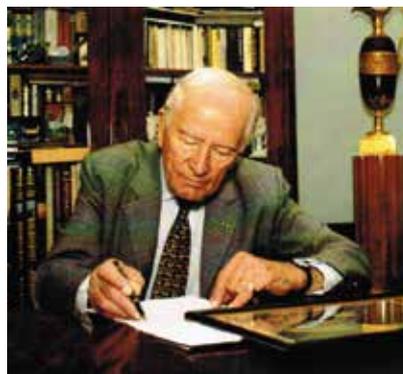
Берега Франции

Николай Вырубов

Перевод и вступительное слово Е. С. Фёдоровой

Продолжаем публикацию сочинений героя Французского Сопrotивления, русского дворянина Николая Васильевича Вырубова (1915–2009). Публикаторы – его племянники, Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский (Лондон) и Мария Александровна Трубникова-Муре (Париж). Перевод Е. С. Фёдоровой (Москва).

Очерк посвящён дяде Николая Васильевича Вырубова, крупному учёному-позитивисту, который был «вписан» в ландшафт французской социальной науки и занимал в ней одно из первых мест. В очерке, помимо биографических сведений, уделяется особое внимание избранию Вырубова главой первой в мире кафедры истории наук. Николай Вырубов беспристрастно оценивает научный и общественный потенциал Вырубова, отдавая предпочтение – последнему. Но для нас удивительным фактом оказывается то обстоятельство, что этический авторитет Григория Вырубова был столь высок в научной среде Франции, что сила его возобладала над более глубокой эрудицией французских учёных – при избрании Вырубова главой кафедры. Дворянская русская культура имела столь высокий потенциал в «золотом XIX веке», что её лучшие представители становились выдающимися не только для Отечества, но и для Западной Европы. Достаточно вспомнить учёность Фёдора Ивановича Тютчева, на которую «снизу вверх» смотрел весь философский кружок Шеллинга в Германии. Таков и нравственный пример Вырубова в передовой научной среде позитивистов Франции. Его роль «первого плана» во французской академической среде тем более вызывает восхищение, что философия в России – явление позднее и не самая сильная сторона многослойной русской культуры.

Николай Васильевич Вырубов

Стиль Николая Вырубова, как и всюду, чёткий, простой и лаконичный, присущий солдату, военному. Он особенно выразительно преподносит страницы жизни Григория Вырубова, связанные с его добровольным участием в военной кампании Франции. Очевидно, что Николаю Вырубову было от кого взять образцы своего героического участия во Французском Сопrotивлении – спустя 80 лет после того, как Григорий Вырубов совершал подвиги на полях сражений за Францию, а затем – вместе с Гарибальди – за Италию.

Екатерина Фёдорова

Григорий Николаевич Вырубов (1843–1913)

*Кавалер Ордена Почётного легиона за военные заслуги,
Профессор Коллеж де Франс ¹*

В прошлом веке объявили о себе различные течения мысли, в том числе позитивизм. Эта доктрина, созданная Огюстом Контom ², существовала до начала нашего века, она противопоставляла концепцию научной истины метафизическим доказательствам и имела множество последователей

¹ В начале 1999 года дядя Коля нашёл в своём архиве статью, появившуюся в сентябре 1976 года в International Review of Science (Международное научное обозрение), в которой рассказывается о бурных условиях избрания Г. Н. Вырубова в Коллеж де Франс. Это дало ему идею написать в его память предлагаемую статью. (Он доверил её мне как «семейному архивариусу», очень сожалел, что никто из его семьи не проявлял должного интереса к этому великому дяде, который был для него образцом для подражания.) [Прим. племянницы Н. В. Вырубова, М. А. Трубниковой-Муре]. Кавалер Ордена Почётного легиона – обладающий самой почётной наградой за заслуги перед Францией, учреждённой Наполеоном в 1802 году.

² Исидор-Мари-Огюст-Франсуа-Ксавье Конт (1798–1857) – философ, основатель позитивизма и социологии как самостоятельной науки.

*Григорий Николаевич Вырубов
с русскими орденами*

в интеллектуальных кругах Франции и Европы. Литтре¹ и Вырубов были пламенными пропагандистами философии позитивизма в своём журнале² и внесли в учение изменения, чтобы дать ему социологическое содержание, более подходящее для направлений своей эпохи. Такие государственные деятели, как Жюль Ферри³ и Комб⁴, черпали вдохновение в разработке социальных законов, в то время как Тэн⁵ и Ренан⁶, а позже Клемансо⁷ и сам Пуанкаре⁸ объявили себя последователями этой идеи. Идея утверждала, что достижения в области науки и знаний являются регулирующим фактором социального прогресса и что их следует сделать доступными для большего числа людей путём популяризации. Вырубов это делал в своих статьях в его журнале, и Вырубова не одобряли учёные, отказывавшиеся от любого философского или социологического вмешательства в науку, которая должна была оставаться областью только для посвящённых.

Отсюда можно понять нежелание академии, которое пришлось преодолеть, чтобы создать кафедру истории наук в Коллеж де Франс, которую хотел Конт и за кото-

рую вели кампанию Литтре и Вырубов и агитировал Жюль Ферри. В конце концов, Леон Буржуа⁹, министр народного просвещения, создал кафедру в 1892 году, предложив её Пьеру Лаффитту¹⁰, который был принят единодушно; он подходил и позитивистам, которые видели в нём друга и ученика Конта, и учёным, для которых он был мыслителем с мировым именем.

Хотя Лаффитт на этой кафедре не преподавал позитивизм прямо, однако тот факт, что он был духовным учеником и приближённым Конта, придавал его назначению смысл продвижения позитивизма в непокорном академическом корпусе.

После смерти Лаффитта, в 1903 году, Вырубов выдвинул свою кандидатуру, чтобы стать его преемником на посту главы кафедры. Пришла пора, когда он, пройдя долгий путь на преподавательском поприще, вероятно, захотел занять эту престижную должность, да и как лидер позитивизма он был обязан сохранить эту с трудом завоёванную вотчину.

Чтобы выявить кандидатов на кафедру, Коллеж, следуя традиции, провёл выборы. Из 36 проголосовавших в первом туре Вырубов получил 14 голосов, а Таннери¹¹ – 13, остальные распределились между остальными шестью кандидатами, так как никто не получил достаточного большинства в 19 человек, начался второй тур, который дал 21 голос Таннери и 15 – Вырубову.

¹ Эмиль-Максимильен-Поль Литтре (1801–1881) – философ-позитивист, историк, филолог, лексикограф, составивший знаменитый словарь французского языка (Dictionnaire Littré). Его считали самым энциклопедичным после Дидро.

² В журнале «La Philosophie positive» (Философия позитивизма), который издавал Г. Н. Вырубов, он публиковал не только свои статьи, но и работы своих единомышленников. [Прим. М. А. Трубниковой-Муре].

³ Жюль-Франсуа-Камиль Ферри (1832–1893) – политический и государственный деятель, умеренный республиканец, журналист, в разные годы занимал посты министра просвещения, иностранных дел, премьер-министра.

⁴ Эмиль-Жюстен-Луи Комб (1835–1921) – государственный и политический деятель, масон, в 1902–1905 годах председатель совета министров Франции; в 1895–1896 годах министр образования, изобразительных искусств и культов Франции.

⁵ Иполлит-Адольф Тэн (1828–1893) – философ-позитивист, теоретик искусства и литературы, основатель культурно-исторической школы в искусствознании, психолог, публицист, член Французской академии.

⁶ Жозеф-Эрнест Ренан (1823–1892) – философ, историк религии, член Французской академии.

⁷ Жорж-Бенжамен Клемансо (1841–1929) – видный политический и государственный деятель, премьер-министр Франции, журналист, член Французской академии.

⁸ Жюль-Анри Пуанкаре (1854–1912) – математик, физик, механик, астроном, философ, глава Парижской академии наук, член Французской академии, иностранный член-корр. СПб академии наук.

⁹ Леон-Виктор-Огюст Буржуа (1851–1925) – государственный деятель, юрист, лауреат Нобелевской премии мира, премьер-министр Франции, теоретик солидаризма.

¹⁰ Пьер Лаффитт (1823–1903) – философ-позитивист, ученик Огюста Конта, в 1892 году назначен профессором в Коллеж де Франс на вновь учреждённую кафедру всеобщей истории наук.

¹¹ Поль Таннери (1843–1904) – математик и историк философии и науки. Брат математика и философа Жюля Таннери.

Поскольку это касалось темы учения позитивизма, Академия наук должна была дать обоснование такому выбору, и из 47 проголосовавших 40 голосов получил Таннери и 5 голосов – Вырубов.

Этим голосованием учёные, недвусмысленно подтверждая выбор Коллежа, обозначили своё предпочтение Таннери и недоверие к позитивистской приверженности Вырубова. Таннери, как и его брат, который блестяще руководил наукой в Эколь Нормаль, принадлежал к университетскому кругу, к которому Вырубов не принадлежал.

Он не был эрудированным профессором, он был общественным человеком, передающим свои знания и пропагандирующим свои убеждения, работая в своей лаборатории и издавая свой журнал; обладая независимым духом, он удивлял свою аудиторию смелостью высказываний. Это был кандидат *вне формальных разрядов*.

Как бы то ни было, результаты выборов в коллегия были доведены до сведения министра народного просвещения, который, как правило, лишь одобрял представленное ему предложение. Но, ко всеобщему удивлению, председатель Совета Эмиль Комб предложил Вырубова, а не Таннери. Этот властный поступок вызвал комментарии, которые часто не были обоснованными, но которые длятся и до сего дня.

Однако всё указывает на то, что это решение носило политический характер и воодушевлялось позитивизмом. Можно предположить, что из двух кандидатов Комб отдал предпочтение тому, кто лучше всего подходил его проекту развития общества, не слишком заботясь о его академических качествах. Это было в духе того времени.

Напомним, что в то время пришедшие к власти радикалы занимались амбициозной программой реформ, которую Комб решил продолжить, проводя в жизнь направления, вдохновлённые позитивизмом, последователем которого он стал. Закон об отделении Церкви от государства находился в стадии разработки, а дело Дрейфуса¹ ещё не было разрешено. Комб был начеку и искал союзников, особенно в тех интеллектуальных и влиятельных кругах, которые были ему мало знакомы и в которых у Вырубова была широкая аудитория.

В этой атмосфере невелик был шанс, что будет учитываться академическая эрудиция, в которой Поль Таннери превосходил соперника. Политехник², сведущий во многих научно-технических дисциплинах, профессор, в течение долгого времени и талантливо преподававший математику и историю науки Древности и Средних веков, он, бесспорно, был наиболее квалифицированным, но обстоятельства не всегда складывались в его пользу. Напротив, Вырубов, доктор медицины, доктор химии, выдающийся минералог, заслуженный кристаллограф, педагог, хотя и учёный меньшего калибра, обладал козырями, которые придали вес его кандидатуре. Известный позитивист, защитник Дрейфуса, он придерживался передовых взглядов, хотя не принадлежал никакой партии, несмотря на настоятельные призывы к этому. Он был авторитетным человеком³.

Он не был близок к Комбу, как в своё время к Литре и Жюлю Ферри, с которыми поддерживал особые отношения. Но у него были друзья и в правительстве, и в Сенате, и Комб, сознавая авторитет, которым Вырубов пользовался у талантливых людей, которых он хотел привлечь к деятельно-

Г. Н. Вырубов
в период русско-турецкой войны

¹ Дело Дрейфуса – судебный процесс в 1894 году во Франции (сфабрикованный по поддельным документам на волне антисемитизма) о шпионаже в пользу Германии капитана Адольфа Дрейфуса, еврея из Эльзаса.

² Слово «политехник» указывает на то, что Таннери являлся выпускником Политехнической школы, самой престижной французской Высшей школы, военной, но специализирующейся на математике и других точных науках. [Прим. М. А. Трубниковой-Муре].

³ Вырубов был влиятельным в обществе человеком, что не было связано ни с его знатностью, ни с должностями, и именно это и склонило чашу весов на его сторону. [Прим. М. А. Трубниковой-Муре].

Г. Н. Вырубов – профессор
Collège de France

Г. Н. Вырубов в своей лаборатории.
1912–1913 гг.

Г. Н. Вырубов.
Учебный рисунок

сти в соответствии со своими целям, воспользовался своими прерогативами и, проигнорировав выбор коллегии, поручил кафедру Вырубову.

Нет никаких оснований утверждать, что это решение было следствием масонского влияния под предлогом того, что Вырубов был вице-президентом ложи Великого Востока, а Комб – членом меньшего ранга. Это бесплодная догадка, и неправильно судить Вырубова за это и особенно недооценивать его, как и полагать, что он мог согласиться стать объектом такого фаворитизма со стороны кого бы то ни было, будь даже тот Председателем Совета. Вырубов был личностью, известной своими открытыми и смелыми выступлениями, добиваясь от влиятельных людей, чтобы они поддерживали те принципы, которым он служил всем сердцем, как он сделал это в деле Дрейфуса или на могиле Литтре, чтобы опровергнуть его мнимое позднее отступничество от прежних обетов. Его репутация честного человека была широко признана, она принесла ему большое уважение, в том числе Литтре, Жюль Ферри, который называл его *руководитель моей совести*, Мари Кюри¹ и многих других. Это была оригинальная личность, у него был вкус к знаниям и вкус к действию.

Заслуга Вырубова заключается не в завершении его лабораторных исследований, хотя и широко признанных его соратниками, – им недостаёт научного кругозора; его заслуга не в том, что он оставил долговременный след позитивистской мысли, которую он пропагандировал, но которая осталась без будущего. Его несомненной заслугой станет его искренняя забота, направленная в основном на деятельность общества и развитие человека, что являлось кредо его жизни и что сохраняет всю свою ценность и по сей день.

Не следует также приписывать его назначение кумовству, на которое был способен Комб, ибо во всём они были разными, и если между ними и были в чём-то схождения, то никогда не было близких взаимоотношений.

Комб родился в скромной среде, его предназначали миру церкви, он получил степень доктора теологии, затем медицины, которую практиковал в провинции. Вкусив политики, он порвал с прежними обязательствами, присоединился к радикальной партии, стал франкмасоном, как это было положено в его политической семье, а затем позитивистом, как это было принято в правящих кругах. Он бунтарь.

Вырубов принадлежал к старой русской семье, состоятельной и просвещённой. Он получил строгое и систематическое образование и сохранял манеры своего круга. Открытый всему ум, он приобрёл обширные знания в самых различных областях науки; с раннего возраста он увлекался философией, искусством и литературой, любил старинные картины, которые завещал музеям

¹ Мари Кюри-Склодовска (1867–1934) – одна из первых женщин – учёных-экспериментаторов, педагог, общественный деятель и первый преподаватель-женщина в Сорбонне.

Г. Н. Вырубов верхом на лошади

*Г. Н. Вырубов в юности
в Марокко*

Франции, много путешествовал, знал языки, был человеком большой культуры и вёл знакомство с интеллектуалами из разных стран. Друг Тургенева, вместе с которым он помогал спасать русских, приехавших в Париж, он разделял идеи Герцена, который сделал его своим душеприказчиком. Он не порвал со своей средой, посещал свои имения в России, но, почувствовав ограниченность своего природного окружения, отошёл от него и стал мыслить по-другому. Он стремится к лучшему миру, не стремясь что-либо разрушить, считая, что эволюция в умах и приобретение знаний открывают более широкие горизонты. Он был масоном по семейной традиции, как и его отец и брат, а позитивистом стал ещё в годы учения в Александровском лицее¹, в России, под влиянием своего учителя французского языка Помье, последователя Конта. Человек принципиальный и мужественный, учась в Париже, когда началась война 1870 года, он поступил в Национальную гвардию в статусе иностранца. Он отличился во время осады Парижа, в опасных условиях оказывая помощь как версальцам, так и коммунарам, их самопожертвование он признаёт, что вызовет к нему гнев Властей. Будучи кавалером Ордена Почётного легиона за военные заслуги, он позже откажется от любого продвижения по службе за гражданские заслуги, чтобы не затмить ими свои первоначальные достижения.

Живя в Париже, будучи женатым на сестре Шарля Рише², лауреата Нобелевской премии по физиологии, работая в лаборатории, преподавая в Сорбонне, он уезжает на Кавказ, когда в 1876 году разразилась русско-турецкая война, чтобы лечить раненых и засвидетельствовать свою солидарность со своими соотечественниками. Наконец, подружившись с Гарибальди³ во время осады Парижа, он присоединился к нему на полях его освободительных сражений, чтобы там оказывать ему поддержку.

Он продолжал преподавать и работать в своей лаборатории до тех пор, пока у него оставались силы, и ушёл незаметно, как хотел, без церемоний, без цветов, без речей. Похвалы пришли к нему позже, чтобы не была забыта его насыщенная жизнь.

После его ухода кафедра истории наук была упразднена.

*Николай ВЫРУБОВ,
командор Ордена Почётного легиона, Соратник Освобождения,
Май 1999, Париж.*

¹ Александровский императорский лицей – название Царскосельского лицея после его переезда в Санкт-Петербург в 1843 году.

² Шарль-Робер Рише (1850–1935) – физиолог, новатор во многих областях медицины, масон.

³ Джузеппе Гарибальди (1807–1882) – полководец, революционер, лидер Рисорджименто (национально-освободительного движения против иноземного господства и за объединение раздробленной Италии в середине XIX в.), писатель.

Русский мир без границ

Берега Латвии

Ираида Кельмелене

Ираида Кельмелене – родилась в Риге (Латвия) в 1952 году. Образование среднее техническое. В 1982 году окончила Даугавпилский техникум железнодорожного транспорта. Стаж работы на Латвийской железной дороге – 44 года. С 2004 по 2017 год постоянно печаталась в отраслевой газете «Latvijas dzelzceļnieks». Публиковалась в сборнике «Творчество железнодорожников» и альбоме «Жизнь и творчество Валентина Пикуля». Автор двух поэтических сборников. Имеет публикации в журнале «Корни» (Латвия) и журнале «Берега» (Россия. № 4(28)-2018. № 6(36)-2019). Ведущая вокально-поэтических концертов, координатор литературно-музыкальных программ. Член МАП, член Пушкинского общества Латвии и общества Кришьяна Барона. Координатор клуба поэзии, музыки и живописи «Созвездие» в Риге.

* * *

* * *

Жизнь, как цветное полотно,
Где красками надежда правит.
Года, как терпкое вино,
И Рок земной победу славит.

В окно заглянула звезда,
Мерцая холодным светом.
И мир, сокрытый всегда,
Стал откровенным ответом.

Но вёсны, счастьем Бытия,
Ласкают душу не украдкой,
А лето красное, звеня,
Малиной угощает сладкой.

Это мир моего гнезда,
Я в нём главная тайна...
Вдруг усмехнулась звезда,
Мысли считав моментально.

И осень красочной порой
Одаривает повсеместно,
Грибочки ладят на постой,
И грусть на сердце не уместна.

Что нас с тобою роднит?
Ты высоко и далёко.
Мне же земной родник
Песни журчит одиноко.

А что зима? Снега, мороз
И снова лет подсчёт печальный.
Ах, возраст, ты опять подрос,
Меня облик изначальный.

Солнце ласкает и жжёт,
Ветер – порою сбивает.
Вот только никто не ждёт...
Так на Земле бывает.

Я в зеркало судьбы смотрю
И принимаю поздравленья.
Хотелось бы в земном раю
Подольше ощущать мгновенья.

А знаешь, давай дружить,
Заглядывай вечерами.
Ты будешь мне ворожить,
Я угощу пирогами.

Ещё полвека прошагать,
Ошибки мудро исправляя.
Весну с зимою привечать,
Соединив в душе два рая.

Мирно пойдёт разговор
О сокровенной природе:
Ты про межзвёздный простор,
Я про цветы в огороде.

Птичий язык мне знаком,
Мысленно – тоже умею.
Ты говоришь и на том,
На арамейском, я верю.

Вечер темнел, как всегда,
И без иронии ярко,
Скрылась за тучку звезда.
Стало мне сказку жалко.

И, собираясь спать,
Я не прикрыла окошко.
Чтоб о звезде помечтать
И погрузить немножко.

* * *

День за днём по капельке дождя,
День за днём по солнечному блику,
Падая и снова восходя,
Кланяюсь божественному Лику.

Тайна для земного жития...
Лист, дрожащий в зное и от ветра...
Кто я на скрижалях Бытия,
Радужного, солнечного спектра?

Жизнь дана для выбора судьбы.
На ладонях огненные знаки
Испытаний, Рока и борьбы.
Тёмных сил не избежать атаки.

Собираю капельки дождя,
В росных травах солнечные блики,
И за всю палитру Бытия
Я благодарю святые Лики.

За простое, скромное житьё,
За опеку над душой и телом.
За родных, друзей и за моё
Время, освящённое пределом.

* * *

Ах, память! Кладёшь редкостей земных,
Вбираешь ты энергию познаний.
Все имена знакомых и родных
В тебе живут, как дань воспоминаний.

Ах, память – кинохроника, архив?
Калейдоскоп событий краткой жизни?
Любви и слёз изменчивый мотив,
Ты равнодушна к нашей укоризне.

Ах, память, если б не было тебя,
Каким ненужным стал бы каждый вечер.
И потому, надеясь и любя,
Мы зажигаем памятные свечи.

* * *

Памяти Марины Цветаевой

Сложила руки крестом
И встала, не глядя в лица,
Пред пряником и хлыстом,
Измученная Жар-птица.

Души заглушала стон
Чтением и стихами.
Нить Ариадны в сон
Манила: «Иди за нами!»

Вернулась, как в пустоту.
Вернулась, чтобы покинуть
И голод, и страх, и звон
Колоколов – отринуть!
О, неизбежный Рок!
Лиру разбили кони.
Спит золотой завиток
У Вечности на ладони.

* * *

Ушли в грядущее былые поколенья,
А на Земле по-прежнему ветра
Кольщут травы, вечен миг творенья
И вновь под солнцем вырастет трава.

Мир, омываясь волнами морскими,
Вращается, людской сменяя Род...
И ждёт Господь, что с душами благими
Приемлет веру весь честной народ.

Наполнив сердце светом покаянья,
Воздаст хвалу, не требуя венца.
С божественною мыслью осознания,
Что нет у жизни горького конца.

* * *

Жизнь прекрасна потому,
Что много в ней невзгод.
Плетёт судьба свою тесьму,
Идёт за годом год.
И рай земной в секунде есть,
И смех, и плач, и вздох.
Чуть слышно прошепчу: «Аз есмь»,
И отзовется Бог.

* * *

Что нужно для счастья?
Надёжные стены –
Укроют они от лихой перемены.
Немного веселья, немного удачи,
Любви много-много, никак не иначе.

Подружек весёлых открытые души,
Чтоб «кости не мыли» досужие клуши.
Чтоб солнце светило, дожди орошали.
Чтоб горе не кутало в чёрные шали.

Чтоб руки умели справляться с работой
И спорилось дело с большою охотой.
Чтоб, мир познавая, искрились глаза
И виноградом светилась лоза.

* * *

Дорогая, тебя люблю
И хочу с тобой рядом быть.
Не качай головой, молю,
Без тебя мне, честно, не жить.

Мне по сердцу твои слова,
Быть счастливою не порок,
Но у жизни свои права
И на всё отведённый срок.

Это только игра, мой друг,
Взглядов, чувств отдалённый зов.
Посмотри: листопад вокруг
Скоро скроет зимы покров.

Журавли улетают вдаль,
Посылая прощальный клик.
Отозвалась в душе печаль,
Я старушка и ты старик.

Вместе тяготы проживать –
Это легче, но... Нет, нет, нет.
И не надо мне отвечать,
Что про возраст сказал Поэт.

Он был прав лишь отчасти.
Зато мы навеки с тобой друзья.
Застегни, я прошу, пальто.
Простудиться тебе нельзя.

Так и будем век коротать,
Но съезжаться нам нет причин.
Ты опять про любовь, опять!
Непонятливый из мужчин.

Объяснять ничего не хочу.
Только знаю, что я права.
Не забудь, тебе завтра к врачу.
Осень тёплая на Покрова.

* * *

Открыв окно, увидев первый снег,
Душа возликовала и запела.
Зима пришла! И этот первый снег,
Как чистый лист. Скорей, поэт, за дело.

Пиши, излей порыв своей души,
Достань со дна свой талисман заветный,
Что охраняет и в ночной тиши,
И в свете дня твой огонёк приметный.

Пусть он лишь искра, пусть он невелик,
В нём – искренность, горячая отвага,
Что позволяет не сорваться в крик
И знать, что жизнь – великая награда.

Пиши, поэт! Да будет труд твой свят.
Пока чисты страницы и дороги.
Пока словами можешь во сто крат
Унять печали и избыть тревоги.

* * *

*По мотивам картин художника
И. Д. Шаймарданова*

Пришла зима, даруя праздник.
Морозец щёки красит ярко.
Из дома выбежал проказник
И шапку в снег: кричит, что жарко!

Хохочет, скачет по тропе,
Чертёнок, право, кучерявый.
И кто-то говорит в толпе:
«На барина, мол, нет управы...»

А нянюшка, смахнув слезу,
Глядит с улыбкой, умилённо.
Уж ей не знать про егозу.
Вздохнула только затаённо.

Не повернуть нам время вспять,
Соединив столетий связку.
Но выставка картин опять
Нас возвращает в эту сказку,

Где Пушкин веселится вскачь
И на ходу стихи слагает.
И грустно, и смешно – хоть плачь.
Как время быстро пробегает.

Ведь, кажется, ещё вчера
«Часы беспечного веселья»
Скрывали в тайне веера,
И Бахус наливал всем зелья.

Но были прощены грехи,
И «шаловливой Музы» росчерк
Запратал в чудные стихи
Нам Пушкина летучий почерк.

Русский мир без границ

Берега Канады

Ваагн Карапетян

Ваагн Карапетян – член Союза армянских писателей, главный редактор альманаха «Литературная Канада», автор нескольких книг, повести «Девичья башня – 2025» и романа «Немногое из того, что было...».

Господин д'Артаньян, кто Вы?

Отрывки из увлекательного псевдонаучного исследования

В целом, когда перечитываешь роман Александра Дюма «Три мушкетёра», то есть тебе уже известна канва, то начинаешь обращать внимание на мелкие детали, реплики, диалоги, поступки и с ужасом осознаёшь, что весь роман пропитан противоречиями, на которые натываешься на каждом шагу, как на грибы после дождя, и, в конце измученный этим открытием, от удивленияжимаешь плечами: мол, как такое могло случиться, как мог уважаемый нами автор допустить полное отсутствие логики в действиях и поступках отважных, с чем нельзя не согласиться, героев. И то, что роман имеет не одного «родителя», над ним корпели несколько авторов, никак не оправдывает допущенные несостыковки в романе. Наоборот, больше глаз, больше внимания, больше точности и меньше неразберихи. Так должно быть, во всяком случае...

В том-то и загадка, харизма этого произведения – несмотря на все вышеописанные недочёты, забавная история четырёх мушкетёров остаётся самым популярным в мире историко-приключенческим или авантюрно-историческим произведением.

Но вернёмся к роману...

...«Внеся задаток, д'Артаньян сразу же перебрался в свою комнату и весь остаток дня занимался работой: обшивал свой камзол и штаны галуном, который мать спорла с почти совершенно нового камзола г-на д'Артаньяна-отца и потихоньку отдала сыну».

В этом отрывке привлекли моё внимание ещё и первые два слова: «Внеся задаток». Итак, добравшись до Парижа, д'Артаньян на фасаде одного из домов увидел объявление о том, что сдаётся комната. Постучался, вошёл, какая-то живая душа встретила его, рассказала условия, мол, не шуметь, вовремя вносить квартплату и прочее. Но мне непонятно, кто встретил д'Артаньяна, кому он передал задаток. Давайте разбираться. Владелец этого дома являлся не бедным человеком, вот как он говорит о себе: «Я человек обеспеченный, правильнее сказать. Торгуя галантереей, я скопил капитал, приносящий в год тысячи две-три экю. Кроме того, я вложил некую сумму в последнюю поездку знаменитого мореплавателя Жана Моке. Так что, вы сами понимаете, сударь...» А слуг он не имел, что, согласитесь, выглядит странно. Как может не иметь хотя бы одного слугу «вполне обеспеченный человек» того времени, занимающийся к тому же благотворительностью, «я вложил некую сумму в последнюю поездку знаменитого мореплавателя Жана Моке». Но такова воля автора, и с этим мы вынуждены считаться. Отсюда следует, что д'Артаньян договаривался о найме комнаты либо с хозяином дома, либо с хозяйкой. Больше не с кем. Но вот следующий отрывок заставляет нас в очередной раз потянуться к затылку. В этом отрывке говорится о том, что в дверь комнаты д'Артаньяна постучался неизвестный горожанин и состоялся между ними вот такой диалог:

«– Да я и не отступаю, тысяча чертей! – воскликнул гость, пытаюсь с помощью проклятий вернуть себе мужество. – Клянусь вам честью Бонасье... – Ваше имя Бонасье? (спрашивает незнакомца д'Артаньян) – Да, это моя фамилия. – Итак, вы сказали: “Клянусь честью Бонасье”... Простите, что я перебил вас. Но мне показалось, что я уже где-то слышал ваше имя. – Возможно, сударь. Я хозяин этого дома. – Ах, вот как! – проговорил д'Артаньян, слегка приподнявшись и кланяясь. – Вы хозяин этого дома?»

Значит, д'Артаньян не знаком с господином Бонасье и, соответственно, не с ним договаривался об аренде комнаты. Так с кем же? Не видел и хозяйку, с которой познакомится позднее. Так кому же он отдал деньги? Кто получил задаток за комнату от д'Артаньяна? Меня там не было, можете на слово поверить, остаётся автор, господин Дюма. Больше некому...

...Так и остался для читателя невыясненным вопрос, убит гвардеец Жюссак или ранен. Мы не смогли прийти к одному мнению, а спросить некого. Хотя почему некого, вот король знает, он убеждён, что Жюссак всего лишь ранен. На встрече с отважной четвёркой, показывая рукой на д'Артаньяна, он говорит:

«— Это он ранил Жюссака? — воскликнул король. — Он? Мальчик? Это невозможно, Тревиль!»

Как ранен? Прочитав эти строчки, в который уже раз удивляюсь я. Ну не стану повторяться, будем считать, что короля, а заодно и господина де Тревиля ввели в заблуждение.

Полюбовался, значит, король, мушкетёрами и соблаговолил позволить им идти выполнять свои служебные обязанности. И, глядя им вслед, обратился к господину де Тревилю: «Тревиль, — добавил король вполголоса, пока молодые люди уходили, — так как у вас нет свободной вакансии в полку, да и, кроме того, мы решили не принимать в полк без испытания, поместите этого юношу в гвардейскую роту вашего зятя, господина Дезэссара...»

Вот здесь-то я абсолютно не согласен с королём. Как нет свободных мест? Неправда, есть свободные места. Ведь всего за день до этого разговора тройка мушкетёров доложила господину де Тревилю о том, что в ходе стычки с гвардейцами убиты два мушкетёра. Значит, есть два свободных места. Допустим, королю ещё не успели доложить, но господин де Тревиль знает об этом.

Что касается постулата «Не проявил себя». И здесь я не согласен. Как не проявил себя, если за два неполных дня столько гвардейцев на шпагу нанизал, да ещё каких гвардейцев! Куда уж более?!

Так что господин де Тревиль должен был возразить королю, мол, во время прошлой стычки, к сожалению, убиты два преданных вам мушкетёра, и поэтому свободные места есть, да и проявить себя он уже успел. И многозначительно добавить: «Вам ведь известна причина скверного настроения кардинала». И был бы мой друг уже мушкетёром, но, увы, прохлопал ушами де Тревиль удобный момент, и из-за этого д'Артаньяну придётся ещё пахать и пахать до XXVIII главы первой части романа или до XVII главы второй части. «Как так?» — удивится читатель. Карапетяну неизвестно, когда д'Артаньян вступил в полк мушкетёров, он что, книгу не читал? Читал, уверяю я вас, и не один раз, наизусть её помню, только вот когда д'Артаньян вступил в полк мушкетёров, не знаю, не разобрался. Давайте попробуем это сделать вместе.

Для начала откроем XXVIII главу и порадуемся за д'Артаньяна.

«В Париже д'Артаньяна ждало письмо от г-на де Тревиля, извещающее, что его просьба удовлетворена и король милостиво разрешает ему вступить в ряды мушкетёров. Так как это было всё, о чём д'Артаньян мечтал...»

Вроде бы всё ясно, д'Артаньян — мушкетёр.

Кто хоть немного смыслит в русском языке, не может сделать иного вывода. И пора поздравить д'Артаньяна и в пляс пуститься по этому случаю. Хотя нужно убедиться, действительно ли д'Артаньян, получив письмо де Тревиля, стал мушкетёром? Не оговорка ли это автора, или неправильно понял письмо д'Артаньян, и мы вместе с ним? Поищем ответ на следующих страницах. Но нет, вот очередное подтверждение.

«— О, дело плохо! — сказал Арамис. — Мы только что сделали подсчёт, причём были не взыскательны, как спартанцы (речь идёт об одежде), и всё же каждому из нас необходимо иметь по меньшей мере полторы тысячи ливров.

— Полторы тысячи, помноженные на четыре, — это шесть тысяч ливров, — сказал Атос».

Атос помножил на четыре! То есть с этой минуты, когда и д'Артаньян стал мушкетёром, все четверо должны быть одеты одинаково. Ещё вот:

«— Что же касается д'Артаньяна, господа, то счастье вступить в наши ряды лишило его рассудка».

Ну и последнее, думаю, достаточно:

«— И сверх того... — сказал Атос, подождав, пока д'Артаньян, который пошёл поблагодарить г-на де Тревиля, закроет за собой дверь».

Но я вынужден разочаровать нас — уже через 5–6 строчек, заметьте, не страниц и не глав, чтобы успеть забыть, о чём ранее писал, а всего лишь строчек, и мы опять в смятении.

«Само собой разумеется, что из всех четырёх друзей д'Артаньян был озабочен больше всех, хотя ему как гвардейцу было гораздо легче экипироваться, чем господам мушкетёрам...»

Опять двадцать пять! Господин Дюма, нельзя же так!? За что вы своего героя из огня да в полымя. Господин Дюма, вы проспали самое важное событие в жизни д'Артаньяна, он уже давно мушкетёр, а вы его всё в гвардейцы записываете. Нельзя так! Он ещё толком де Тревиля поблагодарить не успел, а вы его опять в гвардейца наряжаете. Можно подумать, что это оговорка, хотя какая может быть оговорка в художественном произведении. Художественное произведение должно чем-то отличаться от слов, сказанных в запальчивости. Но наше возмущение, как и знание русского языка, мы вынуждены отложить в сторону, ведь мнение автора диаметрально расходится с нашим упрямым утверждением, потому как после этого письма ещё долгие дни, недели и месяцы д'Артаньяну предстоит ходить в гвардейской одежде, пока во второй раз, но уже в устной форме его по новой не удостоит чести вступить в ряды мушкетёров. Это произойдёт примерно через 150 страниц, теперь уже в XVII главе второй части романа.

«— Ну так возьмите его к себе, — предложил кардинал (де Тревилю). — Раз эти четыре храбреца так любят друг друга, им, по справедливости, надо служить вместе.

Д'Артаньян был вне себя от радости. Как известно, мечтой всей его жизни было сделаться мушкетёром».

Для большей убедительности, сопоставим два отрывка, — первый из XXVIII главы первой части книги: «...и король милостиво разрешает ему (д'Артаньяну) вступить в ряды мушкетёров. Так как это было всё, о чём д'Артаньян мечтал...»

И второй, теперь уже из XVII главы второй части романа: «Д'Артаньян был вне себя от радости. Как известно, мечтой всей его жизни было сделаться мушкетёром».

Предположим, кардинал не знал, что 150 страниц тому назад д'Артаньян имел честь получить письмо от де Тревиля, в котором сказано «что его (д'Артаньяна) просьба удовлетворена, и король милостиво разрешает ему (д'Артаньяну) вступить в ряды мушкетёров». Кардинал не знал, но господин де Тревиль-то знает, он написал письмо д'Артаньяну, он уведомил о решении короля гвардейца д'Артаньяна, он первым поздравил его в тот день. И поэтому господин де Тревиль должен был возразить кардиналу, сказав: «— Ваше преосвященство, разве вы не в курсе, что 150 страниц тому назад король повелел перевести д'Артаньяна в полк мушкетёров? И он уже 150 страниц как мушкетёр. — Да, действительно, — ответит де Тревилю кардинал, почёсывая затылок: — Припоминаю, ну и хорошо, что они уже 150 страниц вместе служат. Я только рад этому». Но по роману происходит другое...

«В тот же вечер господин де Тревиль объявил эту приятную новость трём мушкетёрам и д'Артаньяну (предложение кардинала перевести д'Артаньяна в полк мушкетёров) и тут же пригласил всех четверых на следующий день к себе на завтрак. Д'Артаньян был вне себя от радости. Как известно, мечтой всей его жизни было сделаться мушкетёром. Трое его друзей тоже очень обрадовались...»

Итак, господин д'Артаньян, по всей вероятности, единственный мушкетёр Франции, который удостоился особой чести попасть в полк мушкетёров дважды! А потому я бы назвал книгу иначе — «Три мушкетёра и дважды мушкетёр господин д'Артаньян».

А сам Дюма какого мнения? Кто более значим для него, король или кардинал? Как показывает нам следующий отрывок, Дюма считает первым лицом Франции того времени именно кардинала, потому как принимает за основу не решение короля перевести д'Артаньяна в полк мушкетёров, а обронённую реплику-предложение кардинала. «Четверо молодых людей узнали эту новость через четверть часа после г-на де Тревиля, так как им первым он сообщил о ней. Вот когда д'Артаньян особенно оценил милость, которую оказал ему кардинал, наконец-то позволив перейти в мушкетёры! Если бы не это обстоятельство, д'Артаньяну пришлось бы остаться в лагере, а его товарищи уехали бы без него»

...А на этот проступок, который я предлагаю сейчас разобрать, любой уважающий себя француз обязан был отреагировать следующим образом. Он должен был на этой странице захлопнуть книгу, подойти к зеркалу, ловко поправить причёску на голове и гордо заявить: «Не желаю читать роман, в котором прославляют предателя моей страны». — «А что, что произошло-то?» — встрепаются в эту минуту любопытные читатели. И я им объясню. Однажды д'Артаньян блуждал по Парижу в поздние часы, и... с ним произошло самое невероятное. Кому скажешь, не поверят. Он в темноте

столкнулся лоб в лоб не с кем-нибудь, а с самим герцогом Бекингом, и случилось это во Франции, в самом центре Парижа. Тот шёл вразвалочку, взяв под руку некую даму, с которой, как позже выяснится, у д'Артаньяна совсем недавно состоялось поверхностное знакомство. Таким образом, жизнь герцога Бекингема – второго лица, враждебно настроенного по отношению к Франции, государства, оказалась в руках у нашего героя. Появилась возможность блеснуть, проявить себя, наутро встать героем всей страны, получить плащ мушкетёра и ещё дюжину высших наград. А для этого нужно было всего лишь пленить этого сердцееда. Крепко связать, чтоб и пикнуть не смел. Но случилось обратное:

«– Ради всего святого, милорд! – вскричала г-жа Бонасье, бросаясь между ними (герцогом Бекингом и д'Артаньяном) и руками хватаясь за шпаги.

– Милорд! – воскликнул д'Артаньян, осенённый внезапной мыслью. – Милорд!.. Простите, сударь... Но неужели вы...

– Милорд – герцог Бекингем, – вполголоса проговорила г-жа Бонасье. – И теперь вы (д'Артаньян) можете погубить всех нас».

Да он просто обязан был погубить их. Д'Артаньяну не составило бы особого труда, сделав страшные глаза, гаркнуть на глупое создание, чтобы она от страха бежала без оглядки. Крепко связать англичанина и проследить, чтобы его доставили точно по назначению, в Бастилию. Но наш герой, в кавычках, или антигерой, без кавычек, вдруг захныкал:

«– Милорд и вы, сударыня, прошу вас, простите, простите меня!.. Но я ведь люблю её, милорд, и ревновал. Вы ведь знаете, милорд, что такое любовь! Простите меня и скажите, не могу ли я отдать свою жизнь за вашу милость».

После этого предательского лепетания д'Артаньян взялся ещё и оберегать эту парочку. К огорчению влюблённого гасконца, по пути следования этой пары ни один подозрительный тип не встретился, и ему не удалось, заколов пару французов, показать свою молодецкую удаль.

И господин д'Артаньян отпустил их с миром и упустил возможность стать героем всей Франции! Слава о его подвиге, несомненно, докатилась бы и до Гасконии, и я представляю слёзы радости на лице у д'Артаньяна-отца. «Подумать только, – кричал бы он во всю ивановскую, – мой сын пленил самого герцога Бекингема!» Таким образом, приходится констатировать: д'Артаньян лишил своего старого отца возможности напоследок порадоваться за достойного продолжателя древнего рода...

...Читая следующий отрывок, я имею полное право обозвать д'Артаньяна ещё и самыми скверными словами. Не хотелось бы, но вынужден...

Однажды вечером к нему обратился за помощью владелец дома, в котором д'Артаньян снимал комнату, господин Бонасье. Личность так себе, но всё же. «– Меня преследуют неизвестные лица, – взмолился он, – пожалуйста, помогите». Тактично напомнил д'Артаньяну, что тот уже третий месяц не платит аренду. Хотя, судя по моим подсчётам, д'Артаньян в Париже находится чуть более месяца, тем более что он и ещё задаток оставлял, когда арендовал комнату. Помните ведь!

«Внеся задаток, д'Артаньян сразу же перебрался в свою комнату и весь остаток дня занимался работой: обшивал свой камзол...»

Но смотрим, что дальше происходит. На неожиданную просьбу господина Бонасье при необходимости защитить его, д'Артаньян ответил весьма уклончиво, но всё же заверил, что господин Бонасье может на него рассчитывать: «Ну как же, как же, господин Бонасье! – сказал д'Артаньян. – Поверьте, что я преисполнен благодарности за такое обхождение и сочту своим долгом, если я хоть чем-нибудь могу быть вам полезен...»

Но как только появляется группа стражников, с намерением арестовать владельца дома, д'Артаньян тут же забывает о данном слове и охотно сдаёт своего «подзащитного» в руки незнакомцам, несмотря на отчаянные вопли последнего и напоминания д'Артаньяну о том, что он минутами ранее обещал защищать его.

Речь не о том, что д'Артаньян не стал мешать стражникам арестовать господина Бонасье. Я согласен с действиями д'Артаньяна, ведь стражники являются представителями власти. И оказывать сопротивление стражникам не только противозаконно, но и чревато последствиями, с чем мы ещё столкнёмся. Вопрос в том, как он поступил. Он злорадно закричал не терпящим возражения голосом: «– Действуйте, господа, действуйте! Забирайте этого человека. – И д'Артаньян толкнул совершенно растерявшегося галантерейщика в руки стражников».

А д'Артаньян должен был выразить своё сожаление и сказать господину Бонасье, мол, я готов вас защищать, если на вас нападут бродяги, воры и другие криминальные элементы. В данном случае я просто не имею права вмешиваться в действия стражников, они являются представителями нашей власти. И успокоить господина Бонасье словами: «Но вы не волнуйтесь, господин Бонасье, я знаю вас как кристально честного человека, а потому уверен, что вскоре всё выяснится и вас отпустят». Только не надо было вот так, показательно, отказываться от своих слов; с пренебрежением подталкивать, совершенно растерявшегося, галантерейщика в руки стражников. Но это не всё, цинизм д'Артаньяна на этом не заканчивается. Он предлагает начальнику стражников выпить.

«Они уже начали спускаться с лестницы, когда д'Артаньян вдруг хлопнул начальника по плечу.

– Не выпить ли мне за ваше здоровье, а вам за моё? – предложил он, наполняя два бокала божансийским вином, полученным от г-на Бонасье».

То есть д'Артаньян угощает начальника стражников вином несчастного Бонасье, которого минутами ранее, образно выражаясь, швырнул под ноги представителей власти, но и это не всё.

«– А главное – вот за чьё здоровье! – крикнул д'Артаньян словно в порыве восторга. – За здоровье короля и за здоровье кардинала!

Будь вино плохое, начальник стражников, быть может, усомнился бы в искренности д'Артаньяна, но вино было хорошее, и он поверил».

А какое имеет отношение, позвольте вас спросить, качество вина к искренности д'Артаньяна? Д'Артаньян ведь поспешно схватил первую попавшуюся по руку бутылку, и откуда ему знать, какого качества вино. Я хочу особо подчеркнуть, что этот эпизод в многочисленных фильмах о трёх мушкетёрах, что вполне естественно, отсутствует. Видимо, авторы фильмов такого же мнения.

Нужно отметить, что и мушкетёры-приятели, которые оказались свидетелями этой сцены, неоднозначно отреагировали на поступок д'Артаньяна, но не стали делать далеко идущие выводы. Так, скажем, каждый остался при своём мнении. А д'Артаньян, смекнув это, решил не замечать создавшегося неловкого момента и принялся тянуть одеяло на себя.

«– А теперь, господа, – произнёс д'Артаньян, не пытаясь даже объяснить Портосу своё поведение, – один за всех и все за одного – это отныне наш девиз, не правда ли?

– Но... – начал было Портос.

– Протяни руку и клянись! – в один голос воскликнули Арамис и Атос.

Сражённый их примером, всё же бормоча что-то про себя, Портос протянул руку, и все четверо хором произнесли слова, подсказанные им д'Артаньяном:

– Все за одного, один за всех!

Как мы видим, этот клич не стал осознанным решением всей команды, а оказался лишь спонтанным предложением д'Артаньяна с целью отвлечь внимание друзей от его откровенного лобызания с начальником стражников, читайте, пресмыкания перед ним. Но д'Артаньяна уже несёт дальше:

«– Отлично. Теперь пусть каждый отправляется к себе домой, – сказал д'Артаньян, словно бы он всю жизнь только и делал, что командовал. – И будьте осторожны, ибо с этой минуты мы вступили в борьбу с кардиналом».

Спрашивается, на каком основании он сделал подобный вывод? Речь идёт о фразе:

«...– И будьте осторожны, ибо с этой минуты мы вступили в борьбу с кардиналом».

Ведь минутами ранее он откровенно лебезил перед начальником стражников, пил с ним на брудершафт, торжественно провозгласил тост за здоровье кардинала. И пока нет никаких оснований беспокоиться за судьбу и своих друзей, и за свою собственную шкуру. Непонятно. Очередной выстрел в воздух.

...В следующем эпизоде д'Артаньян показал себя полным профаном, я не могу подобрать другого слова. Посудите сами. Когда он с мадам Бонасье сообразили, что стражники снова могут нагрнуть, но уже в большем количестве, решили покинуть этот дом. И задумались, а куда идти? Где укрыться? «– Да-да, вы правы! – с испугом воскликнула г-жа Бонасье. – Бежим, скроемся скорее отсюда! – С этими словами она схватила д'Артаньяна под руку и потянула его к двери. – Но куда бежать? – вырвалось у д'Артаньяна. – Куда скрыться?» Выбежали во двор, не удосужившись за собой прикрыть дверь, и стали думать, как дальше быть? «– Подождите, – произнёс д'Артаньян. – Мы рядом с домом Атоса... Да, правильно. – Кто это – Атос? – Один из моих друзей». И потащил он красотку в обитель своего друга, когда мог бы вполне спокойно укрыть её у себя. Вы помните ведь, что

в «...помещение, занимаемое д'Артаньяном во втором этаже, вёл особый ход, и его гости никаким неприятностям не подвергались». То есть его комната представляла абсолютно безопасное место, да и кровать свободна. Но через несколько суток примерно такая же ситуация повторилась – господин Бонасье, после небольшой перебранки с супругой, хлопнул дверью и поспешил к графу Рошфору с намерением известить последнего о том, что его супруга ищет надёжного человека для отправки в Лондон с неизвестной господину Бонасье миссией. Д'Артаньян наконец-то сообразил, что в его каморке не менее безопасно, чем в каком-либо другом месте. «Слеза блеснула во взоре г-жи Бонасье при этих словах. Д'Артаньян заметил эту слезу и, растроганный, смущённый, упал к её ногам. – У меня, – произнёс он, – вы будете в безопасности, как в храме, даю вам слово дворянина!

– Идём, – сказала она. – Вверяю вам себя, мой друг.

Д'Артаньян осторожно отодвинул засов, и оба, лёгкие, как тени, через внутреннюю дверь проскользнули на площадку, бесшумно поднялись по лестнице и вошли в комнату д'Артаньяна»...

...Но вот мадам Бонасье наконец-то сообразила, что на мужа рассчитывать нечего, и появился шанс у д'Артаньяна завоевать сердце писаной красавицы, какую ему виделась мадам Бонасье. Но вот загвоздка, наш герой, как всегда, без денег. А в такую дорогу никак нельзя отправляться без мешка с золотом. Мадам Бонасье, не особо церемонясь, достаёт из шкафа мешок с пистолями, которым наградила кардинал её мужа за преданность и за заслуги, которые он, возможно, совершит в будущем:

«– Да, друг мой, да! – произнёс кардинал отеческим тоном, которым он умел иногда говорить, тоном, который мог обмануть только людей, плохо знавших Ришелье. – Вас напрасно обвиняли, и поэтому вас следует вознаградить. Вот, возьмите этот кошель, в нём сто пистолей, и простите меня.

– Чтобы я простил вас, монсеньёр! – сказал Бонасье, не решаясь дотронуться до мешка с деньгами...»

Так вот, этот мешочек и оказался в руках д'Артаньяна, он с радостью схватил мешочек, забыв о своей гордости, ещё и пританцовывать начал...

«– Мешок кардинала! – расхотавшись, сказал д'Артаньян...

– Да, мешок кардинала, – подтвердила г-жа Бонасье. – Как видите, внешность у него довольно внушительная».

Итак, запомним, господин Бонасье получил в подарок от кардинала мешочек, в котором лежало 100 пистолей, а его супруга передала этот мешочек д'Артаньяну.

Радостно похлопывая по карману, в котором лежит мешочек со ста пистолями, д'Артаньян мчит-ся на всех парах к де Тревилю, чтобы получить увольнительную для поездки в Лондон, и на вопрос:

«– Деньги у вас есть?

Д'Артаньян щёлкнул пальцем по сумке с монетами, которая была у него в кармане.

– Достаточно? – спросил де Тревиль.

– Триста пистолей.

– Отлично. С этим можно добраться на край света. Итак, отправляйтесь!»

Как триста пистолей? – удивитесь вы. Да и мне эта цифра показалась сомнительной. Не мог кардинал, давая 300 пистолей, назвать цифру сто. Не мог. Наоборот ещё куда ни шло. А так – не верю. Значит, д'Артаньян оговорился. Но нет, он эту цифру и друзьям называет.

«– Но для путешествия в Лондон нужны деньги, – заметил Портос, – а у меня их нет.

– У меня тоже.

– И у меня.

– У меня они есть, – сказал д'Артаньян, вытаскивая из кармана свой клад и бросая его на стол. – В этом мешке триста пистолей. Возьмем из них каждый по семьдесят пять – этого достаточно на дорогу в Лондон и обратно. Впрочем, успокойтесь: мы не все доберёмся до Лондона».

Допустим, опять оговорился, всякое бывает. Но тогда при дележе каждый участник поездки получит по 25 пистолей, а никак не 75. Но, как мы знаем, каждому мушкетёру досталось именно по 75 пистолей:

«Затем каждый из них, протянув руку к мешку, взял себе семьдесят пять пистолей и принялся за приготовления, чтобы через полчаса быть готовым к отъезду...»

Значит, в мешочке действительно оказалось плюс 200 пистолей. Откуда они? Помнится, фокусник-иллюзионист Арутюн Акопян мог в пустой мешочек положить рублёвую купюру, а потом до-

ставать и доставать десятками, но то был фокусник и мешочек с двойным дном. А в нашем случае... Непонятно.

Но в данном эпизоде есть ещё одно обстоятельство, заслуживающее внимания. Посмотрим, как отреагировал бывший галантерейщик на пропажу денег.

«...дикий вопль в эту минуту прервал размышления д'Артаньяна и г-жи Бонасье. Это муж её, заметивший исчезновение мешка с деньгами, взывал о помощи.

– О боже, боже! – воскликнула г-жа Бонасье. – Он поднимет на ноги весь квартал!

Бонасье кричал долго».

Господин Бонасье ведь понимал, что кроме его супруги деньги взять некому. И если он завопил – значит пропажа денег для него – из ряда вон выходящее событие, которое можно квалифицировать как воровство. И никому в голову не приходит мысль, что нужно бы и на плече мадам Бонасье поставить клеймо воришки. Тату, если кто не понял, о чём идёт речь...

...Наши друзья по дороге в город Лондон натываются на ловко расставленные коварным кардиналом ловушки, и начинаются боевые потери; первым принял удар на себя Портос.

Это произошло в Шантильи, куда мушкетёры без проблем добрались. Они отправились в трактир, чтобы подкрепиться. За общим столом сидел незнакомец, прибывший, как уверяет нас Дюма, по дороге из Даммартена. Мушкетёры сели рядом...

«...незнакомец предложил Портосу выпить за здоровье кардинала. Портос ответил, что готов это сделать, если Незнакомец, в свою очередь, выпьет за короля. Незнакомец воскликнул, что не знает другого короля, кроме его высокопреосвященства. Портос назвал его пьяницей. Незнакомец выхватил шпагу».

Спрашивается, зачем нужно было Портосу лезть на рожон, предлагать незнакомцу увеличить список лиц, в честь которых необходимо осушить бокал с вином, когда впереди такая опасная и долгая дорога. Разве это принципиально, пить за кардинала лишь доведом прикрепив имя короля? В своё время и д'Артаньян предлагал выпить за здоровье кардинала, и ничего, пили, мир не перевернулся.

«– А главное – вот за чьё здоровье! – крикнул д'Артаньян словно в порыве восторга. – За здоровье короля и за здоровье кардинала!»

Но что происходит далее, ни в какие рамки не лезет.

«– Вы допустили оплошность, – сказал Атос. – Но ничего не поделаешь: отступить сейчас уже нельзя. Убейте этого человека и как можно скорее нагоните нас».

Так ведь тот же Атос несколько ранее, отправляясь в это путешествие, объяснял, почему мушкетёрам не надо разлучаться, почему правильнее держаться друг за друга: «С четырьмя людьми, путешествующими в одиночку, ничего не стоит справиться, тогда как четверо вместе – уже отряд».

А сами оставляют Портоса сражаться в одиночку. Я не сомневаюсь в том, что, кроме незнакомца, в трактире присутствовало ещё несколько подосланных кардиналом злоумышленников. Согласитесь, кардинал, зная, что мушкетёры отправились в Лондон всей четвёркой, скорее всего, выслал до десятка гвардейцев, которые с бокалами вина развалились в трактире за разными столиками, готовые в нужную минуту обнажить свои шпаги. Не стал бы кардинал против четверых мушкетёров посылать одного. И по всей видимости, не успела за мушкетёрами закрыться дверь, как они тут же повскакали с мест. По этой причине я и в недоумении. Вот так, запросто, разве можно было оставить друга, не имея представления, сколько ещё противников окажутся у него на пути? Я не согласен! Я так бы не поступил. А как же клич «Один за всех и все за одного!»? О том, что Портос победит этого выскочку, никто не сомневается. Не сомневаюсь и я, но подождать-то можно? Небольшая задержка не нарушит график, впереди ведь ещё гостиница, где мушкетёры планируют на ночь остановиться. Вот и лягут на несколько минут позже. Эка беда!

«Отъехав на несколько миль, они в Бове всё же сделали двухчасовой привал, надеясь, что Портос нагонит их, но, не дождавшись друга, отправились дальше».

И зачем где-то два часа торчать, когда можно было это время провести рядом с Портосом, во избежание нежелательного развития. К тому же, допустим, всего один противник оказался на пути у мушкетёров. Бой с ним мог длиться от силы 15–20 минут, задержка небольшая, разве нельзя было подождать или и вовсе – помочь? Это ведь не дуэль, когда бьются один на один, а остальные угрюмо созерцают, исполняя роль секундантов. Это бой с врагом, а в данном случае все средства хороши

для того, чтобы избежать людских потерь и успешно продвигаться к намеченной цели. Кому непонятно? Поднимите руку... Если таковых нет, едем дальше, вслед за мушкетёрами. И тройка друзей, в сопровождении своих слуг, бросив четвёртого в беде (да, да, именно в беде), вскочили на лошадей и помчались прочь от Шантильи, предоставив Портосу право в поте лица сражаться с противником.

И мчатся теперь лихие ребята на встречу следующему препятствию: гвардейцев, переодетых в рабочих. Между ними происходит словесная перебранка и... «Тогда все эти люди отступили к канаве и вооружились спрятанными там мушкетами. Наши семеро путешественников были вынуждены буквально проехать сквозь строй. Арамис был ранен пулей в плечо, а у Мушкетона пуля засела в мясистой части тела, ниже поясицы».

Здесь сразу возникает вопрос: а почему семеро, а не шестеро? Значит, мало того что сами не посчитали нужным помочь другу, подождав, пока Портос расправится с незнакомцем, совершенно очевидно подосланным кардиналом, они и слугу Портоса с собой забрали!

Но не отвлекаемся:

«— Это засада, – сказал д'Артаньян. – Отстреливаться не будем! Вперёд!

Арамис, хотя и раненый, ухватился за гриву своего коня, который понёсся вслед за остальными. Лошадь Мушкетона нагнала их и, без всадника, заняла своё место в ряду».

Трогательная минута... За мушкетёрами мчится лошадь без всадника, значит, один из команды убит, и неважно – мушкетёр он или слуга. Долг, чувство ответственности за каждого потомка Адама подсказывает, что необходимо поворачивать лошадей и мчаться на помощь. Быть может, именно в эту минуту злодеи кардинала выкручивают руки Мушкетону, накинув на шею петлю, подтягивают к дереву. А он тоскливо смотрит в сторону опушки леса, за которой исчезли спины известных ему господ со слугами. Но, как вы думаете, какой оказалась реакция, в данном случае у Атоса, при виде лошади Мушкетона без всадника. Вам кажется, он загрустил, или опечалился, или, более того, ужаснулся? Нет, он просто сказал:

«— У нас будет запасной конь, – сказал Атос».

А д'Артаньян в свойственной ему манере продолжил:

«— Я предпочёл бы шляпу, – ответил д'Артаньян. – Мою собственную снесла пуля. Ещё счастье, что письмо, которое я везу, не было запрятано в ней!»

И никаких эмоций, ни слова о том, что погиб человек. Они ведь не знают, что «...у Мушкетона пуля засела в мясистой части тела, ниже поясицы». Кто не понял, поясню – в заднице.

И мы не видим у мушкетёров ни сожаления, ни желания вернуться. Ни раздумий о том, что, быть может, Мушкетон ранен и ему требуется помощь. Цинизм этого диалога поражает. Гибнет человек, а д'Артаньян рассуждает о шляпе, и, скорее всего, он о потере шляпы сообщает нам, читателям, а не своим друзьям. Потому как читатель не рядом на лошади гарцует, а с книгой в кресле расположился. Друзья-то видят, что он без шляпы, на кой ему им это говорить. Ну а там пулей сбило шляпу или ветер унёс, непонятно, тут бабка надвое сказала. Скорее всего, обыкновенное бахвальство молодого гасконца.

Но цинизм продолжается, вернее, усиливается, от потери шляпы мушкетёры вновь возвращаются к обсуждению возможной потери своего друга Портоса.

«— Всё это так, – заметил Арамис, – но они (переодетые в рабочих гвардейцы) убьют беднягу Портоса, когда он будет проезжать мимо.

– Если бы Портос был на ногах, он успел бы уже нас нагнать, – сказал Атос. – Я думаю, что, став в позицию, пьяница протрезвился».

То есть рассматривается вариант смерти друга без сожаления и угрызения совести. И Арамис говорит об этом спокойно, как сказал бы следующую фразу: «Я думаю, мы не успеем сегодня вечером купить пива, а жаль». Но нет, в данном случае волнений было бы куда больше. Доехав до следующего пункта, совсем занемог раненый Арамис.

«Но в Кревкере Арамис сказал, что не в силах двигаться дальше... С каждой минутой он всё больше бледнел, и его приходилось поддерживать в седле. Его ссадили у входа в какой-то кабачок и оставили при нём Базена (слуга), который при вооруженных стычках скорее был помехой, чем подмогой. Затем они снова двинулись дальше, надеясь заночевать в Амьене».

Заметьте, Базена оставили не для помощи раненому Арамису, а по той простой причине, что тот «при вооруженных стычках скорее был помехой, чем подмогой». Опять тот же цинизм.

Теперь остались Атос с д'Артаньяном со своими слугами. Но на следующей стоянке...

«Входя в комнату и ничего не подозревая, Атос вынул два пистоля и подал их хозяину. Трактирщик сидел за конторкой, один из ящиков которой был выдвинут. Он взял монеты и, повертев их в руках, вдруг закричал, что монеты фальшивые и что он немедленно велит арестовать Атоса и его товарищей как фальшивомонетчиков.

– Мерзавец! – воскликнул Атос, наступая на него. – Я тебе уши отрежу!

В ту же минуту четверо вооружённых до зубов мужчин ворвались через боковые двери и бросились на Атоса.

– Я в ловушке! – закричал Атос во всю силу своих лёгких. – Скачи, д'Артаньян! Пришпоривай! – И он дважды выстрелил из пистолета. Д'Артаньян и Планше не заставили себя уговаривать. Отвязав коней, ожидавших у входа, они вскочили на них и, дав шпоры, карьером понеслись по дороге».

Здесь уже можно воскликнуть: «Слов нет, одно недоумение!» Д'Артаньян, не раздумывая, оставляет Атоса одного против четырёх головорезов, да, да, вы не ослышались, против четырёх головорезов, и улепётывает подальше от места неравного поединка. А куда делся пресловутый лозунг «Один за всех и все за одного!»?

Как вы помните, на первой стоянке, когда мушкетёров было четверо, выяснять отношения полез один подосланный, а против двух мушкетёров сразу четыре гвардейца обнажили шпаги. То ли логика неправильная, то ли математика, непонятно.

На этом отрезке меня заинтересовала фраза «И он дважды выстрелил из пистолета». В XVII веке, чтобы дважды выстрелить из одного пистолета, нужно было после первого выстрела вновь засыпать порох и начать высекать искру. Наивно полагать, что всё это время противник, разинув рот, станет смотреть, как вы возитесь с порохом, чтобы потом свалиться, получив смертельное ранение. Потому и в те времена воины носили за поясом два-три пистолета, чтобы суметь за короткое время произвести несколько выстрелов.

Комментировать эту фразу не буду, хотя язык так и чешется, так и хочется сказать пару слов, на этот раз – язвительных...

Но я опять отвлёкся...

Наши друзья

Советуем почитать:

- Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.ruskline.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великоросс»: <http://www.velykoross.ru/>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне: www.raga.org
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байбородин, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздня, Вильнюс
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргмак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина» (Австралия), гл. ред. Тамара Малеевская: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛиТерра», гл. ред. Владимир Фёдоров
«Литературная Канада», гл. ред. Ваагн Карапетян
Международный славянский форум искусств, Президент Николай Бурляев
Национальная литературная премия «Золотое перо Руси», (Учредители – Светлана Савицкая, Александр Бухаров)

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья! Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка на счёт: **2202 2009 0582 4080**.

Стоимость одного журнала – 500 руб. Подписка на год – 3000 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты выслать Лидии Владимировне Довыденко:

dovidenko_L@mail.ru